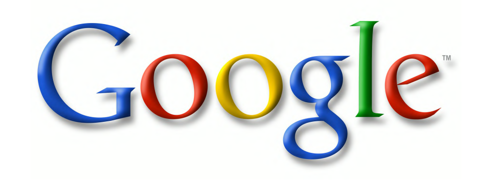
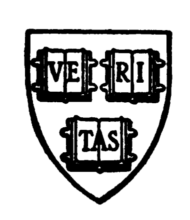
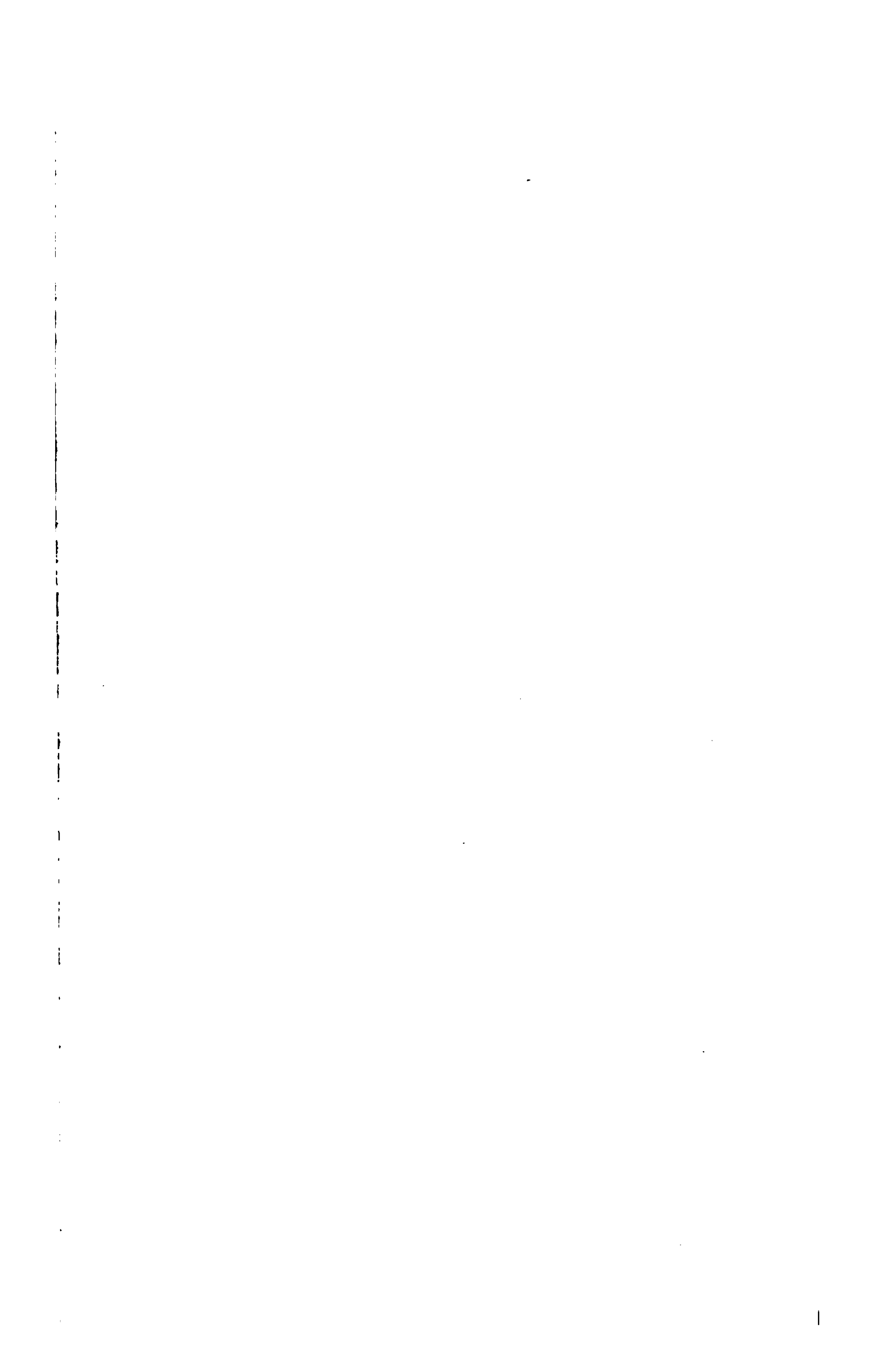
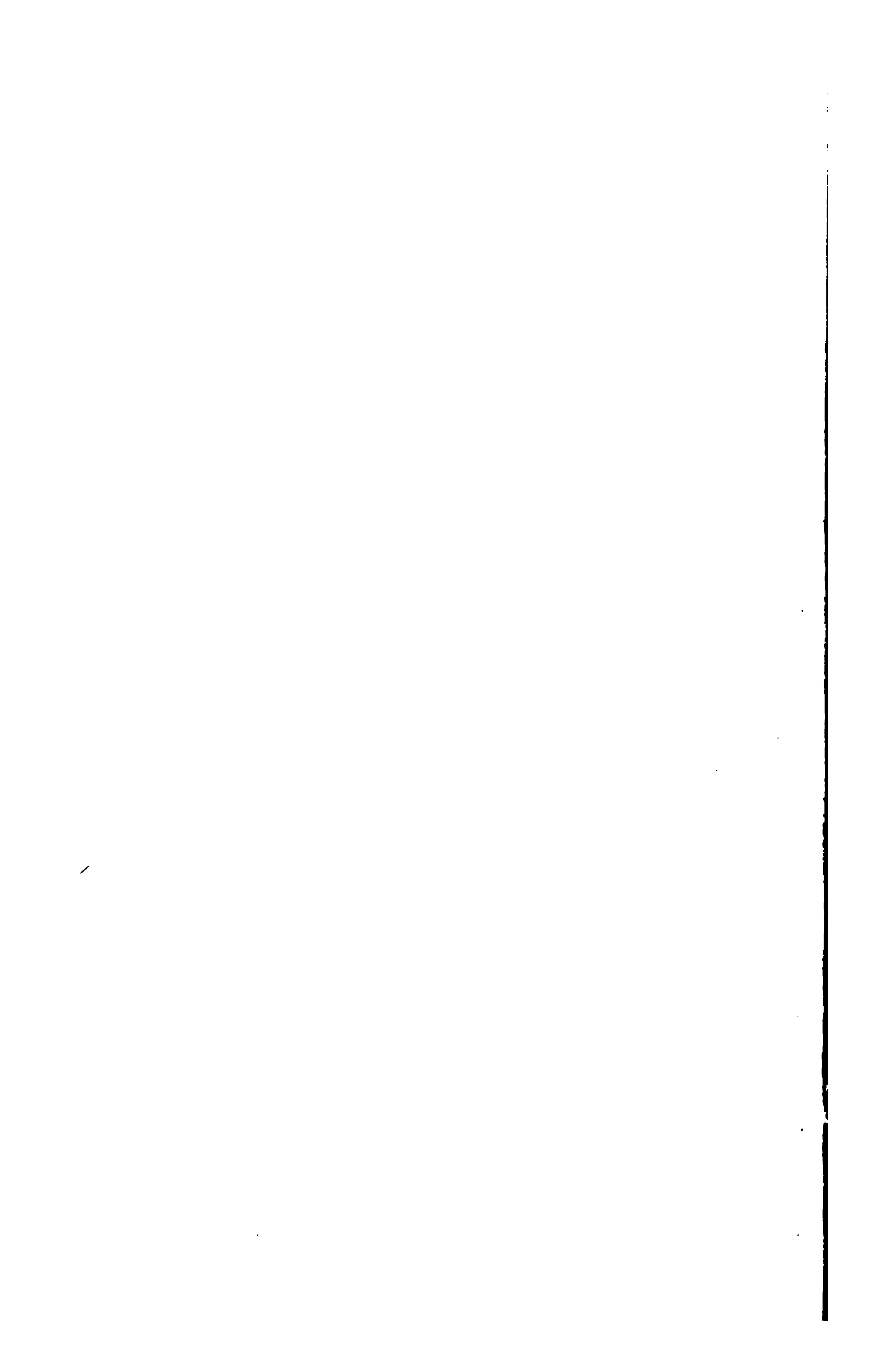

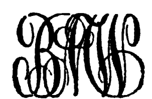
ИСТОРІЯ

КАБАКОВЪ ВЪ РОССІИ,

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ

РУССКАГО НАРОДА.

Ивана Прыжова.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный Дворъ, № 18, 19 и 20.*

МОСКВА, *Кузнецкій Мостъ, домъ Рудакова.*

1868.

PRYZHOV

"IST. KABAKOV V ROSSII"

ИСТОРІЯ
КАБАКОВЪ ВЪ РОССІИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ

РУССКАГО НАРОДА.

Ивана Прыжова.

Господине, крестьяне ся пропиваютъ,
а люди гибнутъ.

Кириллъ Бѣлозерскій.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный Дворъ, № 18, 19 и 20.*

МОСКВА, *Кузнецкій Мостъ, домъ Рудакова.*

1868.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА, (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59).

СОДЕРЖАНІЕ.

			стр.
ГЛАВА	I.	Черты старинной жизни Русскаго Народа	1
—	II.	Бортничество и пчеловодство	8
—	III.	Первое появленіе пошлины съ питей. Медовыя дани. Подать съ хмѣля и солода	18
—	IV.	Питейные дома на западѣ. *Корчма* — древне-славянскій общественный питейный домъ	25
—	V.	Москва. Появленіе *кабака* около 1555 г. Корчемство становится контрабандой	45
—	VI.	Новый характеръ питейнаго дѣла въ отношеніи къ духовенству, къ боярамъ, къ народу	51
—	VII.	Управленіе кабаками. Кабацкіе головы, цѣловальники, откупщики	67
—	VIII.	Развитіе корчемства и преслѣдованіе корчемниковъ	87
—	IX.	Инородцы	98
—	X.	Правежъ, спутникъ кабака	108
—	XI.	Ордынъ-Нащокинъ и Крижаничъ	115
—	XII.	Распространеніе кабаковъ съ 1552 г. до начала XVIII вѣка	123
—	XIII.	Исторія питейнаго дѣла въ Юго-западной Руси	149
—	XIV.	Кіевскія корчмы	162
—	XV.	Юго-западныя корчмы до 1659 года	173
—	XVI.	Польша	183
—	XVII.	Малороссія. Корчмы въ Малороссіи съ Хмельницкаго и до XVIII в.	195
—	XVIII.	Кабаки въ Слободской Украйнѣ	213
—	XIX.	Юго-западныя корчмы въ XVIII вѣкѣ	227
—	XX.	Распространеніе кабаковъ въ XVIII вѣкѣ. Откупная система	252
—	XXI.	Послѣднія времена откуповъ. Общества трезвости	282
—	XXII.	Введеніе новой питейной системы, и ея послѣдствія	298

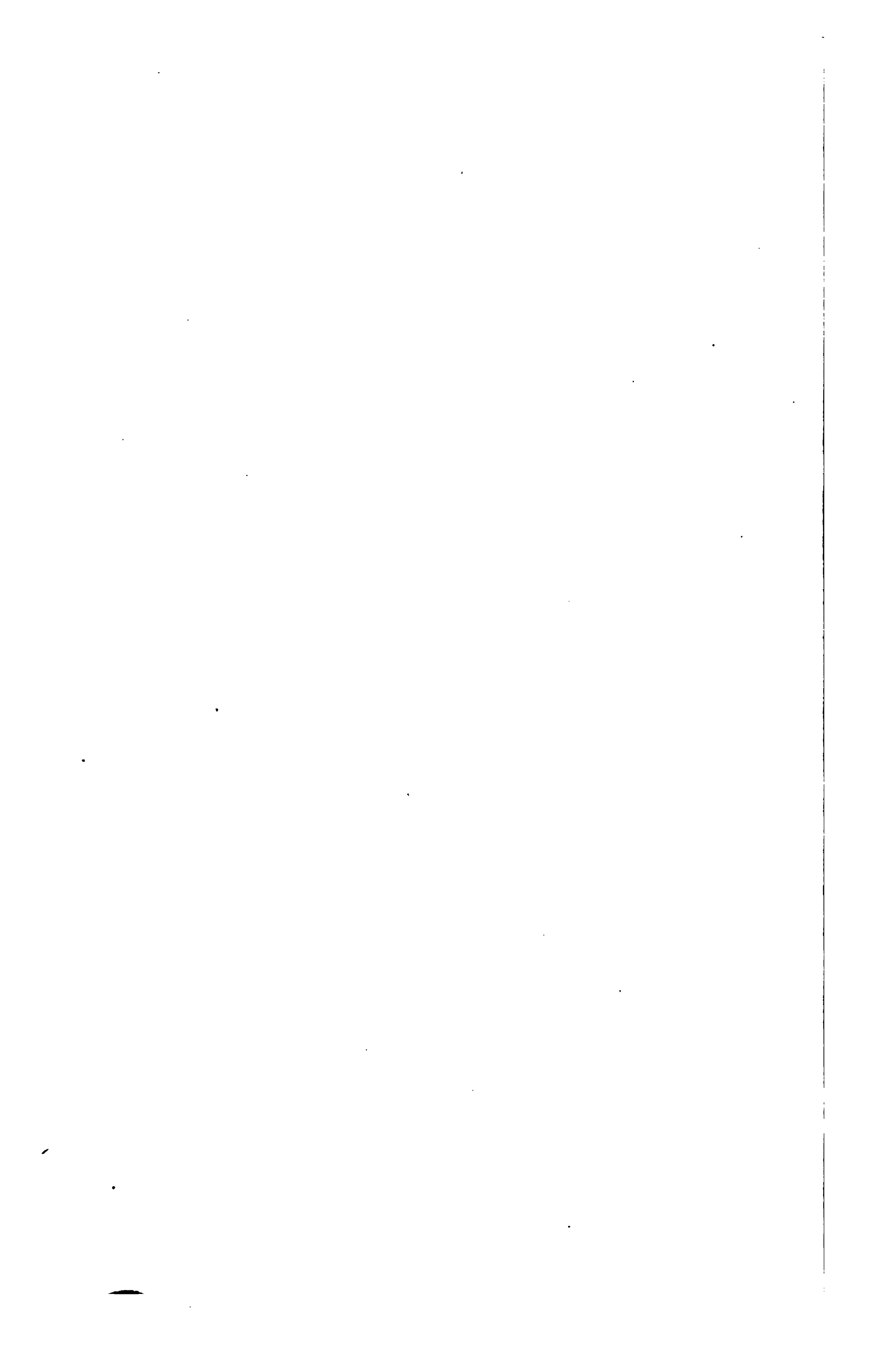
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рѣшаемся сказать нѣсколько словъ о томъ, чего могутъ требовать отъ насъ наши читатели. Первый томъ *Исторіи Кабаковъ*, первый посильный трудъ изученія питейнаго дѣла на Руси, былъ оконченъ еще въ 1863 году, и съ тѣхъ поръ болѣе и болѣе сокращался въ объемѣ. Вслѣдъ за первымъ томомъ, такъ сказать, оффиціальной исторіи кабаковъ, были заготовлены матеріалы для двухъ слѣдующихъ томовъ, именно историческій обзоръ кабацкаго быта, происхожденія и быта цѣловальниковъ, городскихъ пьяницъ (кабацкихъ ярыгъ) и несчислимой голи кабацкой, то есть нищихъ, бѣглыхъ, воровъ (бунтовщиковъ) и разбойниковъ.

Цѣлью нашей было изучить питейное дѣло со стороны той плодотворной жизни, на которой произрастали кабаки, сивуха, цѣловальники; — взглянуть на него глазами милліоновъ людей, которые, не умудрившись въ политической экономіи, видѣли въ пьянствѣ божье наказанье, и въ то же время, испивая *смертную чашу*, протестовали этимъ противъ различныхъ общественныхъ благъ, иначе *пили съ горя*. Но второй и третій томы, мы не сочли пока удобнымъ выпустить на свѣтъ божій а ограничились только первымъ.

И. Прыжовъ.

17-го Мая 1868 г.

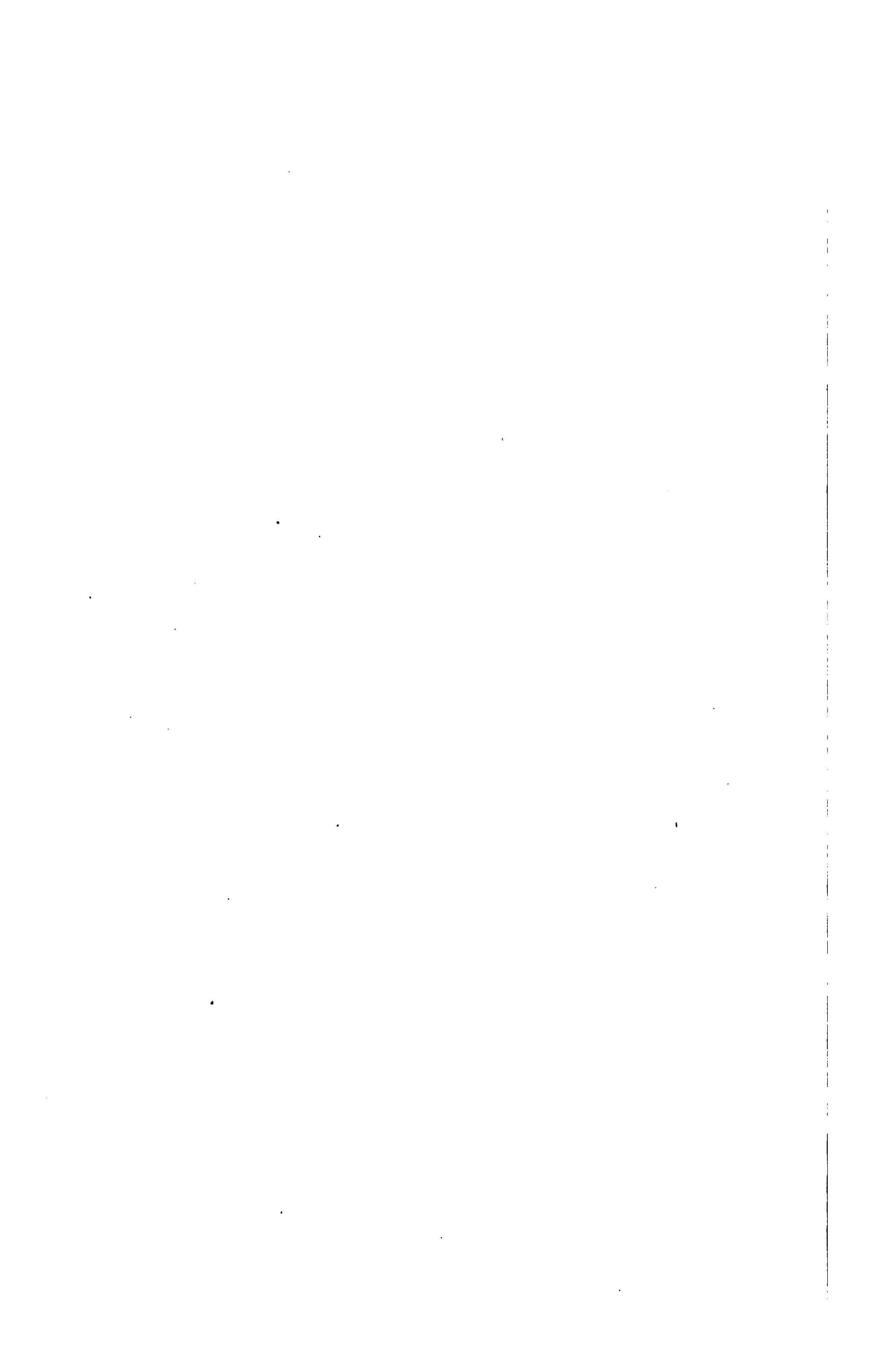

ПОПРАВКИ.

Стр.		вмѣсто:		должно	быть:	
Стр.	7	вмѣсто:	qilden	должно	быть:	gilden
—	10	—	ib	„	„	Jbn.
—	18	—	нш	„	„	нвн.
—	26	—	edends	„	„	edendi
—	28	—	зеднскаго	„	„	зендскаго
—	37	—	bisbendi	„	„	bibendi
—	57	—	корчмѣ	„	„	корчму.
—	87	—	А. Н.	„	„	А. И.
—	91	—	царскивхъ	„	„	царскихъ.
	123	—	Нзеблаугодное	„	„	неблагоугодное.
—	133	—	Ослабѣвать	„	„	ослабѣвать (свидѣт. Олеарія)....
—	146	—	1376	„	„	1676.
—	151	—	Усненье	„	„	Успенье.
—	174	—	аапщизною	„	„	капщизною.
—	190	—	slaban	„	„	slahan
—	196	—	Куминъ	„	„	Кулишъ.
—	205	—	гетамнъ	„	„	гетманъ

На 113 стр. пропущено слѣдующее примѣчаніе, относящееся къ первымъ строкамъ.

*) Изображенія различныхъ казней, обычныхъ въ Москвѣ, можно видѣть въ приложеніяхъ къ запискамъ Корба, въ Чт. М. О. И. и Др. 1867.

I.

По свидѣтельству начальной лѣтописи, Русская Земля издавна имѣла свой *нарядъ*, жила по обычаямъ своимъ и по закону отцовъ своихъ, жила, какъ поетъ чешская пѣсня XI вѣка, *по правдѣ и по закону святу, юже принесеху отци наши*. Эта — жизнь по правдѣ, которую народъ относитъ ко времени свѣтлаго князя Владиміра, подобно тому, какъ Кельты уносятся въ своихъ воспоминаніяхъ къ королю Артуру, или Англо-саксы къ доброму королю Гродгару, — представляетъ вамъ первые твердые слѣды самобытнаго, свободнаго, исторически развившагося существованія народа.....

Ни *мужиковъ*, ни *крестьянъ* тогда еще не было, а были *люди* *), — имя, которое доселѣ живетъ еще въ южной Руси (*люде*—народъ. Кулишъ, Зап. о Юж. Руси. I, 235)—былъ *народъ*, владѣвшій *землею* и состоявшій изъ *мужей* (Лавр. 93) и *пахарей* (ратай, оратай). Почтенный всеобщимъ уваженіемъ, ратай имѣлъ возможность мирно заниматься трудомъ, братски протягивая руку князю и княжому мужу, и вмѣстѣ съ ними устроя̂я землю. Князья, *растя — матеря*, вели другъ съ другомъ родовые счеты, сѣяли землю коромо-

---

*) „Ярополкъ княжа Кыевѣ. *Людье* бо Кыяне послаша по нь“. Лавр. 132.

лами; но пахарь дорого цѣнилъ свое мирное земское значеніе. И вотъ, склонившись предъ мощью оратая, князь Вольга Святославовичъ рѣшается спросить его объ имени-отчествѣ:

Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отечеству?

На это говоритъ ратай князю таковы слова:

Ай же Вольга Святославовичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою,
Станутъ мужички меня покликивати:
„Молодой Микулушка Селяниновичъ!“

Лучшіе мужи («лѣпшіе мужи») держали землю, рѣшали дѣла общею народною думою *), и черты стараго земскаго человѣка народъ собралъ въ своемъ Ильѣ Муромцѣ, выразивъ въ немъ сознаніе всей полноты своей духовной и физической мощи. Во главѣ земскаго дѣла стояли совѣщательныя собранія народа, сельскія и племенныя, *міры*, *вѣча* *и* *сеймы*. Старѣйшинами-вождями племенъ были *князья*, *вскормленники* Русской Земли (Лавр. 117), обязанные блюсти ея покой. Въ 1097 г. на любечскомъ сеймѣ князья говорили: «отъселѣ имѣемъ ся во едино сердце и *блюдемъ Русскые земли*». Въ 1170 г., на съѣздѣ въ Кіевѣ князья положили: «а намъ дай Богъ за крестьяны и за русскую землю головы своѣ сложити, и къ мученикомъ причтеномъ быти». Объ этомъ добромъ земскомъ значеніи древняго князя, кромѣ свидѣтельства памятниковъ, говоритъ и неподкупная народная память. И народъ въ своихъ

*) „Деревляне собраша лучьшіе мужи, иже дерьжаху Деревскую землю.“— Сдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь. — Сдумавше съ княземъ своимъ Маломъ.—Ростовцы и суздальцы *сдумавше вси*.“

былинахъ, и пѣвецъ Игоря въ своемъ *Словѣ*, одинаково уносятся воспоминаніемъ *къ первымъ русскимъ князьямъ*.........

Разселившись по землѣ и водѣ, весь народъ, съ примыкавшими къ нему инородцами, составлялъ одну землю, жившую однимъ и тѣмъ же земскимъ устроеніемъ, но сообразно съ мѣстными особенностями. Силой, которая тянула другъ къ другу отдѣльныхъ членовъ общей русской семьи, было *братство*, сказавшееся особенно въ Новгородѣ, въ народоправномъ характерѣ *братчинъ*, въ южно-русскомъ обычаѣ *побратимства*, и впослѣдствіи *въ братствахъ* юго-западной Руси. Братство, община, дѣло мірское, громадское, составляли основу жизни; скопъ былъ дѣломъ государственнымъ, съ цѣлью защиты земли. Всякій *домъ*, носящій у Скандинавовъ прекрасное названіе *manaheimr, minneheimr*, былъ мѣстомъ радости и веселья; подъ кровомъ роднаго очага, обоготвореннаго человѣкомъ, братски сходились русскій и славянинъ, свой родной и иноземецъ: «ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю» (Сравни: Лавр. 34)!

Строй земской жизни проявлялся въ томъ веселомъ единеніи народа и князя-государя, которое мы встрѣчаемъ на пирахъ кіевской Руси, древней Польши, еще жившей по славянски (M. Gall. I. 19, XI, 71), въ Чехахъ, и такъ далѣе, во всей Славянщинѣ. Общины и міры, города и села сходились *на игрища*, сбирались на *братчины*, *пиры* и *бесѣды*, которыя, по старой памяти, доселѣ еще именуются у народа *почетными* и *честными*. На народный пиръ приглашали князя, на пиръ княжескій сбирался народъ. Народная память донесла до нашихъ дней извѣстіе о пирахъ князя Владиміра. Изяславъ и сынъ его Ярославъ осенью 1148 г. давали пиръ Новгороду: «посласта подвойскѣи и боричѣ по улицамъ кликати, зовучи къ князю на обѣдъ отъ мала и до велика; и тако обѣдавше, веселишася радостію великою и розъидошася въ своя домы». То же было въ Кіевѣ въ 1152 г.: «Вѣчьславъ

же уѣха въ Кіевъ, и ѣха къ святѣй Софьи, и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего, и позва сына своего Изяслава на обѣдъ, и Кіаны всѣ». Въ общій строй жизни входила и церковь, которая учила: «егда творите пиръ, и зовете и братію и родъ и вельможи, или кто въ васъ возможетъ князя звати, *и то все добро есть*, то бо въ свѣте семъ чесъстно. Призовите же паче всего оубогую братію, колико могуще по силѣ» (Опис. слав. рук. кн. II, 3, 89). Всякое мірское дѣло непремѣнно начиналось пиромъ или попойкой, и поэтому въ соціальной жизни народа напитки имѣли громадное культурное значеніе. То были изстаринныя ячныя и медвяныя питья, которыя Славяне вынесли изъ своей арійской прародины, и пили съ тѣхъ поръ въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, вырабатывая свою культуру: *брага* (скр. *bgr*, *bhrj*, нѣм. brauen, brüt — варительница пива, потомъ невѣста, фр. brasser), *медъ* (скр. *madh*, *manth* — сбивать мутовкой, *madhu* — медвяный напитокъ, скнд. mjodhr), *пиво* (отъ славян. пити), *эль* (олуй, оловина) и *квасъ*, хмѣльной напитокъ, чисто славянскій, обоготворенный у сосѣдей Скандинавовъ въ образѣ вѣщаго Квасира *). Брага называлась *хмѣльной*, пиво *бархатнымъ*, меды *стоялыми*, квасы *медвяными*. Извѣстія объ этихъ питьяхъ идутъ отъ самой ранней поры исторической жизни народа. «Се уже иду къ вамъ», говоритъ Ольга Древлянамъ, «да пристроите *меды многи* во градѣ». Ольга пришла, совершила поминки по мужѣ, и «сѣдоша Деревляне пити» (П. С. Л, I, 24). Поставивъ церковь въ Василевѣ, Владиміръ «створи праздникъ великъ, варя 300 проваръ меду, и съзываше боляры своя, и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ и люди многы» (Лавр. 54). По свидѣтельству новгородской лѣтописи подъ

---

*) Подробнѣе въ монографіи „О напиткахъ въ древнѣйшемъ быту славянскаго племени“.

1016 г., дружина Ярослава такъ говорила князю: «онь сѧ что ты тому велиши творити? Меду мало варено, а дружины много». Андрей Боголюбскій «брашно свое и медъ по улицамъ на возахъ слаше» (Лавр. 150). Какъ увидимъ далѣе, питья эти, не смотря на порушенный уже строй жизни, продолжали славиться своею роскошью вплоть до XVIII вѣка. «А насъ, Россіянъ, писалъ Посошковъ, благословляя благословилъ Богъ хлѣбомъ и медомъ и всякихъ питей довольствомъ; водокъ (настоекъ) у насъ такое довольство, что и числа имъ нѣтъ; пива у насъ предорогія (по качеству), и меды у насъ преславные вареные, самые чистые, что ничѣмъ не хуже рейнскаго, а плохаго рейнскаго и гораздо лучше» (Соч. Посош. 136). Было въ употребленіи и виноградное вино, извѣстное на Руси еще въ X вѣкѣ (П. С. Л. I, 28), и доступное даже простымъ людямъ *). Хмѣльныя питья, пиво, брагу и медъ, всякій варилъ про себя, сколько ему нужно было для обихода; въ иныхъ случаяхъ варили питья семьями, міромъ, и то были *мірская бражка*, *мірское пиво*, какъ это дѣлалось и у Нѣмцевъ, проживавшихъ въ Новѣгородѣ **). У людей зажиточныхъ заведены были *медуши* (погреба), гдѣ стояли бочки медовъ, пивъ и иностранныхъ винъ. Въ 1378 г. за рѣкой Пьяной русскіе воины ѣздили безпечно, «а гдѣ наѣхаша въ зажитіи медъ и пиво, испиваху до пьяна безъ мѣры». Въ Москвѣ, при нашествіи Тохтамыша, «недобріи человѣци начаша обходити по дворамъ, и износяще изъ погребовъ меды господскіе и

---

*) Въ софійской лѣтописи подъ 1476 г. записано: «и пріидоша къ нему (къ моск. царю) Никитины улицы два (старосты) Григорій, Кипріяновъ сынъ, Арбузьевъ, да Василей Ѳоминъ, а явили отъ обоихъ улицъ бочка вина краснаго». И далѣе: „мнози житьи люди стрѣтоша его вси съ виномъ“ (П. С. Л. VI, 201).

**) Въ правилахъ нѣмецкой конторы (XIV в.) постановлено было: „кто (изъ нѣмцевъ) остается (въ Новѣгородѣ) до времени варки меда, когда смѣшивается вода, медъ и хмѣль, *тотъ долженъ участвовать въ общихъ издержкахъ*“.

упивахуся до великаго пьяна» (Пам. XII в., 183; IV Новг. 73; П. С. Л. IV, 120). Въ 1146 г. Изяславъ «дворъ Святославль раздѣли на 4 части, и скотьницѣ, бретьяницѣ (вм. *бортьяница*, или серб. *братьеница*, какъ думали другіе С. Отеч. V. III. 63), и товаръ, иже бѣ не мочно двигнути, и въ *погребѣхъ* было 500 берковьсковъ (берковцевъ) меду (около 5,000 пуд.), а вина 80 корчагъ» (Ипат. 27). Въ *словѣ* XII в. такъ описывалась старинная зажиточная жизнь: «питіе же многое, медъ и квасъ, вино, медъ чистый пъпьряный, питья обнощная съ гусльми и свирѣльми, веселіе многое» (Изв. Ак. X, 548). Какъ видно изъ Олеарія (1639—1643), богатые погреба домашнихъ питей существовали до второй половины XVII в. «Пиво — говоритъ онъ — сохраняется у русскихъ въ погребахъ, въ которыхъ сначала кладутъ снѣгъ и ледъ, потомъ рядъ бочекъ, потомъ опять ледъ и опять бочки, и т. д.; верхъ закрывается соломой и досками, такъ какъ подобные погреба открываются сверху. Устроивъ такимъ образомъ свои погреба, они опускаютъ бочку за бочкою и пьютъ пиво ежедневно. Сохраняясь въ подобныхъ погребахъ, пиво въ продолженіе цѣлаго года остается холоднымъ и притомъ не теряетъ вкуса» (Олеар., гл. V). Поэтическій образъ такихъ погребовъ сохранился у народа въ слѣдующемъ прекрасномъ отрывкѣ одной былины:

Какъ водочки сладкія, меды стоялые
Повѣшены въ погреба глубокіе въ бочкахъ сороковкахъ,
Бочки висятъ на цѣпяхъ на желѣзныихъ,
Туда подведены вѣтры буйные;
Повѣютъ вѣтры буйные въ чистомъ полѣ,
Пойдутъ какъ воздухи по погребамъ, —
И загогочутъ бочки, какъ лебеди,
Какъ лебеди на тихихъ на заводяхъ:
Такъ отъ того не затхнутся водочки сладкія,
Водочки сладкія, и меды стоялые;
Какъ чару пьешь — другой хочется,
Другую пьешь — по третьей душа горитъ.

(Рыб. Сборникъ).

Какъ всякаго дорогаго гостя, такъ и князя, города встрѣчали честію, «съ хлѣбомъ и съ вологою и съ медомъ», или же, «наливши кубци и рога злащеныя съ медомъ и виномъ», весь городъ своему гостю «честь творилъ виномъ и медомъ». (П. С. Л. VI, 243, 344). На пирахъ князей, владыкъ и бояръ пили вина, пива и меды изъ драгоцѣнныхъ сосудовъ, серебряныхъ и хрустальныхъ (ib. 85).

При этомъ строѣ жизни, пьянства въ домосковской Руси не было, — не было его, какъ порока, разъѣдающаго народный организмъ. Питье составляло *веселье*, удовольствіе, какъ это и видно изъ словъ, вложенныхъ древне-русскимъ грамотникомъ въ уста Владиміра: «Руси есть веселье пити, не можемъ безъ того быти». Но прошли вѣка, совершилось многое, и ту же поговорку *ученые* стали приводить въ примѣръ *пьянства*, безъ котораго будто бы не можемъ быти.... Около питья братски сходился человѣкъ съ человѣкомъ, сходились мужчины и женщины, и, скрѣпленная весельемъ и любовью, двигалась впередъ соціальная жизнь народа, возникали братчины (нѣм. qilden), и питейный домъ (корчма) дѣлался центромъ общественной жизни извѣстнаго округа. Напитки, подкрѣпляя силы человѣка, и сбирая около себя людей, оказывали, по словамъ Бера, самое благодѣтельное вліяніе на физическую и духовную природу человѣка*).

---

*) На западѣ высшій періодъ культурнаго значенія вина относится ко времени реформаціи.... die democratische Periode des Weins, welche wir auch die einfache, natürliche, gesunde nennen könnten, characterisirt sich dadurch, dass der Staat sich für die Reinheit des Weins interessirt, dass eine Fülle von Korporationen und Bruderschaften Gesetzmassigkeit in die Gelage bringt und dass Jedermann, vom König bis auf den Bettler und Bummler herab, die heitre Kunst des Zechens treibt, sich zugleich zu geistiger Aufklärung hindrängend. Solche Periode brach in Deutschland zur Zeit der Reformation und mit dem Erwachen der Volkslyrik an. Schultze, Gesch. d. Weins, XX, XV.

II.

Переходя отъ общаго очерка древне-русскаго быта къ изученію его подробностей, именно, къ экономическому значенію напитковъ, мы и здѣсь встрѣтимъ тѣ же самые слѣды самостоятельнаго, самобытнаго развитія народной жизни.

Русская Земля, въ ту минуту какъ открывается ея исторія, представляется намъ переполненною бортными лѣсами (бортями), которые тогда замѣняли пасики и пчельники. Бортничество и пчеловодство были однимъ изъ путей колонизаціи земель, вновь занимаемыхъ русскимъ племенемъ, и, такимъ образомъ, вслѣдъ за сохой и топоромъ, рядомъ съ ухожаями и угодьями различныхъ названій, появлялись и борти, возникали *деревни бортничи*, населенныя пчеловодами. Бортничество было извѣстно въ областяхъ новгородской и псковской, въ тверской, въ землѣ муромской и рязанской, гдѣ особенно славился кадомскій медъ (Кадома извѣстна съ 1209 г.). Вообще поволжскіе Финны (Мурома, Вязьма, Клязьма, Кострома) издавна были хорошими пчеловодами. Затѣмъ бортничествомъ занимались въ Смоленскѣ и Полоцкѣ, въ областяхъ кіевской и галицкой. Длугошъ говоритъ про Казимира, что онъ отнялъ у Татаръ (1352) Подолію, богатую медомъ и скотомъ (Hist. X, 150). Польскіе лѣса назывались

медообильными: silva melliflua (M. Gall. 17). Померанія и Силезія считались странами медоносными (Anon. I. II, 648, 690. Сбор. Погод. IV. 235).

Бортничество составляло одну изъ важнѣйшихъ статей промышлености; борть была предметомъ цѣннымъ, и на бортныхъ деревьяхъ вырубали топоромъ *знамя*, — знакъ собственности; за снятіе чужаго знамени (разэнаменить борть) была установлена пеня. Законы о бортяхъ вошли въ Русскую Правду. Бортныя ухожья принадлежали народу, князьямъ и монастырямъ. *Княжи борти*, упоминаемыя въ Русской Правдѣ, встрѣчаются, начиная съ XII в. (Изв. ак. VIII. V. 354. Доп. I, 4), во Владимірѣ на Клязьмѣ (Ник. лѣт. II, 112 — 13, и Литвѣ (Лит. Стат. 1529, IX, 5). Въ московской области, какъ это видно изъ душевной грамоты Ивана Даниловича 1328 г., у князей были бортники, *купленые* и *оброчные*, которыхъ князья съ точностью раздѣляли между своими наслѣдниками. На бортныхъ земляхъ, отдаваемыхъ изъ–за оброка, приглашали желающихъ садиться на житье въ лѣсу, съ платою опредѣленнаго количества меду (Собр. госуд. гр. I. 74, 76, 77, 79, 80, 81). Въ московскомъ уѣздѣ въ XIV и XV в., изъ поселеній въ княжескихъ бортныхъ ухожаяхъ и путяхъ образовался цѣлый *бортный станъ* (А. А. Э. I, 72). Радонежское село, со всѣми принадлежащими къ нему деревнями, населено было бортниками (Собр. г. гр. I, 77); на старѣйшемъ пути московскихъ князей стояло село Добрятинское *при добрятинской борти* (ib. 34). Князья жаловали монастыри и духовенство бортями и свободой отъ бортныхъ пошлинъ. До насъ дошли подобныя жалованныя грамоты князей рязанскихъ (А. И. I, 2, 14; Пискар. 5, 8), Ростислава Мстиславича Смоленскаго (Д. А. И. I, 4), Всеволода Мстиславича (Изв. А. Н. VIII, V, 354), князей полоцкихъ, и т. д.

На дальнемъ сѣверѣ пчеловодство завели, по преданію,

св. Зосимъ и Савватій Соловецкіе, и признаны были распространителями и покровителями бортей и пчелъ по всей Русской Землѣ. Подобнымъ образомъ въ муромской землѣ пчеловодство вошло въ легенду о Петрѣ и Февроніи Муромскихъ. Обширное занятіе пчеловодствомъ вызвало у народа особый молитвенникъ, въ родѣ цѣлаго молебна объ изобиліи и храненіи пчелъ въ ульяхъ пчеловода (Щаповъ, Истор. оч. міросоз. I. 50), и цѣлый рядъ повѣрій о святости пчелы, *божей пташки*, и меда (Аѳан. Поэт. воззр. I. 381). Искусственное разведеніе пчелъ начинается съ XIV вѣка, когда въ югозападной Руси упоминаются *пасики*, а въ сѣверовосточной *пчелы*, т. е. ульи (Арист. Пром. Др. Руси 32).

Исторія русской торговли медомъ идетъ отъ глубокой старины. Скиѳскіе купцы, по свидѣтельству Геродота, еще до Р. Х. высылали за границу медъ и воскъ. На памяти исторіи Русь сбывала медъ въ дунайскій Переяславль (Лавр. 23), въ Грецію (П. С. Л. I, 26, 28), къ Хозарамъ (ib. Fozl., 71), и на дальній западъ (Weinh. Die deutsch. Fr. 319; Погод., Истор. сбор. IV, 236). Новгородъ велъ обширную торговлю медомъ и воскомъ (П. С. Л. III, 15, 49, 170, 209; Кар. III, пр. 248), и при Ярославлѣ былъ особый классъ купцовъ, торговавшихъ воскомъ и называвшихся *вощниками*. Рыночная цѣна меду въ 1170 была 10 кунъ (куна=$6^2/_3$ коп.), что считалось очень высокою цѣною: «бысть дорогвь въ Новгородѣ» (Новг. 15). Въ перемирныхъ грамотахъ Новгорода съ лифляндскимъ магистратомъ 1481 и 1493 г. указываются нѣкоторые обычаи, соблюдавшіеся при торговлѣ воскомъ: «а на Ругодевѣ Ругодньскимъ весцомъ у купчинъ новгородскихъ воску не колупати, а хто съ нимъ сторгуетъ, ино тому уколупити мало и вощано и вѣсъ капи спустити съ новгородскими капми, а вѣсити въ ретъ по крестному цѣлованію, а имати отъ воздыма отъ скалового какъ идутъ шкилики противъ трейденого» (Сбор. Мух. 41, 50). Но если Нѣмцы

иногда колупали воскъ, то русскіе съ своей стороны отпускали воскъ нечистый, ставили на немъ фальшивыя клейма. (Gesch. d. Hans. Bund. I, 189 — 198; II, 428 — 454). Псковъ также велъ обширную торговлю медомъ и воскомъ. Въ 1287 г. псковичи отняли у иностранныхъ купцовъ 63 капи воску, а капь равнялась 163 нынѣшнимъ фунтамъ. (Арист. Пром. Др. Руси. 203). Въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. было постановлено, что Нѣмчинъ обязанъ былъ платить «отъ двою капю воску вѣсцю куна смоленская» (Собр. г. грам. II, 1). Вѣсъ вощаной, доставлявшій большія выгоды, Всеволодомъ (1126 — 1135) отданъ былъ въ Новѣгородѣ церкви Ивана на Опокахъ. «Даю, говорилъ онъ, светому великому Ивану отъ великоимѣнія на строеніе церкви и въ вѣкы вѣсъ вощаный, а въ Торжку (даю) — пудъ вощаной,—а вѣсити имъ въ притворѣ светого Ивана». Изъ всего этого вѣса шелъ разнымъ лицамъ громадный по тому времени доходъ, 78 гривенъ и 25 пудъ меду, а всего съ расходомъ на церковь 95 гривенъ, что составляло пошлину съ 23,750 пудовъ воска. По словамъ Шильдбергера, описавшаго свое путешествіе на востокъ въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка, изъ южныхъ пристаней Русской Земли воскъ шелъ въ Венецію и Геную (Кар. V, прим. 215). По словамъ другихъ иностранцевъ, весь сѣверо-востокъ Русской Земли въ XV и XVI в. изобиловалъ медомъ: Барбаро (1436) говоритъ, что рязанская земля была богата медомъ (Библ. ин. писат. 59). «Московія, пишетъ Кампензе (1537 г.), очень богата медомъ, который пчелы кладутъ на деревьяхъ безъ всякаго присмотра. Нерѣдко въ лѣсахъ попадаются цѣлые рои сихъ полезныхъ насѣкомыхъ, сражающихся другъ противъ друга на большомъ пространствѣ. Поселяне, которые держатъ домашнихъ пчелъ близъ своихъ жилищъ и передаютъ въ видѣ наслѣдства изъ рода въ родъ, съ трудомъ могутъ защищать ихъ отъ нападенія дикихъ пчелъ. Сообразивъ это

обиліе меду и лѣсовъ, неудивительно, что все то количество воска и жидкой и твердой смолы, которое употребляется въ Европѣ, равно какъ и драгоцѣнные мѣха, привозятся къ намъ чрезъ Ливонію и изъ московскихъ владѣній» (ib. 31). То же повторялъ Павелъ Іовій (1537): «самое важное произведеніе московской земли есть воскъ и медъ. Вся страна изобилуетъ плодоносными пчелами, которыя кладутъ отличный медъ не въ искусственныхъ крестьянскихъ ульяхъ, но въ древесныхъ дуплахъ. Въ дремучихъ лѣсахъ и рощахъ вѣтви деревъ часто бываютъ усѣяны роями пчелъ, которыхъ вовсе не нужно собирать звуками рожка. Въ дуплахъ нерѣдко находятъ множество большихъ сотовъ стараго меду, оставленнаго пчелами, и такъ какъ поселяне не успѣваютъ осмотрѣть каждаго дерева, то весьма часто встрѣчаются пни чрезвычайной толщины, наполненные медомъ. Веселый и остроумный посолъ Димитрій разсказывалъ намъ для смѣха, какъ крестьянинъ, опустившись въ дупло огромнаго дерева, увязъ въ меду по самое горло. Тщетно ожидая помощи въ уединенномъ лѣсу, онъ въ продолженіе двухъ дней питался медомъ, и, наконецъ, удивительнымъ образомъ выведенъ былъ изъ сего отчаяннаго положенія медвѣдемъ, который, подобно людямъ, будучи лакомъ до меду, спустился задними ногами въ то же дупло. Поселянинъ схватилъ его руками сзади и закричалъ такъ громко, что испуганный медвѣдь поспѣшно выскочилъ изъ дупла и вытащилъ его вмѣстѣ съ собою. Москвитяне отпускаютъ въ Европу множество воску» (ib. 40).

По словамъ Флетчера (1588 г.), медъ въ значительномъ количествѣ шелъ изъ Мордвы и Кадома, близъ земли Черемисъ, также изъ областей сѣверской, рязанской, муромской, казанской и смоленской (Фл. III). Флетчеръ говоритъ, что въ его время, за исключеніемъ внутренняго потребленія воска, еще вывозили за границу до 10 тысячъ пудовъ, а прежде гораздо больше, до 50 т. пудовъ. По Олеарію (1639), воску

вывозилось ежегодно более 20 центнеровъ (Олеар. 120). «Самый лучшій медъ, прибавляетъ онъ, идетъ черезъ Псковъ». Въ 1476 г. медъ въ Псковѣ продавали по семи пудъ за полтину; въ 1476 г. по 11 пудъ за полтину (П. С. Л. I, 231, 250). Въ 1575 г. въ Москвѣ стояли слѣдующія цѣны на воскъ: «воску берковескъ по 70 ефимковъ, станетъ пудъ по семи ефимковъ (2 р. 10 алт. 2 деньги), въ Брабанѣхъ пудъ по 3 рубля, въ Шпанской пудъ по 6 руб., дѣлаютъ въ немъ свѣчи, а съ кѣмъ сговоришь, имайся за сто берковесъ; да спросити по колку пудъ въ кругъ дѣлаютъ, въ Голандской землѣ воску фунтъ по 5 стюверщей (1 алт. 4 деньги), пудъ по 2 руб.; нынѣ за посмѣхъ дешевъ нѣтъ про воска» (Сбор. Мух. 365).

Но къ XVII вѣку, когда приготовленіе медовъ успѣло сдѣлаться преступнымъ корчемствомъ, медовой промыслъ упалъ, и сѣверо-восточная Русь сама начала получать воскъ *изъ за-границы*. Въ 1692 г. получено было черезъ архангельскій портъ шесть тоннъ воска (Кильб. 275). Въ этомъ году, въ Рязани цѣны стояли слѣдующія: въ богословскомъ монастырѣ куплено муромскихъ 200 легиновъ меду и шесть пудъ патоки по 20 алтынъ; кадка меду готоваго въ три пуда стоила 2 рубля; въ Москвѣ фунтъ меду стоилъ 4 деньги (Писк. Рязан. акты, 146, 151). Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе сокращался медовой промыселъ. Недавно еще въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губ. ульи считались тысячами; но медовареніе уже было неизвѣстно; вмѣсто обычнаго приготовленія старинныхъ медовъ, теперь изъ меда тянули водку, и только Чуваши, Татары и Мордва *секретно* упивались *кислымъ медомъ* изъ негодныхъ вощинъ, называемымъ *савраско* или *воронокъ* (Ж. М. Вн. Д. XXXV). Въ Бѣлоруссіи до послѣдняго времени оставались цѣнными бортные лѣса, многіе уѣзды славились пчеловодствомъ и вели обширную торговлю медомъ (Шпил. Пут. по Бѣлор. 117).

Еще недавно славился медами старинный городъ Игуменъ, минской губерніи (Шпил. 233).

Чтобъ обнять разомъ судьбы медоваго промысла и медоваренія, стоитъ только обратить вниманіе на русское право, ибо въ правѣ, какъ извѣстно, всѣ измѣненія народнаго быта отлагаются, словно пласты. Законы о медовомъ промыслѣ, развивавшіеся вмѣстѣ съ бытомъ народа, входятъ въ *Русскую Правду*, составленную (въ Новгородѣ), отчасти при Ярославѣ (1016 — 1020), отчасти при его преемникахъ, и имѣвшую силу отъ XI до XV вѣка. По Русской Правдѣ, за порчу бортнаго дерева полагалось взысканіе: «а въ княжи борти 3 гривнѣ любо пожгуть любо изудруть, а въ смерди двѣ гривнѣ».— «Аще кто борть подътнеть то 3 гривны продажи, а за дерево полъ-гривне» (Кал. Изсл. о русс. пр. 118). Кромѣ порчи самаго бортнаго дерева, взысканіе налагалось за бортную межу, за пчелъ, за медъ, за пчелиное гнѣздо, за уничтоженіе знака на борти: «аже межю перетнетъ бортьную — то 12 гривнѣ продаже» (ib. 119). — «Аже пчелы выдеретъ кто 3 гривне продаже, а за медъ оже будуть пчелы не вылажены (соты не будутъ подрѣзаны) то 10 кунъ, будетъ ли олекъ (гнѣздо, т. е. молодыя пчелки въ сотахъ) то 5 кунъ». Касательно выдранья пчелъ, искъ имѣлъ мѣсто и въ томъ случаѣ, если отвѣтчикъ былъ неизвѣстенъ, или не былъ на лицо: «аще кто — разламаеть борть или кто посѣчеть древо на межѣ, то по верви (сельская община) искати татя въ себѣ а платитъ 12 гривенъ продажи» (ib. 131). — «Аще кто рознаменаетъ борть, то 12 гривенъ продажи, а за дерево полгривны» (ib. 119. Сравни: Grimm. Rechtsalt. 596). По дѣламъ о бортной землѣ установлены были слѣдующія пошлины: «а се уроци судебніи отъ виры 9 кунъ, а метельнику 9 вѣкошъ, а отъ бортьной земли 30 кунъ, а метельнику 12 вѣкошъ. А се уроци ротьніи отъ головы 30 кунъ, а отъ бортьной земли 30 кунъ» (ib. 136). Медъ былъ въ числѣ товаровъ, кото-

рые ссужались для приращенія приплодомъ. Въ Русской Правдѣ это называлось *наставъ на медъ:* «аще кто даетъ наставъ на медъ». Разсчетъ процентовъ приплода былъ слѣдующій: «а отъ двоихъ пчелъ на 12 лѣтъ приплода роевъ и съ старыми пчелами 200 и 50 и 6 роевъ. А то кунами 100 гривенъ и 20 гривенъ и 4 гривны, а то чтено по полугривнѣ рои и съ медомъ, а приплода на лѣто по единому рою» (ib. 85, 91).

Установленія эти переходили преемственно въ статуты Вислицкій и Литовскій. Въ Вислицкомъ статутѣ 1347 года, составленномъ изъ статутовъ великой и малой Польши, опредѣлено было: «а кто кому дерево зрубитъ со пчелами, имѣетъ заплатить гривну (1 р. 76 к.) тому, чіи пчелы, а другую судове гривну; а хто бортное дерево зрубитъ безъ пчелъ, то полгривны (88 к.) заплатить, а судове другую полгривны». По Литовскому статуту борти раздѣлялись на господарскія, панскія и земянскіе. Бортники, посѣщая свои борти, имѣли право брать съ собою только «сѣкиру и пешню, чѣмъ борти робити»; имѣли право надрать «лыкъ на лазиво або лубя на лазын и на иншые потребы борнитцкие». Еслибъ дерево опалило огнемъ, то «было волно имъ улей з бортью выпустити, а верховье и корень того дерева оставити въ пущы тому пану, чия пуща есть» (ред. 1529, IX, 5).

Владѣтель пущи, рубя лѣсъ, обязанъ былъ находящимся въ пущи чужимъ «бортемъ, а дереву жадное шкоды вчинити». За порчу бортнаго дерева полагалась *копа грошей;* срубившій или испортившій сосну «пчолницу», хотя бы въ то время пчелъ въ ней и не было, платилъ *полкопы грошей*; за порчу сосны или дуба бортнаго, въ которомъ пчелы еще не бывали, или сосны *кремленой*, платили 15 грошей (IX, 4, 14, 15, 16). Статьи Русской Правды о пчелахъ нелажоныхъ повторяются и въ Статутѣ. Кто выдеретъ *нелажоныхъ пчелъ,* тотъ платитъ по Статуту 1529 г. полу-

копу грошей, по статуту 1588 г. — по двѣ копы грошей, а за лажоныя 15 грошей (IX, 17); по Статуту 1588 года, кто въ пасикѣ или въ лѣсѣ выдралъ пчелъ или съ ульемъ взялъ — платитъ 3 копы грошей; «если бы кого зъ лицомъ поймано, таковаго маютъ сказити яко злодѣя на горло; а хто бы свепетъ въ чыемъ лесе умыслне порубалъ и медъ выбралъ, тотъ маетъ за то шесть рублей грошей заплатити» (X, 14).

Московскіе судебники 1427 и 1550 г. ни словомъ не упоминаютъ о бортномъ и пчелиномъ промыслѣ; объ немъ упоминается только въ прибавленіяхъ къ Судебнику 1550 г., заимствованныхъ изъ Литовскаго Статута. Справедливымъ оказывается Михалона свидѣтельство (1550), что Москвичи даже хвастались, что они пользуются литовскими законами (Кал. Арх. II, XI, 43)! Въ прибавленіяхъ къ Судебнику, за порчу бортнаго дерева со пчелами велѣно брать два рубля, а безъ пчелъ — 25 алтынъ, а за недѣлное бортное дерево 12 алтынъ 4 деньги. — «А кто будетъ у кого пчелы выдралъ неподлаживаючи, а дерево не портилъ, тому повиненъ будетъ платить за всякіе пчолы по полутора рубля». Уложеніе 1649 года, слѣдовавшее за Судебниками, заимствовавъ изъ Литовскаго Статута 56 статей, взяло въ томъ числѣ и статьи о пчелахъ. По Уложенію, за бортное дерево со пчелами положено 3 рубля, а безо пчелъ, въ которомъ деревѣ напередъ того пчелы были, полтора рубля; а въ которомъ деревѣ борть была сдѣлана, а пчолъ не бывало, и за то 25 алтынъ; за кряжъ невыдѣланой по 12 алтынъ три деньги, сколько ихъ ни испортитъ (гл. X, 218). Кто выдеретъ пчелы, а бортей не испортитъ, на томъ доправить за всякія пчелы по полутора рубля; за покражу улья—по 3 руб. за улей, да еще бить его кнутомъ; а кто подсѣчетъ дерево со пчелами и медъ изъ того дерева выдеретъ, на томъ доправить 6 руб. и отдати истцу (X. 219). Но съ упадкомъ медоваренія, подорваннаго кабаками, законы

о пчелахъ, заимствованные Уложеніемъ, не имѣли никакого значенія, и пчеловодство упадало больше и больше. Наконецъ, по Своду Законовъ, составленному въ текущемъ столѣтіи, «усовершенствованіе пчеловодства принадлежитъ къ вѣдомству Министерства Государственныхъ Имуществъ» (т. 1., Учр. Мин. 976, 1058). О теперешнемъ положеніи Полѣсья, до сихъ поръ еще необычайно богатаго медомъ, смотри: Вѣсти. Юго-Западн. Россіи, т. III, кн. VIII, стр. 117.

III.

Повсемѣстное обиліе меда и другихъ продуктовъ, употреблявшихся для приготовленія питей, вызвало установленіе *пошлинъ* (какъ *пошло* изстари) и *мыта* (дрн. *muta*, нш. *mauth*— таможня), которые собирались *съ меда, съ хмѣля, съ солода*, а также натурой — *медомъ* и *хмѣлемъ*. *Медовыя дани* извѣстны были во всемъ славянскомъ мірѣ. Дубровникъ пріобрѣталъ земли «со всѣми правими медами» (Майк. Ист. Серб. Яз. 69). Древляне въ 946 г. платили дань медомъ и скорою (П. С. Л. I, 25). Мстиславъ въ 1125 г. установилъ собирать «со ста по двѣ луднѣ меду» (ib. II, 225). Владимірскій князь Мстиславъ Даниловичъ, въ 1289 г., за коромолу жителей города Берестья (Брестъ-Литовска), наложилъ на нихъ дань, въ число которой шло, между прочимъ, «со ста по двѣ лоукнѣ меду» (Собр. грам. II, 8). Дань эта впослѣдствіи носила названіе *медовой дани, медоваго* (А. А. Э. I, 5), *оброка медоваго, оброчнаго меда* (Бѣл. Вивл. II, 189).

Въ Новгородѣ, въ договорахъ, по которымъ принимали князей, помѣщались и условія на право варить медъ. По первой новгородской грамотѣ 1263 г. князь посылалъ своего медовара въ Ладогу: «а въ Ладогу ти, княже, слати осетрьникъ и медовара по грамотѣ отца своего Ярослава». Но при

томъ новгородцы прибавляли: «а ту грамоту, княже, отъ-
ялъ еси, а та грамата, княже, дати ти назадъ». Тоже по-
вторялось въ договорныхъ грамотахъ 1309 съ кн. Михаиломъ
Ярославичемъ Тверскимъ, 1326 г. съ княземъ Александромъ
Михайловичемъ Тверскимъ, и даже въ 1571 г. съ великимъ
княземъ Иваномъ Василичемъ, которому новгородцы говорили:
«и въ Ладогу *вамъ* слати осетрники и медовары по старымъ
грамотамъ, по хрестнымъ» (Вивл. VI, 410 — 462).

Дань ржовская съ г. Ржова, сосѣдняго Ивань-городу,
и принадлежавшаго сначала Пскову, потомъ Новгороду, ли-
товскому королю, и наконецъ Москвѣ, во время новгородскаго
владѣнія опредѣлялась такъ: «а люди на нихъ варятъ дванадцать
варовъ пива, а дванадцать ночей ночовати имъ у волости, у
въ осень дванадцать, и зимѣ дванадцать, — а Зенко Ехо-
вичь съ своимъ племенемъ Владыцѣ даютъ чотыри пуды меду
прѣсного, — а великому князю московскому съ тыхъ двухъ
третей ничого не давали, а Владыцѣ новгородскому и бояромъ
новгородскимъ большей того не хоживало ничого, какъ въ
списку стоитъ, какъ повѣдаютъ старые люди». Такъ все ве-
лось до тѣхъ поръ, когда царь взялъ Новгородъ, *и вѣчо имъ
сказилъ*, и началось то, чего прежде не бывало... «А того
здавна не бывало, продолжаетъ записка о ржовской дани,
што владычнимъ бояромъ ѣздити по тымъ жеребѣмъ, много
нижли только одно посельникъ ѣздитъ по тымъ варомъ пив-
нымъ, поки объѣдетъ пива, а объѣхавши пива прочь ѣдетъ и
прикажетъ Ржовитину завѣдать отъ себѣ какъ вышей писано».
«То какъ какъ вжо князь великій Новгородъ зневолилъ и
вѣчо имъ сказилъ», заключаетъ записка, то бояре новгород-
скіе «живутъ на волости, судятъ и рядятъ и люди грабятъ,
и берутъ, што хотятъ, и мучатъ люди, а съ Москвовичы съ
Костентиновыми слугами посполу съѣзджаются — одна ихъ
вся дума» (Сбор. Мух, 43 — 9). Но было время, когда
этихъ вещей не дѣлалось даже во владѣніяхъ самого москов-

скаго царя. Помѣстья раздавались еще *съ тамгою и борт*
какъ потомъ стали раздавать ихъ *съ тамгою и кабако*
(Собр. грам. I, 21, 22). Оброчными варями княжескими з
вѣдывали волостели и даньщики: «а коли ны будеть сла
своихъ даньщиковъ въ городъ и на вари, и тобѣ слати с
нашими данщики своего данщика, опричь Ростовця и Пер
мышля и Козлова броду, а что сберуть, а тому идти въ м
казну» (ib. 51).

Первыя извѣстія о хмѣлѣ встрѣчаются на западѣ, въ с
верной Франціи и Нидерландахъ, съ VIII вѣка. На Руси
хмѣлѣ упоминается въ начальной лѣтописи (П. С. Л. I. 36
древній Новгородъ, вмѣстѣ съ воскомъ и медомъ, отпра
лялъ за море и хмѣль, собираемый въ землѣ Тверской
Суздальской (Ж. М. Н. Пр. XVII, 589). Въ договорн
грамотѣ 1263 г. Новгорода съ княземъ Ярославомъ Тве
скимъ пошлина съ хмѣля опредѣлялась такъ: «а отъ Но
городца и отъ Новоторжца у мыта имати отъ воза на д
векши, и отъ хмѣльна кароба». Въ договорѣ 1309 г. с
кн. Михаиломъ Тверскимъ: «а что, княже, мытъ но су
дальской земли и въ твоей волости, — отъ воза имати и
двѣ векши, а отъ лодьи и отъ хмѣльна короба». Наконец
въ договорѣ 1571 г. съ кн. Иваномъ Василичемъ: «а чт
мытъ по суждальской земли *въ вашей* волости, отъ воз
имать по двѣ векши, и отъ лодьи и отъ хмѣльна короба
(Вивл. VI, 418, 421, 362).

Въ купчихъ XIV и XV вѣковъ упоминаются *хмѣльник*
при селахъ: «на низу куплены три села — и ловищи тих
селъ и хмѣльники тихъ селъ и подскотины» (А. Ю. I, 71)
Въ лѣтописяхъ записано нѣсколько случаевъ дороговизн
хмѣлю. Въ 1466 г. «хмѣль дорогъ бяше, по 100 и 2
денегъ (4 р. 80 к.) зобница (П. С. Л. V, 35). Въ 1467 г.
«бысть хмѣль дорогъ во Псковѣ, зобницу купиша по пол
тинѣ и по 10 денегъ» (2 р. 40 к). — «Толко бысть хмѣл

сильно, по 60 денегъ ползобіе (2. р. 40 к), толку того было не велико время, а опять въ немнозѣ понакладали, а онъ ссѣлъ, и по 15 денегъ (60 к. сер.) зобница хмѣлю доброго» (ib. IV, 231). — «Такожь и въ Новѣгородѣ было» (Пск. лѣт. 103). Въ томъ же въ 1467 г. въ Твери: «бысть хмѣлю оковь по рублю» (около 3 р. сер) (П. С. Л. XV. 479). Въ Муромѣ 1692 г. кипа хмѣлю вѣсомъ 22 пуда стоила съ провозомъ 7 руб. 21 алт., 4 деньги. Въ XVII в. хмѣль разводили въ Шуѣ (Опис. Шуи. 63), и выписывали изъ Литвы черезъ Псковъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ послана была во Псковъ грамота съ запрещеніемъ покупать у литовцевъ хмѣль, потому что посланные за рубежъ лазутчики объявили, что есть на Литвѣ баба вѣдунья, и наговариваетъ на хмѣль съ цѣлью навести на Русь моровое повѣтріе..... (А. А. Э. III. 197).

Подать съ солода извѣстна по памятникамъ съ XI вѣка. Въ Русской Правдѣ, въ статьѣ *о вирахъ*, установлено: «а се поклоны вирные были при великомъ князѣ Ярославѣ: вирнику взяти 7 ведеръ солоду на недѣлю» (Русс. Дост. I, 30): Мастеру того времени, укрѣплявшему городъ, кромѣ платы, кромѣ денегъ на кормъ и на питье (вологa) и кормовъ, давали еще солоду, чтобъ сварить пива: «а солоду единое ему дадутъ 10 луконъ» (Русс. Пр., изд. 1717, 37). Говоря объ этихъ даняхъ, писцовыя книги всегда прибавляли, *а се по старинѣ*, и, руководствуясь этимъ стариннымъ правомъ, въ началѣ XVI в., за пятьдесятъ лѣтъ до появленія *кабаковъ*, жила вся Русская Земля. Въ писцовой книгѣ вотской пятины 1499 — 1500 г., при описаніи дохода въ пользу землевладѣльца, или кормовъ, слѣдующихъ намѣстнику, упоминались слѣдующія дани: «борть со пчелами, что была богоявленская, а въ медолажъ ѣздитъ подлащыкъ изъ Новагорода, — великаго князя борть дана на оброкъ Петрову Васкову сыну, а ходити ему борть себѣ, а великаго князя оброка давати за пудъ

меду полторы гривны новгородскіе, — да въ томъ же ухожа борти ему себѣ и иные дѣлати и кузовы ставити въ тотъ же оброкъ, — *изъ хмѣлю половье*, — *десять бочекъ хмѣлю*, — изъ хлѣба *и изъ хмѣлю четверть*, — ведро пива, — два ведра пива, — насадка пива, — ключнику насадка пива, — три насадки пива, — за три бочки пива три гривны, — бочка пива, — двѣ бочки пива, — ведро меду красного, — *солодъ*. Въ писцовой книгѣ деревской пятины 1495 г. исчислялись пошлины: *двадцать саковъ хмѣлю*, — полкоробьи хмѣлю, — три короба хмѣлю, — семь коробей хмѣлю, — четверть хмѣлю, — за перевару солоду 19 коробей безъ четки, а хмѣлю 9 коробей и полторы четки, — да зо всее волости на Якима варимъ двѣ перевары двадцать коробей солоду, а хмѣль шелъ ихъ же; а коли Якимъ къ нимъ въ волость не пріѣдетъ, они ему давали за тѣ перевары и за поклонное по полтора рубля ноугородскихъ, — три коробьи солоду ячного, — три коробьи солоду овсянаго, — съ полъобжы изъ меду изъ улейнаго и изъ бортей половье, — три четверти солоду, — бочька перевары 20 ведеръ, — бочька перевары 15 ведеръ (Невол. О пятин. 11—241). Переваромъ назывался крѣпкій напитокъ, приготовленный изъ пива и меда, и похожій на взварецъ (Арист.Пром. др. Рус. 79). Въ точно такихъ же отношеніяхъ находилась Новгородская область и къ королю литовскому. Въ договорахъ Новгорода съ Казиміромъ были установлены слѣдующія дани: «а Петровщины рубль, а медъ и пиво съ перевары, а медъ сытити по силѣ». Или: «а медъ сытити по силѣ съ перевары, а тивуну по переваромъ у пятнадцати человѣковъ» (Ак. отн. къ ист. зап. Росс.). Переваромъ здѣсь называлось мѣсто, гдѣ на князя варили оброчные меда. Объ этихъ даняхъ не упоминалось только въ договорѣ съ Литвой 1470 года, составленномъ наканунѣ паденія новгородской свободы....

Разсматривая всѣ эти пошлины, мы находимъ, что на-

родъ XIV и XV вѣка жилъ достаточно, разводилъ хмѣль, варилъ пива и меда, словомъ, жилъ такъ, какъ разсказываетъ указанная выше былина о Микулѣ Селяниновичѣ...

Слѣды древнихъ пошлинъ съ продуктовъ, изъ которыхъ приготовлялись питья, и питьями натурой, оставались кое-гдѣ и во второй половинѣ XVI в. Въ уставной грамотѣ Ивана Василича двинскимъ тіунамъ говорилось: «а у кого будетъ на погостѣ въ волости пиръ или братчина, и онъ несетъ тіуну насадку питья ведро, какое питье у него лучится, —а не люба будетъ насадка, питья, —и они дадутъ за питье деньгу» (Русс. Дост. I, 130). Въ таможенной грамотѣ на Бѣлоозеро 1551 г. помѣрное велѣно брать съ и съ хмѣлю; установлена дворовая пошлина съ меду, съ кади солоду отъ 7 до 10 пудовъ, по деньгѣ; будетъ кадь меньше 7 пудовъ, и они берутъ по разсчету; съ круга воска по четыре деньги (Сол. VII, 35). Въ 1564 г. онъ же Иванъ Василичъ пожаловалъ Мордвина Кельдяева имѣніями въ арзамасскомъ уѣздѣ: ботманный загонъ, платежа съ него полтора фунта меду, — онъ же Кельдяевъ обязанъ былъ платить въ казну по четыре рубля, а медомъ по пяти пудъ» (Врем. V, см. 53). Подати медомъ и воскомъ удержались кое-гдѣ даже въ XVII в., хотя тутъ же рядомъ съ ними существовали и кабацкіе откупы. Въ приходо-расходной книгѣ нижегородскаго уѣзда 1612 г. значатся между прочимъ слѣдующіе сборы: «за кабацкіе суды, за кубы и за трубы, — и съ пива и съ медовъ провозныхъ денегъ, — съ кабака откупу по расчету и за балахонской за кабацкой воскъ, — и съ бортныхъ селъ» (Врем. XVII, см. 1). Въ уставной грамотѣ городу Тотьмѣ 1622 г.: «а кто поѣдетъ къ Тотьмѣ — то съ солода и со всякаго хлѣба имати съ продавца помѣру съ четверти по деньгѣ, а съ хмѣлю помѣру не имати, а имати съ хмѣлю вѣсчая рублевая пошлина» (Мух. Сбор. 548).

Такъ до половины XVI в. жила вся Русская Земля, свободно варя питья и платя за это пошлину съ солода, съ

хмѣля и меда, что и называлось *брашной пошлиной* (Лѣт. Зап. Арх. Комм. III, II, 28). Подать съ солода (и съ хмѣля) извѣстна была Англо-саксамъ и древнимъ Германцамъ (Weinh. Altnord. Leb. 154), и до сихъ поръ еще у Англичанъ налогъ на солодъ занимаетъ главное мѣсто въ питейныхъ сборахъ (Рѣчь Гладстона о налогѣ на солодъ).

IV.

Заплативъ пошлину за солодъ и хмѣль, народъ спокойно варилъ себѣ питья, и спокойно распивалъ ихъ дома, среди семьи, или на братчинахъ, или на братскихъ попойкахъ въ корчмахъ. Одинъ изъ главныхъ признаковъ сложившейся народной жизни — это слѣды соціальнаго ея устройства, проявляющіеся въ организаціи пировныхъ общинъ, изъ которыхъ потомъ вырастаютъ могущественныя городскія общины (братчина — гильда, артель — цехъ), и въ заведеніи общественныхъ питейныхъ домовъ. Человѣку, вышедшему изъ дикаго состоянія, немыслимо, чтобъ онъ дома у себя или въ питейномъ домѣ одинъ упивался пьянымъ питьемъ, и чтобъ, напиваясь по одиночкѣ, упивались всѣ...... На основаніи простаго физіологическаго закона, что посредствомъ веселаго возбужденія облегчается пищевареніе, что среди людей легче ѣстся и пьется, — люди собирались пить вмѣстѣ, и въ дружеской бесѣдѣ около вина, въ братскомъ столкновеніи человѣка съ человѣкомъ, завязывалась между людьми соціальная жизнь.

Древнія Аѳины наполнены были питейными домами, называемыми καπηλεία отъ κάπηλος — лат. *саuро*, родственное съ церковнославянскимъ *куп-и-ти*, коп-а (Kurzius, Grundz.

d. griech. Etym. I, 131 (2 изд.), Grimm, Rechtsalt. 606. Diff. Wört. II, 441). первоначально лавка, потомъ питейный домъ. Здѣсь народъ проводилъ время, распивая вино и слушая флейтщицъ. Въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ капелеи, мы встрѣчаемъ Сократа. Римскія питейныя заведенія извѣстны подъ нѣсколькими именами: *caupa*, *caupona*, *popina* (питейный домъ, отъ pino—пить) и *taberna*, отъ *tabula* столъ, — мелочная лавка и питейный домъ. Въ этихъ домахъ, гдѣ, кромѣ вина, продавались и кушанья, мы встрѣчаемъ въ числѣ всего римскаго народа извѣстныхъ римскихъ гражданъ: Овидія, Горація, Проперція, Тибула и Цицерона. Къ концу римской имперіи, въ римскомъ народѣ стали возникать соціальныя общины (collegia), составлявшіяся преимущественно изъ людей бѣдныхъ, и мѣстомъ ихъ собраній (schola collegii) служили портики и таверны. Поэтому въ одно время отъ Клавдія вышелъ приказъ запереть всѣ питейные дома (Renan. Les Apôtres, 358—362).

Германскія общественныя питейныя заведенія идутъ отъ глубокой старины. Вопискъ сообщаетъ извѣстіе отъ половины III вѣка, что Діоклетіанъ, будучи въ Галліи, въ странѣ Тунгровъ, нашелъ тамъ корчму, въ которой хозяйкой была друидесса (Diff. Die alt. Völk. Eur. 316). Нѣмецкія питейныя дома назывались: *Herberg* (т. е. Heerberge, wo das Heer geborgen, d. h. aufgenommen wird. Schleich. Die deut. Spr. 167), откуда фр. *auberge*, ит. *albergo* (Diff. Wört. II, 542) — постоялый дворъ, корчма; *Keller*, отъ лат. cella — погребъ, и *Krug* — корчма, *Nobiskrug* — не здѣшняя, чортова корчма (Gr. Deut. Myth. 954). Въ этихъ домахъ собирались всѣ, и свѣтскіе и духовные люди, и въ королевскихъ капитуляріяхъ повторяется постоянно извѣстное средневѣковое предостереженіе, ut monachi et clerici tabernas non ingrediuntur *edends vel bibendi caussa*. Итакъ въ то время питейные дома были вмѣстѣ и

съѣстными. Въ нихъ пили *пиво*, *эль*, а съ XV вѣка, виноградное вино. Питейный домъ былъ заведеніемъ общественнымъ (Gr. Rechtsalt. 620). Тамъ сбирались мужчины и женщины; всѣ граждане, начиная отъ самыхъ почетнѣйшихъ, сходились туда совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ; тутъ же собирались и земскіе суды (Landsgerichte). Заведенія эти отличались чисто-семейнымъ характеромъ; посѣщавшій ихъ гость былъ также свободенъ, какъ дома, между своими, и хозяинъ герберга, провожая гостя, звалъ свою дочь подать ему прощальную чашу. Кромѣ того, въ большихъ торговыхъ городахъ образовались такъ называемые магистратскіе погреба (Rathskeller), куда каждый вечеръ собирались члены городскаго управленія, часто съ супругами и дочерьми. Погреба эти и ихъ хозяѐва (Rathskellermeister) пользовались европейской извѣстностью (Schultze, Gesch. d. Weins u. d. Trinkgelage 133, 129, 204, 105, 134 — 39). Въ нѣмецкихъ питейныхъ домахъ, начиная съ Лютера, мы встрѣчаемъ всѣхъ передовыхъ людей Германіи. Гете въ погребѣ Ауербаха, въ Лейпцигѣ, написалъ нѣсколько сценъ изъ Фауста. Гейне оставилъ знаменитое обращеніе къ бременскому ратскеллермейстеру. Въ Англіи, при Елисаветѣ, встрѣчались корчмы, гдѣ 300 человѣкъ съ лошадьми могли быть приняты и угощены, а въ XVII, въ каждой деревнѣ была корчма (Gasthaus), хорошо освѣщенная, съ раздушеннымъ бѣльемъ, съ кружкой добраго эля и съ обѣдомъ изъ форелей.

Питейный домъ во Франціи называется *cabaret*. Слово это, повидимому, созвучное *кабаку*, происходитъ отъ *cabare*, вмѣсто *cavare* — fodere, откуда *cave* и *cabaret* — погребъ (Ducange s. v. cabare). Кабаре были, и отчасти остались, общественными домами, куда сбиралось все народонаселеніе города, начиная отъ бѣдняковъ и до богатыхъ людей. Въ кабаре можно было пить и ѣсть, а потому человѣкъ, не

имѣвшій хозяйства, находилъ тамъ пріютъ, какъ будто въ семьѣ. Содержательница кабаре — всегда личность почтенная; память о ней рѣдко умираетъ, оставаясь на вѣки за тѣмъ заведеніемъ, гдѣ эта женщина была хозяйкой. Поэтому Парижъ насчитываетъ у себя множество кабачковъ, носящихъ имя своей первой хозяйки, и съ тѣхъ поръ пріобрѣтшихъ историческую извѣстность. *La veuve Bervin* содержала *кабачекъ Бѣлаго Барашка*, который посѣщалъ Расинъ; *La mère Dinochau* была хозяйкой кабачка въ улицѣ Бреда, а сынъ ея въ то время учился въ коллегіи въ Блуа, и, выучившись, самъ сдѣлался *хозяиномъ* кабачка, куда сбирались художники и публицисты. *Mère Cadet*, или *la mère de Cab*, хозяйка *кабачка Истинныхъ Друзей*, носившая названія *brave femme*, *brave mère Cadet*, вскормила въ своемъ кабачкѣ цѣлое поколѣніе комиковъ французскаго театра. Кабачекъ *la mère Sâguet* посѣщали Викторъ Гюго, Беранже, Тьеръ, М. Фурнье, Арманъ Каррель, словомъ все просвѣщенное общество тридцатыхъ годовъ. Каждый изъ кабачковъ, гдѣ собирается, такъ называемый, простой народъ, представляетъ обширную *mongeoire*. Такъ въ простомъ кабачкѣ, называемомъ Калифорніей, который содержитъ *Madame Cadet*, ежедневно выходитъ 5,000 порцій мяса, въ годъ 1,000 мѣръ бобовъ, громадное количество картофеля, оливокъ, масла, и т. д. (Delvau, Cafès et cabarets de Paris).

Древне-славянскія общественныя питейныя заведенія назывались *корчмами*. *Корчма*, вмѣсто *кормча* (Микуц. Отч. по II отд. А. Н. 6, 25) отъ серб. *крма*, церк.-слав. *кръма*, русс. *кормъ*, кашуб. *харна*, серб. *крмача*, *крмачâ* — Sau. Мухлинскій указывалъ первоначальное значеніе корчмы въ персидскомъ *chordèn* — ѣсть, араб. тур. *chorżama* — расходъ, издержки на провизію (Muchl. Żrodłosłownik, 57) отъ зендскаго корня *gar* (хар.) — edere, *qarena, charetha* — nourriture (Микуц. Зап. Геогр. Общ. I, 570). Такъ далеко на-

чинается родословное древо корчмы, одного изъ учрежденій, созданныхъ славянскимъ племенемъ!... Отъ Славянъ корчма перешла къ Венграмъ (kortsma) и къ Эстамъ (körts, körtsmit). И такъ корчмой называлось мѣсто, *куда народъ сходился для питья и ѣды,* для бесѣдъ и попоекъ съ пѣснями и музыкой. Мартинъ Галлъ (нач. XII в.) записалъ въ своей хроникѣ (стр. 80), что когда умеръ Болеславъ Храбрый, то въ корчмахъ смолкли звуки цитръ: nullus citharæ sonus audiebatur in tabernis. У западныхъ Славянъ въ корчмахъ приставы передавали народу постановленія правительства, судьи творили судъ, разбирались дѣла между пріѣзжими людьми, и корчмы долго замѣняли ратуши и гостиные дворы. Начиная съ XI вѣка, мы встрѣчаемъ слѣды корчемъ у южныхъ Славянъ, въ Чехахъ, въ Польшѣ, въ Жмуди, у Славянъ прибалтійскихъ и новгородскихъ, и на Руси кіевской. Въ древней Сербіи продажа питей вольная. Душанъ, подтверждая дубровницкимъ купцамъ свободную продажу питей, говоритъ: «и крьчьму да носе» (Майк. Ист. Серб. Яз. 90). Впослѣдствіи, именно въ наше время, уже корчма у Сербовъ исчезаетъ, вытѣсняемая нѣмецкими обычаями (Вук. Кар. Срп. Ріечн. 309). Но у Болгаръ она еще цѣла и, сохраняя свое древнее соціальное значеніе, отличается отъ механы (гостиница, питейный домъ), заимствованной Болгарами отъ Турокъ или отъ Венгровъ. Въ болгарской корчмѣ торгуетъ женщина или дѣвушка, *крчмарица, кръчмарка.* Въ пѣсняхъ южныхъ Славянъ корчмарка постоянный другъ и посестрима народныхъ героевъ. Въ корчмахъ пьетъ вино знаменитый герой южно-славянскаго эпоса, Кралевичъ Марко; корчмарка Ангелина спасаетъ его, своего нобратима, отъ Гина Арнаутина, или отправляется въ Софію, и сватаетъ за Марка дочь болгарскаго царя Шишмана (Поп. Пут. въ Черног. 49, 58). Теперешняя болгарская корчма обыкновенно состоитъ изъ одной комнаты; посреди комнаты огнище, гдѣ пы-

лаетъ огонь, а въ крышѣ отверзтіе для дыма. Вокругъ огнища стоятъ столики и стулики, на которыхъ сидятъ гости, именно старики, приходящіе сюда для бесѣдъ, пѣвцы, которые поютъ о старинѣ, портной, обшивающій всю окрестность, и знающій всѣ новости, попъ, дьячки, и т. д. Въ углу корчмы лавка, гдѣ продаютъ веревки, орѣхи, фасоль, пшено, и вмѣстѣ съ этимъ *вино* и *ракию* (водку). Къ бочкѣ придѣлана канелка (втулка), заткнутая *чепомъ*, и изъ бочки вино наливаютъ въ жестяную кружку (ока), или въ глиняный кувшинъ (пукалъ), и затѣмъ разливаютъ въ чаши. Древне-славянскіе напитки, квасъ, пиво и медъ, совершенно исчезли у Болгаръ, смѣнившись виноградным виномъ, доступнымъ на югѣ всякому человѣку, и водкой (ракия), употребляемой только людьми богатыми. Корчмы западныхъ Славянъ извѣстны мнѣ съ XIII вѣка. Въ чешскомъ словарѣ Вацерада 1202 года упомянуты *kr'сma* и *kr'сmar* (Denkm. d. Böhm. Spr. 215). Въ винодольскомъ законѣ Хорватовъ, извѣстномъ по ркп. XIII в., упоминаются латинскія названія *товерна* и *товернар.*; но на поляхъ рукописи, для означенія корчмы, изображены столъ, а на немъ ведро, кружка и жмуль (Чт. 1846, IV, 27, 41). Въ Помераніи корчма, находившаяся въ зависимости отъ жупана, стояла непремѣнно на каждомъ рынкѣ, и была центромъ финансоваго управленія въ округѣ, точно такъ же, какъ у другихъ западныхъ Славянъ она была центромъ управленія судебнаго (Preusker, Blicke in die vaterl. Vorzeit I, 121, и др.). Въ Колобрегѣ, при двухъ жупанахъ, было и двѣ корчмы (Гильф. Балт. Слав. LIX). И до сихъ поръ у Кашубовъ, вымирающихъ въ западной Пруссіи, поется въ Ивановъ день пѣсня, которая славитъ древняго корчмаря:

A vè lèdze ze vse,
Pö co vè se tu zeszle?
Vè njic nie póviece.
Jo viem, jo poviem.

Jo jem sin karczmarski,
Kavaler dzirski,
Mom trènki dvojàkęwo rodè,
Jedne dlo zdrovjó, drège dlo wóchodè.
Chto te trènki zaživo,
Ten bógatctwo mievo
Jo je zaživaję.
J bogactva miévaję.

(А вы люди изъ деревни, зачѣмъ вы здѣсь сошлись? Вы ничего не знаете, ничего не скажете. Я знаю, я скажу. Я сынъ корчмаря, храбрый кавалеръ. У меня напитки двоякаго рода, одни для здоровья, другіе для праздника. Кто употребляетъ эти напитки, тотъ бываетъ богатъ. Я ихъ употребляю и имѣю богатства) (Этн. Сб. V, III, 64). Трогательно это воспоминаніе о корчмѣ у народа, забывшаго не только свою старину, но и свой старый языкъ! Въ Богеміи и Польшѣ, начиная съ XI вѣка, вездѣ на площади или рынкѣ стояла корчма. Въ иныхъ городахъ было отъ двухъ до четырехъ корчемъ: in Bitom targowe duae tabernae; in Siewor novum targowe, una taberna; ad magnum sal quatuor tabernae (Szczygielski Tinecia, II. 138. Погод. Сб. IV, 225). Западныя корчмы сначала были, какъ и вездѣ, вольными учрежденіями, куда народъ спокойно собирался по торговымъ днямъ; потомъ дѣлались княжескими, казенными, или, вмѣстѣ съ землею, переходили въ наслѣдственную собственность арендаторовъ (шульцовъ), получавшихъ право заводить *libera taberna* (Вал. Сбор. 31), или къ духовенству, къ епископамъ и монастырямъ, и тогда народъ сталъ заводить себѣ тайныя корчмы, *taberna occulta*, извѣстныя съ XII вѣка (Погод. Сбор. IV, 222). Свободные корчмари подлежали вѣдомству и дворовому суду (curia) того господина, на землѣ котораго находилась корчма. Въ югозападной Руси доселѣ еще удержалась древнеславянская корчма, и въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи встрѣчаются остатки *огромныхъ корчемъ* превращенныхъ теперь

въ заѣздные дома, и составляющихъ какъ бы кварталы мѣстечка (Шпил. Бѣлор. 160). И если въ Воронежской губерніи народъ по праздникамъ собирается уже около кабаковъ (Этн. Сб. I, 226), то въ Виленской губ., еще попрежнему, всѣ общественныя дѣла рѣшаются въ корчмѣ (ibid. 290), и во всей Бѣлоруссіи и Украйнѣ корчма служитъ обычнымъ мѣстомъ собраній для дѣлъ, бесѣдъ и гульбы. Въ Бѣлоруссіи бабку послѣ крестинъ ведутъ въ корчму (Tygodnik illustrowany, 1863). Еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губ., динабургскомъ, рѣжицкимъ и люценскомъ, среди раскольниковъ, парни и дѣвицы на масляницѣ собирались въ корчму на праздникъ, называемый кирмашъ, и парень, выбравъ себѣ дѣвицу, уходилъ съ нею въ лѣсъ, и тамъ вѣнчался около дуба (Тер. II, 28). Дворъ корчмы или стодола (сарай при корчмѣ) служитъ мѣстомъ собранія парней и дивчатъ, которые приходятъ сюда плясать подъ музыку (Эт. Сб. II, 241. Вѣстн. Евр. 1828, 5 — 8, 77). «Що Божоі неділі, чи празника, після обіду, хлопці та дівчата сходютця до корчми оттанцювать, а хозяіни и жінкі збираютця до іхъ подивитись, та побалакать де очімъ, а підъ часъ и чарку горілкі выпить. Отъ зібралось біля корчми людеі вже чи мало, музики грають, парубокъ съ дівкою танцюе, а старіиши, люльки запаливши, посидали соби на приспі тай балакають» (Основа, 1862, янв.). — «Та не вси жъ и пьяниці въ шинку», разсказываетъ другой, «одні приходять сюда побачитись зъ добрими людьми, да побалакать, а другі — такъ, якъ оце й я, — чтобъ послухать розумнихъ людей и почуть що робитця у світі. Бачите — у насъ на селі нікуди більшъ и збиратися» (Основа, 1861, іюль). Въ праздникъ, когда нѣтъ дѣла, *чоловікъ* съ утра ужь идетъ въ корчму и говоритъ женѣ: «надо схадзиць на часокъ въ карчму». Жена обыкновенно отвѣчаетъ: «пайдзешь на часокъ, а прасядзишь да начи; вицъ въ карчмы смаляныи

лавки: какъ сядзишь, такъ и паралипнешь» (Этн. Сб. II, 142). Итакъ корчма южной Руси, *корчма вольная*, является передъ нами кореннымъ народнымъ учрежденіемъ. Тогда какъ въ другихъ мѣстахъ женщина стыдится войти въ кабакъ или въ трактиръ, а членами клубовъ одни мужчины,—въ корчму входятъ всѣ, и мущины, и дѣвушки. «Въ корчмѣ и въ банѣ уси ровные дворяне» (Зап. Геогр. Общ. I, 271). Здѣсь-то, въ корчмѣ, гуляла прекрасная Бондарувна, — жертва польскихъ насилій, и одинъ изъ лучшихъ женскихъ образовъ украинской поэзіи:

Ой у Луцку, въ славнімъ місти, капелія грае,
Молодая Бондарувна у корчмі гуляе.

Но совсѣмъ ужь не то мѣстами, гдѣ корчма успѣла обратиться въ кабакъ, зашедшій изъ Москвы, или шинокъ (нѣм. Schenko) занесенный въ Украину Ляхами, куда теперь и *дівчата частують*. Дівчата, ночныя собранія которыхъ разгоняютъ *для порядка*, собираются въ корчмы пить (Основа 1861, X, XVI. 85, 60, 61 и XIX 130). И плачется мать на свою дочь, пьющую въ корчмѣ:

Моя дочка ледащица, — не ночуе дома,
Моя дочка ледащица, — не хоче робити,
Да якъ прійде неділенька, — иде въ корчму пити.

Такъ какъ въ корчмахъ, между прочимъ, продавались и питья, то отсюда и самое *продажное питье* получило названіе *корчмы* (кръчьма), съ какимъ оно постоянно встрѣчается въ памятникахъ древней Руси (Mikl. Lex. fasc. II, 318). У Сербовъ: *продаје на кричу* — значитъ *продавать по мелочи*. Слово *кръчьмьница* мы находимъ въ древнѣйшемъ переводѣ пророч. Исаіи (Опис. слав. рук. I, 88). Въ древне-болгарскомъ языкѣ *кръчьмница* — taberna, *кръчьбьникъ*, вмѣсто *кръчьмьникъ*—Κάπηλοσ. И съ тѣхъ поръ, вслѣдъ за древне-болгарскимъ языкомъ, обратившимся въ церковно-славянскій, во всѣхъ древне-русскихъ сочиненіяхъ, *кабаки* и *питейные дома* всегда называются *корчемницами*, и какъ будто обла-

гороживаются этимъ въ сознаніи духовнаго писателя. «Приключися», говоритъ одна легенда, «яко нѣціи человѣцы по мірскому въ корчемницѣ піяху, и глаголюще съ собою о разныхъ вещехъ» (Пам. стар. рус. лит. I, 141.) Но тотъ же древне-русскій грамотникъ впослѣдствіи говорилъ другое. Въ одномъ сборникѣ XVII вѣка корчма толкуется какъ самое постыдное мѣсто: «корчмы, сирѣчь кабаки, или аптеки, домы суть губительніи» (Опис. слав. рук. II, 3, 818). Слово *корчьмствовать,* въ значеніи мелкой, розничной продажи, встрѣчается въ спискѣ Русской Правды конца XIII в. (Русс. Достоп. II, 3).

На сѣверо-востокѣ Руси, гдѣ общественная жизнь развита была гораздо слабѣе, чѣмъ на югѣ, корчмы не имѣли никакого значенія. Суздаль, Владиміръ, Москва совершенно не знаютъ корчемной жизни; напротивъ того, въ Кыевѣ, удивлявшемъ въ XI вѣкѣ своимъ народонаселеніемъ, своими осьмью рынками (Адамъ Бременскій, Дитмаръ Межиборгскій), въ неменѣе богатомъ Новѣгородѣ, во Псковѣ и Смоленскѣ, который въ лѣтописи подъ 863 год. назывался *великимъ* и *богатымъ* городомъ (Лѣтоп. содер. россійс. ист. 5), корчмы, должно думать, составляли важное городское учрежденіе. Въ уставной грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича 1150 г. упоминаются мыта и корчмити: «въ Лучинѣ (княжеской дани).... гривны, а *мыта* и *корчмити* невѣдомо на что ся снидетъ». — «На Прупои (княжеской дани)... гривенъ, а на корчмитѣхъ не вѣдити на что ся сойдетъ». — «На Копысѣ (княжеской дани)... гривны,... а корчьмити невѣдомо, на что ся сойдетъ» (Доп. А. И. I, 6—8). То есть: невѣдомо, сколько сойдетъ съ пріѣзжихъ торговцевъ и съ содержателей корчемъ. Въ Новѣгородѣ и Псковѣ корчмы составляютъ собственность городскихъ общинъ. Князь, на основаніи договора, по которому онъ принятъ, не имѣетъ въ корчмахъ никакой воли: «а свободъ ти ни мытъ на новго-

родьской волости не ставити». По псковской грамотѣ, составленной въ 1397 г. на псковскомъ вѣчѣ, запрещалось «*княжимъ людемъ* по дворамъ корчмы не держать, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни ведра, ни корецъ, ни бочкою меда не продавати» (Кар. V, пр. 404). Купцы нѣмецкіе, а, можетъ быть, прежде и голландскіе, имѣли право на продажу пива на своемъ дворѣ. Но въ половинѣ XIV вѣка, когда голландскій дворъ находился уже въ рукахъ купцовъ нѣмецкихъ, новгородцы никакъ не хотѣли дозволить продажу пива и на дворѣ св. Олафа. Въ новгородской скрѣ 1350 г. сказано, что въ этомъ году, въ собраніи общинныхъ купцовъ въ Новгородѣ, состоялось постановленіе, чтобы, пока стоитъ дворъ св. Петра, подъ страхомъ взысканія 10 марокъ, никто не осмѣливался продавать пива на готскомъ дворѣ (Urkund. Gesch. d. Urspr. d. deut. Hanse, II, 289). Казиміръ Великій въ 1348 году отдалъ войту Колочинскому Петру городъ Роги, въ завислоцкой Руси, придавъ къ нему, между прочимъ, двѣ корчмы: duas tabernas, similiter duas mensas panum (Zubrzyc., Granice między Rusk. i Polsk. nar. 4 — 7). Корчемники платили подати. Въ 1417 г. псковскіе посадники наймитовъ наняша и поставиша костеръ (башню) на Крому отъ Псковы, а поимаша то серебро *на корчмитѣхъ* (Кар. V, пр. 254). Въ 1474 году князь местеръ Рижскій прислалъ посла къ великаго князя воеводѣ Данилу Дмитріевичу (Холмскому), и къ князю Псковскому Ярославу Васильевичу, и говорилъ: «азъ князь великой Илифлямской и Ризской повѣствую, чтобы ми есте миръ дали, и язъ князь местеръ съ воды и съ земли сступаюся дому святыя Троица и всего Пскова, моихъ сусѣдъ, да и за то имаюся, что ми къ вамъ во Псковъ изъ своей волости *корчмы пива и меду не пущати*, — а колода отложити по всей моей державѣ, а натомъ пишу грамоту, и крестъ цѣлую за всю свою державу и за вси города, а опроче пискупа юрьевского и всѣхъ

юрьевцовъ». Въ томъ же году заключенъ былъ договоръ и съ юрьевцами (Дерптомъ) на 30 лѣтъ, по которому они обязались «во Псковъ корчмы не возити, ни торговати, ни колодѣ (заставы) у костра (башня или стрѣльница) не держати» (П. С. Л. IV, 248 — 9). Въ самомъ же договорѣ мы читаемъ: «а корчмою пивомъ нѣмецкому гостю во Псковѣ не торговати, а опричь корчмы и пива всякій товаръ возити по старинѣ» (Сбор. Мух. 20). Въ одномъ изъ списковъ псковской лѣтописи добавлено: «и оттолѣ преста корчма нѣмецкая» (Погод. Пск. лѣт. 433). То же обязательство помѣщено въ перемирномъ листѣ 1482 г. между Новгородомъ и Лифляндскимъ магистромъ: «а пива и корчмы нѣмцомъ не продавати въ Новѣгородѣ, а ни по пригородамъ». (Сб. Мух. 41), и въ новомъ перемиріи 1493 г.: «а корчомъ, Нѣмцомъ въ Новѣгородѣ не продавати ни по пригородомъ» (ib. 50). Не то было по городамъ, которыми владѣли князья. Облагая пошлинами напитки, заводя свои княжескія корчмы, и преслѣдуя вольное корчемство, князья вызвали этимъ появленіе *тайныхъ корчемъ*. Званіе корчемника унижалось, дѣлалось преступнымъ. Въ Паисіевскомъ сборникѣ XIV вѣка, листъ 92, въ исчисленіи запрещенныхъ занятій, за которыя отлучаютъ отъ церкви, рядомъ съ чародѣями и наузотворцами, упоминается и *корчемникъ* (корчъмитъ). Въ Никоновской лѣтописи подъ 1399 г. говорится про Михаила Александровича Тверскаго: «во дни убо княженія его разбойницы и тати и ябедники изчезоша, и *мытари* и *корчемники* (въ княжескихъ корчмахъ), и торговыя злыя тамги истребишась» (Ник. лѣт. изд. 1786 г. IV, 288). Кириллъ Бѣлозерскій около 1408 — 1413 г. писалъ Можайскому князю Андрею Дмитріевичу: «и ты, господине, внимай себѣ, чтобы *корчмы* (княжеской) въ твоей отчинѣ не было, занеже, господине, то велика пагуба душамъ, *крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ*» (А. И. I, 16). По словамъ Іоа-

сафа Барбаро (1436 г.), при Иванѣ III, право приготовлять питья принадлежало уже казнѣ: «онъ (Иванъ III) издалъ указъ, воспрещающій кому бы то ни было варить медъ и пиво и употреблять хмѣль». То же подтверждаетъ Амвросій Контарини (1474 — 1477): «напитокъ этотъ (медъ съ хмѣлемъ) очень не дуренъ, въ особенности, когда онъ старъ. Впрочемъ великій князь не всѣмъ позволяетъ варить его». Онъ же упоминаетъ о существованіи въ Москвѣ *корчемъ*, въ которыхъ ѣли и пили: «poi ridursi nelle taverne á mangiare et bere, et passata la detta hora, non si puo haver da lor servitio alcuno». Албертъ Кампензе (1523 г.) прибавляетъ, что жителямъ Москвы разрѣшалось употреблять напитки только по праздникамъ: «эта народная слабость (пьянство) принудила государя ихъ запретить навсегда, подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія, употребленіе пива и другаго рода хмѣльныхъ напитковъ, исключая однихъ только праздничныхъ дней. Повелѣніе сіе, не смотря на всю тягость онаго, исполняется Москвитянами, какъ и всѣ прочія *съ необычайною покорностію*» (Библ. иностр. писат. 59, 111, 179, 33). Герберштейнъ (1517 — 1526) оставилъ извѣстіе, что еще Василій Ивановичъ построилъ *для своихъ слугъ* за Москвой рѣкой какой-то домъ, или слободу, названные *наливками* (теперешнее урочище у Спаса на Наливкахъ), и позволилъ имъ пить тамъ пиво и медъ, запрещенные остальнымъ жителямъ города: porro non procul a civitate domunculæ quædam apparent, et trans fluvium villae, ubi non multis retroactis annis, Basilius princeps satellitibus suis novam Nali civitatem (quod eorum lingua *infunde* sonat) exædificavit, propterea quod cum aliis Ruthenis medonem et cerevisiam bibere, exceptis paucis diebus in anno, prohibitum sit, iis solis bibendi potestas a Principe sit permisfa. Atque eam ob rem ne cæteri illorum convictu corrumperentur, ab relinquorum consuetudine sunt sejuncti. (Rer. Mosc. Comm. in Hist. Ruth.

Script I, I, 42). То же извѣстіе, съ незначительными дополненіями, повторяется у Гваньино, Михалона, Олеарія и Флетчера. Гваньино (1560), въ своемъ описаніи Московіи, передѣлывая Герберштейна, говорилъ: denique trans fluvium, Basilius, pater moderni principis, pro satellitibus suis, cæterisque extraneis, Polonis videlicet, Germanis et Lithuanis (qui a natura Bacchum sequuntur) oppidum Nalevki dictum, quod cognomen ab infundentis poculis habet, extruxit. Illic vero omnibus extraneis militibus et advenis, satellitibusque principis, inebriandi vario potus genere, facultas concesſa est, quod Moscovitis gravi sub pœna prohibetur (Hist. Ruth. Scr. I, VII, 3). Мѣсто это читается нѣсколько иначе въ старинномъ русскомъ переводѣ Гваньини, «Гваньина, кн. III, ч. I, о описаніи царства московскаго: «есть же въ немъ (въ городѣ Москвѣ) домовъ 41,500; къ тому жь еще за рѣкою великій князь Василій, отецъ царя Іоана, ради *Сеп..човъ* (?) своихъ, спрѣчь *поллечниковъ* (?) *инныхъ* людей общихъ (poplecznikôw-сторонниковъ?) слободку, называемую Наливайки, создалъ» (Приб. къ Моск. Губ. Вѣд. 1841, 50, 70). Литвинъ Михалонъ (1550) также слышалъ, что Иванъ III обратилъ свой народъ къ трезвости, запретивъ вездѣ питейные дома: redacto populo ad sobrietatem cauponisque ubique interdictis. — «Василій, продолжалъ онъ, увеличилъ свою столицу Москву, построивъ въ ней слободу Налевки (Nalewki) руками нашихъ наемныхъ солдатъ, и давъ ей это имя въ укоръ нашему племени (иностранцамъ), склонному къ пьянству, отъ слова «Налей» (Калач. Арх. II, II, 33, 35). Слова Герберштейна, что «Наливки были построены *за рѣкою*», дополняются у Флетчера и Олеарія тѣмъ, что они находились *на южной сторонѣ города*, и обращены были къ татарской землѣ, и отсюда ясно, что они находились близъ нынѣшняго урочища *Спаса на Наливкахъ*. Флетчеръ говоритъ: «на южной сторонѣ города царь Василій построилъ дома для солдатъ (satellitibus suis), позволивъ имъ

пить вино въ постные и завѣтные дни, когда другіе русскіе должны были пить одну воду, и по этой причинѣ (?) назвалъ новый городъ *Налей* (Naley), т. е. Наливайка» (Флетч. 11). Олеарій: «четвертая часть города называется стрѣлецкою слободою; лежитъ она въ южной части города за рѣчкою Московскою и обращена къ татарской землѣ, *будучи окружена досчатымъ заборомъ и деревянными бастіонами.* Эта часть города выстроена была великимъ княземъ Василіемъ, отцомъ Грознаго, и назначена для поселенія въ ней иноземныхъ солдатъ, и названа Налейки (Naleiki — die Saufstadt). У Чеховъ *nali* значитъ *налей.* Это названіе произошло оттого, что иностранцы, проживающіе въ Москвѣ, гораздо больше предаются пьянству» (Олеар. гл. I). Свидѣтельство иностранцевъ, что еще при Иванѣ III (1462 — 1505) закрыты были корчмы, и народу было запрещено употреблять напитки, и что при его преемникѣ, Василіѣ (1505—1533), только слугамъ великаго князя и иностранцамъ позволено было пить, и для ихъ попоекъ отведена слобода, огороженная заборомъ, — показываетъ намъ, что въ Москвѣ начиналось новое положеніе вещей, неизвѣстное остальной Руси. Первое широкое приложеніе къ дѣлу этого новаго московскаго порядка долженъ былъ испытать Новгородъ Великій.

Князь въ Новгородѣ былъ предводителемъ войска и исполнителемъ судебныхъ рѣшеній, постановленныхъ выборными судьями («князь казнитъ»), и за это шла ему половина судебныхъ пошлинъ (казнь, казна). Кромѣ того, ему предоставлены были доходы отъ торговли, и, какъ мы видѣли, право медоваренія по городамъ («слати медовара»). Князь не имѣлъ права пріобрѣтать земли въ новгородской области, и могъ торговать только черезъ новгородцевъ. Основы стараго новгородскаго порядка держались до самаго паденія Новгорода. Еще недавно (1469 г.) вѣче объявляло, что великій князь (царя Новгородъ не зналъ, ни даже государя)

не имѣетъ права ни въ землѣ, ни въ водѣ; народъ продолжалъ жить постарому, спокойно сбираясь въ вольныя корчмы и разсуждая о политическихъ дѣлахъ *). Теперь же все это должно было рушиться. На мѣсто новгородскихъ купцовъ, вывезенныхъ вонъ и разосланныхъ по городамъ, высланы были въ Новгородъ купцы *московскіе*; имѣнія боярскія были раздѣлены московскимъ людямъ........

Новгородъ испытывалъ теперь всю тяжесть *пошлины низовской земли*, какъ онъ самъ выражался о Москвѣ: «Великій Новгородъ низовской пошлины не знаетъ, какъ наши государи держатъ тамъ въ низовской землѣ свое государство». Одною изъ низовскихъ пошлинъ было запрещеніе *свободнаго корчемства*, и вотъ въ Новгородѣ, опустошенномъ и ограбленномъ, Иванъ IV начинаетъ разставлять царскіе корчемные дворы..... 1543 года, ноября 21 на Введеньевъ день, прислалъ князь великій Иванъ Васильевичъ въ Великій Новгородъ Ивана Дмитріевича Криваго, и онъ поставилъ въ городѣ восемь корчемныхъ дворовъ (П. С. Л. III, 200). Въ Новгородѣ появилось страшное пьянство, и новгородскій владыка Өеодосій рѣшился ходатайствовать за народъ. «Бога ради, государь, — писалъ онъ къ царю—потщися и помысли о своей отчинѣ, о Великомъ Новгородѣ, что ся нынѣ въ ней чинитъ. Въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ безъ покаянія и причастія, въ домѣхъ и на путѣхъ и торжищѣхъ убійства и грабленія въ градѣ и погостомъ великія учинилися, прохода и проѣзда нѣтъ» (Вивл. XIV, 238; Доп. А. И. I. 41). 27 января 1547 г. были уничтожены въ Новгородѣ всѣ царскія корчмы: «пожаловалъ царь и государь великій

---

*) Въ лѣтописи подъ 1470 г. сказано, что весь Новгородъ всколыхался *словно пьяный* (П. С. Л. VI, 191), а Бѣляевъ, въ своей *Исторіи Новгорода* переводитъ это мѣсто такъ: „богатая молодежь выпустила *пьяницъ, собранныхъ изъ кабаковъ* (Бѣл. 548). Замѣтимъ ему, что Новгородъ 1470 г. совсѣмъ и не зналъ, что такое *кабаки*...

князь Иванъ Васильевичъ, въ своей отчинѣ, въ Великомъ Новгородѣ, отставилъ *корчмы и питье кабацкое*, давали по улицамъ старостамъ на 30 человѣкъ двѣ бочки пива, да шесть ведеръ меду, да вина горькаго полтора ведра на разрубъ» (П. С. Л. III, 153). Въ новгородской второй лѣтописи дополнено: «въ лѣто 7056, генваря въ 10 день, князь Иванъ Васильевичъ отставилъ въ Новгородѣ корчмы, и *дворы развозили*» (ib. 201). Въ городѣ появилась тайная продажа питей. «Въ лѣто 7079, мѣсяца февраля въ 23, въ пятокъ на масляной недѣли, пріѣхали въ Новгородъ *дьяки опришные*, Семенъ Ѳедоровъ сынъ Мишинъ, да Алексѣй Михайловъ Старой, — да заповѣдали винщикомъ не торговати, да и сторожню уставили, на великомъ мосту рѣшотки; а поимаютъ винщика съ виномъ, или пьянаго человѣка, а ни (п они) велятъ бити кнутомъ, да и въ воду мечютъ съ великаго мосту» (П. С. Л. III, 166).

Московскіе питейные дома этого времени также назывались *корчмами*, хотя не имѣли никакого общественнаго значенія: «въ Московіи—писалъ Михалонъ въ 1550 г., *нѣтъ шинковъ*, и если у какого-нибудь домохозяина найдутъ хоть каплю вина, то весь домъ его разоряется». Вольная корчма здѣсь была неизвѣстна; корчмы держали недѣльщики и десятники. По Судебнику 1550 г., въ поручныхъ записяхъ по недѣльщикѣ говорилось, что ему «корчмы, б...и и всякихъ лихихъ людей не держать». Стоглавый соборъ 1551 г. приказывалъ: «а корчемъ бы десятникомъ не держати» (Стогл., изд. Кож. 212). По Домострою, *корчебный прикупъ* (прибыль) стоялъ рядомъ съ татьбою и кривымъ судомъ (Дом., изд. Кож. 69, 72). Собираясь въ корчмы, народъ пилъ, не скидая шапокъ. «Въ церквахъ, говоритъ Стоглавъ, стоятъ въ шапкахъ, словно на торжищи, или яко въ *корчемницu*». Пить и играть зернью въ корчмахъ собирались бояре, монахи, попы и толпы холоповъ. Стоглавъ приказывалъ, чтобъ «дѣти

боярскіе и люди боярскіе и всякіе бражники зернью не играли и по корчмамъ не пили» (Стогл. 51, 138). Въ выписи 1552 г., данной по приказу Ивана IV Андрею Берсеневу и Хованскому, велѣно имъ было беречи накрѣпко во всей Москвѣ, чтобъ «священическій и иноческій чины *въ корчмы* не входили, въ пьянствѣ не упивались, не празднословили и не лаяли» (А. И. I, 154). Сильвестръ въ своемъ Домостроѣ давалъ боярамъ совѣтъ, чтобъ они не держали у себя множества холоповъ, которые съ горя пьянствуютъ по корчмамъ: «а держати людей у себя по силѣ, какъ мощно бы ихъ пищею и одѣяніемъ удоволити; а толко людей и себя держати не по силѣ и не по добытку, и не удоволить ихъ ѣствою и питьемъ и одеждою, или который слуга не рукодѣленъ, собою не умѣетъ промыслити; ино тѣмъ слугамъ, мужику и жонкѣ и дѣвкѣ, *у неволи плакавъ* (вар: заплакавъ), красти и лъгати и блясти, а мужикомъ разбивати и красти, *и въ корчмѣ пити и всякое зло чинити*» (Дом. 47). По городамъ корчмы стали раздавать боярамъ. Въ 1548 г., по жалованной грамотѣ царя, городъ Шуя былъ отданъ въ кормленіе боярину Голохвастову *съ правдою, съ пятномъ и корчмою* (Опис. Шуи, 5). Важская уставная грамота 21 марта 1552 г. запрещала посадскимъ людямъ и становымъ и волостнымъ крестьянамъ, живущимъ по близости посадовъ, держать питья на продажу, подъ опасеніемъ выемки оныхъ и взысканія двухъ рублей пени на государя, а съ питуховъ по полтинѣ съ человѣка (А. А. Э. I, 234). Въ уставной грамотѣ Двинянамъ 1557 г. сказано было, чтобъ у нихъ на Холмогорахъ на посадѣ и въ станахъ и въ волостяхъ татей и корчемниковъ и ябедниковъ и подписчиковъ и всякихъ людей не было, — а коли у кого корчмы будутъ, — и они того человѣка поимавъ отдадутъ выборнымъ своимъ судьямъ. Такимъ образомъ корчмы закрывались вездѣ, куда только хватала московская власть, и если оставались гдѣ еще, такъ это по дальнимъ окраинамъ. Углич-

скій житель, діаконъ Каменевичь Рвовскій, разсказывалъ въ 1669 г., что на устьѣ рѣки Мологи (извѣстной въ 1137—1138 г.) въ древности были торги великіе, даже и до времени господаря Василія Васильевича Темнаго (1425—1462). Торги эти существовали и при Герберштейнѣ (1517 — 1527), который о нихъ говорилъ: «При ея (Мологи) устьяхъ стоитъ городъ съ крѣпостью того же имени, а въ двухъ миляхъ отъ него стоитъ только церковь Холопьяго города. На этомъ мѣстѣ бываетъ ярмонка, наиболѣе посѣщаемая во всемъ владѣніи московскаго государя; сюда стекаются кромѣ Шведовъ, Ливонцевъ и Московитовъ, еще Татары, и весьма многіе другіе народы изъ восточныхъ и сѣверныхъ сторонъ» (Герб. пер. Анон. 119). Про ярмарку при устьѣ Мологи, близъ Холопьяго городка (извѣстнаго и въ народныхъ преданіяхъ), Каменевичь-Рвовскій писалъ: «рѣка же та великая Молога полна судовъ была, въ пристани своей на юстіи широкомъ и яко по судамъ тогда безъ перевозовъ и проходили всѣ людіе рѣку ту Мологу и рѣку Волгу на лугъ моложскій, великій и прекрасный, иже имать величество свое. Лугъ той во округъ седмь верстъ. Сребро же то собирающееся пошлинное пудовое по 100 и по 80 пудовъ или по 70000 денгами и больши собираху въ казну великаго князя тѣми деньгами, яко же бывшіи тогда *въ память свою* намъ о семъ повѣдаша, *яже отъ отецъ своихъ слышаша*: «тогда же на мологѣ: о̃, кабаковъ вин̃ы и̃ пи̃и всяки̃ было», торговали же безъ розъѣздовъ, по четыре мѣсяцы, всѣ купцы и гости: *еже отъ древнихъ слышахъ и се въ память* по насъ изоставшимъ родомъ всѣмъ и восписахъ (Ркп. Син. Библ. по кат. 1823 г. № 964, л. 517 обор). Каменевичь, говоря о 70 *кабакахъ*, выражался языкомъ конца XVII в., потому что въ XV и въ началѣ XVI в., въ эпоху процвѣтанія мологской ярмарки, кабаковъ еще не было, слѣдовательно, на ярмаркѣ стояло *до семидесяти корчемъ*.

V.

Кіевскіе князья ищутъ простора своей дѣятельности въ дремучихъ лѣсахъ сѣверо-востока....... За князьями двигается народъ, несетъ съ собой кіевскій эпосъ, создаетъ себѣ новый Кіевъ — Владиміръ, строитъ въ немъ кіевскія церкви, кіевскія золотыя ворота, украшаетъ новыя мѣста дорогими именами кіевскихъ урочищъ, какъ напр. *Печерскій монастырь*, *рѣка Лыбедь*, и т. д.; но отростокъ южной жизни выростаетъ на чужой почвѣ инымъ деревомъ... Князья, переселявшіеся на сѣверъ, первымъ дѣломъ считали закрывать *вѣча* и *избивать вѣчниковъ* (Никон. III, 104). Жизнь, заложенная на сѣверо-востокѣ, всецѣло сказалась въ Москвѣ....

Когда Кіевъ и Новгородъ считали свою исторію рядомъ столѣтій, Москвы еще не было, на мѣстѣ Москвы жила Чудь; но впослѣдствіи поселилось здѣсь русское племя, которое окрѣпло среди жесточайшихъ невзгодъ, и стало потомъ центромъ всего русскаго міра.... Возникновеніе Москвы, получившей свое имя отъ финскаго названія *Моск-ва*, т. е. *мутная рѣка*, по наивному замѣчанію лѣтописца, совершилось такъ: «діаволъ вложи въ сердце княземъ Татарскимъ, сводиша братью, ркуще великому князю Юрью Даниловичу, оже ты даси выходъ больши князя Михаила

Тверьского, а мы тебѣ княженіе великое дадимъ.» (Арц. III, 222); Древняя Русь, стр.67—69).

Побратавшись съ Татарами, *въ тѣни этого антинаціональнаго развитія* (Буслаевъ, Лѣт. Русс. Лит. IV. 13), Москва начинаетъ собирать около себя области новгородскую, псковскую, тверскую, рязанскую, пермскую, кіевскую....

И здѣсь-то, въ Москвѣ, оторванной отъ южной Руси, возникаетъ и крѣпнетъ *московская* жизнь. Съ XV столѣтія, когда всѣ другія славянскія народности оживаютъ, когда у Поляковъ, Хорватовъ, Хорутанъ, Сербовъ (лазарица) и въ южной Руси начинаетъ зарождаться народная литература, — въ Москвѣ открывается періодъ окончательнаго упадка русской народности. Къ половинѣ XVI в. все ужъ было кончено. Въ двадцать какихъ-нибудь лѣтъ, отъ 1592 до 1611 г., невидимо выросло жестокое крѣпостное право. Не вчера началось такъ дѣлаться, говоритъ неподкупная народная память, — началось это съ началомъ каменной Москвы:

Въ старые годы, прежніе,
При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и грозный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ.

Грамотность, просвѣщеніе, словесность, искусства, добрыя международныя отношенія, возникшія нѣкогда въ Кіевѣ (XII вѣкъ), — въ Москвѣ погибли. Къ московской жизни вполнѣ можно было приложить извѣстныя слова Геннадія: «земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ»! Стоглавый соборъ 1551 г., по поводу всеобщей безграмотности московскаго духовенства (учиться имъ негдѣ!) съ сожалѣніемъ вспоминалъ о прежнемъ времени: «а преже сего училища бывали въ россійскомъ царствіи на Москвѣ и въ Великомъ Новѣградѣ, и по инымъ градомъ многіе грамотѣ писати и пѣти и чести учили, потому тогда и грамотѣ го-

раздыхъ было много. Но писцы и пѣвцы и четцы славны были по всей земли и до днесь» (Стогл. 92).

Русская правда, улетѣвъ на небеса, смѣнилась въ Москвѣ *Шемякинымъ судомъ* и *московскою волокитой*. *Мужи*, княжескіе думцы, перейдя въ *помѣстцыковъ* (съ 1499), писались теперь *холопами*, а свое старинное имя мужей отдали всему народу, получившему имя *мужиковъ*......

До сихъ поръ замѣчаніе Карамзина о явныхъ слѣдахъ татарщины въ характерѣ русскаго населенія, въ обычаяхъ и языкѣ (Кар. V, пр. 401) стояло одиноко, и, мало того, наука даже отвергала возможность всякаго (дурнаго) вліянія татаръ..... Но изслѣдованія памятниковъ исторіи и языка, совершенныя преимущественно трудами русской академіи наукъ, и затѣмъ нѣкоторыми другими учеными (Вельяминова-Зернова, Изслѣд. о Касимов. Царяхъ; Хартахай, Истор. Судьба Крымскихъ татаръ; Савваитовъ, Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, Muchliński, Źródłosłownik, и т. д.), и, кромѣ ученыхъ изслѣдованій, опытъ жизни и достаточное развитіе самопознанія успѣли уже бросить свѣтъ на элементы, вошедшіе въ составъ московской жизни. Стоитъ прослѣдить день за днемъ возникновеніе и историческое развитіе народныхъ учрежденій, какъ мы пытаемся сдѣлать это на *кабакѣ*, и тогда откроется, что татарщина сказалась у насъ не въ одномъ лишь случайномъ и легкомъ заимствованіи нѣкоторыхъ татарскихъ словъ, но и въ заимствованіи нѣкоторой доли самой татарщины; что эти заимствованныя слова были полнымъ выраженіемъ того звѣрства дикихъ татарскихъ ордъ, которымъ смѣнилась правда, выработанная народомъ. Татарщина откроется, когда исторія разскажетъ намъ смѣну древней русской одежды на ту татарскую, которая покрывала нашихъ предковъ съ головы до ногъ: *башмакъ*, *азямъ*, *армякъ*, *зипунъ*, *чедыги*, *кафтанъ*, *учкуръ*, *шлыкъ*, *башлыкъ*, *колпакъ*, *клобукъ*, *тафья*, *темлякъ*, и т. д.; когда увидимъ, какъ «правда по закону

святу» вытѣсняется битьемъ и ругательствами, унаслѣдованными отъ Татаръ, и живущими доселѣ въ словахъ, намъ уже близкихъ и родныхъ: *дуракъ, кулакъ, кулачное право, кандалы* (кайданы), *катъ* (палачъ), *катувать, катать, бузовать, башка, карга*, и т. д.; когда узнаемъ, какъ въ русскіе обычаи входятъ: *казна, казначей, караулъ, сундукъ, сарай, ямъ*, откуда *ямщикъ, харчъ*, откуда *харчевня*; обращеніе *права* въ *правежъ*, заимствованный отъ Татаръ; установленіе *тарханъ, ярлыковъ, чиновъ, чиновниковъ* *), *тамги*, откуда *таможня*, и наконецъ *кабака*, смѣнившаго корчму. Шевыревъ нашелъ, что отъ той же татарщины произошла даже извѣстная господская игра, называемая *ералашъ* (Шев. Ист. Рус. Слов. III, 301).

Ошибкой было бъ, еслибъ мы все вліяніе монгольскаго востока ограничили однимъ лишь временемъ татарскаго ига. Вліяніе это началось въ незапамятной старинѣ, и продолжалось въ теченіе всего періода жестокой борьбы русскаго племени съ дикими ордами, напиравшими съ востока. Въ это время вошли въ русскую жизнь *кнутъ* — орудіе казни, и *ура*, что у Монголовъ значитъ *бей, колоти*, а у насъ возгласъ народной радости. Затѣмъ наступило татарское иго. Не будемъ распространяться о насиліяхъ и жестокостяхъ Татаръ, на которыя плакался Серапіонъ, и о которыхъ дошли до насъ и преданія, и свидѣтельства памятниковъ. Въ лѣтописи подъ 1262 г. записано: «въ лѣто 6770 бысть вѣчье на бесермены по всѣмъ градомъ русскимъ, и побиша татаръ вездѣ, не терпяще насилія отъ нихъ, занеже умножишася татаровъ во всѣхъ градѣхъ рускихъ, ясащики живуще не выходя. Тогда жь и *Зосиму* убиша злагѡ преступника въ Ярославлѣ; а на Устюзѣ городѣ тогда былъ ясащикъ Буга

*) Китайское *чинь*, перешедшее черезъ Монголовъ, случайно сходствуетъ звуками съ славянскимъ *чинъ* — дѣйствіе, factum.

богатырь, и взялъ у нѣкоего крестьянина дщерь дѣвицу насиліемъ за ясакъ на постелю». (Лѣтоп. содерж. Россійск. Ист. 70).

Новыя волны насилія и жестокостей нахлынули на Русскую Землю въ XVI в., съ нашествіемъ казанскихъ, астраханскихъ (Естеръ-ханъ) и сибирскихъ царей, царицъ и царевнъ, князей, князьковъ, и царевичей, которые, предложивъ свою услугу московскому царству (Ник. под. 1480, 1503, 1547 год., и т. д.) и поженившись на русскихъ боярышняхъ, сдѣлались *оберегателями* Русской Земли, получили во владѣніе города (Касимовъ, Звенигородъ, Каширу, Серпуховъ, Хотунь, Юрьевъ), множество селъ и деревень, и одинъ изъ нихъ, *Семіонъ Бекбулатовичъ,* былъ даже великимъ княземъ всея Русіи (Русс. Вивл. I, 201), а другой, Годуновъ, цареубійцей и царемъ. Некрещеные мурзы безнаказанно владѣли крестьянами, и только два вѣка спустя послѣ, такъ называемаго, освобожденія отъ татаръ, въ 1682 г. ихъ заставили креститься. Передъ татарщиной отступалъ даже обычай церкви. Бояре, приходя въ церковь, стояли въ *татарскихъ тафьяхъ*, и соборъ 1551 г., по поводу вошедшихъ въ жизнь *преданій проклятаго и безбожнаго Махмета,* указывалъ, что «священныя правила возбраняютъ и не повелѣваютъ православнымъ поганскихъ обычаевъ вводити» (Стогл. 123). Ясные слѣды злаго татарскаго вліянія проявились особенно тотчасъ же послѣ взятія Казани: «и то пріиде грѣхъ ради нашихъ Богъ милосердіе свое показалъ надъ Казанью, а въ насъ явились гордыи слова и учали мудры быть.» (Лѣт. Нормант. 71). Въ это время появился и *кабакъ* — мѣсто для продажи *водки.*

Съ XVI вѣка на Руси дѣлается извѣстною *водка*, открытая Арабами (араб. *al-kohol*, *àraky*, тур. *raky*, — водка, болг. *ракія*, русс *аракъ*). Рагезъ, родившійся въ 860 году, и бывшій потомъ врачомъ большаго госпиталя въ Багдадѣ, первый ука-

залъ способъ приготовленія алкоголя изъ очищеннаго отъ негашеной извести виннаго спирта (Дреперъ, Ист. ум. разв. I, 340). Въ XIII в. водка является въ Европѣ, и до XVI в. употребляется какъ лекарство или эссенція, и продается по аптекамъ (Schultze 126). Въ 1330 г. она извѣстна въ южной Германіи, въ 1460 г. въ Швеціи, въ концѣ XIV в. (1398) отъ Генуезцевъ, торговавшихъ съ Переяславомъ и Ромномъ, переходитъ въ южную Русь (Успен. Древн. 76), и затѣмъ въ первой половинѣ XVI в. распространяется по всему сѣверо-востоку *). Воротившись изъ-подъ Казани, Иванъ IV запретилъ въ Москвѣ продавать водку, позволивъ пить ее однимъ лишь опричникамъ, и для ихъ попоекъ построилъ *на балчугѣ* **) особый домъ, называемый по-татарски *кабакомъ*. У Татаръ *кабакомъ* назывался постоялый дворъ, гдѣ продавались кушанья и напитки ***). Въ 1545 г. царское войско сожгло въ Казани *ханскіе кабаки*, которые въ лѣтописи названы *царскими*: «и кабаки царевы пожгли» (Арц. II, 162). Въ самой Казани, во время взятія ея Грознымъ, стояли *кабацкія врата*, находившіяся близъ нынѣшней засыпкинской улицы (Щерб. Ист. XI, 402. Арцыб. IV, 162). *Кабакъ*, заведенный на балчугѣ, полюбился царю, и изъ Москвы начали предписывать намѣстникамъ областей прекращать вездѣ торговлю питьями, т. е. корчму, корчемство, и заводить *царевы кабаки*, т. е.

*) Хлѣбное вино, при первомъ появленіи своемъ въ Европѣ, названо было *водою жизни*, aqua vitæ, и съ этимъ именемъ перешло въ южную, Русь: *оковита*. По способу приготовленія водки, ее назвали въ Украйнѣ *горилкой;* сербы и сѣверо-восточная Русь прозвали ее водой: русс. *водка*, серб. *водица* (В. Кар. Послов. 194).

**) *Балчугъ* — татарское слово, значитъ топь, грязь *Балчугомъ* и теперь называется мѣсто между мостами москворѣцкимъ и цѣпнымъ.

***) О словѣ *кабакъ:* Линде, Матеріалы для сравнит. русск. слов. Варш. 1845; Вивліоѳ. V, 7, 141; 143. Татищевъ, Лексик. историч.; Спасск., Собраніе Узакон. XVII, стр. XII; Русс. Достопам. II, 9; Grimm. Wörterb, V 6.

мѣста продажи напитковъ, казенной или откупной. Съ появленіемъ кабаковъ явился и откупъ. Примѣръ откупной системы могъ быть заимствованъ изъ Византіи, гдѣ издавна императоры отдавали напитки на откупъ, или отъ Татаръ. Въ Крыму, при Шаханъ-Гиреѣ, мы встрѣчаемъ, страннымъ образомъ, русскаго откупщика изъ Калуги, Хохлова! (Вѣст. Евр. II, 232). Первые слѣды откупа мы находимъ еще въ 1240 г. въ Галицкой области, когда бояринъ Доброславъ, овладѣвъ Понизьемъ, отдалъ Коломыю на откупъ *двумъ беззаконникамъ отъ племени смердья* (П. С. Л. VII, 241). Откупъ знала и Москва. Въ то время, какъ московскій царь въ Новѣгородѣ *вѣчо сказилъ*, то намѣстники его сѣкли народъ, грабили дома, или брали *откупъ* (Мух. Сб. 46). И вотъ стали писать по городамъ, чтобъ заводили *кабаки*. Въ книгѣ сошнаго письма 1579 г. сказано: «въ Усольи на посадѣ держати намѣстнику *кабакъ*, а на кабакѣ вино, медъ и пиво» (Кар. IX. пр. 816). «А въ Чердынѣ на посадѣ держать намѣстнику кабакъ, а на кабакѣ держать на продажу вино, медъ и пиво.» (Пут. въ Черд. и Солик. 191, 193). Мы знаемъ, что у Грековъ и Римлянъ, у Германцевъ и даже у Татаръ, — вездѣ питейные дома были въ то же время и съѣстными домами. Такова была и древнеславянская *корчма*, гдѣ народъ *кормился*. Теперь на Руси возникаютъ дома, гдѣ можно только пить, а ѣсть нельзя. Чудовищное появленіе такихъ *питейныхъ домовъ* отзывается на всей послѣдующей исторіи народа.....

VI.

Въ татарскомъ кабакѣ, какъ въ постояломъ дворѣ, можно было ѣсть и пить; въ московскомъ кабакѣ велѣно только пить, и пить одному народу, т. е. крестьянамъ, посадскимъ, ибо имъ однимъ запрещено было приготовлять домашнія питья; всѣ же остальные люди пили напитки у себя дома, и, кромѣ того, имѣли право владѣть кабаками. Кромѣ царя, кабаками владѣли духовенство и бояре.

Западные монастыри, заводя общины и воздѣлывая громадныя пространства пустыхъ земель, проводили въ жизнь знаніе и цивилизацію. Культура винограда, получившая впослѣдствіи громадное экономическое и соціальное значеніе, обязана своимъ существованіемъ монахамъ. Такимъ образомъ, западный монастырь призывалъ къ труду цѣлыя массы народа, и примѣромъ монаха проводились въ жизнь полезныя знанія и образованіе (Schultze, Gesch. d. Weins 102, 103, 115). Русскіе монастыри также владѣли землями.

Начиная съ XI вѣка, русскіе церкви и монастыри получали отъ князей и бояръ грады, села, деревни, земли, борти, въ которыхъ они, руководствуясь номоканонами, устанавливаютъ подати и оброки. Во время татарскаго ига и потомъ при московскихъ царяхъ число монастырей и богатство ихъ уве-

личилась необычайно. Къ концу XVII насчитывалось до тысячи монастырей, а число душъ, которыми владѣли они, простиралось до милліона. Одна Троицкая лавра въ 1744 г. имѣлъ до 100,000 крестьянъ.

Подобно князьямъ, монастыри сначали сбирали различныя медовыя дани. Въ пользу кіевской софійской митрополичьей вотчины, по записи 1415 г., шла дань медомъ, которая съ разныхъ людей опредѣлялась такъ: 2 колоды меда, — 9 мѣръ меду, — 4 ведра меду, — 2 караймоны меду, — ведро меду, — караймонъ меду, — ручку меду, — постолопщина, — съ Подолѣшенской земли подъ Полозомъ 3 ведра меду, *а ночь пити*, — 2 лукнѣ пятипядныхъ, а третье чотырьпядное, — 3 ручки меду (Ак. отн. къ зап. Росс. I, 37) Въ юго-западной Руси, богатой медомъ, князья и бояре обыкновенно приносили въ даръ церкви медовую дань. Въ 1463 г. княгиня Іуліанія Мстиславская жалуетъ Троицкому собору изъ своихъ доходовъ съ имѣнія 14 кадей меду, 8 бочекъ хмѣлю, и при этомъ накадные гроши. Въ 1480 г. князь Юрій Семеновичъ Гольшанскій подтверждаетъ грамоту *своего дѣда* на дачу кіевскому печерскому монастырю земли съ медовой данью, — мѣра меду и полмѣры меду. Ту же медовую дань записываетъ печерскому монастырю въ 1486 г. Юрій Зиновьевичъ (ib. 79, 92, 105). Князь Константинъ Острожскій съ женою своею записали въ 1520 г. въ пользу туровской епископской каѳедры медовую дань у волости Смедынской — ведеръ двѣнадцать (ib. II, 129). Кіевскому Михайловскому Злотоверховскому монастырю, по записи короля Сигизмунда 1526 г., дано селище Селивановское, а съ него двѣ кади меду, и разныя другія села, съ которыхъ также шла медовая дань (ib. 168).

На сѣверо-востокѣ монастыри сбирали пошлину съ пива и меда, и, кромѣ того, съ *братчинъ*, тогда какъ на юго-западѣ и неслыхано было, чтобъ духовное лицо взяло что-нибудь съ

братства. Въ сѣверо-восточныхъ монастыряхъ варили въ обширныхъ размѣрахъ квасы, пива и меды, для чего были заведены *квасни* съ кадями въ сотни ведръ, *квасоварныя и пивныя палаты*, и *пивные дворы* (Чт. 1858, II, см. 4). Въ 1609 г., во время осады Троицкой Лавры, литовцы зажгли *пивной дворъ*, который еще недавно стоялъ противъ нынѣшнихъ намѣстническихъ келій (Арц. V, 182; Палиц. Сказ. объ осадѣ, 92). Игуменъ монастыря, отправляясь въ Москву, бралъ съ собою съ погреба *три мѣха квасу, мѣхъ квасу ячново съ медвяннымъ смѣшенъ*. Когда монастырскіе приказщики ѣхали съ рыболовья съ погонными на весну, то посылали на свозъ старцомъ *квасу медвянаго по ведру, да насадка квасу ячново ведръ въ семь*. Когда ѣхалъ старецъ въ погоню, то ему давали *квасу медвянаго яндову большую 10 чашъ, мѣхъ квасу ячново, 4 мѣха квасу обышново, да ставецъ меду*. Когда старцы отправлялись на ѣзъ, то имъ давали по 2 четверти солоду яшново, *по ставу по невеликому меду*. Меду покупали для монастыря по 1,200 пуд. и больше. (Врем. XXII). Особенно славились *квасы монастырскіе*, и, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ этомъ отношеніи пользовался особой извѣстностью Сергіевъ монастырь возлѣ Холмогоръ, куда государь посылалъ своихъ поваровъ *для ученья квасного варенія*. Всѣ монастырскія нужды касательно варенія напитковъ исправлялись крестьянами, которые и *солодъ на квасъ молотили* (А. А. Э. I. 128), и *пива варили* (ib. 11), и съ выти *по три воза дровъ на квасы давали* (ib. 258), и давали деньги *на вино церковное* (III, 94, 301). Монастырскіе погреба переполнены были бочками питей. У игумна одинъ погребъ былъ на монастырѣ, а другой за городомъ. Въ наказѣ Гурію, посланному въ 1555 г. архіепископомъ въ Казань, сказано было: «меду и пива у себя на погребѣ не держать,—держать у себя на погребѣ квасъ, а вино, медъ и пиво держать за городомъ на погребѣ» (Сол. VII, 91).

Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, когда жила въ немъ царица Евдокія, въ погребахъ хранились вино венгерское, бургонское, французское, воложское, вино воложское налитое на ликеръ венгерскій, и другія вина цѣлыми бочками; водки: тимонная, анисовая и другія, куфами, въ томъ числѣ одна куфа, залитая сосновымъ побѣгомъ, а другая ландышемъ; вишневки, пива, полпива и меды, тоже бочками; простаго вина послѣ царицы осталось 473 ведра (Чт. 1865. III, см. 7).

Подобно государству, монастырь сбиралъ пошлины съ питей, и, *безъ явки* монастырскому прикащику, крестьянинъ не смѣлъ сварить пива, или поставить меду, даже для праздниковъ, свадебъ и поминокъ. Въ уставной грамотѣ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря 1593 г., за вареніе пива безъ явки *на томъ крестьянинѣ* на монастырь пени гривна безъ отдачи (А. А. Э. I, 257). Въ наказѣ Суздальскаго Покровскаго монастыря 1632 г., явка положена съ чети пива по деньгѣ, и съ пива съ пуда по деньгѣ (ib. III, 217; IV, 67 (1653 г.); А. И. V. 171 (1686 г.); А. Ю. 334 (XVII вѣка). Троицкій Ипацкій монастырь бралъ съ пива явки по 7 денегъ, да кто въ печь поставитъ пиво по одной деньгѣ (А. Ю. 356). Явку записывали въ книги, и явленное питье позволялось пить только въ извѣстные дни. Иверскій монастырь наказывалъ: «а который крестьянинъ явитца къ празднику сварить пива, и прикащику тѣхъ селъ записывать, и велѣть ему держать пиво день или два, а большое у кого случится— три дня (А. Ю. 358). Тихвинскій монастырскій соборъ постановилъ въ 1666 году слѣдующій приговоръ: «а у кого изъ посадскихъ людей въ посадѣ у десятника, въ чьей нибудь десятнѣ, вымутъ продажное корчемное питье, вино или пиво, или табакъ, и *квасъ дрожжанной*, мимо десятскаго и монастырскихъ десятскихъ служекъ, то на тѣхъ на десятскихъ, приказныхъ служкахъ, и на тѣхъ, у кого то заповѣдное питье объявится, доправить пеню, *и бить ихъ плетьми не-*

щадно, для того, чтобъ тѣмъ служкамъ на тѣхъ людей, у кого корчемное продажное питье объявится, объявлять на монастырѣ напередъ монастырской выемки тотчасъ» (А. Ю. 69, 349). Троицкій Ипацкій монастырь наказывалъ своему старцу-прикащику, что если кто учнетъ вино или *квасъ* продавать, на томъ пени по пяти рублей на человѣка, *а кто бѣденъ и нечего изъ него взять*, того бить батогами (ib. 357). Иверскій монастырь наказываетъ своему прикащику смотрѣть накрѣпко, чтобъ крестьяне отнюдь въ лѣсахъ винныхъ брагъ не варили (А. Ю. 358). Соловецкій монастырь, въ грамотахъ 1540 и 1679 г. объявляетъ, чтобъ людей, которые будутъ продавать вино въ Вормѣ и Шижмѣ и въ Сухомъ Наволокѣ и въ Слободкѣ, нигдѣ не пускать на подворье, а казакамъ и крестьянамъ вина у нихъ не покупать, да и своего не курить. Если же у кого выймутъ вино, то съ того человѣка доправить пеню: на монастырь рубль, прикащику 20 алтынъ, а доводчику четыре гривны московскіе (А. А. Э. I, 221; IV, 232). Въ наказной памяти нижегородскаго Печерскаго монастыря старцу Онуфрію, 1658 г., сказано: «а кто станетъ покупать вино и привозить домой, или кто станетъ пити *на кабакѣхъ*, и съ тѣхъ имати пени по два рубля (Д. А. И. IV. 44). Винокуреніе запрещено было повсемѣстно (А. А. Э. III, 217 (1632 г.); IV, 112 (1659 г.), А. И. V, 177 (1689 г.), V, 191 (1869 г); братчины облагались отъ монастыря пошлиной, и крестьяне не разъ жаловались на игумна и монастырскихъ прикащиковъ, «что пріѣдутъ и учнутъ пить силою». Братчины поэтому падали, и самый обычай собирать братчины получилъ преступное значеніе. Въ поученіяхъ XV в. предписывалось: «не творить складовъ пировныхъ и другимъ возбранять».

Монастырю, повидимому, не прилично было заниматься сборомъ явочныхъ пошлинъ съ питья. Инокъ Вассіанъ говорилъ въ 1551 г.: «отнюдь то есть царское небреженіе и

простота несказанная, а иноческая безконечная погибель, что инокомъ села и волости и христіаны владѣти, и миръ судити, а отъ нихъ по христіаномъ пристовомъ ѣздити, и на поруки ихъ давати, и пьянству въ инокѣхъ быти, *и мирскими слезами быти сытымъ*. Таковое дѣло не богоугодно, что инокомъ изъ міру, аки царскимъ мірскимъ приказнымъ, збирати себѣ всякіе царскіе доходы». — «По достоянію— продолжалъ онъ—подобаетъ пища и питья луччая вся мірянамъ, а не намъ, инокомъ, не намъ, и паки речемъ — не намъ» (Чт. 1859, II.) Но про самого этого Вассіана монахъ Зиновій писалъ, что онъ, живя въ Симоновѣ, хлѣба ржанаго не ѣлъ и пива чистительнаго не пилъ, *яко сіе пиво монастырь отъ деревень имать*, — піяше же нестяжатель сей романію, бастръ, мушкатель, ренское бѣлое вино» (Росс. Іер. II, 29).

Напротивъ, сами монастыри курили вино, торговали имъ, и въ теченіе долгаго времени были совершенно избавлены отъ всякаго государственнаго надзора. Монахи Илантова монастыря жаловались царю въ 1574 г., «какъ деи они *квасъ* (?) поставятъ, то воеводскіе у нихъ выймаютъ, и на нихъ пени емлютъ». Царь на это писалъ воеводѣ: «квасъ бы въ монастырѣ велѣли имъ, для ихъ нужды, про себя держати: *гдѣ то слыхано, что въ монастырѣ питье выимать*? А толко въ которомъ монастырѣ учнутъ не про себя питье держати, *для продажнаго питья,* и такихъ не заповѣдью надобно смирять, а кнутомъ прибить, который въ монастырѣ *корчму держать* учнетъ» (А. И. I, 191). Но обычай *корчму держать* въ монастыряхъ продолжался и впослѣдствіи (Наказ. пам. тихв. прич. 1653; А. Ю. 349; П. С. З. II, 338). Въ 1623 г., у Спаса на Прилукахъ, въ Никольскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, возникло слѣдственное дѣло объ убійствѣ крестьянина Окулова. Жаловался Пятунка Окуловъ, и говорилъ: «шли де изъ города братья его, Пя-

тункины, Сеня да Марко Окуловы, а какъ деи будитъ въ Никольскомъ монастырѣ, противъ кельи старицы Марфы Бутаковы; а изъ кельи де выскочила дочь ея, старица Олена, со многими невѣдомыми людьми, и брата его Марка убили до смерти». Олена эта еще прежде извѣстна была *въ корчемномъ питьѣ*, въ кельи корчмѣ, вино и пиво на продажу держала, и къ ней приходили разные люди (Арх. Калач. 1860–61, IV, XII, 40). Грамота 1636 г. извѣщала, что «въ Соловецкій монастырь съ берега привозятъ вино горячее, красное нѣмецкое питье и медъ красный, и держатъ, это питье всякое старцы по кельямъ, а на погребъ не ставятъ». Вообще было правиломъ, что монахи и попы могли держать вино про себя, а не на продажу, и шелъ цѣлый рядъ запрещеній, чтобъ монастыри не держали корчмы. Өедоръ Ивановичъ далъ въ 1591 г. новгородскому знаменскому попу жалованную грамоту *держать вино* на собственный обиходъ (Д. А. И. I, 136). Алексѣй Михайловичъ въ 1660 г. писалъ въ Новгородъ: «а буде монастыри учнутъ торговать виномъ, то, по сыску, чинить наказаніе». Соборы 1667 и 1669 г. приказывали, на основаніи Священнаго Писанія, чтобъ монастыри не держали корчемъ (П. С. З. 412, 442). Въ 1681 году патріархъ, въ слѣдствіе указа царя, предписывалъ архіереямъ, митрополитамъ, архіепископамъ, чтобъ они учинили крѣпкій заказъ протопопамъ, священникамъ, діаконамъ и всѣмъ церковнымъ причетникамъ въ домѣхъ своихъ вина не курить, и кромѣ кружечныхъ дворовъ вина нигдѣ не покупать (ib. 862). И хотя въ 1683 г. царь и принужденъ былъ разрѣшить монастырямъ выкуривать на вино *по триста четвертей въ годъ* (ib. 1486); но въ слѣдующемъ году право это опять было отнято, и велѣно было, чтобъ въ домовыхъ властелинскихъ приписныхъ монастыряхъ святѣйшаго патріарха Адріана, и въ Троице-Сергіевомъ, и въ Савинскомъ, вина отнюдь бы не курили, а покупали-бъ его

съ кружечныхъ дворовъ. Куря вино, монастыри торговали имъ, и даже съ согласія царя, и подъ его защитой. До насъ дошли извѣстія *о кабакахъ* Макарьева монастыря, и дошли потому, что дѣло объ нихъ, по нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ, было въ свое время гласно. На правомъ берегу рѣки Волги стояло богатое село Лысково, и лысковцы, вмѣстѣ съ другими сосѣдями, враждовали съ Макарьевымъ монастыремъ, который стоялъ на противоположномъ берегу рѣки, гдѣ собиралась извѣстная макарьевская ярмарка. Вражда эта тянулась издавна, и во время Стеньки Разина, съ которымъ лысковцы очень ладили, они не разъ разоряли Макарьевъ монастырь, знаменитое «царское богомолье». Дѣло шло изъ привиллегій, которыми монахи пользовались на счетъ лысковцевъ, именно изъ-за перевозовъ черезъ Волгу. Должно знать, что подобные споры повторялись вездѣ, гдѣ только подъ монастыремъ текла большая рѣка. Такъ, въ 1565 г., костромской Ипатьевскій монастырь просилъ, чтобъ запретили костромичамъ перевозиться гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, исключая монастырскаго перевоза. Просьба монастыря была уважена, и городскіе прикащики стали ходить по площадямъ и кликать, чтобъ жители перевозились на монастырскомъ перевозѣ (А. И. I, 176). О томъ же шли споры между Святогорскимъ монастыремъ на Донцѣ и бѣлогородскими приказными (Чт. 1865, II, см. 123). То же теперь было между Макарьевымъ монастыремъ и селомъ Лысковомъ. Макарьевская ярмарка происходила на обоихъ берегахъ Волги, и на лѣвомъ монастырскомъ, и на правомъ лысковскомъ. Между обоими берегами былъ перевозъ, и монахи, чтобъ лишить лысковцевъ выгоды, доставляемой перевозомъ, на правомъ берегу построили церковь архидіакона Стефана, а около нея пустынь, нынѣшнее село Исады, и здѣсь устроили свой перевозъ. Товары, привозимые на Макарьевскую ярмарку, приходили прежде всего въ Лысково, потомъ пе-

реправлялись черезъ монастырскій перевозъ, и платили за это пошлину. Всѣ пошлины съ перевоза и съ ярмарки шли на монастырь, а воевода ужъ и не вступался въ управленіе ярмаркой, предоставляя ее монастырскимъ властямъ (А. И. I, 503). Не довольствуясь этимъ, монастырь завелъ по обоимъ берегамъ кабаки, уставилъ кабаками перевозъ и ярмарку, собиралъ съ нихъ большія деньги, а самъ ничего не платилъ. Лысковцы завели свои кабаки, да кромѣ того, стали перевозить купцовъ и товары на своихъ лодкахъ. Отсюда возникъ цѣлый рядъ столкновеній, которыя нерѣдко оканчивались драками и «смертнымъ убійствомъ». Монахи пожаловались въ Москву; царь Алексѣй Михайловичъ предписываетъ въ 1676 и 1678 г. сломать лысковскіе кабаки, и ихъ ломаютъ, но на мѣстѣ сломанныхъ тотчасъ же возникаютъ новые. Идутъ новыя жалобы въ Москву. Въ 1676 — 1681, т. е. почти въ продолженіе всего царствованія Θеодора Алексѣевича, изъ Москвы все пишутъ, что лысковскіе таможенные и кабацкіе вѣрные головы великаго государя указу чинятся непослушны, съ таможнею, съ терязями (тат. значитъ вѣсы) и съ кабацкимъ питьемъ, и съ харчевнями насильно въѣзжаютъ на монастырскія земли, и отъ того кабацкаго питья, и отъ пьяныхъ людей старцамъ на перевозѣ обида большая, и у кабака, близъ монастырской часовни, скоромохи съ медвѣди, пляски и всякія бѣсовкія игры чинятся». Лысковцы опять не послушались, и на ярмаркѣ 1681 года начали попрежнему торговать питьемъ, и, какъ видно изъ царской грамоты 1682 г., торговали даже съ разрѣшенія воеводы, взявшаго за это большія поминки. Изъ этой же грамоты видно, что, кромѣ лысковцевъ, на ярмаркѣ промышляли и иныхъ городовъ люди, которые сидѣли въ *шалашахъ*, и всякимъ промысломъ и харчемъ торговали. Но монахи напрасно жаловались на безпорядки въ лысковскихъ кабакахъ, ибо голь кабацкая, собиравшаяся въ монастырскіе

кабаки, и доставлявшая этимъ монастырю большія выгоды, гуляла нисколько не скромнѣе. Обстоятельство это открылось изъ того, что во время ярмарки наѣхалъ воевода, сталъ ловить голь кабацкую, состоявшую преимущественно изъ бѣглыхъ холоповъ, и этимъ лишалъ монастырскіе кабаки питуховъ. Монахи посылаютъ въ Москву новую жалобу (1682), что во время ярмарки присылаютъ бояре, и воеводы, и окольничіе, и думные дворяне, и стольники, и сыщики, и приказные люди городничихъ и сотниковъ со стрѣльцами, и подьячихъ и приставовъ съ наказными памятьми, для поимки бѣглыхъ, и отъ тѣхъ присыльщиковъ на ярмонкѣ бываетъ многое смятеніе, и торговымъ людямъ въ торгу помѣха, и великая обида и убытки, а ярморочному де ихъ таможенному пошлинному сбору бываетъ великое оскудѣніе (А. И, V, 160). По жалобѣ монаховъ, на ярмарку пріѣзжаетъ дворянинъ Мостининъ, и приказываетъ лысковцамъ сойти съ берега съ продажнымъ питьемъ; но лысковцы съ питьемъ не сошли, а учали бить въ барабанъ, и послали въ село за народомъ. Собрался народъ съ бердышами и топорами, съ дубьемъ, ослонами и саблями, начали браниться неподобною бранію, осадили монастырское село Крестцы (теперь бѣднѣйшій городъ Макарьевъ), ворвались въ него и перебили монастырскую братію. Должно думать, что этимъ споры не кончились, потому что при царяхъ Иванѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, и при Петрѣ I, были указы, чтобъ воеводы не посылали на ярмарку стрѣльцовъ, и сами бъ не ѣздили (Мельн. Нижег. губ. вѣд. 1861-62). Точно такіе же раздоры изъ-за питейной прибыли происходили въ 1639 году подъ Пудожскимъ монастыремъ (П. С. З. 1733), подъ Ипатьевскимъ на Костромѣ (Сбор. Мух. 565), и въ кабацкихъ шатрахъ близъ Хутынь монастыря (Чт. 1858, I, см. 142; 1866, III, см. 12). Съ наступленіемъ XVIII в. всѣ эти споры должны были прекратиться. Въ 1700 году ве-

лѣно было на торжкахъ, которые въ архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ на откупу или на оброкахъ, и владѣльцы ихъ пошлины сбираютъ на себя, — съ тѣхъ торжковъ пошлину и питейную прибыль сбирать въ казну выборнымъ бурмистромъ. Въ 1705 и 1740 г. еще разъ запрещали, чтобъ монастыри не курили вина (П. С. З. 2074, 8244), а въ 1732 г., у Макарья и въ селѣ Лысковѣ питейные сборы отданы были на откупъ на 4 года купцамъ Расторгуевымъ съ компаніею, съ платежемъ трехъ сложныхъ окладовъ по 329¼ р. по 18 и по пятой осьмой доли копейки въ годъ (П. С. З. 1750, 6246). Но осталось свидѣтельство, что духовенство даже въ началѣ текущаго столѣтія ходатайствовало о правѣ держать кабаки. Въ 1819 г. въ государственномъ совѣтѣ разсматривалось представленіе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о правахъ людей духовнаго званія на кабаки, и было заключено: «такъ какъ 9-мъ правиломъ 6 Вселенскаго собора возбранено церковнымъ причетникомъ имѣть корчемницы и въ нихъ дѣйствовати, то изъ сего слѣдуетъ, что и всякому высшаго чина духовному человѣку, хотя бы онъ былъ и дворянскаго происхожденія, еще менѣе прилично заниматься продажею вина и винокуреніемъ. Но дабы не лишить духовныхъ изъ дворянъ (?) принадлежащаго имъ *по происхожденію права* на владѣніе недвижимыми имѣніями, предоставить таковымъ духовнымъ отдавать *питейные ихъ домы и винокурии на откупъ или въ аренду*. Вышедшій поэтому указъ озаглавленъ былъ такъ: *Духовнымъ изъ дворянъ, то есть церковнымъ причетникамъ, имѣть корчемницы и въ нихъ дѣйствовать продавать вино и всякаго высшаго чину духовному человѣку, хотя бы онъ былъ и дворянскаго происхожденія, возбранено, а предоставлено имъ отдавать питейные ихъ домы и винокурни на откупъ, или въ аренду*. (Хавск. Собр. Узак. XVII, стр. 156).

Кромѣ того, что духовенство курило вино и торговало имъ, былъ еще обычай жаловать его выдачею казеннаго вина и возможными льготами при покупкѣ его. Царица и царевны жаловали *греченомъ и греческимъ властьмъ*, патріарху и остальному духовенству разныхъ родовъ питія, — однимъ жаловали поденно, другимъ понедѣльно, а третьимъ помѣсячно. «Поповъ и діаконовъ, и служебниковъ, и иныхъ, говоритъ Котошихинъ, кормятъ на царскомъ дворѣ не по одинъ день, а инымъ ѣсть и пить даютъ въ домы». Это было заведено и по городамъ. Въ 1681 г. велѣно было выдавать сибирскому архіепископу Кипріану, для его домашняго обихода, ежегодно сто ведеръ вина изъ верхотурскаго кабака (А. И. III, 96). Въ Тобольскѣ и на Верхотурьѣ, и во всѣхъ сибирскихъ городахъ, па господскіе праздники, до 1687 г. архіепископамъ и протопопамъ выдавалось извѣстное число чарокъ вина (ib. V, 276). Въ 1699 году велѣно было въ Астрахани питье служилымъ людямъ на праздники, на государскіе ангелы, и *поденное питье* духовнымъ особамъ, и присланнымъ мурзамъ отпускать, какъ въ Москвѣ и иныхъ городахъ, сообразно съ прошлыми годами, но по листамъ изъ приказныхъ палатъ (П. С. З. 1718). Въ 1744 году дозволено было Троице-Сергіевой Лаврѣ, *для обительнаго содержанія*, вывозить изъ Малороссіи ежегодно до 3,000 ведеръ вина безпошлинно. Впослѣдствіи монастырямъ, кромѣ куренія вина, было запрещено и варить пива, но послѣднее опять было разрѣшено. Мнѣніемъ государственнаго совѣта 6 ноября 1866 г. положено: «вареніе пива, меда и браги въ корчагахъ и котлахъ, исключительно для монастырскихъ нуждъ дозволяется производить безъ акциза всѣмъ монастырямъ» (Спб. В. 1866, 264).

Другимъ полновластнымъ собственникомъ кабака былъ бояринъ, кормившійся около царя. Въ числѣ разнаго рода кормленій упоминалось и *бражное*. Вообще куреніе вина

ставилось въ число дохода, идущаго съ земли, и земли отдавались въ кортому съ платою деньгами и виномъ. Боярское право курить вино имѣло свои ранги. Дѣти боярскія знатныя имѣли право курить вино, а незнатныя этого права не имѣли. Хованскій, назначенный воеводою въ Новгородъ, возвращенный по Столбовскому миру 1617 г., получилъ наказъ, чтобы дѣти боярскіе, которымъ питье держать непригоже, тѣ бы никакъ его не держали, а которымъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, приказнымъ людямъ, гостямъ лучшимъ и торговымъ людямъ пригоже питье держать, тѣ бы питье держали про себя, а не на продажу. Дѣти дворянскіе также имѣли право курить вино и держать его про себя. (Царс. гр. во Пск. 1623). Указами 1681 и 1705 г. дозволено было помѣщикамъ и вотчинникамъ всякихъ чиновъ людемъ курить вино про себя, на своихъ поварняхъ, или у себя на дворахъ, сколько кому на свои домовые расходы попадобится, но только не курить на дворахъ у крестьянъ и бобылей, и кубовъ и котловъ имъ не давать, *а за своими людьми смотрѣть накрѣпко*, чтобы отъ нихъ на городскихъ винокурняхъ вино не продавалось и не покупалось (П. С. З. 879, 1276, 2074). Обыкновенно дѣлалось такъ, что всякій бояринъ XVII в., отправляясь изъ своей отчины въ Москву, курилъ себѣ въ запасъ вино, или, когда этотъ бояринъ занималъ высокое мѣсто, то даромъ бралъ вино изъ кабака, и, пріѣхавъ въ Москву, казеннаго вина не покупалъ, а пилъ свое. Поэтому указъ о продажѣ питей 1681 г. велитъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которые привозятъ съ собою въ Москву вино, и ставятся въ слободахъ на постоялыхъ дворахъ, имъ то вино, противъ прежняго, являть и записывать въ приказѣ большія казны, и имѣть на то вино подписныя челобитныя за дьячими помѣтами. Въ 1695 году ямщикамъ ямскаго приказа учиненъ заказъ, чтобъ они дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ чиновъ людей на дворы

къ себѣ съ неявленнымъ питьемъ не пускали, и для надзора за ними выбрали бы старость и десятскихъ. (П. С. З. 1503). Куря вино, бояре ставили свои кабаки, или получали ихъ въ кормленіе, ибо съ легкой руки Ивана IV, подарившаго опричникамъ кабакъ на Балгучѣ, вошло въ обычай жаловать бояръ *тамгою и кабакомъ*. Жаловали, какъ мы увидимъ, одинаково русскихъ, нѣмцевъ и татаръ. И, не смотря на всѣ появлявшіяся потомъ запрещенія не имѣть кабаковъ, помѣщики до самаго XVIII в. продолжали ставить кабаки.......«Помѣщики, пишетъ Посошковъ, не только сбору казны не помогаютъ, но еще препятствіе чинятъ: въ коихъ пристойныхъ мѣстѣхъ его императорскаго величества указу повелѣно кабаки пристроить, — и гдѣ уже построены были, помѣщики разорили, и сборы остановили. Построили въ Болонецкомъ погостѣ питейную стойку, но явился приказный человѣкъ помѣщика Василія Дмитріевича Корчмина, выгналъ цѣловальника, и сталъ въ погребѣ продавать свое питье». — «И такое препятствіе, продолжаетъ добродушный Посошковъ, чинится въ мелкихъ помѣщикахъ, а о сильныхъ лицахъ и спрашивать нечего». — «И въ большихъ своихъ вотчинахъ построены у нихъ свои кабаки, и называютъ ихъ *квасними*, а подъ именемъ квасни продаютъ явно пиво, а вино потаенно» (Посошк. о скуд. и богат.). Съ 1732 года право винокуренія предоставляется однимъ помѣщикамъ и виннымъ поставщикамъ (П. С. З. 5342). Въ 1744 г. помѣщикамъ и вотчинникамъ, какъ для домашняго употребленія, такъ и для отдачи на кабаки, позволяютъ курить вино въ незаклейменной посудѣ, платя съ выкуреннаго вина опредѣленную пошлину. Права эти подтверждались неоднократно. (ib. 9022, 9470, 9670, 9683, 9697, 9813, 9856, 9920, 9913, 10,490). Въ 1751 г., подтвердивъ о правѣ курить вино въ незаклейменныхъ кубахъ и казанахъ, запрещали торговать виномъ, какъ *помѣщикамъ*, такъ и *неимѣющимъ деревень*,

хотя бъ они *и офицерскіе ранги имѣли, и священно и церковно-служителямъ* (ib. 9,920). Въ 1759 году дворянамъ предоставили исключительное право курить вино (ib. 10,261), купеческіе винокуренные заводы велѣно уничтожить (ib. 10,285, 10,466); придворнымъ гражданскимъ чинамъ и помѣщикамъ, не имѣющимъ ранговъ, дозволено курить по домамъ извѣстную пропорцію вина (ib. 10,466, 12,744), равно какъ и смоленскому шляхетству (ib. 10,637), и придворнымъ особамъ *женскаго пола* (ib. 10,836). Въ уставѣ о винокуреніи 1765 г. было опредѣлено ясно и окончательно: «вино курить дозволяется всѣмъ дворянамъ, а прочимъ никому» (ib 12,448).......

Городскіе жители такъ же пользовались нѣкоторою свободою въ потребленіи питей. Гостямъ и торговымъ людямъ давались государевы жалованныя грамоты, чтобы питья у нихъ не вынимать (Улож. XVIII, 8; Ук. 1671, 27). Случалось, что торговые люди какой-нибудь области получали грамоту на свободное куреніе вина. Шуйскій счелъ за нужное дать пермякамъ, лучшимъ торговымъ людямъ, грамоту на свободное куреніе вина (А. А. Э. II, 55). Иногда торговымъ людямъ дозволялось безпенно и безъявочно держать у себя вино, пиво и медъ. Въ 1677 г. московскіе торговые люди, тяглецы Семеновской слободы, Өедоръ и Филиппъ Мокѣевы, получили подобную привиллегію *за присовокупленіе къ Семеновской слободѣ 27 тяглецовъ* (П. С. З. 688). Въ 1688 году дворцовымъ служителямъ позволено держать у себя питья безпенно и безъвыемочно (ib. 1303). Изъ всего остальнаго народа только нѣкоторымъ позволялось варить пиво и медъ, и то *смотря по людямъ*. Въ Пермской уставной грамотѣ 1553 года говорится: «да пермичи жъ посадскіе люди мнѣ били челомъ о томъ, чтобъ мнѣ ихъ пожаловати освободити къ которому празднику «*помолитись*», или родителей помянути «*канунъ доспѣти*» пивца сварити, или медку

разсытити, и азъ царь и великій князь Пермичь *посадскихъ людей* пожаловалъ: велѣлъ есми «кануны обѣтные и родительскіе» держати по старинѣ, а коли Пермичину которому человѣку лучится къ которому празднику, или по родителехъ канунъ доспѣть и медъ разсытить, и они намѣстнику явятъ, а намѣстники наши Пермичемъ кануны чинить ослобожаютъ, и явки намѣстникъ возметъ съ пива съ сопца, и съ меду съ сопца по 4 деньги». (Врем. XXV, 153; Пут. въ Черд. а Солик. 820) Въ 1608 году, по указу Василія Шуйскаго, позволено безвыемочно питье держать *нѣкоторымъ посадскимъ торговымъ людямъ, по государевѣ грамотѣ*, — у всѣхъ же другихъ питья выимать, отряжая для этого пушкарей и ходоковъ (А. И. II, 416). Грамотой 1653 г. посадскимъ людямъ позволялось къ празднику пиво и брагу варить, платя явку съ пуда меду и съ чети пива по алтыну, а съ браги пьяныя съ чети по четыре деньги, а кто сваритъ тайно, у того брать заповѣдь по два рубля по четыре алтына по полторы деньги съ человѣка (А. А. Э. IV. 63)....

VII.

Когда жизнь шла еще по старому, когда народъ для того, чтобъ «помянуть родителей», или «канунъ доспѣти», спокойно выкуривалъ себѣ извѣстное количество вина и варилъ меды и пьяныя браги, — вдругъ въ городѣ, или въ селѣ появлялся *царевъ кабакъ*, поставленный намѣстникомъ. Запретили курить вино, и сказали, чтобъ «среднимъ и молодчимъ людямъ пива варить и меду ставить отнюдь никому не давать, а вина горячаго и лутчимъ людямъ курить не давать». Вино велѣно было покупать вино *на кабакѣ*. Сначала народъ и духовенство просили снести кабаки, потому что «подлѣ государева кабака жить не мочно», и кабаки сносили; но потомъ ужъ никто не просилъ, и рядомъ съ кабаками для вина, пива и меду заводились *квасные кабаки*, въ 1628 г. во Псковѣ, въ 1673 г. въ Астрахани, и т. д., пока, наконецъ, въ 1705 г. вездѣ отданы были на откупъ сусленые, квасные и уксусные промыслы (П. С. З. 2084). До 1655 г. въ Калугѣ квасъ и сусло были на откупу у Тиличейки Карева, но въ этомъ году, по указу изъ Владимірской четверти, велѣно посадскимъ и всякимъ жительскимъ людямъ квасъ и сусло на продажу держать (Пам. кн. Кал. губ. 1862–3, 86).

Крестьянину такимъ образомъ было запрещено все, кромѣ

царева кабака, который крестьяне же должны были *ставить на свои деньги* (А. А. Э. III, 139). Ставя чужіе кабаки, и не имѣя возможности приготовлять свои питья, они въ то же время курили вино и варили пиво, и для царя, и для монастыря, и для помѣщика, да еще сбирали на царя кабацкую прибыль, ибо питейное управленіе было повинностью. И вотъ крестьяне пишутъ къ своему помѣщику и плачутся: «государю Ѳедору Ивановичу бьютъ челомъ и плачутся бѣдные и безпомощные сироты твои, вотчины твоей костромской, села Есипова и изъ деревень, *не имянами, всѣми своими головами*, милости у тебя, государя, просимъ объ винномъ сидѣньѣ. По указу твоему, государь, насъ сиротъ приказной человѣкъ и староста въ винномъ сидѣньѣ сутки держали, въ сѣновнѣ и на привескѣ (пыткѣ) были, а намъ, сиротамъ, вина сидѣть нечѣмъ, а пить—ѣсть стало нечево (Чт. 1859, II, см. 45).

Высшій надзоръ за продажею вина въ кабакахъ порученъ сначала былъ царскимъ намѣстникамъ, а потомъ находился въ вѣдѣніи приказовъ, управлявшихъ областями, и упоминаемыхъ съ 1512 года. Въ Москвѣ и въ причислявшихся къ ней городахъ для этого существовало особое учрежденіе, *Новая четь* или *четверть*, извѣстная съ 1597 года (Успенск. 308), и, по указу 1678 года, переименованная въ *приказъ новыя четверти*. При Алексѣѣ Михайловичѣ все это управленіе, разбросанное по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, стягивается въ *приказъ большаго дворца* и въ *приказъ большой казны* (Котош. 73, 80; Доп. А. И. 315, 317).

Вино приготовлялось казною на винокурняхъ, находившихся при кабакахъ, или поставлялось въ кабаки отъ подрядчиковъ — торговыхъ людей и помѣщиковъ, или шло отъ откупщика, взявшаго на откупъ кабакъ, и поэтому въ однихъ кабакахъ продавали вино *вѣрные цѣловальники*, а въ другихъ *откупщики*. Въ указахъ, посылаемыхъ въ концѣ

года объ отдачѣ кабачныхъ сборовъ по слѣдующій годъ, предоставлялась полная власть отдать кабаки *на вѣру* или *на откупъ* (Вор. Ак. II, 59; III, 131), а потому, смотря по обстоятельствамъ, то одна форма управленія дѣйствовала, то другая. Заводя кабаки, отдавали ихъ земству и поручали продавать вино *цѣловальникамъ*, избраннымъ *на* вѣрѣ. Въ Новѣгородѣ цѣловальниками пазывались *присяжные*, — люди, которые пользовались всеобщимъ уваженіемъ; но когда это званіе перешло въ Москву, когда цѣловальникъ сталъ присягать для продажи царскаго вина, когда къ слову цѣловальникъ прибавилось кабашный, — народъ тотчасъ же заклеймилъ это имя тѣмъ презрѣннымъ значеніемъ, съ какимъ оно дошло до нашего времени: «цѣловальникъ»! Въ кабацкіе выборные никто не шелъ, въ откупщики могъ пойти любой пзъ *московскихъ жителей*, но откупщики хоть и выгодны были для казны, но ненавистны народу, и поэтому московское правительство до самаго конца XVII в. старалось освободить питейное дѣло отъ откупщиковъ и сосредоточить его въ рукахъ выборныхъ людей. Уложеніемъ 1649 г. кабаки отданы на откупъ; въ 1651 г. откупа уничтожены, и вездѣ введена казенная продажа; въ 1663 г. рѣшили, чтобы кабакамъ быть на откупу, и на вѣрѣ; въ 1619 г. патріархъ на соборѣ возставалъ противъ откуповъ въ подмосковныхъ селахъ; въ 1681 г. подгородные откупные кабаки уничтожаются, и вводится продажа на вѣрѣ; въ 1681 откупа окончательно уничтожены. Но къ началу XVIII в. выборное начало, которымъ держалась еще древняя Русь, совершенно ослабло, откупа возникли съ новою силою, и съ тѣхъ поръ развивались спокойно вплоть до нашего времени.....

Люди, выбранные для торговли въ кабакахъ *на вѣрѣ* и называвшіеся поэтому *вѣрными людьми*, были *головы* и *цѣловальники*. Сначала они избирались изъ мѣстныхъ жителей, а въ Москвѣ изъ торговыхъ людей, составлявшихъ гостин-

ныя и суконныя сотни и слободы (Вых. цар.; указ. 18); отъ выбора освобождались только тѣ, которые жили на монастырскихъ земляхъ по тарханнымъ грамотамъ (Доп. II, 88). По закону, они должны были избираться по-очереди; но скоро всякая очередь была нарушена, и хотя цѣловальниковъ выбирали еще изъ мѣстныхъ жителей, но головы, *для большей вѣрности,* посылались изъ Москвы, вообще со стороны. Такъ какъ въ государствѣ не было еще рѣзко отдѣленныхъ сословій, то головы бывали изъ боярскихъ дѣтей, и выбирались всякихъ чиновъ людьми (Вор. Ак. II, 59; III, 103, 109, 145, 146). Въ дворцовыхъ селахъ и черныхъ волостяхъ головы, вмѣстѣ съ цѣловальниками, выбирались изъ мѣстныхъ жителей (Д. А. И. III, 67; IV, 62; Улож. IX, 6); но господскіе, крестьяне этого права были лишены: цѣловальниковъ къ нимъ присылали изъ городовъ. Вообще старались всѣми силами удалить крестьянъ отъ продажи питей. По уложенію 1649 г. пашеннымъ людямъ въ Москвѣ и въ городахъ, буде у нихъ объявятся *погреба* съ иностранными винами, велѣно ихъ продавать государевымъ тяглымъ людямъ, и, кромѣ ихъ, никому погребовъ не держать. Въ селахъ же и деревняхъ крестьянамъ, которые напередъ сего въ посадскихъ не бывали, впредь въ *погребахъ* не сидѣть, и *кабаковъ не откупать,* подъ страхомъ смертной казни (Ул. XIX, 5, 9, 15). Исключеніе, какъ увидимъ, дѣлалось крестьянамъ, находившимся во владѣніи Воротынскихъ, Ромодановскихъ, Собакиныхъ. Здѣсь случалось, что крестьяне откупали кабакъ всѣмъ міромъ, и онъ писался *за всѣми крестьяны.*

Было общимъ правиломъ — выбирать въ головы людей *первыхъ статей,* богатыхъ, и, если можно, грамотныхъ; въ цѣловальники же—людей *вторыхъ статей,* молодшихъ, среднихъ и мелкихъ. Но обыкновенно дѣлалось такъ, что воевода да богатые люди, которые, опираясь на московскихъ дья-

ковъ, все больше и больше забирали въ свои руки общественныя дѣла, *собрався одни*, по недружбѣ на мелкихъ людей, писали ихъ безъ очереди въ службу, какъ и было въ 1665 г. во Псковѣ, когда мелкіе люди вынуждены были жаловаться на богатыхъ (Д. А. И. V, I). Такъ дѣлалось въ теченіе всего XVII в., и въ началѣ XVIII, когда старинное выборное начало не было еще уничтожено. Посошковъ, въ книгѣ своей «О скудости и богатствѣ» писалъ: «выбираютъ въ цѣловальники *самыхъ бѣдняковъ*, то какъ ему правда (у) дѣлать, что если ему не украсть, то и хлѣба ему добыть негдѣ». Головы и цѣловальники — это были какъ будто закрѣпощенные кабацкіе служители. Оторвутъ его отъ дома, посадятъ *въ кабакъ* собирать питейную прибыль, а чѣмъ ему питаться — того не спрашиваютъ. Посошковъ, человѣкъ хорошо знакомый съ питейнымъ дѣломъ, предлагалъ выдавать выборнымъ не только годовое жалованье, но еще со всякаго рубля по гривнѣ. Но Москва XVI — XVII в. ничего знать не хотѣла, кромѣ *государевой службы*, а потому одни бѣжали отъ выборовъ, чтобъ не разориться, а другіе, которымъ терять было нечего, а напротивъ представлялась возможность нажиться, шли въ кабакъ и разоряли народъ, и такимъ образомъ день отъ дня, годъ отъ году, все болѣе и болѣе складывался и крѣпнулъ въ Москвѣ типъ *кабацкаго цѣловальника*. Народъ, какъ мы сказали, всѣми силами старался отдѣлаться отъ выбора въ кабацкія должности. Получали въ городѣ царскій указъ о выборахъ, и лучшіе люди отписывали въ Москву, что имъ не изъ кого выбирать головъ и цѣловальниковъ, ибо одни отлучились на промыслы, другіе заняты дѣлами, а выбирать имъ изъ другихъ городовъ, какъ велитъ государь, опасно, потому что тѣхъ людей они не знаютъ. На это имъ обыкновенно отвѣчали: какъ хотите, а выбирайте, но отнюдь не смѣйте, по стачкѣ семьями, очередными службами отъ выборовъ отбиваться; а буде

явится остановка какая нибудь, или выберете дурныхъ людей, или учините какой нибудь убытокъ, то быть вамъ въ опалѣ и во всякомъ разореньи (Ук. 1681. П. С. З. 880). Но вотъ выборы сдѣланы и выборные ѣдутъ на мѣсто, гдѣ они должны на свой счетъ поставить или устроить кабакъ, — а кабаки вѣчно стояли развалившіеся, — затѣмъ на свой счетъ заподрядить вино, и т. д. Въ 1619 г. Усольцы выбрали къ Соли-Вычегодской въ головы кружечныхъ дворовъ Мишку Леонтьева, и велѣно ему было заводить на кружечныхъ дворахъ вино и пиво, а денегъ ему не дали. Хотѣлъ онъ подрядить для этого посадскихъ людей на Устюгѣ Великомъ, но воевода безъ царской грамоты курить вина не позволяетъ. Дѣлать нечего, — беретъ онъ на Устючѣ съ государева двора 500 ведеръ въ долгъ, и, не зная чѣмъ расплатиться, плачется въ Москву: «выбрали меня — говоритъ онъ — пашеннаго крестьянина неграмотнаго, и непромышленнаго, и неторговаго, и животомъ я, сирота твой, непрожиточенъ, и прежь сего ни у какого твоего великаго государя дѣла не бывалъ, и кружечныхъ дворовъ дѣла не вѣдаю, а въ цѣловальники выбраны люди молодые и не достаточные, денегъ нѣтъ, *а вина, за скудостію не пьютъ*». Изъ Москвы ему отвѣтили, — велѣли дать ему на заводъ 200 р., а Устюжанамъ посадскимъ людямъ позволили подряжаться на винное куренье (Доп. V. 422). Въ 1640 г. вся Шуя выгорѣла, а между тѣмъ къ Шуянамъ прислана грамота выбрать изъ посадскихъ людей на Углечь вѣрнаго голову къ таможенному и кабацкому сбору. Шуянамъ выбрать некого, погорѣли всѣ, и разбрелися розно скитатися по міру, и они пишутъ въ Москву: «не вели, государь, у насъ, сиротъ своихъ, на Углечь вѣрнаго голову имати, чтобъ намъ бѣднымъ погорѣлымъ сиротамъ твоимъ государевымъ, въ твоихъ государевыхъ во всякихъ доходахъ, отъ такого великаго разоренья *не стояти на правежѣ съ голоду и*

стужи, и достальнымъ не погибнути и розно не разбрестися» (Гарелин. А. Шуи. 75). Въ 1659 году, въ суздальскомъ уѣздѣ, въ Ивановской слободѣ, сидятъ на кружечномъ дворѣ у вина и пива въ головахъ и цѣловальникахъ Шуяне, посадскіе люди, сидятъ безъ перемѣны пять лѣтъ, *и обиду и наготу всякую терпятъ*, отъ частыхъ службъ обѣдняли и задолжали. Переносятъ этотъ кружечный дворъ въ Ерополченскую волость, и снова приходитъ къ Шуянамъ грамота, чтобъ они къ этому кабаку выбрали головъ и цѣловальниковъ. Шуяне бьютъ челомъ царю избавить ихъ отъ этого кабака. «У насъ-де, пишутъ они, народъ малолюдной, а люди скудные и должные, и отъ пожарнаго разоренья многіе не построились, — а тотъ-де новойстройной кружечной дворъ отъ насъ верстъ за сто, и великому государю пожаловать бы, отъ того новостроеннаго кружечнаго двора ихъ отставить, а вмѣсто ихъ сбирати прибыльныя деньги суздальскимъ посадскимъ людямъ. Просьбу ихъ удовлетворили. Въ 1666 году послана Суздальцамъ грамота, чтобъ бирючи кликали по многимъ торговымъ днямъ, не захотятъ ли посадскіе люди и крестьяне держатъ за собою кружечные дворы *въ откупѣхъ*, и такіе люди, взявъ добрыя поручныя записи, записывались бы въ съѣзжей избѣ, и ѣхали къ Москвѣ. А буде никто не похочетъ взять кабаки въ откупъ, то велѣть земскому старостѣ и всѣмъ посадскимъ людямъ выбрать въ головы тотчасъ самаго *лучшаго и пожиточнаго и правдиваго человѣка*, котораго бы на такое великаго государя дѣло стало; также выбрать въ ларешные и рядовые цѣловальники къ таковому дѣлу знающихъ людей, которые бъ великаго государя казну собрали съ немалою прибылью; и буде выборные противъ откупа чего не доберутъ, и тѣ недоборныя деньги велѣть управить на нихъ выборныхъ (А. Ю).

Вступая въ управленіе кабакомъ, выборные опутывались цѣлой системой обязательствъ и надзора. Съ выборныхъ

брали записи за подписью избирателей и отцовъ духовныхъ (А. А. Э, IV, 59). Потомъ они давали присягу и цаловали крестъ, обязываясь собрать не только положенный кабацкій доходъ, но еще непремѣнно съ прибылью. Мы уже говорили, что это были за люди, которые шли *сидѣть по кабакамъ*, и потому понятно, что присяга на крестѣ была одною лишь формой, и, присягнувъ, выборные начинали грабить и казну, и народъ. Въ Москвѣ догадались объ этомъ.

Въ 1679 году патріархъ на соборѣ говорилъ, чтобы на Москвѣ и въ городахъ, на кружечныхъ дворахъ, быть головамъ и цѣловальникамъ за выборомъ мірскихъ людей, а къ вѣрѣ ихъ не приводитъ, *чтобы клятвы и душевредства не было*; если же окажутся недоборы, то ихъ взыскивать съ имущества выборныхъ и тѣхъ, которые ихъ выбирали, чтобъ имъ впредь неповадно было такихъ непристойныхъ людей выбирать. При этомъ было предложено, установить высокую пеню. Бояре на это возражали, что и за вѣрою у головъ и цѣловальниковъ было воровство многое, *а безъ подкрѣпленія вѣры* (присяги) *опасно*, воровство будетъ больше прежняго. Рѣшено было тѣмъ, чтобъ выборныхъ къ присягѣ болѣе не приводить, а недоборы и убытки взыскивать съ избирателей. Бояре хорошо знали купцовъ и мужиковъ, торговавшихъ по кабакамъ. Два года не было присяги, и объявилось многое воровство, и питейной казнѣ кража, и во многихъ городахъ большіе недоборы. Другой причиной этому выставляли то, что въ подгородныхъ кабакахъ откупщики продавали вино гораздо дешевле. Въ 1681 г. снова была возстановлена присяга, но съ условіемъ, что если впредь на кружечныхъ дворахъ будетъ сборовъ меньше прежняго, а за вѣрными цѣловальниками не будетъ никакого порока, то недоборовъ съ нихъ не править, потому что они выбраны за крестнымъ цѣлованіемъ (П. С. З. 859). Но все шло постарому, и недоборы взыскивались попрежнему.

Выборные и откупщики, вступая въ должность, принимали отъ своихъ предшественниковъ по описи всѣ кабацкіе запасы, — посуду, питье, винокурню, кабакъ, и за все это платили по оцѣнкѣ земскихъ людей. Откупщики иногда не хотѣли сдавать кабака, и тянули дѣло, не смотря на всѣ предписанія изъ Москвы, не смотря даже на то, что новый голова начиналъ объ этомъ дѣло (Вор. Ак. 145, 146, 151). Но не лучше откупщиковъ были и вѣрныя головы. Въ 1622 году Углечаникъ Пашинъ, вздумалъ ли онъ нажиться отъ своего города, или выместить надъ посадскими людьми свои старые счеты, только онъ вызвался передъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и передъ отцомъ его, Филаретомъ, что онъ можетъ въ Угличѣ *надъ откупщиками, надъ Москвичи,* учинить прибыль, и собрать таможенной и кабацкой казны 1300 руб. Царь согласился и послалъ углицкому воеводѣ грамоту, чтобъ посадскіе люди выбрали къ этому сбору государеву, къ таможенной и кабацкой казнѣ въ цѣловальники, къ Ивану Пашину въ товарищи, извѣстное число человѣкъ. Пріѣхавъ въ городъ, Пашинъ сталъ грозить: чего деи не наберу, сидя городомъ и я деи напишу тое недоборную казну на посадскихъ людей, на тѣхъ деи, которые по государевѣ грамотѣ даны мнѣ въ товарищи. Видно, что онъ *сидѣлъ городомъ* хорошо, ибо на слѣдующій годъ Углечане жаловались царю, что онъ *въ досталь разорилъ ихъ* (А. А. Э. 150). Въ 1673 году жалуется новгородскій посадскій человѣкъ Солодовниковъ на кружечнаго голову Тихонова и на ларечнаго Клукина, съ цѣловальниками, въ томъ, что по указу великаго государя прислана была память къ головѣ, и велѣно имъ принять у него Степана подряднаго вина на кружечномъ дворѣ 1,000 ведръ. И голова съ цѣловальниками приняли вино сполна, и съ наливочными кружками, но въ пріемномъ винѣ росписки не даютъ, а имъ волочатъ и убытчатъ многое время, и за тое ихъ росписокою ему, Степану, изъ приказной палаты за

то вино денегъ не выдаютъ, а ему отъ этого проторы и убытки большіе чинятся. А того де вина они приняли по счету мѣрниковъ двадцать три, да онъ же Тихоновъ ималъ своимъ самовольствомъ у всякаго мѣрника вина по ведру и по полтора ведра, да у того жь мѣрника у его Степана были воскомъ края навощены, чего предь сего не бывало (Новг. челоб. изд. Купріян.)....

Всякій расходъ кабацкихъ суммъ производился не иначе, какъ съ разрѣшенія воеводъ и по царскимъ грамотамъ, причемъ всегда дѣлалась оговорка:—держать денегъ на расходъ вполовину противъ прежняго и даже меньше, «чтобъ государевой казнѣ порухи не было» (А. И. V, 25; П. С. З. 882). Разрѣшая расходъ на заготовленіе питей, приказывали произвести его по самымъ выгоднымъ и дешевымъ цѣнамъ, съ великимъ сбереженіемъ для казны. О подрядѣ на поставку вина выборные могли уговариваться съ людьми всякихъ чиновъ; а въ которые кружечные дворы вино ставить никто не похочетъ, то они должны были подряжать уговорщиковъ въ другихъ городахъ, съ условіемъ, какъ говоритъ грамота 1682, чтобъ цѣною дешевле и не выше московскихъ цѣнъ (Де-Пуле, В. А. 125). Когда же случалось, что подрядъ отданъ былъ за высшую цѣну, то посылались новыя грамоты разыскивать про то накрѣпко.

При сборѣ и храненіи кабацкихъ суммъ, были приняты всевозможныя предосторожности. Было сказано *великое подтвержденіе подъ смертною казнію*, чтобъ головы на кружечномъ дворѣ питейную прибыль сбирали мелкими деньгами (П. С. З., 341; Цар. гр. на Корочу, 166; П. С. З. 999). Деньги должно было класть въ ящики, а мимо ящиковъ въ мошны и карманы, и подъ блюда, и подъ ставцы, и никуда не клалибъ, *и въ питье не метали бъ*, а ящики печатать головѣ свою печатью, а вынимать деньги понедѣльно или помѣсячно, и писать въ книги (А. А. Э. IV, 63). Для пущаго наблю-

денія за денежной прибылью, и для записки прихода и расхода суммъ, велѣно было на кружечныхъ дворахъ, у денежныхъ сборовъ быть подъячимъ, выбраннымъ міромъ; но потомъ оказалось, что на кружечныхъ дворахъ сидятъ подъячіе безъ мірскихъ выборовъ, по воеводскимъ подписнымъ челобитнымъ *и по накупомъ*, чинятъ людямъ налоги, и тѣсненія, и *уѣзды пустѣютъ* (А. И. V, 140). Толпы кабацкихъ подъячихъ записывали въ книги каждую мелочь,— записывали, кому продано полведра, или четверть ведра, или даже кружка (П. С. З., 879), а потому, при большомъ кабакѣ было нѣчто въ родѣ канцеляріи, помогавшей головамъ и цѣловальникамъ опустошать уѣзды. Собранныя по кабакамъ деньги отвозились въ Москву помѣсячно и разъ въ годъ, какъ пригоже; но съ 1660 г. велѣно было во всѣхъ городахъ, подчиненныхъ Приказу Большаго Прихода, высылать въ Москву кабацкіе сборы одинъ разъ въ годъ, въ первому сентября, для того, какъ наивно признается грамота, чтобъ выборныхъ и цѣловальниковъ не подвергнуть лишній разъ *въ московской волокитѣ и проѣсти* (Доп. А. И. IV 149). Съ 1668 г. велѣно было высылать кружечные сборы два раза въ годъ, въ февралѣ и августѣ, а самихъ кабацкихъ головъ *для счету* высылать въ Москву послѣ Семенова дня вскорѣ. Всякій кабацкій голова былъ обязанъ двойнымъ отчетомъ, и мѣстному воеводу, и Москвѣ. Поэтому сибирскіе воеводы, чтобы по дальности разстоянія не подвергать головъ слишкомъ большимъ издержкамъ, посылали отчеты въ Москву прямо отъ себя; но въ 1696 году, въ слѣдствіе злоупотребленій, велѣно было высылать къ отчету самихъ головъ (А. И. IV, 8; П. С. З. 1545). Было объявлено, чтобъ сборщиковъ, пріѣзжавшихъ въ Москву, отпускать вскорѣ, безъ задержанія, «чтобы имъ, *волочась по Приказамъ многое время*, напрасныхъ убытковъ и проѣстей не было, и оттого бъ въ убожество не впадали, и приказные бы люди съ вѣр-

ныхъ головъ и цѣловальниковъ ничего не брали, и тѣмъ ихъ не тѣснили (П. С. З. 679; Собр. грам. IV, 127). Но тѣсноты были страшныя, ибо недаромъ по всему царству славилась московская волокита. Одинъ цѣловальникъ разсказывалъ: «будучи у сбору на кружечномъ дворѣ, воеводамъ *въ почесть для царскаго величества*, и для высылки съ казною къ Москвѣ, и для долговой выборки (напойныя деньги съ *питуховъ*), и *за обѣды* (?) харчемъ и деньгами носили не по одно время; и какъ къ Москвѣ пріѣхали, дьяку *въ почесть для царскаго величества* харчемъ и деньгами носили не по одно время, да подъячему также носили, да молодымъ подъячимъ отъ письма давали же, а у отдачи денежной казны для отписки, *для отпуску* дьяку да подъячему харчемъ и деньгами носили же не по одно время; а носили въ почесть изъ своихъ пожитковъ, да что брали съ товарищей своихъ цѣловальниковъ въ подмогу, изъ государевыхъ сборныхъ денегъ, *и носили по волѣ, а не отъ какихъ нападковъ* (Сол. XIII, 110). Выборныхъ высылали въ Москву *съ цѣлымъ причтомъ*. Кабацкаго голову Орлова города, внесшаго сборныя кабацкія деньги въ Бѣлгородѣ, куда воевода посылалъ его съ провожатыми, потомъ велѣли выслать въ Москву со всѣмъ причтомъ. «И тыбъ — писали воеводѣ — Орлова городка таможеннаго и кружечнаго голову, и цѣловальниковъ, и дьячка таможеннаго и кружечнаго двора съ сборными записными тетрадьми, каковы даны имъ для записки за приписью дьяка, и съ бѣлогородскими отписьми, и съ росписными списки, выслалъ въ Москву въ разрядъ къ отчету къ 1-му числу ноября нынѣшняго 1676 года. Грамота писана была въ октябрѣ, а въ декабрѣ снова подтверждали. Въ 1678 г. орловскіе кружечные сборы приказано было высылать въ Москву; но на слѣдующій годъ опять велѣли высылать ихъ въ Бѣлгородъ (Де-Пуле, В. А. 47, 71, 106). Еслибъ воевода не выслалъ въ срокъ голову, то на немъ

правили пеню. Въ 1658 г. бѣлогородскому воеводѣ было объявлено, что за невысылку въ Москву кабацкаго головы быть ему въ опалѣ, и кромѣ того на немъ будетъ доправлено 50 руб. безповоротно (Де-Пуле, 49). Но сами воеводы вносили еще большіе безпорядки въ управленіе. Они дѣлали различные налоги и притѣсненія, и *наровили откупщикамъ*.

Псковскіе челобитчики въ 1650 г. писали царю, что воеводы на указные сроки жалованья не выдаютъ, наровя откупщикамъ, чтобъ жалованье ложилось у кабацкихъ откупщиковъ.... Въ 1677 г. въ Перми учинился недоборъ, стали разспрашивать головъ и цѣловальниковъ, и они сказали: учинились тѣ недоборы отъ воеводскихъ налоговъ и примѣтовъ. Въ 1663 г. воеводамъ запрещено было считать головъ и цѣловальниковъ, а въ 1677 головы и цѣловальники окончательно были изъяты изъ вѣдомства воеводъ и подчинены надзору земскихъ старостъ (П. С. З. 642; А. И. V, 18).

На каждый кабакъ былъ положенъ окладъ, опредѣляемый доходами предъидущихъ лѣтъ, откупными суммами и другими обстоятельствами. Главнымъ и постояннымъ правиломъ при этомъ было то, что головы и цѣловальники должны были собрать кабацкія деньги съ прибылью противъ прошлыхъ лѣтъ. Для этого цѣловальникамъ было позволено дѣйствовать *безстрашно* (А. А. Э, III, 143), за прибыль ожидать его государевы милости, и *въ томъ приборѣ никакого себѣ опасенія не держать*, а главное *питуховъ не отгонять* (А. А. Э. IV, 59; П. С. З. 1142). Цѣловальники такъ и поступали. —«Я, государь, доносилъ Михаилу Өедоровичу въ 1118 г. Андрей Образцовъ, я, государь, никому не наровилъ, правилъ твои государевы доходы нещадно, *побивалъ на смерть*». Но если случался недоборъ, то казна не принимала никакихъ оправданій: «а о недоборахъ пишешь воров-

ствомъ, хочешь воровать, — велимъ недоборъ доправить вдвое» (Доп. А. И. III, 42). Всякій недоборъ ставился въ нерадѣніе и выборные должны были идти на правежъ (Бор. Опис. Шуи 62; А. Шуи 129; А. А. Э. IV, 63). Когда съ выборныхъ нечего было взять, то правежъ обращался на земскихъ людей, на избирателей, посадскихъ и крестьянъ, которые обязаны были наблюдать за кабацкими выборными, и, пользуясь этимъ, выборные сами старались свалить на нихъ свою вину. Попался кабацкій голова въ недоборѣ, и грозится земскимъ людямъ: «и я де напишу тое недоборную сумму на посадскихъ людей, на тѣхъ, которые де по государевѣ грамотѣ даны мнѣ въ товарищи». Мірскіе люди обыкновенно предупреждались насчетъ взысканій, которыя ихъ ожидали, слѣдующимъ образомъ: «а которой голова будетъ уличенъ какою хитростію или нерадѣніемъ въ недоборѣ, а мірскіе люди того не усмотрятъ, и тѣ недоборы доправить на нихъ, на мірскихъ людяхъ, да имъ же будетъ учинено наказаніе безо всякой пощады». Взысканіе прежде всего обращалось на людей достаточныхъ, изможныхъ, — но они раскидывали недоборныя деньги на бѣдныхъ, приволакивая ихъ къ обыску, и силой вынуждая отъ нихъ поручныя записи. Въ іюлѣ 1685 года, средніе и мелкіе люди города Пскова жаловались на посадскихъ, на прожиточныхъ людей, на Сергѣя Поганкина, Никиту Іевлева и Мокея Сигова, какъ послѣ году, у котораго ихъ выборнаго головы или у цѣловальника учинятца государевой казнѣ недоборы, а тѣ прожиточные люди бьютъ челомъ великому государю на Москвѣ о обыскахъ и тѣми обысками тѣ недоборы въ государевыхъ сборахъ отбываютъ, и сами государевою казною корыстуются, потому что тѣ обыски мы, сироты, заручаемъ по нуждѣ, что волочатъ стрѣльцами насъ сиротъ изъ домишокъ нашихъ за батогами, а сказывать велятъ въ сказкахъ, что ихъ же братья, прожиточные люди сказываютъ, и во всякихъ недоборахъ тѣ

изможные, прожиточные люди насъ бѣдныхъ спротъ выдаютъ, и ставятъ и бьютъ на правежѣ жь *большимъ боемъ*, и мы бѣдные тѣ недоборы платимъ изъ своихъ домишокъ и изъ станчишковъ» (Д. А. И. V, 1, 23, 24). При недоборахъ, какъ было сказано, казна не принимала никакихъ оправданій, — ни того, что народъ пить не хочетъ, ни то, что пить ему не на что, и настоятельно требовала недоборной суммы. Народъ переставалъ пить, и цѣловальники доносили царю: «въ твоихъ, государь, царскихъ кабакахъ, питуховъ мало». А царь на это имъ отвѣчалъ: «вамъ бы гдѣ искать передъ прежнимъ прибыли, а вы кабаки хотите оставить, чего прежде не бывало». Въ 1681 году, въ Орловѣ городкѣ, передъ прошлыми годами сдѣлался недоборъ въ восемь рублей, потому что мужикамъ не на что было пить, — не родился хлѣбъ, скотина померла, и воры грабили. Донесли объ этомъ въ Москву; тамъ, безъ сомнѣнія, не вѣрятъ этому, и приходитъ повелѣніе дознать, правда ли это, и не дѣлалиль головы и цѣловальники какихъ-либо хитростей, и допросить всѣхъ вмѣстѣ и порознь, всѣми способами, и узнать «межь себя цѣловальники чѣмъ нибудь не упрекались ли». —«И буде кто *изъ стороны* про голову и товарищей скажетъ, и сыщется то допряма, *то этимъ людямъ дано будетъ царское жалованіе* по разсмотрѣнію, да имъ же того головы и цѣловальниковъ будутъ отданы животы и промыслы.» (Де–Пуле, 130). На бѣлозерскомъ кружечномъ дворѣ въ 1677 году, противъ 1651 г., не добрано было 537 р. 20 алтынъ, полпяты деньги, и голова Симошка объяснялъ: «недоборъ де у нихъ учинился противъ окладу 1651 г. отъ того, что де въ томъ году питье продавали на кружечномъ дворѣ, и на многихъ стойкахъ, и въ уѣздахъ на праздники и на ярманки съ питьемъ ѣздили, и продавали, *и въ долгъ и подъ закладъ въ томъ году питье давали*, а хлѣбъ былъ дешевле, а они въ 1677 г. питье продавали на одномъ только кружечномъ дворѣ,

и въ долгъ и подъ закладъ питья не давали, а бѣлозерцы посадскіе люди оскудали *и питуховъ на кружечномъ дворѣ мало было*». Въ Москвѣ велѣли сыскать про то большимъ повальнымъ обыскомъ, вникая въ малѣйшія подробности (Доп. VII, 314). Но бывали и такіе случаи, что головы, пропивъ и прогулявъ казенныя деньги, отправлялись въ бѣгство. Въ 1637 году чердынскій воевода доносилъ, что таможенный голова пилъ, бражничалъ, за цѣловальниками не смотрѣлъ, и, укравъ много казенныхъ денегъ, бѣжалъ въ Соликамскъ. Дѣлался ли недоборъ, или голова убѣгалъ съ кабацкими деньгами, или что-нибудь другое случалось въ кабакѣ, во всякомъ случаѣ производился обыскъ, но на обыскѣ городъ, посадъ, село говорили въ одинъ голосъ, что они ничего знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ.

Когда же кабацкія деньги собраны были съ прибылью, то воеводу за это похваляли, а голову награждали милостивымъ словомъ. Въ 1698 году въ Сибири головы и цѣловальники находились въ такомъ положеніи, что имъ приходилось или помирать съ голоду, или воровать, а изъ Москвы имъ писали: «буде явится, что передъ прежними (выборными) у него, у головы и у цѣловальниковъ, радѣніе было, и прибыль не малая есть, *и имъ на пропитаніе дать небольшое, какъ пристойно*, чтобъ они и иные головы и цѣловальники охотнѣе и прилежнѣе, безъ поврежденія своей души, о дѣлѣхъ великаго государя всеусердно старались и *сборъ кабацкій умножали* (П. С. З. 1655). Иногда голову дарили дорогимъ ковшомъ, сукномъ и тафтою, смотря по прибыли и по человѣку. Въ концѣ XVII в. въ Ярославлѣ жилъ купецъ *Кучюмовъ*, происходившій, какъ видно, изъ татаръ. Онъ былъ кабацкимъ головою, въ 1684 году доставилъ казнѣ прибыль 1551 рубль 1½ деньги, и награжденъ за это былъ серебрянымъ вызолоченнымъ ковшомъ, который, переходя изъ рода въ родъ, дошелъ до извѣстнаго богача заводчика Ивана Кучюмова, и

теперь хранится у любимовскаго купца Нила Сторожева. На днѣ ковша — двуглавый орелъ; на носу — женщина въ хитонѣ, которая держитъ на головѣ козла; у ручки ковша изображены женщины во весь ростъ, въ одеждѣ на подобіе стихаря; въ правой рукѣ они держатъ книгу съ надписью: «*тако вѣрую*», а въ лѣвой вѣтвь древесную. Надъ нею надпись: «сивилла Европія». Затѣмъ кругомъ ковша обычная надпись, что онъ данъ такому то и проч. Въ Ярославлѣ, въ приходской церкви Ѳедоровской Божіей Матери, хранится ковшъ, пожалованный въ 1686 году Ярославскому посадскому человѣку Еремину отъ государей Ивана и Петра Алексѣевичей за прибылыя деньги по кружечному двору. На днѣ ковша высѣченъ двуглавый орелъ, на отгубѣ ручки вырѣзанъ *пеликанъ, терзающій грудь свою и кормящій дѣтей* (!), а снаружи, вокругъ ковша, надпись: «1686 года генваря въ 25 день пожалованъ симъ ковшомъ посадскій человѣкъ Родіонъ Леонтьевъ сынъ Еремииъ за службу его и за приборъ ярославскаго кружечнаго двора 1686 года.» (Зап. Рус. и Слав. Арх. I, 19 — 20). Въ 1707 году пожалованъ ковшъ въ два фунта соликамскому посадскому человѣку Андріяну Жданову, что онъ, будучи въ Сибири *якутскимъ кабацкимъ головою* съ 12-го ноября 6026 по 1-е число 704 года учинилъ противъ прежнихъ годовъ (прибыли) *у вина и у картъ*, и у мѣны соболей 11,721 р. два алтына (Пут. въ Черд. Солиг., 13).

Такимъ образомъ, главная обязанность выборныхъ, сидѣвшихъ въ *царевомъ кабакѣ*, состояла въ томъ, чтобъ сбирать питейную прибыль и явочныя пошлины. Мы уже видѣли, что въ кабакахъ были заведены пиво и медъ, и народу запрещено было приготовлять домашніе напитки. Но если бъ крестьянину пришла нужда сварить пивца къ празднику или къ свадьбѣ, или къ родинамъ, или къ крестинамъ, словомъ, какъ выражался самъ народъ, — «помолиться,» — онъ долженъ былъ идти въ съѣзжую избу, или къ кабацкому головѣ

и цѣловальникамъ, и платить явку, впослѣдствіи подавать имъ челобитныя, да тѣ челобитныя подписывать именно, насколько дней того питья дадутъ, и печатать тѣ челобитныя великаго государя печатью. Въ 1705 году, въ знакъ явки, въ Москвѣ давали позволительные виды изъ *Ратуши*, а въ городахъ и уѣздахъ изъ земскихъ избъ на гербовой бумагѣ ярлыки (П. С. З. 2094). Явку брали въ 1654 году съ четверти вина московской мѣры по два алтына, съ пуда меду по алтыну, съ пива съ четверти по 4 деньги, съ браги пьяныя по 2 деньги (ib. 130). Въ Верхотурьи, въ 1697 году, съ четверти по 4 деньги, съ пуда меду по 6 денегъ (ib. стр. 383). Въ Москвѣ въ 1705 году съ четверти по 10 денегъ, и съ медовыхъ ставокъ по 10 денегъ. Вино курить запрещено было крестьянамъ безъ всякаго исключенія, безо всякой явки, безо всякой милости; но народъ тайно все-таки курилъ вино и въ XVII вѣкѣ. Въ 1660 году предписано было: «а будетъ крестьяне учнутъ вино курить и продавать, и у тѣхъ крестьянъ сѣчь руки и ссылать въ Сибирь» (Д. А. И. IV, 73).

Всѣ эти установленія, вдругъ возникшія въ московскомъ царствѣ, весь этотъ бытъ съ *кабаками* и *цѣловальниками*, съ подъячими въ кабакахъ, съ явкой питей, съ записываніемъ въ книги, сколько и когда выпить пива, — все это было ново для народа, привыкшаго жить въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ при свободномъ пользованіи напитками, составлявшими такую же насущную потребность жизни, какъ и хлѣбъ. Народъ никакъ не могъ помириться съ этимъ новымъ положеніемъ дѣлъ и принималъ всѣ мѣры жить своей старой *корчемной* жизнію, хотя этотъ порядокъ жизни считался уже противозаконнымъ, сдѣлался преступленіемъ, не допускающимъ никакой милости. Поэтому вдругъ вся Русская Земля оказалась повинной въ корчемствѣ, и казнь за корчемство несла въ теченіе почти трехъ сотъ лѣтъ. Корчемство въ XVII в. распространялось

какъ зараза, и тамъ, внизу, у народа, оно было совершенно понятно и естественно, ибо вызывалось нуждою, а вверху оно сдѣлалось средствомъ наживы и грабежа. — Итакъ вторымъ дѣломъ кабацкихъ выборныхъ было преслѣдованіе корчемства и взысканіе корчемныхъ пошлинъ.

VIII.

Кабацкіе выборные должны были смотрѣть, чтобы мимо кабаковъ вина не курили, пивъ не варили, медовъ не ставили, и виновный въ этомъ считался корчемникомъ. Поэтому *кабацкіе головы* и *цѣловальники*, а потомъ съ XVII в. корчемные *сыщики*, получали право надзора надъ общественной и домашней жизнью народа, право входить въ его семейную жизнь съ обыскомъ, насиліями, производя *срамъ* и оскорбленіе нравственнаго достоинства человѣка....

По городамъ, въ каждый торговый день, на площадяхъ появлялись бирючи, и кликали, чтобъ продажнаго и неявленаго питья никакіе люди у себя не держали, и вина не курили. Но народъ не слушалъ ничего, а продолжалъ попрежнему варить пиво, курить вино, заводилъ *тайныя корчмы*, а въ кабаки не шелъ — тамъ собирались одни лишь питухи. Продавцы вина ходили тайно съ кувшинами, плошками и ковшами, продавали вино со дворовъ сткляницами, или развозили въ бочкахъ (П. С. З. 1642). Дворовые люди, крестьяне и дворники крадутъ вино у бояръ, и торгуютъ имъ (Ул. XXV, 7), корчемствуютъ архіерейскіе служители, монахи, монахини. Мы уже видѣли, что соборъ запрещалъ десятильникамъ держать корчмы. Царская грамота двинскому воеводѣ

1623 года извѣщаетъ, что новгородскаго де митрополита дѣти боярскіе на монастырѣ ставятся сильно, *корчму и женокъ держатъ*, а городовой де прикащикъ Иванъ Багачинъ въ монастырѣ ставится сильно же, *корчму и женокъ держитъ*, и на монастырѣ де у нихъ святому мѣсту и царскому богомолью чинятся позоръ великій и продажи (А. И. I, 168). Никонъ, не въ силахъ будучи сладить съ монахами Печенскаго монастыря писалъ царю, что къ тѣмъ старцамъ пріѣзжаютъ нарочно на корабляхъ нѣмцы, и тѣ старцы, хотя твое государево богомолье видѣть въ пустѣ, монастырскую соль и рыбу на корабляхъ имъ нѣмцамъ на вино и на водки и романею и на ренское и на всякія нѣмецкія питья мѣняютъ, и съ тѣми жъ съ воеводами и стрѣльцами и съ посадскими людьми за одно пьютъ и бражничаютъ и монастырь разорили и все пропили вмѣстѣ, (Зап. Рус. и Слав. Арх. II, 651). Корчемствовали ямщики, стрѣльцы, солдаты и всякіе служилые люди.

По словамъ Корба (1698), Прозоровскій, желая прекратить торговлю виномъ по домамъ ямщиковъ, потребовалъ у Гордона 50 солдатъ, и съ писаремъ послалъ ихъ отобрать у ямщиковъ водку, но они, собравшись гурьбою, стали солдатъ отгонять; трое солдатъ пало, многіе ранены. Но ямщики угрожали притомъ, что будетъ и хуже, если еще разъ назначатъ подобное преслѣдованіе (Чт. 1867, I, 170).

Коломенскаго кружечнаго двора голова Микифоръ Прохоровъ съ товарищами доносилъ въ 1653 году: велѣно ему съ кружечнаго двора государеву казну, сборные деньги, сбирати на государя на вѣру, въ правду, а питье велѣно продавать въ указные дни и часы, а о великій постъ и о святой недѣли и въ успенскій постъ же, и въ воскресные дни во весь годъ, а рождественскаго и петрова постовъ въ среды и пятки, съ того кружечнаго двора питья продавать не велѣно, — но въ тѣ запрещенные дни солдатскаго строя служилые люди приходятъ на коломенскій кружечный дворъ, и продаютъ

вино изъ флягъ въ чарки явно, а въ которые де дни кружечный дворъ бываетъ отпертъ, и въ тѣ дни солдаты, ходячи около кружечнаго двора, на торгу и по рядамъ, и на посадѣ, въ слободахъ, на дворѣхъ и на улицѣхъ, вино продаютъ безпрестанно, и маеръ де ихъ отъ той винной продажи не унимаетъ, и во всемъ имъ самъ наровитъ, потому что многажды, съ виномъ имая, къ нему солдатовъ приводили, и онъ ихъ освобожаетъ безъ наказанія, а по дворѣхъ де тѣ солдаты, гдѣ кто стоитъ, на продажу варятъ и продаютъ пьяныя браги, а на выимку они, Микифоръ съ товарищами, къ нимъ ходить не смѣютъ, потому что похваляются убить до смерти. Да солдаты же по вся дни сбираются на государевѣ коломенскомъ кружечномъ дворѣ, въ въ избахъ, и играютъ зернью и карты, и о томъ де онъ, Микифоръ съ товарищи, не одно время маеру извѣщалъ, чтобъ онъ ихъ отъ того унялъ, и маеръ де ихъ не унимаетъ; а какъ де они учнутъ ихъ съ государева кружечнаго двора сбивать, чтобъ зернью и карты не играли, и они де ихъ Микифора съ товарищами бранятъ, и хотятъ бить, и съ кружечнаго двора нейдутъ, чинятся сильны. Да въ нынѣшнимъ же, 1653 году, декабря въ 6-й день, солдатскаго жь строю служилые люди собрався на государевъ кружечной дворъ, человѣкъ съ двѣсти и больше, учали къ избахъ ломать подставы, и питье кабацкое лить, и цѣловальниковъ волоча изъ избъ, бить кольемъ и дубинами до смерти, и они де, Микифоръ съ товарищи, видя надъ собою смертное убійство, учали бить въ колокола, и едва государеву казну отстояли, а въ то де время тѣ солдаты цѣловальника Абакумка Ременникова да работника Ивашка Долгова убили, только де и живы будутъ ли, пробили имъ головы до мозгу, и руки и ноги переломали. Да того жь числа, въ полночь, кружечнаго двора цѣловальникъ Викулка Ильинъ прибѣжалъ къ намъ въ государеву казенную избу, испужався, и сказалъ,

что капитанъ и м — іе — (sic) не вѣдаетъ, а въ лицо знаетъ, собравъ съ собою солдатовъ человѣкъ съ 50 и больше, перелѣзли къ нему на дворъ черезъ ворота, поставили межь государева кружечнаго двора и казенной избы, на дорогѣ, солдатовъ, въ день и ночь въ перемѣнѣ человѣкъ по 20 и больше, съ мушкеты и съ пиками, и тѣ де солдаты на государевъ коломенской кружечной дворъ никого питуховъ не пускаютъ, и продаютъ имъ питье сами, да на всякой де день приходитъ къ нимъ Нѣмчинъ, на кружечной дворъ къ избамъ, по трижды и четырежды въ день, а съ нимъ солдатовъ человѣкъ по 50 и больше, съ барабаны и съ мушкеты, и съ пиками и съ копьи, а для какого умыслу приходитъ, того имъ невѣдомо, и, видя де такой страхъ коломняне и коломенскаго уѣзда, которые придутъ купить питья, съ кружечнаго двора бѣжатъ врознь, — и солдаты де, которые стоятъ съ мушкеты, у питуховъ питье отымаютъ и разливаютъ (А. Н. IV, 198). Точно также поступали и стрѣльцы, и не допускали вынимать корчемныя питья. Въ 1614 году послали на Бѣлоозеро въ кабацкіе головы Іева Карпова, и велѣли ему беречи на крѣпко, чтобъ въ городѣ на посадѣ дворяне, дѣти боярскіе, иноземцы и стрѣльцы и пушкари и посадскіе люди мимо кабака питей на продажу не держали; но Карповъ доносилъ, что стрѣльцы чинятся сильны, и не даютъ вынимать у себя продажнаго питья (А. И. III, 59). Войско въ концѣ XVII в. получило новое устройство, и явились новые корчемники изъ урядниковъ и солдатъ. Однажды въ Москвѣ узнали, что въ нѣмецкой слободѣ въ извѣстномъ домѣ солдаты держатъ вино. Подъячій съ отрядомъ стрѣльцовъ явился на выимку, и нашелъ вино, хотя солдаты успѣли спрятать его въ саду. Стрѣльцы взяли вино, захватили и нѣсколько солдатъ; но прибѣжали другіе солдаты, освободили товарищей, отняли вино, и протолкали стрѣльцовъ до городскихъ воротъ. Тутъ къ стрѣльцамъ

пришла подмога, и солдаты, въ свою очередь, принуждены были бѣжать; но скоро и они получили подкрѣпленіе, солдатъ набралось 800 человѣкъ, стрѣльцовъ было 700, и произошелъ бой (Сол. XIII, 222). Корчемствомъ занимались солдаты *преображенскаго*, *семеновскаго*, *выборнаго и бутырскаго полковъ*, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Солдатскихъ женъ и дѣтей, уличенныхъ въ корчемствѣ, велѣно приводить къ розыску въ преображенскій приказъ, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку; но при этомъ оговорено, что за работу или мастерство какое можно давать солдатамъ ведро вина или меньше; но кто дастъ больше ведра, того считать наравнѣ съ корчемникомъ. (П. С. З. 1712, 1716, 2715, 1724, 4535, 5814, 7303). Не меньше другихъ занимались корчемствомъ и тѣ, которымъ порученъ былъ надзоръ за питейными сборами. Въ 1664 году на Колмогорахъ уничтожены были всѣ кабаки, и вмѣсто нихъ заведенъ одинъ кружечный дворъ; но воевода доносилъ, что въ Колмогорахъ на посадѣ кружечныхъ дворовъ голова Надѣя Коровинской съ товарищи вино русское и нѣмецкое и водки продаетъ съ виннаго подвалу, да на колмогорскихъ же посадѣхъ, въ шти мѣстѣхъ, и не только за деньги, но и въ долгъ вино отдаетъ, и въ записяхъ пишутъ винную отдачу деньгами въ оржаной солодъ на винное куренье, а не виномъ (Доп. А. И. IV, 139). Въ 1698 году приставники по сибирскимъ питейнымъ дѣламъ воровали знатно, покравъ себѣ немалое число; въ вино воду примѣшивали, также провожатые привозили вмѣсто добраго вина смѣшанное съ водою. Въ 1692 году для вынмки питей установили бурмистровъ, выборныхъ изъ купеческаго чину, а съ 1699 г. кабацкихъ бурмистровъ, — но и бурмистры воровали. Узнали, что корчемству потворствуютъ сами приказные дьяки, и поэтому съ 1705 года вынмку питей велятъ вѣдать по прежнему въ Ратушахъ, не ссылаясь ни съ которыми приказы, гдѣ вся-

кихъ чиновъ люди корчемное вино, пиво и табакъ сами, и крестьяне по ихъ приказу, продають, или въ томъ имъ, людямъ своимъ и крестьянамъ, совершенную понаровку чинятъ, или приказнымъ или мастеровымъ людямъ за работу и всякія вещи виномъ платятъ. Воровали сами воеводы. На мангазейскаго воеводу Кокорева доносили, что къ сыну его промышленные люди ходятъ ежедневно продажное вино пить: кто принесетъ гривну, тому дастъ чарку; кто принесетъ двѣ гривны, тому дастъ двѣ чарки, и такъ дальше по разсчету, и какъ эти люди, напившись, пойдутъ отъ того двора, то люди его, крестьяне, перстни и пояса съ нихъ оберутъ, а съ иныхъ и все платье поснимаютъ въ закладъ (Сол. IX, 401).... Изъ наказа 1692 г. видно, что сибирскіе воеводы и дьяки и письменные головы провозили съ собою изъ Москвы и изъ иныхъ городовъ въ Сибирь вино и медъ, и, будучи въ сибирскихъ городѣхъ, тѣми своими запасы сами и дѣти ихъ торговали, продавая на деньги, и мѣняя на соболи и лисицы (А. И. V, 77; П. С. З. 1443). Въ 1698 году воеводы другъ на друга въ провозѣ и продажѣ многаго вина, меда, пива и *квасу* доводили, и посторонніе люди извѣщали, а во многихъ дѣлѣхъ явилось, что тѣ воеводы, сверхъ указнаго числа многое вино въ Сибирь провозили, и дорогою ѣдучи, въ Тобольску и Турѣ продавали, и на своихъ дворахъ постороннимъ и многимъ тутошнимъ людямъ продавать велѣли. (П. С. З. 1655). Обширная корчемная торговля виномъ заводится, наконецъ, въ московскомъ кремлѣ, возлѣ самаго царскаго двора, въ земскомъ приказѣ, гдѣ вѣдались московскіе посадскіе люди, бѣлыя и черныя слободы, московскія разбойныя дѣла, а также мощенія улицъ и очистка ихъ во время царскихъ выходовъ..... Царю Алексѣю Михайловичу было подкинуто письмо, въ которомъ говорилось: «вѣстно тебѣ, государь, будетъ, что у тебя, государя, близъ твоего царскаго дворца, великое воровство чинится на зем-

скомъ дворѣ. Многіе вѣдомые воры изъ ссылокъ собрались, записываются въ метельщики, и многіе бѣглые рейтары и солдаты, и всякіе служилые люди, збѣгши съ твоей великаго государя службы, живутъ для воровства, *торгуюшъ виномъ и табакомъ* во всѣхъ избахъ ортельми, вино продаютъ въ чарки и въ ковши и въ скляницы и подъ заклады даютъ, а заклады принимаютъ татиные и разбойные и сами пьяныхъ грабятъ. А деньги они дѣлятъ помѣсячно, а достаетца имъ на мѣсяцъ рублевъ по пятнадцати и болше, да они жъ нарядчикомъ съ артели даютъ рубли по три и по четыре на мѣсяцъ. А всего у нихъ винной и табачной продажи сходитца на мѣсяцъ рублевъ по тысечѣ и болши. — А зернью, государь, они, запоя пьяныхъ, все заговоромъ оговариваютъ и даромъ отнимаютъ и грабятъ, кости и карты поддѣлываютъ, а земскаго, государь, приказу началные люди про то ихъ воровство про всевѣдаютъ, да покрываютъ, потому что они и съ ними вовсемъ дѣлятца, и они ихъ во всемъ покрываютъ да изъ стороны оберегаютъ. — И нынѣ ихъ, воровъ, собралося на земскомъ дворѣ болши тысечи человѣкъ, и отъ того ихъ воровство твоей великого государя службѣ великая спона, и многіе, государь, отъ нихъ домы разорились. Да они жъ, метелщики, держатъ у себя молодыхъ робятъ, и чинятъ съ ними Содомскій грѣхъ, и беззаконіе отъ нихъ многое чинитца» (Зап. Русс. и Слав. арх. II, 682).

У архангельскаго порта, и по всей югозападной границѣ торговлей виномъ (корчеметвомъ) занимались нѣмцы, польскіе купцы и черкасы (южноруссы). Польскіе купцы (1636) подмосковными проселочными дорогами провозятъ *вино горячее и табакъ.* Пріѣхали они въ Оскольской уѣздъ, и оскольской воевода Пущинъ ихъ ограбилъ. Двое литовскихъ купцовъ пробрались въ Тверь съ виномъ и табакомъ, и были высланы вонъ, а для береженья посланъ съ ними приставъ; но они, отъѣхавъ отъ Твери 5 верстъ, пристава отъ

себя отбили, и поѣхали самовольно къ Ярославлю, многіе городы объѣзжая воровствомъ; когда пріѣхали они въ Ярославль, то ихъ изъ Ярославля выслали, и они начали по деревнямъ съ виномъ и табакомъ ѣздить. За такое воровство они посажены въ Ярославлѣ въ тюрьму, и потомъ изъ тюрьмы выпущены, и заповѣднаго товару, бочка съ виномъ, у нихъ разсѣчена, а табакъ сожженъ, (Сол. IX, 260). Въ 1645 году два московскіе священника, — одинъ отъ церкви Никола на Столпахъ, а другой отъ Кузьмы и Даміана, подали челобитную, что вдовыя нѣмки держатъ у себя по дворамъ *всякія корчмы*. Вообще въ Москвѣ корчемство стало какой-то общественной заразой.

Вся тяжесть корчемныхъ выемокъ падала на крестьянина. Крестьянинъ, нуждавшійся въ винѣ по случаю праздника и не желавшій идти въ кабакъ изъ стыда, или изъ опасенія, что его тамъ спорятъ, или ограбятъ, или потому, наконецъ, что кабакъ отстоялъ далеко, — покупалъ гдѣ-нибудь винца и подвергался разграбленію. Если случалось, воевода узнаетъ, что въ такомъ-то мѣстѣ есть вино, или *квасъ дрожжаной*, или даже *сусло* (А. Ю, 274), онъ тотчасъ ѣдитъ туда большимъ повальнымъ обыскомъ, или посылаетъ, вмѣстѣ съ головой и цѣловальниками и стрѣльцами, дворянъ и дѣтей боярскихъ (А. А. Э. III, 143) *выняти*, что будетъ найдено. Въ 1615 г. дошелъ слухъ до воеводы, что постановлено въ заболоцкой волости, въ деревнѣ Деминѣ вино, а привезено то вино съ Вологды. Сотникъ стрѣлецкій съ разсыльщикомъ, да съ нимъ стрѣльцовъ пять человѣкъ, поѣхали выняти то вино, и привезли къ съѣзжей избѣ, къ воеводѣ да къ дьяку, крестьянина Мартюшку Тянухина, да крестьянку Марьицу, да малаго Первуньку, а съ ними привезли двѣ насадочки вина, всего ведра съ четыре, а взято то вино въ коровникѣ. Стали ихъ допрашивать, и всѣ они, даже маленькій Первунька, сказали одно, что пріѣхалъ къ нимъ какой-то неиз-

вѣстный человѣкъ, оставилъ вино на время и не возвращался. Воевода съ дьяками приговорили: то вино отдать на кабакъ *чюмаку* (?) въ печатное ведро, а за то вино, по государеву указу, по кабацкой цѣнѣ, въ государеву казну взять по 2 р. по 10 алтынъ, а на Марьицѣ да на Мартюшкѣ и даже на маломъ Первунькѣ доправить заповѣдныхъ два рубля за то, что они невѣдомыхъ людей пускаютъ къ себѣ на дворъ съ виномъ (А. Ю. 74). Наѣхавшій воевода имѣлъ право тутъ же и бить виновнаго, какъ корчемника (А. И. III, 44; Д. А. И. III, 55; П. С. З. 130). За пойманнаго вступался народъ. Боярскіе дѣти и стрѣльцы поймаютъ корчемника, увидятъ лавочные сидѣльцы, и отбиваютъ его, а народъ отбиваетъ табачниковъ и питуховъ. (Ул. XXV). Когда же нельзя было отбить, то за пойманнаго давали поручныя записи, что такому то, живучи за нашими поруками, вина не курити и не продавати, а учнетъ онъ это дѣлать, то на насъ монастырская пеня (дѣло шло съ тихвинскимъ монастыремъ), а въ пени, что укажетъ игуменъ съ братіею (А. Ю. 304). Тому же тихвинскому монастырю посадскіе люди дали поручную запись за посадскую жилицу Анну Кузмину, да за сына ея за Ивана, что имъ живучи въ посадѣ, виномъ и пивомъ *не кучити*, и зерни, и бл... не держати и никакимъ воровствомъ не воровати. Но когда не удавалось отбить или выручить пойманныхъ съ виномъ, то вино у нихъ отбирали, а ихъ самихъ били кнутомъ и ставили на правежъ, доправлять съ нихъ заповѣдныя пошлины, а если дѣло было съ монастыремъ, то виновныхъ смиряли еще *монастырскимъ смиреніемъ* (А. Ю. 108)...

Люди черныхъ сотенъ и слободъ тяглыхъ для выимки выбирали межь себя десятскихъ, которые должны были смотрѣть за корчемствомъ, и извѣщать въ новую четверть. Но, во всякомъ случаѣ, преслѣдованіе корчемства и наблюденіе за выемкой возложены были на воеводъ. Царская грамота

1661 г. дѣлаетъ крѣпкій заказъ вологодскому воеводѣ, чтобъ онъ смотрѣлъ за неявленнымъ питьемъ: «а буде ты и дьякъ корчемнаго, продажнаго питья, для своей бездѣльной корысти, вынимать не велите, то, когда случится недоборъ, — онъ будетъ доправленъ на васъ». Прошло восемь лѣтъ, дѣйствительно явился недоборъ, и въ 1669 году новая грамота идетъ въ Вологду: «нынѣ мы услышали, что чинятся на кружечномъ дворѣ недоборы большіе, и вы корчемникомъ наровите, — то буде у кого корчемное питье объявится, тѣмъ быть въ жестокомъ наказаніи безо всякой пощады, и сослану въ Сибирь, а помѣстья ихъ взять безповоротно». Не зная, какія уже принять мѣры къ прекращенію корчемства, Москва приказывала воеводамъ подслушивать и вывѣдывать тайно. Таже грамота 1669 г. продолжаетъ: «и вамъ бы одноличнo о томъ корчемномъ питьѣ заказъ учинить крѣпкой объѣзжимъ и кружечныхъ дворовъ головамъ, цѣловальникамъ, стрѣльцамъ и приставамъ, чтобъ они провѣдывали всякими мѣрами, и подсылкою для покупки корчемнаго питья велѣли бъ есте подсылать, а тѣмъ людямъ, по извѣту которыхъ питье будетъ вынято, велѣли бъ давать изъ опальныхъ животовъ по рублю человѣку и больше, *чтобъ ему впредь провѣдывать и извѣщать было повадно* (А, А. Э. IV, 166). Въ 1681 году назначены были въ Москвѣ объѣзжіе головы изъ дворянъ добрыя пятнадцать человѣкъ, да стрѣльцовъ для выимки и посылки сто человѣкъ. Въ наказѣ объѣзжему головѣ 1699 года велѣно быти ему въ объѣздѣ, гдѣ вѣдаетъ, *кромѣ стрѣлецкихъ слободъ*, и ѣздить ему по улицамъ и переулкамъ безпрестанно и провѣдывать накрѣпко, чтобъ ни у кого корчемнаго питья не было, а у выемки, надъ солдатами смотрѣть, чтобъ никого не били, не грабили и не устрашали, *и корчемнымъ бы питьямъ не подметывали, и клепать никого ничѣмъ не учили*, и, взявъ кого съ корчемнымъ и съ неявленнымъ виномъ, или на улицѣ пьянаго, къ

себѣ по подворьямъ не водили. (П. С. З. III, 634). Назначили для управленія питейнымъ дѣломъ, и для выимки питей земскихъ бурмистровъ, и въ 1700 г. предписывали имъ, чтобъ меньше указныхъ цѣнъ вина не продавали, исключая порубежныхъ мѣстъ, куда зарубежные питье подвозятъ по малой цѣнѣ, — тамъ-то продавать дешевле, *только бъ питухи, мимо государевыхъ питейныхъ сборовъ, для дешевыхъ цѣнъ, за рубежъ не ходили*, а которые послѣ сего будутъ ходить за рубежъ, съ тѣми поступать, какъ съ корчемниками (П. С. З. 1816, 1225, 2064, 2074). Выемнымъ головамъ приказываютъ править деньги съ корчемниковъ, а буде съ нихъ взять нечего, — со старостъ и выборныхъ; *извѣтчикамъ* изъ несвободныхъ и рабовъ обѣщаютъ свободу, и кромѣ того часть помѣстій и вотчинъ корчемниковъ. Но оказывается, что и сами кабацкіе бурмистры, *по замерзлому своему противству*, наготовя вина число многое и продавъ, писали, крадучи излишнія себѣ деньги продажею, въ книги, съ убавкою, и цѣну продажамъ записывали неравную; такожь и отъ цѣловальниковъ тѣхъ продажъ многія чинятся общія съ тѣми городовыми бурмистры воровства, о чемъ по нынѣшнимъ розыскнымъ въ Ратушѣ дѣлалъ явно; а въ иныхъ городахъ и сами бурмистры и цѣловальники винились, что ради себѣ многаго прибытка такъ воровски чинили, и тѣ вымышленныя воровствомъ краденыя деньги по себѣ дѣлили, и, привозя къ Москвѣ, приказнымъ людямъ себѣ же для пользы давали. И для того, что многими ихъ великихъ государей указами то корчемство запрещено, и истребиться доселѣ не можетъ, то ведерную, полуведерную и четвертную продажу вина производить только съ отдаточнаго двора, и записывать ее въ книги, а съ кружечныхъ дворовъ не покупать, а буде которые купятъ вино не въ указномъ мѣстѣ, и въ книгахъ покупки не явится, таковый въ томъ будетъ истязанъ, а паче *приказные и ку-*

печескихъ чиновъ люди (П. С. З. 2074). Въ Москвѣ по всѣмъ слободамъ и улицамъ выбрали старостъ и десятскихъ, извѣтчикамъ снова обѣщали десятую часть изъ имущества, а несвободнымъ рабамъ и работникамъ свободу. Но доносы были рѣдки. Въ 1705 году винный подрядчикъ куньевской волости Григорій Некошевъ, пишетъ доносъ, что въ московскомъ уѣздѣ курятъ вино разныхъ селъ и деревень крестьяне, по именамъ тридцать человѣкъ, да дьяконъ, дьячокъ и пономаревы дѣти, — курятъ на пятьдесятъ пять кубовъ. Для выемки вина и взятія у нихъ кубовъ посланы изъ Ратуши подъячіе Өедоръ Карандашевъ да выемной Иванъ Андреевъ, и для подлиннаго при тѣхъ выемкахъ извѣстія, дворцовой канцеляріи подъячій Василій Овсянниковъ; но кубовъ они ни у кого не нашли. И вотъ изъ Москвы разсылаются указы и особые посланные разыскивать вездѣ винокуренную посуду, и ломать ее на мѣстѣ, или отбирать въ казну, потому что — говоритъ указъ — какъ отберутъ гдѣ винную посуду, такъ въ кружечныхъ дворахъ тотчасъ же сказывается прибыль (ib. 2204). По указу 1711 г. корчемниковъ ссылаютъ на каторгу, а тѣхъ, которые знали о нихъ и не донесли, подвергаютъ жестокому штрафу; но, замѣтивъ потомъ, что черезъ это многіе лишаются имѣнія, и иные подъ наказаніе подпали, въ 1751 году велятъ всѣхъ, обвиненныхъ по корчемнымъ дѣламъ до 1749 г., простить, и имѣнія имъ возвратить, содержащихся въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ подъ карауломъ освободить (ib. 9,920), — и все-таки корчемство распространяется болѣе и болѣе, обхватывая всѣ области, присоединяемыя къ Москвѣ, — инородцевъ, бѣлоруссовъ и украинцевъ.....

IX.

Читая позднѣйшія описанія быта инородцевъ, постоянно встрѣчаешься съ однимъ и тѣмъ же извѣстіемъ, что они *всѣ страшно преданы горячимъ напиткамъ* (Ж. М. В. Д. XXXVIII, 1852). Но если мы обратимся къ судьбамъ ихъ исторіи, то эта пресловутая страсть инородцевъ къ пьянству получитъ совершенно иное значеніе.

Пермь, Печора (зыряне) и Югра съ древнихъ временъ вели значительную торговлю съ Великимъ Новгородомъ и съ дальнимъ востокомъ, вплоть до Индіи. Обширная торговая дѣятельность могла принести этимъ народамъ цивилизацію; но, съ одной стороны, грабежи разнузданной новгородской вольницы, а съ другой — московскій кабакъ сгубили судьбу сѣверныхъ народцевъ, *вымирающихъ* теперь на нашихъ глазахъ (Кост., Сѣверноросс. народ. I, 419). Инородцы съ незапамятныхъ временъ пили пиво, брагу, кумышку; Новгородъ Великій съ этой стороны не стѣснялъ ихъ ничѣмъ, а Москва ввела къ нимъ кабаки. Какъ вводился и распространялся у нихъ московскій кабакъ — это можно видѣть изъ исторіи г. Верхотурья.

Въ 1597 году Верхотурскій житель Бабиновъ нашелъ, прочистилъ и вымостилъ дорогу изъ Соликамска въ Сибирь,

и здѣсь, въ Пермской землѣ, гдѣ было старое Чудское городище Неромкуръ, велѣно было въ 1598 году сдѣлать городъ и острогъ, а для строенія взять денегъ, между прочимъ, у Сарыча у Шестакова, изъ земскихъ и кабацкихъ сборовъ; но Сарычъ и земскіе люди въ деньгахъ отказали, сказали, что на кабакѣ въ Чердыни денегъ нѣтъ. Изъ Москвы на это отвѣчали, что если въ Перми денегъ не дадутъ, то взяли бы сами (Врем. 25, см. 4 — 6). Поставленъ былъ городъ, и названъ Верхотурье. Здѣсь *люди воинскіе*, *казаки литовскіе* и *малороссійскіе* сталкивались съ вогулами и остяками, и вели съ ними мѣновую торговлю. Проѣзжающихъ было много, такъ что инородцы не въ силахъ были исправить ямскую повинность, и поэтому, въ 1660 году, высылаютъ сюда изъ разныхъ мѣстъ крестьянъ и освобождаютъ ихъ отъ податей съ тѣмъ, чтобъ они исправляли ямскую повинность и даромъ гоняли казенную почту. Въ то же время вызываютъ *охочихъ людей* изъ Перми, Вятки и изъ другихъ мѣстъ. Въ 1660 году устроенъ въ Верхотурьѣ обширный дворъ для склада европейскихъ и азіатскихъ товаровъ, и заведена таможня. Черезъ восемь лѣтъ городъ уже былъ тѣсенъ для жителей, и занимаемое имъ пространство теперь удвоилось, и чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ знаменитѣе дѣлалось Верхотурье. Воеводами въ немъ все были люди извѣстные — Годуновы, Барятинскіе, Нарышкины, Лопухинъ—тесть Петра. Наконецъ, городъ удостоился получить и свою собственную святыню: въ 1615 году открыты были мощи св. Симеона Верхотурскаго. Цвѣтущее состояніе города, продолжавшееся два съ половиною вѣка, необходимо должно было отразиться и на кабакахъ. Москва всегда избирала для кабаковъ бойкія и торговыя мѣста, и потому несомнѣнно, что и верхотурскій кабакъ явился вскорѣ послѣ основанія города, и долгое время не переставалъ возбуждать всеобщее неудовольствіе, и собирать около себя пьяницъ. Верхотурскіе

воеводы Барятинскій и Языковъ въ 1623 году пишутъ въ Москву, что съ тѣхъ поръ, какъ по указу царскому устроенъ на Верхотурьѣ кабакъ, то верхотурскіе служилые люди, стрѣльцы и казаки и ямскіе охотники, и пашенные крестьяне, на верхотурскомъ кабакѣ многіе пропились, а ямскіе охотники, пропивая, разбрелись, а пашенные крестьяне отъ того кабака одолжали и обнищали, *воеводы же унимать ихъ не смѣютъ, боясь кабацкаго недобора*. Царь имъ на это отвѣчаетъ: «то вы пишите къ намъ, не радѣя о нашемъ дѣлѣ, что кабакъ хотите оставити. Кабакъ, вѣдь, заведенъ не вчера, а давно, задолго до московскаго разоренія, и до васъ много воеводъ перебыло на Верхотурьѣ, но никто изъ нихъ о томъ кабакѣ намъ не писалъ, а вы, вмѣсто того, чтобъ искать предъ прежнимъ прибыли, хотите и старое растерять. Все, что вы пишете къ намъ не подѣломъ, — это отъ лѣности, или, можетъ быть, смотрите на Тобольскъ, гдѣ кабаки велѣно снесть, и то не образецъ. Въ Тобольску кабакъ былъ заведенъ недавно, а Тобольскъ въ Сибири первый городъ, и тобольскіе служилые и всякіе жилецкіе люди учали пить безпрестанно, и въ Тобольскѣ потому велѣно снесть кабакъ, *чтобъ беречь нашихъ служилыхъ и торговыхъ людей*, а у васъ, на Верхотурьѣ, *не одни служилые люди пьютъ*, а есть много пріѣзжихъ изъ разныхъ мѣстъ Сибири, и поэтому кабакъ уничтожить нельзя. И какъ къ вамъ наша грамота придетъ, вы бы заказали крѣпко, чтобъ служилые люди, ямскіе охотники и пашенные крестьяне не пропивались, а и опричь тутошнихъ служилыхъ людей и ямскихъ охотниковъ и пашенныхъ крестьянъ пить на кабакѣ будетъ кому; а затѣмъ поручаемъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ доходы съ кабака передъ прежними годами собраны были непремѣнно съ прибылью. Прежде, продолжалъ царь—для кабацкаго сбора присылали въ Верхотурье изъ Тобольска худыхъ тамошнихъ людей *), которые

*) Это продолжалось съ 1620 по 1623 г. А. И. III. 122).

все ссорились съ верхотурскими воеводами, да и то постоянно были прибыли, и никто не писалъ, чтобъ снести кабакъ, а теперь верхотурскій кабакъ отданъ вамъ, а для сбора присылаютъ головъ изъ Казани и изъ Чебоксаръ, выборныхъ лучшихъ людей, такъ какъ же не быть у васъ прибыли; и вамъ бы одноличо порадѣти, чтобъ нашей казнѣ была прибыль» (А. И. III, 188). Проходитъ нѣсколько времени. Воеводу Языкова смѣняетъ князь Пожарскій, а этого — князь Семенъ Гагаринъ. 12 декабря 1628 г. Гагаринъ пишетъ въ Москву, что при Барятинскомъ и Пожарскомъ для верхотурскаго кабака вино сидѣли и пиво варили уговорщики, посадскіе люди, служилые и крестьяне, — сидѣли они вино у себя по домамъ, въ деревняхъ, и по селамъ, на Тагилѣ и на Невьѣ, и, сдавъ часть вина на кабакъ, другую часть пили сами, и за это многіе служилые и посадскіе люди, и пашенные крестьяне стоятъ на правежѣ». За такое усердіе Москва благодарила Гагарина и предписывала ему у всякихъ людей обобрать винные котлы въ казну, запретить всѣмъ частнымъ людямъ курить вино, и варить пиво для казны, а вмѣсто того устроить винную и пивную поварню въ острогѣ, гдѣ и заготовлять казенное питье. Предписаніе это послано было съ казакомъ Тулиновымъ, но, къ счастію сибиряковъ, казакъ этотъ куда-то пропалъ, и воевода, прождавъ отвѣта до іюля слѣдующаго года, пишетъ въ Москву, что отвѣта на свой доносъ онъ не получалъ; Москва, прописавъ ему все вышеприведенное, снова наказываетъ позаботиться, *чтобъ нашему верхотурскому кабаку и нашей казнѣ недобора не было*, а казака Ивашку за утерю указа велѣть бить батогами (А. И. III, 154). Получивъ указъ, воевода тотчасъ же принялся за дѣло. Котлы обобраны, строго запрещено варить пиво и курить вино, и велѣно всѣмъ пить на кабакѣ. Новопостроенная казенная винокурня ложится новою тягостію на народъ, и верхотурскіе крестьяне пишутъ царю челобитную, что устроили

у нихъ казенную поварню для варки пива и вина, и отъ этой поварни имъ не въ мочь стало жить. Пашемъ мы— говорятъ они — на казну десятинныя пашни, ставимъ казенные анбары на свои деньги, возимъ дрова на винокурню по полтора рубля, а намъ платятъ по 20 алтынъ, да насъ еще выбираютъ въ цѣловальники къ винокурнѣ, и мы вконецъ погибли и запустѣли» (А. И. III, 184). Усердіе воеводы идетъ дальше, на него начинаютъ жаловаться головы и цѣловальники, и въ 1635 г. верхотурскому головѣ предписываютъ не давать воеводамъ вступаться мимо указовъ, въ таможенное и кабацкое дѣло, чтобы тѣмъ не произвести убыли въ казнѣ (А. И. III, 184). Всѣ эти обращенія къ Москвѣ скоро умолкаютъ. Въ Верхотурьѣ, какъ и въ другихъ большихъ городахъ, появляется уже нѣсколько кабаковъ, пьянство и азартныя игры. Въ 1668 году тобольскій воевода отдалъ на откупъ охочимъ людямъ игры въ карты и зернь. Узналъ про это воевода въ Верхотурьѣ и Сургутѣ, и пишетъ въ Москву, чтобъ и ему позволили отдать на откупъ карты и азартныя игры; но ему не только не позволяли этого, да и въ Тобольскѣ велѣли откупъ отставить (П. С. З. 436).

Въ Верхотурье начали присылать головъ со стороны. Отъ головы, присланнаго со стороны, нечего было ждать милости. Сначала присылали головъ изъ Тобольска, потомъ изъ Чебоксаръ и Казани, а въ наказѣ верхотурскимъ воеводамъ 1687 г. велятъ выбирать въ кабацкіе головы изъ устюжанъ, добрыхъ посадскихъ людей (П. С. З. 15957), но потомъ ужъ головъ *выбираютъ въ Москвѣ*, и на ирбитскую ярмарку для сбора винной продажи посылаютъ сибирскаго приказа оружейника Василія Шишелова, который и прежде этого былъ кабацкимъ головою. Должно думать, что, пріѣхавъ въ Москву, онъ хорошо поклонился дьякамъ, и вотъ, посылая его теперь въ Ирбить, пишутъ: «тамошніе головы устюжане

оказались нерадивы, а онъ, Шишеловъ, оказалъ царской казнѣ радѣніе, а поручной записи по немъ не сбирать для того, что въ сказкѣ онъ, Василій, сказалъ, что *по немъ изъ Ирбитской слободы, въ тамошнемъ сборѣ, никто не ручается* (П. С. З. 1603). Въ 1692 году опять въ Москвѣ выбираютъ для верхотурскаго кабака голову устюжанина, посадскаго человѣка Григорья Скорнякова, приводятъ его къ вѣрѣ по святой евангельской непорочной заповѣди, а въ товарищи ему приказываютъ выбрать верхотурцамъ цѣловальниковъ, самыхъ лучшихъ людей. Скорнякову поручаютъ учинить въ кабацкомъ сборѣ передъ прежнимъ прибыль, которая бы была прочна и стоятельна, и всякимъ людямъ не въ тягость (П. С. З. 1433). Въ 1695 году головою снова выбранъ былъ устюжанинъ. Въ 1698 году заведены были въ Сибири казенные винокуренные заводы. Воеводамъ предписано было купить хлѣба, выкурить вина, а если по смѣтѣ окажется это выгоднымъ, то продолжать это дѣло непрерывно, и на покупку припасовъ, держать рублевъ по 300, или по 400, или больше (ib. 1652). Съ конца XVII в. массы бѣглыхъ людей направляются въ Сибирь. Дорога шла черезъ Верхотурье (Бергъ, Перм. Грам. 115), а потому здѣсь вмѣсто одного, существовавшаго доселѣ кабака, возникло нѣсколько. Но въ 1753 году уничтожена была верхотурская таможня, и Верхотурье стало незначительнымъ уѣзднымъ городишкомъ съ нѣсколькими кабаками.......

Такъ точно распространялся и укоренялся кабакъ по всей сѣверо-восточной окраинѣ московскаго царства. Палицынъ доносилъ на мангазейскаго воеводу слѣдующее: «пріѣдутъ— говорилъ онъ — Самоѣды съ ясакомъ, воевода и жена его посылаютъ къ нимъ съ заповѣдными товарами, съ виномъ, и они пропиваются до нага, пропиваютъ ясакъ, который они привезли, собакъ и бобровъ, и платятъ ясакъ олеными шкурами; иные съ себя и съ женъ своихъ снимаютъ платки изъ

оленьихъ кожъ и отдаютъ за ясакъ, потому что *всѣ перепились и переграблены* (Сол. IX, 140). Руководствуясь этими цѣлями, воеводы, отправлявшіеся въ Сибирь, возили за собой цѣлые обозы вина. Якутскому воеводѣ, Голенищеву-Кутузову, въ 1638 г. велѣно взять съ собою «для иноземныхъ ясачныхъ расходъ сто ведръ вина горячаго» (Доп. А. И. IV, 46). Въ 1644 году якутскому воеводѣ Пушкину велѣно взять въ Верхотурье и Тобольскѣ *на ленскихъ ясачныхъ людей* сто ведръ вина горячаго (Доп. II, 264). Путивльскій воевода, Ухтомскій, назначенный въ 1597 г. воеводою въ Пустозерскомъ острогѣ у самоѣдовъ, просилъ позволенія взять съ собою 300 ведръ вина, по подрядной цѣнѣ, но ему позволили взять только 50 ведеръ (А. И. I, 250). Въ грамотѣ царя Василія Ивановича 1606 года лопскаго погоста крещенымъ и некрещенымъ лопарямъ сказано: «питья къ нимъ въ лопскіе погосты, винъ и медовъ, на продажу изъ Великаго Новгорода не привозить.» Грамота эта подтверждалась въ 1615, 1648, 1659 годахъ. Но запрещеніе это не мѣшало заводить у лопарей кабаки. Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1658 г. пожаловалъ Никону въ Новый Іерусалимъ и въ Крестный монастырь въ Каргопольскомъ уѣздѣ *на пропитаніе* рѣку Еколгу въ Еколгскомъ уѣздѣ, и «съ той рѣки Еколги оброкъ и пошлины и таможенный сборъ и *кружечнаго двора* прибыль» велѣно было выложить изъ оклада и не брать въ царскую казну: Не смотря на это, въ 1665 году наѣхалъ на лопарей посадскій человѣкъ Звягинъ, сталъ ихъ грабить, и Никонъ жаловался на Звягина царю, ссылаясь на указъ, которымъ у лопарей «кабацкаго питья наметывать и насильства чинить не велѣно.» Въ жалобѣ своей Никонъ умалчивалъ, въ чью же пользу шла теперь отложенная прибыль съ кружечнаго двора (Зап. Рус. и Слов. Арх. II, 552, 619). Въ 1686 году семь лопскихъ погостовъ снова били челомъ, что съ олонецкаго и иныхъ кружечныхъ дворовъ въ лопскіе

погосты съ виномъ и съ пивомъ и медомъ цѣловальники ѣздятъ и тѣмъ чинятъ убытки и разореніе крестьянамъ. Изъ Москвы пришла новая грамота: «не ѣздить съ виномъ въ лопскіе погосты» (А. И. V, 241). Царь Михаилъ Ѳедоровичъ писалъ къ сибирскимъ воеводамъ: «а которыхъ нашихъ людей посылаете къ татарамъ, вогуличамъ и остякамъ собирать казну нашу, и тѣ люди татарамъ, вогуличамъ и остякамъ чинятъ всякое насильство и посулы берутъ великіе, а нашей казнѣ ни въ чемъ прибыли не ищутъ; *въ пьянствѣ у васъ многіе люди бьются и рѣжутся до смерти*». Пушкинъ и Супоневъ доносили на воеводу Петра Головина, что торговые и промышленые люди ходятъ къ нему на дворъ человѣка по два и по три ночью, а сходятъ де отъ него со двора пьяны (Доп. II, 264: III, 35, 41).

Воеводы, говорилъ указъ 1695 г., забывъ ихъ государей крестное цѣлованіе и презря жестокіе указы, каковы въ наказѣхъ написаны, многое вино и разные товары черезъ указъ въ Сибирь провозятъ, и сверхъ того въ Сибири вино курятъ, и тѣмъ виномъ многую корысть себѣ чинятъ, *и на кружечныхъ дворахъ вина на продажу записываютъ малое число*, въ годъ индѣ по 20 и по 10, а *индѣ написано въ продажѣ одно ведро*, а въ иной годъ ни единаго ведра продать не дали, и отъ того то государево вино «оставалось, истекало и пропадало безденежно; да они жъ, воеводы, провозятъ вино и всякіе товары безпошлинно (П. С. З. 1511). Въ 1698 г. послано было въ Сибирь слѣдующее наставленіе: «а которые питухи озадорятся и напьются пьянствомъ безобразнымъ, и учнутъ деньги, платье, товары, мягкую рухлядь своего промыслу въ закладъ или въ мѣну пропивать, и такихъ унимать, и, *обравъ его всего,* въ особый чуланъ, чтобъ проспался, положить, а какъ проспится, по винѣ смотря, наказавъ его словами, или высѣчь батожьемъ, все ему отдать въ цѣлости, а взять

X.

За корчемство установлены были самыя жестокія наказанія. По Уложенію 1649 г., съ тѣхъ людей, у кого *корчму вымутъ*, правили отъ 5 до 20 руб., а на *питухахъ* (кто пьетъ) отъ полтины до рубля; кромѣ того ихъ били кнутомъ и пытали (Ул. XXV). Въ 1654 году брали пеню съ правежомъ по 10 руб., и по торговымъ днямъ били кнутомъ нещадно (П. С. З. 139). Въ 1699 году велѣно было всякое неявленное и продажное питье, и суды винные, котлы и кубы, и горшки и трубы вынимать съ понятыми, да съ тѣхъ, у кого питьѐ вымутъ, и съ питуховъ имать великаго государя заповѣди, за первый приводъ по 25 р., и на питухѣхъ по 2 р., и давать ихъ на крѣпкія поруки, чтобъ имъ впредь вина не курить; а кто приведенъ будетъ во второй разъ, пени брать по 50 руб., *а на питухѣхъ* по 4 р. съ человѣка, да имъ же за то учинить наказаніе — бить кнутомъ, и отдавать на крѣпкія поруки; а буде кто приведенъ будетъ въ третьи, — пени имать 100 рублевъ съ человѣка, и, бивъ ихъ кнутомъ, ссылать въ низовые сибирскіе городы, куда пристойно, или сажать па пашню или на работу, а на питухѣхъ пени имать втрое (П. С. З. III, стр. 539). За извѣтъ въ корчемствѣ давали изъ описныхъ помѣстій и вотчинъ, и изъ дворовъ и изъ животовъ четвертую долю, или

со всякаго ведра по 10 алтынъ, а за посуду съ пуда мѣди по двѣ гривны (ib. 879; 2,074). Въ 1681 г. положено было, чтобы съ тѣхъ селъ и деревень, гдѣ корчма объявится, брать съ крестьянъ и бобылей, которые въ тѣхъ селахъ и деревняхъ живутъ, а на сосѣдей не извѣстятъ, по рублю съ крестьянскаго и бобыльскаго двора, съ десяти дворовъ того десятка, гдѣ открывалось корчемство, и чинить десятскимъ и тому десятку жестокое наказаніе, а корчемниковъ ссылать на Яикъ, въ Сибирь, или въ иные дальніе городы на пашню (ib. 879). Помѣщикамъ и вотчинникамъ велѣно доносить на крестьянъ въ корчемствѣ; но если бы крестьянинъ сталъ говорить на помѣщика, то его оговорамъ не вѣрить. Приводнымъ людямъ чинили жестокое наказаніе, били ихъ кнутомъ и ссылали ихъ въ ссылку (П. С. З. 879). Крестьянъ боярскихъ, уличенныхъ въ корчемствѣ, бивъ кнутомъ, отдавали назадъ господамъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность строго смотрѣть за поведеніемъ своихъ людей. Если же они попадались въ другой разъ, то съ господъ взыскивалось 10 р. пени, а крестьяне, послѣ наказанія кнутомъ, оставались въ тюрьмѣ до государева указа. (Улож. XXV). У крестьянъ за корчемство отсѣкали руки (П. С. З. 285).

Вся тяжесть корчемныхъ выемокъ ложилась на народъ, ибо знатные люди, изобличенные въ корчемствѣ, платились только своими вотчинами, а отъ правежа были освобождены, — тогда какъ всѣ остальные должны были идти на правежъ. Правежъ, заимствованный отъ татаръ, распространенъ былъ по всему московскому царству, и служилъ, въ разныхъ случаяхъ, орудіемъ казни и денежныхъ взысканій и средствомъ мести и насилія. Иванъ Василичъ въ Новѣгородѣ бьетъ на правежѣ монаховъ и монахинь; Годуновъ, сдѣлавъ начетъ на дьяка Смирнова, выводитъ его на правежъ и засѣкаетъ до смерти; Горнъ бьетъ на правежѣ хутынскаго архимандрита

раздѣливъ между собою виновныхъ, ставили ихъ въ рядъ, и, начавъ съ перваго, били тростью, длиною въ полгора локтя, поочередно ударяя каждаго по икрамъ, и такимъ образомъ проходя рядъ отъ одного края до другаго. За расправой наблюдалъ судья, глядѣвшій изъ окна. Расправа производилась ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ восхода солнца до 10 или 11 часовъ утра, и каждый должникъ подвергался правежу по часу въ день, пока не выплачивалъ долга, и велѣно было держать его на правежѣ *не долѣе мѣсяца* (П. С. 3, стр. 59). Правежи отсрочивались по случаю поминовенія царей, царицъ и царевенъ. Но, не взирая на законъ, устанавливавшій срокъ правежу, — иногда били должниковъ *черезъ весь день отъ утра и до ночи*. Издатель записокъ Желябужскаго справедливо замѣчалъ, что сначала, вѣроятно съ примѣра татаръ, несчастныхъ должниковъ терзали до тѣхъ поръ, пока они не издыхали, а поэтому московскій царь, внося правежъ въ русское право, дѣлалъ оговорку, что должники дворяне и бояре могли выставлять на правежъ вмѣсто себя людей своихъ. Что же касается до нещаднаго битія батогами, то Нейбауеръ описалъ его такъ: батоги, жидкія палки длиною въ аршинъ, берутъ служители въ руки, раздѣваютъ человѣка, кладутъ его на земь, садятся ему на руки и на ноги, и бьютъ его палками до тѣхъ поръ, пока двадцать или тридцать изъ нихъ не изломаются; потомъ наказываемаго переворачиваютъ, и бьютъ его по животу, наконецъ по бедрамъ и по икрамъ (Пекарс. Нейб. и его брошюры). Наказанныхъ батогами отвозили въ телѣгахъ (Маржеретъ). Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ 1633 и 1639 гг., приложилъ къ описанію своего путешествія картинку, изображающую правежъ и битье батогами и кнутомъ. Картинка эта, перепечатанная съ изданія Олеарія 1656 г. въ книгѣ Тромонина (Достоп. Москвы), изображаетъ московскій кремль, передъ которымъ обширная площадь, и на ней множество людей, которыхъ,

по словамъ того же Олеарія, «бьютъ по колѣнямъ гибкими палками, толщиною въ мизинецъ, такъ сильно, что несчастный, изнемогая отъ жестокой боли, испускаетъ громкіе крики и стоны;» или же бьютъ кнутомъ по обнаженной спинѣ, спустивъ руки несчастнаго на шею палача, а ноги вытянувъ за привязанную къ нимъ веревку (Олеар. гл. 18). Отъ кнута больше всего доставалось корчемникамъ, и казнь надъ ними совершалась, по словамъ Олеарія, слѣдующимъ образомъ: «тѣмъ, кого уличатъ въ запрещенной продажѣ нюхательнаго табаку, привѣшиваютъ на шею пачку табаку, а занимающемуся запрещенной продажей водки — фляжку съ водкою, и такимъ образомъ водятъ попарно отъ площади до кремля и обратно, въ сопровожденіи двухъ помощниковъ палача, и все это время бьютъ кнутомъ (Олеар. гл. 18). Народъ крѣпнулъ отъ правежей, и бывали люди, которые умѣли *отстаиваться* на правежѣ, и денегъ не платили, — для такихъ праветчики имѣли наказъ: «если посадскіе на правежѣ начнутъ *отстаиваться* и денежныхъ доходъ платить не станутъ, у такихъ дворы ихъ, лавки и имѣнія, отписать на великаго государя» (Сол. XIII, 108). Народъ не забылъ этого правежа, и до сихъ поръ еще поетъ о немъ въ пѣсняхъ:

«Били добраго молодца на правежѣ,
На жемчужнымъ перехрестычкѣ *)
Во морозы, во хрешшенскіе,
Во два прутика желѣзные.
Онъ стоитъ удаленькой, не тряхнется,
И русы кудри не шелохвутся,
Только горючи слезы изъ глазъ катются.

Ужъ какъ бьютъ-то добраго молодца на правежѣ,
Что на правежѣ его бьютъ,
Въ однихъ гарусныхъ-то чулочкахъ безъ чебоговъ;
Правятъ съ молодца казну да монастырскую.

(Пам. велик. нар. 132).

*) Снегиревъ указываетъ въ Москвѣ урочище, именуемое «жемчужнымъ перекресткомъ.» Приб. къ М. Губ. Вѣд. 1842, 119.

Правежъ жилъ рядомъ съ кабакомъ до самаго XVIII в. Указомъ 1717 г. велѣно было всѣхъ людей, находившихся подъ взысканіемъ по откупамъ, по питейнымъ сборамъ, а если они помрутъ, то поручителей по нимъ, женъ ихъ и дѣтей, на правежѣ не держать, а отсылать ихъ всѣхъ *на каторгу* (П. С. З. 3140).... Но правежъ все-таки не прекратился. При Биронѣ, когда недоимки возрасли до нѣсколькихъ милліоновъ, тогда, по словамъ Болтина, лучшихъ людей забирая подъ караулъ, и каждый день ставя разутыми на снѣгъ, били по щиколоткамъ и по пяткамъ палками; сіе повторяли ежедневно, пока не выплатятъ всю недоимку. По деревнямъ, продолжаетъ онъ, слышенъ былъ стукъ ударовъ палочныхъ по ногамъ, крикъ сихъ мучимыхъ, и плачъ женъ и дѣтей, томимыхъ голодомъ и жаждою... Даже при Екатеринѣ казенныя деньги, растраченныя казначеями, взыскивались посредствомъ правежа.

XI.

Кабаки распространялись, равно ненавистные и народу, и лучшимъ людямъ общества. Изъ послѣднихъ нашлось двое, которые въ XVII в. подали голосъ за свободную продажу питей. То были Юрій Крижаничъ, сербъ изъ Хорватіи, и А. Ордынъ-Нащокинъ, псковской уроженецъ. Ю. Крижаничъ, сербскій католическій священникъ, около 1655 г. прибылъ въ московское государство и конечно не могъ не замѣтить печальнаго положенія народа, пившаго по кабакамъ. Вотъ что онъ писалъ, сосланный уже въ Сибирь (1660 — 1668): «объ пьянству нашемъ что треба говорить! Да ты бы весь широкій свѣтъ кругомъ обошелъ, нигдѣ бы не нашелъ такого мерзкаго, гнуснаго и страшнаго пьянства, яко здѣсь на Руси. А тому причина есть корчемное самоторжіе (монополія), или кабаки. По милости этой монополіи люди не смѣютъ варить себѣ напитковъ безъ приказнаго позволенія, и въ этомъ послѣднемъ пишется имъ, чтобы они выпили все въ три или четыре дня послѣ изготовленія, и дольше въ домахъ не держали. Чтобы выпить скорѣе этотъ навареный напитокъ, люди пьютъ черезъ силу и упиваются; а сосѣди, которымъ нечего выпить дома, и негдѣ купить напитка, сидятъ безъ стыда, и не отходятъ отъ этого пива, пока ча-

ютъ хоть одну каплю его. Дальше люди мелкаго счастія не въ состояніи изготовить дома вина или пива, *а корчмы нѣтъ*, гдѣ бы они могли иногда выпить, кромѣ корчмы царской, гдѣ и мѣсто и посуда хуже всякаго свинаго хлѣва, и питье самое отвратительное (питіе само пребридко), и продается по бѣсовки дорогой цѣнѣ. Кромѣ того и эти *адскіе кабаки* не подъ руками у народа, но *въ каждомъ большомъ городѣ одинъ или два только кабака.* Поэтому, говорю я, мелкіе люди чуть ли не всегда лишены напитковъ, и оттого дѣлаются чрезмѣрно жадны на питье, безстыдны и почти бѣшены, такъ что какую ни подашь большую посуду съ виномъ, они считаютъ за заповѣдь божію и государеву выпить ее въ одинъ духъ. И когда они соберутъ нѣсколько деньженокъ, и придутъ въ кабачный адъ, тогда сбѣсятся въ конецъ, и пропиваютъ и рухлядь, какая есть дома, и одежду съ плечъ. Итакъ всія злости и неподобіе, и грѣхоты, и тщеты, и остуды всего народа исходятъ изъ проклятаго корчемнаго самоторжія.» Такъ писалъ Крыжаничъ въ Сибири, и то же самое, вѣроятно, онъ говорилъ, живши въ Москвѣ. Слова его должны были показаться богопротивными, и онъ былъ сосланъ.... Не лучшая участь постигла и старанія Нащокина уничтожить кабаки и ввести свободную торговлю питьями. Просвѣщеннѣйшій изъ русскихъ людей XVII в., Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ въ 1665 г. назначенъ былъ воеводою во Псковъ. Псковъ былъ городъ порубежный, куда иностранцы привозили тайкомъ множество *горьлаго вина и нѣмецкихъ питей*, и псковичи совсѣмъ не покупали вина съ казенныхъ кружечныхъ дворовъ. Сильно развивалась потаенная корчемная продажа, которою занимались иностранцы, жилецкіе люди и дворники, въ казнѣ были великіе недоборы, а въ недоборахъ, когда годъ отойдетъ, «извыкли челобитьемъ и сроками отбывать», завелось воровство, стали ходить по почамъ изъ своихъ подворій, и

объявлялись разныя рухляди въ ночныхъ приносахъ. Чтобъ положить конецъ этой безурядицѣ, Нащокинъ предложилъ ввести вольную продажу вина, съ платою въ казну съ рубля по двѣ деньги, и по гривнѣ. Мнѣнія псковичей, вызванныя этимъ предложеніемъ, раздѣлились: меньшіе люди, т. е. собственно народъ, стали за вольную продажу, а лучшіе, богачи — горланы, какъ было и въ 1470 году *), какъ это бывало всегда, стали за свою личную выгоду, за кабаки, за такъ называемую старину; но потомъ между обѣими сторонами послѣдовало соглашеніе, и введена была вольная торговля питьями, на слѣдующихъ основаніяхъ: «въ посадахъ торговыхъ людей положить за вино и за всякое питье во всякой годъ, смѣтя противъ продажи его въ указные сроки; а кто тѣми питьями больше торговать учнетъ иныхъ товаровъ, и того въ земской избѣ остерегать, и въ сотняхъ у жилетцкихъ людей въ домахъ не можетъ утаитца, а на тѣхъ съ рубля имать по гривнѣ; и на ремесленныхъ посадскихъ же людяхъ противъ явки годовые, какъ прежъ сего являлись, держать про себя на праздники и на урочные дни, а корчмы не держать; и на церковный чинъ положить противъ явки потому жь, и на казаковъ, и на стрѣльцовъ, и на пушкарей за явку положить въ годъ по меньшей явкѣ, а съ красныхъ заморскихъ питей съ продавца имать съ рубля по гривнѣ жь. А въ уѣздѣ на всѣхъ на пашенныхъ людей покотельшина съ виннагѻ и пивнаго котла порознь, — а питье въ городы подвозить учнутъ подрядомъ, и то объявлять, а за бочку пива или меду что цѣна, то и пошлинъ взять.» Во Псковѣ полученъ царскій указъ о вводѣ этого новаго порядка продажи питей, и указу этому не хотятъ вѣрить. *Лучшіе люди*, дѣлая съ него списки, посылаютъ

---

*) „Къ Москвѣ хотимъ“, кричали зажиточные, „къ Москвѣ *по старинѣ*“!.. (Костом. Сѣвернорусс. Народопр. I, 171).

при челобитныхъ къ царю, и просятъ у него новаго указа, а *молодшіе* жалуются на лучшихъ, что они царскаго указа не слушаются. Наконецъ, свободная продажа питей введена, и Псковъ какъ будто переродился, «и явные о томъ знаки во Псковѣ, какъ учала быть питейная пошлина въ домахъ съ большимъ укрѣпленіемъ, и хлѣбъ во Псковѣ учалъ быть въ торгу дешевле, и всякимъ людямъ отъ выемокъ и отъ разоренья свободнѣе, *а что кабацкія избы, гдѣ всякое безчиніе и смрадъ былъ, а нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ устроены обиталища убогимъ, а тѣ избы всякаго благочинія исполнены*». Нащокинъ былъ во Псковѣ съ марта 1665 по октябрь 1666 года, когда его смѣнилъ Хованскій, врагъ всякихъ нововведеній. Этимъ воспользовались лучшіе люди, подали ему челобитную о нововведенныхъ порядкахъ, въ слѣдствіе чего Хованскій и написалъ царю, что «нынѣ во Псковѣ учинены вновь шинки, и въ тѣхъ шинкахъ пьютъ безвременно, и отъ того смотрѣть добраго опричь всякаго дурна не изъ чего, и что казнѣ великаго государя питейной прибыли передъ прежнимъ сборомъ будетъ недоборъ большой, а прежній де окладъ 9,000 р., а нынѣ на откупъ даютъ 6,000 р., а чаетъ де сберетца и 7,000 р., а шингари де въ два мѣсяца, на сентябрь да на октябрь, принесли только 600 рублевъ, а того де сберетца на годъ 3,600 рублевъ, и какъ тѣмъ шингарямъ питейная прибыль отдана на вѣру ли, или на откупъ, того въ отпискѣ имянно не отписано.» Поэтому онъ просилъ шинки отставить, и быть по-прежнему кабакамъ по старымъ мѣстамъ, и отдать ихъ на откупъ, а если откупщиковъ не найдется, то сбирать на вѣру *лучшимъ людямъ*.... Къ этому прибавленъ былъ доносъ на Нащокина: «и въ челобитной, государь, писано слагательно, нѣкто писалъ умной человѣкъ, а мужикамъ было такъ не сложить, а многіе, государь, статьи въ ней писаны *къ нынѣшнимъ волямъ*, что было заведено не дѣломъ, безъ твоего государева указу, отъ

своихъ вымысловъ, а будто въ нынѣшнемъ 1666 году присланы изъ съѣзжей избы памяти, питейной промыслъ отставить и быть кабаку въ одномъ мѣстѣ, а то солгано, — кабаку быть не въ одномъ мѣстѣ, а гдѣ прежде бывали. И посадскіе, государь, *лучшіе люди*, и сказки за своими руками многіе дали, *что они отъ тѣхъ шинковъ разорились*». Откупщикъ нашелся, Кузьма Андреевъ Солодовниковъ, и заплатилъ за мѣсяцъ болѣе чѣмъ вдвое противъ той прибыли, какую казна получала отъ продажи. Узналъ про это Нащокинъ, и написалъ царю: «Указано всякимъ дѣламъ быть по-прежнему, и разоренъ, государь, совѣтъ божіихъ и твоихъ великаго государя людей, а пущены во вражду и разоренье, въ чемъ прежъ сего разорены напрасно.» Но Хованскаго скоро смѣнилъ Великаго-Гагинъ, и при немъ вольные питейные промышленники, Давидъ Бахаревъ съ товарищами, прислали въ Москву челобитную, въ которой объявили, что выборные люди, Семенъ Меншиковъ съ товарищами, дружа другъ другу, и видя, что будетъ казнѣ великаго государя сборъ большой, питейную прибыль отдали на откупъ товарищу своему, выборному человѣку Кузьмѣ Андрееву, заводомъ, и, забывъ страхъ божій и крестное цѣлованіе, назвали наши оброчные дома шинками. Пришла и другая жалоба въ Москву на откупщика Кузьму Андреева и его пріятелей, которые устроили ему откупъ, что откупная сумма очень мала, и что, не смотря на то, откупщикъ и товарищи его, *лучшіе люди*, притѣсняютъ маломочныхъ людей, не даютъ имъ приготовлять у себя хмѣльныхъ напитковъ въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, корыстуются съ кабаковъ, провозятъ товары, прокрадывая. Челобитная была принята во вниманіе, и пришелъ съ Москвы указъ, чтобъ выборные, Меншиковъ съ товарищами, за то, что маломочнымъ людямъ не помогали, а рѣшали дѣла безъ городоваго и мірскаго вѣдома, платили бъ въ годъ за кабаки

9,366 руб. Но осенью 1668 г. пришла новая челобитная отъ земскаго старосты Котятникова и всѣхъ псковичей, чтобъ *отъ кабацкихъ продажъ* была учинена полная свобода, *какъ въ Смоленскѣ. Лучшимъ людямъ* въ Москвѣ мирволили, и челобитчикамъ было отказано. Царь не зналъ, что и дѣлать, и спрашивалъ совѣта у Нащокина: «какъ тому кабацкому сбору пристойно быть, и доимочныя деньги на комъ взять, чтобъ кабацкая прибыль напрасно не пропала, а людей бы не ожесточить». Нащокинъ счолъ нужнымъ объяснить ему все дѣло. «Въ 1668 году, говорилъ онъ, я устроилъ Псковское государство съ примѣра стороннихъ чужихъ земель къ великой прибыли твоей государевой казнѣ и Псковскому государству къ полнотѣ и расширенію; я сдѣлалъ это, ни на что не прельщаясь, только видя вашу государскую премногую милость, исполняя свой долгъ, и надѣясь получить отпущеніе грѣховъ въ будущемъ вѣкѣ. Но мое дѣло, государь, возненавижено немилосердными людьми, приказною мздою. Отказали Стенькѣ Котятникову въ питейныхъ сборахъ, но думные за чѣмъ забыли мою вину: я и въ Смоленскѣ то же самое сдѣлалъ! А Псковъ важнѣе Смоленска, лежитъ на рубежѣ двухъ чужихъ земель; жители въ городѣ и уѣздахъ пришли въ послѣднюю нищету, и безъ такого устава помочь имъ нечѣмъ. Всячески приводя въ согласіе людей божіихъ и государевыхъ, я наговаривалъ и писалъ во Псковѣ, и ко мнѣ изо Пскова писалъ дьякъ Мина Гробовъ, что усердно радѣетъ, какъ бы прекратить раздѣленіе между псковичами, и на комъ довелось кабацкую недоимку доправить, то у нихъ уже рѣшено, — рѣшено и то, чему во Псковѣ быть прочнѣе. Надѣясь на твою государскую милость, я въ Смоленскѣ твоимъ указомъ примѣръ учинилъ; товарищи мои, думные дьяки, это знали, и если, государь, въ Смоленскѣ въ питейномъ домѣ зла не сдѣлалось, и какъ теперь тамъ дѣло идетъ — въ посольскомъ приказѣ извѣстно, то во Псковѣ

было бы гораздо больше прибыли, чѣмъ въ Смоленскѣ» Царь рѣшился спросить всѣхъ жителей Пскова, чего они хотятъ, и что выгоднѣе для казны, *питейные дома* (шинки, вольные дома) или *кабаки*. Архимандритъ Арсеній, какъ святую попагію носитъ, во всякой правдѣ сказалъ, и архимандритъ, игумны и строители, игуменьи и строительницы подтвердили, что «питейнымъ домамъ быть нельзя», потому что народъ не обогатится, а пьянство будетъ большое. Изъ крестьянъ, одни сказали, что «питейнымъ домамъ можно быть попрежнему, а кабакамъ быть непристойно»; другіе же 670 крестьянъ, вмѣстѣ съ дворянами, казаками, стрѣльцами, пушкарями и воротниками, которыхъ всего было 2115 человѣкъ, сказали, что «они не знаютъ». Въ Москвѣ послѣдовало рѣшеніе— отдать кабаки на откупъ! Стали вызывать откупщиковъ, но *откупщиковъ* не нашлось (Доп. А. И. V. 1 — 47. Сол. Ист. Росс. XIII. 118). Нащокинъ долго еще боролся съ московскою приказною мздой, потакавшей кабацкимъ откупамъ. «На Москвѣ, писалъ онъ къ царю, не радятъ о государевыхъ дѣлахъ, — эй дурно! — Царь, думные дьяки занимаются хитростями и кружечными дѣлами!» Но, видя потомъ, что это «дурно» неисправимо, и идетъ все шире и дальше, честный гражданинъ вдругъ оставилъ свѣтъ, и удалился въ монастырь Саввы Крыпецкаго, въ 20 верстахъ отъ Пскова. Слова Крижанича и Ордына-Нащокина погибли, не оставивъ никакого слѣда: кабаки и кабацкая жизнь распространялись по всѣмъ угламъ русской земли.....

XII.

Мы видѣли, что около 1552 г. во всемъ московскомъ царствѣ былъ одинъ лишь большой *царевъ кабакъ*, стоявшій въ Москвѣ на балчугѣ. Царь Θедоръ будто бы велѣлъ сломать его и уничтожить, но это не помѣшало ему тотчасъ же по смерти отца пожаловать Ивана Петровича Шуйскаго городомъ Псковомъ *съ тамгою и съ кабаки:* «государь царь Θедоръ Ивановичъ, послѣ отца своего смерти, князя Ивана Петровича Шуйскаго пожаловалъ великимъ жалованьемъ, въ кормленіе Псковомъ обѣми половинами, и съ пригороды, *и съ тамгою и съ кабаки,* чего никоторому боярину не давывалъ государь (Кар. X, 148). Флетчеръ (1588 — 1589) писалъ, что въ его время уже въ каждомъ большомъ городѣ стоялъ *кабакъ:* «in every great towne he hath a Caback, where is sold aqua vitae, which they cal Russe wine, mead, beere» Флетч. 44. Борисъ Годуновъ (1598 — 1605), сдѣлавшись царемъ, вновь открылъ кабакъ на балчугѣ (Татищевъ, Успенскій), и завелъ откупные кабаки по городамъ. Палицынъ говоритъ: «оскверни царь Борисъ неправеднымъ прибыткомъ вся дани своя: корчебници бо пьянству и душегубству и блуду желателіе, во всѣхъ градѣхъ въ прикупъ высокъ воздвигше цѣну *кабаковъ,* и инѣхъ откуповъ черезъ мѣру много

бысть, да тѣмъ милостыню творитъ, и церкви строитъ, и смѣшавъ клятву со благословеніемъ и одолѣ злоба благочестію» (Сказ. объ осадѣ, 20). То же, по словамъ Карамзина, было записано въ лѣтописи: «уставилъ Борисъ въ Россіи и пошлину имати со всякихъ товаровъ, и мыты и перевозы, и вино продавати отъ казны» (Собр. Образц. соч. VI, 7). Но въ то же время писатели хронографовъ не стыдились расхваливать Бориса, что онъ покусился корчемства, свободной торговли виномъ. Въ хронографѣ, бывшемъ у Карамзина, записано: «государь нашъ царь Борисъ Ѳедоровичъ ко мздоиманію зѣло бысть ненавистенъ, разбойства и тадбы и корчемства много покусився, *еже бы въ свое царство таковое неблагоугодное дѣло искоренити*, но не возможе отнюдь» (Кар. XI, пр. 124). Въ то же время одинъ иностранецъ, лютеранскій попъ, по поводу кабаковъ сочинилъ про Бориса цѣлую романическую исторію, въ родѣ того, что «отдамъ послѣднюю рубашку». Желая истребить грубые пороки, говоритъ Беръ, Борисъ запретилъ пьянство и содержаніе питейныхъ домовъ, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора или убійцу, нежели того, кто вопреки указу осмѣлится открывать кружечный дворъ. — «Пусть дома, будто бы говорилъ Годуновъ, каждый ѣстъ и пьетъ, сколько хочетъ; можетъ и гостей пригласить, но никто да не дерзнетъ продавать вино москвитянамъ; ежели же содержавшіе питейные дома не имѣютъ иныхъ средствъ къ пропитанію, пусть подадутъ просьбы: они получатъ земли и помѣстья» (Беръ, 12). Арцыбашевъ, приводя это извѣстіе, справедливо замѣтилъ, что Беръ не понялъ указа Годунова, запрещавшаго корчемство, т. е. вольную продажу питей (Арц. V, 365).

Новозаведенные кабаки казались народу насиліемъ; народъ помнилъ еще свой старый бытъ, а потому, при появленіи *царева кабака*, сейчасъ писали просьбу, о томъ, чтобы *кабакъ снести*. Люди вельскаго стана, крестьяне Бориса Го-

дунова, въ 1594 г. били ему челомъ, чтобъ *кабакъ снести*, и Борисъ велѣлъ снести кабакъ, приказавъ, однако, смотрѣть, чтобъ продажнаго питья не было, и въ отвозъ съ виномъ не ѣздили, а *лучшіе отрадные крестьяне, кому можно* (?) *питье держать въ своихъ домахъ*, и они бы держали про себя, и не продавали. Въ Новгородѣ этого времени было уже *два кабака*, отъ которыхъ нужда, тѣснота, убытки и оскудѣніе учинились; поэтому царь Борисъ Годуновъ, царица, царскія дѣти, по жалобѣ гостей и всѣхъ посадскихъ людей Новгорода, денежные доходы съ кабаковъ отставили, а кабакамъ на посадѣ быть не велѣли (Сол. VIII, 20). Муромскіе богадѣленные старцы, двѣнадцать человѣкъ, подали челобитную царю Михаилу Ѳедоровичу и писцамъ Борису Дмитріевичу Бартеневу да подъячему Михаилу Максимовичу, и въ челобитной писали: «послѣ де московскаго разоренія, какъ приходилъ къ Мурому панъ Лисовскій, дали де имъ муромцы, посадскіе люди, подъ богадѣльню пустовое мѣсто, а нынѣ де подлѣ тое богадѣльни учинился *государевъ кабакъ*, а имъ де подлѣ того кабака жить не мочно, а государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ бы имъ дати пустое мѣсто въ Муромѣ на посадѣ, и по этой челобитной дано богадѣленнымъ старцамъ пустое мѣсто подъ богадѣльню (Писц. Кн. Мурома 1637 г. Влад. Губ. Вѣд. 1853, 46). Въ 1638 г. крестьяне устюжскаго уѣзда, Онтропьевы слободки, били челомъ, что у нихъ заводчикъ *корчму держитъ* сильно, а прежъ деи сего у нихъ корчмы не бывало (?) въ той слободкѣ, и та де ихъ слободка стоитъ на дорогахъ, на великопермской, и на вятцкой, и на вологодской, и съ тѣхъ де дорогъ у нихъ на корчму приходятъ всякіе люди, тати и разбойники и костари. Царь ихъ пожаловалъ, велѣлъ доводчику корчмы въ той слободкѣ не держати и *пива ему не варити* (А. И. I, 299). Въ 1676 г. крестьяне Вѣницкаго погоста, жалуясь на кабацкаго голову и цѣловальниковъ, просили уничтожить у нихъ ка-

бакъ, а сумму питейнаго сбора, *разложить на нихъ попрежнему* въ видѣ оброка (А. И. V, 13).

Рядомъ съ царскими кабаками распространялись по городамъ и кабаки боярскіе. Кормленье *тамгою и кабакомъ*, неизвѣстное доселѣ ни князьямъ, получавшимъ удѣлы, ни боярамъ, кормившимся отъ помѣстій, — теперь, съ половины XVI в. стало желанною цѣлью и князей и бояръ... Еще въ 1548 г. Иванъ IV отдалъ боярину Игнатью Борисовичу Голохвастову въ кормленіе городъ Шую *съ правдою, съ пятномъ и съ корчмою* (Опис. г. Шуи, 5). Въ Москвѣ послѣ 1552 г. онъ построилъ *кабакъ* для опричниковъ; въ 1570 г. нѣмцы Таубе и Крузе, выдававшіе себя за римскихъ дворянъ, получили отъ него право продавать медъ и вино (Арц. IV, 320). Царь Ѳедоръ, вступивъ на престолъ, пожаловалъ *кабакомъ* Шуйскаго. Наступило смутное время, и московскіе бояре, являясь къ польскому королю, предлагали ему воспользоваться кабацкими доходами московскаго царства, при чемъ не забывали и себя, и себѣ выпрашивали тамги и кабаковъ... Михаилъ Салтыковъ съ товарищами, дѣлая въ 1610 г. договоръ о призваніи на московскій престолъ Владислава, десятымъ пунктомъ этого договора постановили: «пожитки, доходы господарскіе всякіе съ городовъ, сволостей, такожъ *скабаковъ и стамги* гроши велитъ господарь его милость выбирать по давному» (Сб. Мух. 177). Избравъ на царскій престолъ поляка Владислава, московскіе сановники бросились просить у его отца, Сигизмунда III, отчинъ и кабаковъ... Въ длинномъ ряду этихъ искателей кабачной мзды мы встрѣчаемъ дьяка *Чичерина*, получившаго сельцо Лыжино, съ тамгою и со всякою пошлиною; крайчему Льву Аѳанасьеву даны въ Новгородскомъ уѣздѣ въ бѣжецкой пятинѣ дворцовая волостка Липенская, и рядокъ Боровичи *съ кабакомъ и съ тамгою и съ перевозомъ;* окольничему кн. Ѳ. Ѳ. Мещерскому дано въ Новоторжскомъ уѣздѣ село Кушалино съ деревнями,

тамгою и кабакомъ; дьяку Степану Михайлову Соловецкому въ Старицкомъ уѣздѣ дано дворцовое село Дѣтунино *съ пошлиною и кабакомъ;* Ивану Тарасовичу Грамотину въ Вологдѣ, въ Красной Слободѣ, въ Темниковѣ, *кабакъ и тамга*, и наконецъ, Маржерету, вмѣсто его села съ деревнями и *кабакомъ*, которое отъ него отошло, и отдано кому-то иному, пожалованы помѣстья въ Двинскомъ уѣздѣ (А. З. Р. IV, 325, 528, 329, 372, 409). Подобнымъ образомъ выдано разнымъ лицамъ изъ бояръ *восемь сотъ* различныхъ привиллегій на земли и оброки (А. З. Р. IV, 183; Собр. гр. и догов. II, 463–5; 480–88), и подобныя же милости бояре не прочь были получать отъ Тушинскаго и другихъ воровъ (Вѣст. Евр. 1866, III, 162).

Раздача кабаковъ боярамъ продолжалась и въ послѣдующее время. Въ 1629 г. боярамъ князю Юрію и брату его Мамештѣ мирзѣ Шулешевымъ (татарамъ) были даны въ Муромскомъ уѣздѣ: село Карачарово *съ кабакомъ*, да деревня новая *съ тамгою и кабакомъ* (А. А. Э. III. 332). Въ 1645 г. боярину князю Александру Михайловичу Львову Ярославскому пожалованы въ Ярославѣ на посадѣ рыбныя ловецкія слободы да *кабакъ* (Врем. V, см. 1; Вивл. XV, 20). Интересно узнать, что въ числѣ всѣхъ этихъ бояръ, которые, мѣстничая между собою, *чтобъ не быть безчестнымъ*, занявъ мѣсто пониже, не нашлось ни одного, который рѣшился бы отказаться отъ кабака, и во множествѣ дѣлъ *о мѣстахъ* вы тщетно будете искать случая, чтобы кто-нибудь счелъ за безчестье сидѣть или служить рядомъ съ владѣльцемъ кабака, а между тѣмъ Хилковъ не хотѣлъ быть ниже Пожарскаго, *котораго родители бывали въ прикащикахъ* (Русс. Ист. Сбор. III, 391). Такова была гражданская честь, легшая въ основу московскаго царства.

Въ періодъ смутнаго времени распространеніе царева кабака должно было притихнуть. «Для смутнаго времени, пи-

сали въ 1611 г. въ Пермь казанскіе воеводы, *кабаки* заперты были по многое время». (Берхъ, Гр. Перм. губ. 18). Кончилось смутное время, земскимъ соборомъ 1613 г. выбранъ на царство шестнадцатилѣтній Михаилъ Өедоровичъ, и снова пошли по городамъ приказанія, чтобъ опричь государева кабака, питья никто не держалъ. Грамотой 1614 г. изъ галицкой чети бѣлозерскому воеводѣ велѣно на Бѣлозерѣ *квасной и сусленой кабакъ* завесть, и держати на вѣру, а цѣловальниковъ выбирати посадскихъ людей, а дворъ кабацкой поставити тѣмъ людямъ, кто старой кабацкой дворъ разволочилъ. Бѣлозерцы завели сусленой и квасной кабакъ, и по 28 января прибыли оказалось 13 руб. два алтына съ деньгою, да казаки отняли у суслянаго и кваснаго кабака два воза солоду, посланнаго на мельницу, а про дворъ кабацкой бѣлозерцы доносили, что его пока нѣтъ, потому что старый растаскали въ литовское разоренье, и они нашли одну клѣтку отъ кабака, а нынѣ цѣловальники *квасъ и сусло* варятъ для поспѣшенья въ городѣ, а кабацкой дворъ учнутъ ставити, какъ будутъ прибыльныя деньги. Но въ грамотѣ слѣдующаго года опять велятъ поставить кабакъ тѣмъ людямъ, кто его развезъ (Доп. II, 66). Кабацкая прибыль по-прежнему сдѣлалась источникомъ для удовлетворенія всяческихъ нуждъ царя, начиная отъ государственныхъ и до семейныхъ. Умерла въ 1615 г. въ Суздалѣ царица старица Александра, и указомъ царя велѣно было, чтобъ тотчасъ взяли на ея погребеніе *изъ кабацкихъ денегъ* пятьдесятъ руб. (Зап. Русс. и Слав. Арх. I, 105). Царь и патріархъ, собравъ въ 1820 г. московскихъ гостей, для переговоровъ о торговлѣ съ Джономъ Мерикомъ, объявили откровенно, что нѣтъ другихъ доходовъ, какъ отъ таможни и кабака: «вѣдомо вамъ всѣмъ, что по грѣхамъ въ московскомъ государствѣ отъ войны во всемъ скудость и государской казны нѣтъ нисколько, кромѣ таможенныхъ пошлинъ и кабацкихъ

денегъ государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ.» Въ наказѣ воеводамъ, отправленнымъ въ Новгородъ въ 1617 г. приказано было беречь накрѣпко, и выбрати дѣтей боярскихъ сверстныхъ, и велѣти имъ корчмы выймати у всякихъ людей, *чтобъ опричь государевыхъ кабаковъ никто питья на продажу не держалъ*. Въ 1627 и 1628 г. князь Василій Туренинъ да дьякъ Третьякъ Копнинъ во Псковѣ «поставили на государя варницу *на кабаки варити*, и церковное вино отняли на государя у торговыхъ людей, продавати вѣрнымъ цѣловальникомъ дорогою цѣною: — ихъ же умышленіемъ на окупъ дали квасниковъ» (П. С. Л. IV, 333). Въ 1629 г. *купили на Москвѣ* кабаки псковскіе Ивана Никитина закладчикъ Хмѣлевскій съ товарищами, и продавали вино по 4 алтына стопу, а стопъ убавили; другіе люди откупали кабаки по волостямъ. Въ 1639 г. (говоритъ царская грамота) вѣдомо учинилось, что въ городахъ, приписанныхъ къ новгородской четверти, въ недавнее время взяты на откупъ *квасъ, сусло, брага, батвинья*, которыми въ городѣ живутъ и кормятся и тягло платятъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди (Сол. IX, 412).

Въ 1645 г. умеръ Михаилъ Θедоровичъ, и царскій престолъ достался Алексѣю Михайловичу, шестнадцатилѣтнему царевичу. Налоги, притѣсненія, грабежъ бояръ и откупщиковъ дошли дотого, что вызвали въ Москвѣ мятежъ. Это было лѣтомъ 1648 г. Въ этомъ же году былъ земскій соборъ, созванный для устроенія земли, и выборные прямо заявляли, что на Москвѣ и около Москвы заведены на государевой землѣ патріаршія, монастырскія, боярскія и другихъ чиновъ слободы, гдѣ живутъ закладчики и ихъ дворовые люди, что они накупили себѣ и въ закладъ побрали лавки, погреба, откупаютъ таможни, *кабаки*, и всякіе откупы, а отъ того служилые и тяглые люди обнищали и одолжали, и затѣмъ они просили, чтобъ право винокуренія и продажи

вина передано было казнѣ (А. А. Э. IV, 321). А между тѣмъ московскіе бояре и дьяки успѣли составить *Уложеніе* (1649), которое предоставляло откупщикамъ еще большія права. Велѣно было «до году на откупщиковъ однолишно никому суда не давати, чтобы откупщикамъ ни отъ кого напрасныя продажи не было, и отдавать кабаки и иные всякіе откупы на откупъ государевымъ посадскимъ людямъ и дворцовыхъ селъ и волостнымъ крестьянамъ, *а инымъ ничьимъ людямъ и крестьянамъ никакихъ откуповъ не отдавати*». (Ул. XVIII, 23). То же повторялось въ другой главѣ: «въ головахъ и цѣловальникахъ *на кабакѣхъ*, которые кабаки въ городахъ и уѣздахъ, въ государевыхъ дворцовыхъ селахъ и въ черныхъ волостяхъ, опричь посадскихъ людей и дворцовыхъ селъ крестьянъ ничьимъ людемъ и крестьяномъ не быти» (Ул. IX, 6). Съ откупщиковъ, которые откупятъ городскіе кабаки, велѣно брать по полуосмѣ деньги съ рубля. (Ул. XVIII, 21). Въ декабрѣ 1651 г. откупа были уничтожены, возстановлена старая продажа на вѣрѣ, *кабаки* названы *кружечными дворами* (сокращ. кружало), и велѣно во всѣхъ государевыхъ селахъ и городахъ, исключая меньшихъ малолюдныхъ селъ, быть *по одному кружечному двору* (П. С. З. 72). Въ 1652 г. были запрещены кабаки, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, боярамъ, дворянамъ, жильцамъ и приказнымъ, исключая духовенства, и оставлена одна казенная продажа на вѣрѣ (ib. 82). «Съ недавняго времени, писалъ Олеарій, всѣ частные кабаки (kabaken) уничтожены, такъ какъ правительство нашло, что они отвлекаютъ народъ отъ работы и представляютъ ему удобный случай пропивать заработанныя деньги; теперь уже никто не получитъ вина на 2 и 3 копѣйки, шиллингъ или грошъ. Вмѣсто этихъ частныхъ кабаковъ, его царское величество приказалъ учредить въ каждомъ городѣ кружечные дворы (crosisnoj dwor), откуда вино отпускается во всѣ шинки и

кабаки; ими завѣдуютъ двое присяжныхъ, которые должны ежегодно вносить въ казну его царскаго величества извѣстную сумму денегъ. Не смотря на это, пьянство не уменьшается». — «Въ настоящее время такихъ кружечныхъ дворовъ во всемъ государствѣ считается до 1,000. Они приносятъ государю огромныя деньги». — «Прежде бояре и другіе знатные вельможи имѣли право содержать въ различныхъ мѣстахъ государства свои кабаки; всѣ они, подобно великому князю, отдавали ихъ въ аренду извѣстнымъ лицамъ; но такъ какъ арендная плата была ими поднята очень высоко, то многіе изъ откупщиковъ должны были разориться. Поэтому въ настоящее время постановлено, чтобъ никто изъ бояръ или вельможъ не смѣлъ держать кабаковъ; всѣ они теперь находятся въ управленіи великаго князя. Онъ повелѣлъ выстроить въ каждомъ городѣ особенные дома, откуда можно бы было за извѣстную цѣну получать водку, пиво и медъ, а деньги вносить въ его казну» (Олеар. гл. 4 и 12). Не смотря на уничтоженіе откуповъ и кабаковъ, — тѣ и другіе продолжали существовать, и снова во всѣхъ городахъ было сказано кабацкимъ вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ и *откупщикамъ*, чтобы они на 1653 годъ *на кабакахъ* большихъ запасовъ не припасали, потому что съ этого года въ городахъ *кабаковъ не будетъ*, а будетъ по одному кружечному двору. По случаю страшнаго пьянства, развившагося въ Москвѣ, было приказано, чтобы въ великій постъ для постнаго времени и *о свѣтлой недѣли* (?) съ кабаковъ кабацкаго вина и пива и меду не продавали, и кабаки запечатать, а что въ это время продажнаго питья бывало, и то имъ кабацкимъ головамъ и откупщикамъ зачесть однимъ въ сборъ, другимъ въ откупъ (Доп. III, 385). Въ іюлѣ 1652 г. былъ избранъ въ патріархи Никонъ; 11 августа, въ его присутствіи, былъ въ Москвѣ *соборъ о кабакѣхъ*, и на пятый день (16 августа) была уже написана грамота въ Угличъ, въ которой царь го-

ворилъ: «11 августа совѣтовавъ мы съ отцемъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ патріархомъ Никономъ, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими, и со всѣми нашими думными людьми *о кабакѣхъ,* и указали, во всѣхъ городахъ, гдѣ были напредъ сего кабаки, быти по одному кружечному двору, а въ меньшихъ, гдѣ малолюдно, въ тѣхъ селахъ кружечнымъ дворамъ не быть. Всѣмъ кружечнымъ дворамъ быть на вѣрѣ, и которые кабаки были на откупу, а урочные годы не отошли, и тѣ кабаки у нихъ взять, а за заводы кабацкіе и за запасы платить имъ, но только за тѣ, которые надобны будутъ къ кружечнымъ дворамъ, а за лишніе заводы и запасы не платить. Продавать вино *по одной чаркѣ одному человѣку*, а больше той указной чарки одному человѣку не продавать, и на кружечныхъ дворахъ и близко двора питухомъ сидѣть и питье давать (имъ) не велѣно, а ярыжкамъ (кабацкіе ярыги) и бражникамъ и зерщикамъ на кружечномъ дворѣ не быть. По постамъ вина не продавать, священническій и иноческій чинъ на кружечный дворъ не пускать, *и вина имъ не продавать*; пива и меду не припасать и не продавать, а что пива и меду останется, то продать до сентября 1653 г.». Такимъ образомъ на кабакахъ осталась одна лишь водка... Затѣмъ въ грамотѣ шли обычныя наставленія головамъ и цѣловальникамъ, и, какъ бы по привычкѣ, снова говорилось о кабакѣ: «а то имъ головамъ и цѣловальникамъ сказать, чтобъ имъ съ того *кабака* (углицкаго) и съ тамги собрать передъ прежнимъ съ прибылью» (А. А. Э. IV, 59). И грамота, выражаясь такъ, не ошибалась: московскаго кабака нельзя ужь было искоренить, и тѣмъ болѣе одной перемѣной названія, какъ нельзя было уничтожить пьянства приказомъ продавать вино только по одной чаркѣ. Хуже всего было то, что запрещено было продавать въ кабакахъ пиво и медъ, но это было только на время. Въ уставныхъ грамотахъ слѣдующаго года (на Мо-

логу) велятъ пиво и медъ продавать попрежнему (А. А. Э. IV, 63). Какъ бы то ни было, но грамота объ уничтоженіи откуповъ была принята народомъ съ радостію, и память о ней сохранялась, какъ увидимъ, до половины XVIII в. Этой грамотой запрещалось питухамъ сидѣть близъ кружечныхъ дворовъ; но въ 1659 г., въ царской грамотѣ на Двину, снова предписывалось головамъ и цѣловальникамъ стараться, чтобы «великаго государя казнѣ учинить прибыль, *и питуховъ съ кружечныхъ дворовъ не отгонять* (А. А. Э. III, N III).......... Въ 1652 году по случаю того, что хлѣбъ покупали недорогою цѣною, вино продавали осьмиверщиковое ведро въ чарки по $1^1/_2$ руб., въ кружки по 40 алтынъ, въ ведра отъ 20 до 30 алтынъ за ведро. Въ 1660 г. была дороговизна хлѣба, и царь съ боярами велѣлъ продавать вино въ Москвѣ въ чарки по 4 р., а въ кружки и въ ведра по 3 р.; во всѣхъ остальныхъ городахъ, опричь Низовскихъ, которые ниже Казани, по 3 р. ведро. Приэтомъ прибавлялось, что у крестьянъ, которые учнутъ курить вино и продавать его, *сѣчь руки и ссылать въ Сибирь*. Но во всѣхъ городахъ вино продавали не по три, а по четыре рубля. Въ 1661 г. цѣна вину увеличена, и велѣно продавать его по 5 руб. ведро (Берхъ, Перм. грам. 91, 94).

Проходитъ со времени уничтоженія откуповъ одиннадцать лѣтъ, и въ 1663 году велятъ, для пополненія казны великаго государя, во всѣхъ городахъ и пригородахъ, въ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ селахъ, въ слободахъ и деревняхъ, съ 1-го сентября 1664 г. *кабакамъ и кружечнымъ дворамъ быть на откупу и на вѣрѣ* (П. С. З. 340, 341). Въ 1664 г. велѣно въ Холмогорахъ на посадѣ *мелкіе кабаки* свесть, а быть одному кружечному двору; но, не смотря на запрещенье, выборные все-таки продавали вино въ шести мѣстахъ. Въ томъ же году посланъ былъ указъ во всѣ города новгородской чети, чтобъ вездѣ, гдѣ были *кабаки све-*

дены, и велѣно быть по одному кружечному двору, впредь кружечнымъ дворамъ быть не велѣно, *а кабакамъ, гдѣ они были напередъ сего, на тѣхъ же на всѣхъ мѣстахъ быть попрежнему* (Доп. IV, 370). Такъ-то мудрили московскіе подъячіе, нажившіе отъ кабаковъ, которыми торговали, большія деньги! Мы уже видѣли, что въ 1668 г. Ордынъ-Нащокинъ приписывалъ приказной мздѣ всѣ эти потачки кабаку и откупу, столь ненавистнымъ народу. «Эй дурно!» писалъ къ царю честный гражданинъ, и слова его сбылись..*)

Начались мятежи, поднимаемые толпами кабацкой голи. За бунтомъ московской черни 1648 г. послѣдовалъ мятежъ въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ противъ дьяковъ; затѣмъ мятежъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ отъ *худыхъ людишекъ*, которые и въ село Коломенское приходили *съ большимъ невѣжествомъ* (Берхъ, Перм. гр. 96), и наконецъ громадный бунтъ Стеньки Разина. Народъ былъ озлобленъ противъ бояръ. 26 мая 1648 г., во время мятежа, вызваннаго Плещеевымъ и Траханіотовымъ, въ Китай-городѣ загорѣлся кружечный дворъ. Въ одиннадцать часовъ вечера иностранцы смотрѣли какъ онъ горитъ. Вдругъ увидѣли они вдалекѣ монаха, который тащилъ что-то съ неимовѣрнымъ усиліемъ. Поровнявшись съ ними, монахъ сталъ просить, чтобъ они помогли ему бросить въ огонь трупъ злодѣя Плещеева, котораго онъ влачилъ за собою; монахъ утверждалъ, что только этимъ средствомъ можно унять огонь... Иностранцы отказали ему въ пособіи, а онъ началъ ихъ клясть. Пришли къ нему на подмогу люди, бросили трупъ въ огонь, и, дѣйствительно, пламя стало ослабѣвать...

Остановимся здѣсь, на послѣднихъ дняхъ царствованія Алексѣя Михайловича, и посмотримъ, какъ въ XVII в. рас-

*) Судьбу А. Нащокина мы видѣли. Сынъ его жилъ въ Литвѣ, потомъ съѣздилъ въ Москву, увидалъ, что „*дурно*“, и бѣжалъ въ Данцигъ, а отсюда во Францію.

пространялись по городамъ кабацкіе откупы, и что это были за кабаки...... Возьмемъ для примѣра городъ Шую.

Мы уже встрѣчались съ Шуей въ 1548 г. Кабаковъ тогда еще не было, и въ Шуѣ была корчма. Къ концу смутнаго времени, въ 1611 г., въ Шуѣ уже *кабакъ*; кабацкимъ цѣловальникомъ Иванъ Павловъ Завьяловъ (Гарел. 7). Польскіе и литовскіе люди приходятъ въ Шую воевать ее, посадскіе людишки скитаются по міру, межь дворъ, а тутъ еще съ Москвы отъ бояръ и воеводъ, и отъ стольника и воеводы отъ кн. Д. М. Пожарскаго присланъ съ наказомъ Василій Ртищевъ, и ему велѣно взять съ посаду тридцать пудъ меда да двадцать ведръ вина, и Ртищевъ доправилъ ихъ, а Шуяне плачутся: «государи, смилуйтеся пожалуйте»! (Опис. 13.) Въ 1614 г. Шуяне жаловались на сыщика Кузминскаго и на суздальскихъ и шуйскихъ губныхъ старостъ, что они *питье изъ кабака* емлютъ силою (Опис. 242). Въ 1628 г. въ Шуѣ, кабацкимъ откупщикомъ *Москвитинъ*, Мишка Никифоровъ съ товарищи, смѣнившій вѣрнаго голову Ивана Володимірова. Въ 15 верстахъ отъ Шуи стояло село Дунилово (178 дворовъ, 37 лавокъ, 7 амбаровъ, 40 навѣсовъ, 6 полковъ, три солодовки), въ немъ въ 1632 г. былъ *кабакъ*, за пашеннымъ крестьяниномъ за Михайломъ Васильевымъ съ товарищи, да еще были двѣ харчевни. Оброку съ кабака платили 590 р. 4 коп. на годъ (Опис. 155). Село это, какъ видно, было богаче Шуи, гдѣ въ слѣдующемъ году кабакъ платилъ только 200 р. (Опис. 79). На шуйскомъ посадѣ по писцовымъ книгамъ считалось 154 двора, и въ томъ числѣ 32 запустѣлыхъ; въ 1640 г. случился пожаръ, сгорѣло 82 двора, осталось 40 разломанныхъ дворишекъ, да сгорѣлъ еще кабацкій дворъ, нужно было ставить его; но, не смотря на пожарище, Шуяне стоятъ на правежѣ въ недоимочныхъ дворовыхъ деньгахъ за запустѣлые дворы; а тутъ еще съ Москвы приходитъ царская гра-

мота: «въ Шуѣ изъ посадскихъ людей выбрать на Углечъ вѣрнаго голову къ кабацкому сбору». Шуяне пишутъ челобитную, чтобъ государь смиловался, не велѣлъ бы выбирать въ Углечъ кабацкаго голову, и чтобъ Шуянамъ отъ такого разоренія, стоючи на правежѣ, отъ голоду и стужи не погибнуть. Это было зимнимъ временемъ (Гарел. 75). Спустя годъ въ Шуѣ опять былъ кабакъ а недѣльщикъ Андрей Мантуровъ сыскивалъ въ Шуѣ про попа Антипа, и Шуяне дали сказку, что тотъ попъ «на кабакъ ходитъ и пьетъ, и съ кабака покупаючи пьетъ, и къ себѣ на дворъ носитъ» (Опис. 291). Въ 1643 году шуйскій кабакъ на вѣрѣ, кабацкимъ головою суздалецъ, посадскій человѣкъ Никитинъ Жилинъ, а кабацкими цѣловальниками шуйскіе посадскіе люди Тихонъ Иконникъ съ товарищами. На нихъ билъ челомъ царю Шуянинъ Ивашко Тихоновъ, что его отецъ пьетъ у нихъ на кабакѣ безобразно, а голова и цѣловальники «кабацкаго питья» даютъ ему въ долгъ не по животомъ и промыслу (Гарел. 105). Въ то же время земскій староста Мишка Осиповъ, отъ себя и во всѣхъ Шуянъ посадскихъ мѣсто, билъ челомъ царю на Шуянина Короба, что онъ пьетъ и бражничаетъ безобразно, и зернью и карты играетъ, и жену свою бьетъ и мучитъ не по закону (Опис. 455). Но въ другихъ кабакахъ самимъ цѣловальникамъ приходилось жаловаться на обывателей. Жители сосѣдняго съ Шуей города Лухи, въ 1654 г. всѣмъ городомъ били челомъ царю, что сприкащикъ села Мыту князя Рѣпнина Петръ Шибаевъ собрался со многими людьми, и съ пищальми и съ рогатины и съ бердыши, поѣхалъ въ городъ Луху, чтобъ избить воеводу, а отъ съѣзжей избы поѣхалъ на луховскій кабакъ, и на кабакѣ у стойщиковъ сталъ чуланы разбивать и питья даромъ прошать, и стойщики всѣ разбѣжались, покинувъ питье (Гарел. 142). Въ 1630 г. Шуяне жаловались, что у нихъ въ городѣ болѣе 30 человѣкъ сидятъ по выборамъ,

да изъ нихъ же сидятъ въ Суздальскомъ уѣздѣ у таможеннаго сбору, да въ Ивановской слободѣ на кружечномъ дворѣ, и сидятъ безъ перемѣны пятый годъ, а Ивановская слободка Суздальскаго, а не Шуйскаго уѣзда, а прежде тамъ были суздальскіе выборные (Гарел. 160). Въ 1660 г. они послали новую жалобу на воеводу Боркова, что 26 сентября онъ избилъ, заперши у себя на дворѣ, выборнаго посадскаго человѣка, кружечнаго двора голову Ганку Карпова до полусмерти, и нынѣ тотъ голова, отъ его воеводскихъ побой, изувѣченъ, а на кружечномъ дворѣ *питеру* нѣтъ и промыслъ остановили, и сборнымъ цѣловальникамъ стало не въ мочь (Опис. 326). На Ганку Карпова пошелъ особый доносъ отъ воеводы, что у него въ кабакѣ безпорядки. Изъ Москвы пришло повелѣніе сыскать, правда ли, что голова Карповъ на воскресенье и въ воскресенье во весь день продавалъ вино по стойкамъ; правда ли, что онъ воеводѣ Боркову учинилъ непослушаніе, и питье въ стойкахъ печатать не давалъ, и проч. Шуяне сказали, что они того не вѣдаютъ, знаютъ только, что у воеводы Боркова съ головою Карповымъ была ссора, пришли къ церкви божіей на паперть священники и шуйскій земскій староста, и призвали туда воеводу и голову, и голова Карповъ говорилъ воеводѣ Боркову, что убилъ де ты меня Иванъ Ивановичъ напрасно; а онъ на это сказалъ: ты де голова меня бранилъ и невѣжливыя слова говорилъ, и священники съ земскимъ старостой, выслушавъ ту ссору, ихъ помирили (Гар. 196).

Въ кабакахъ пропивались люди всѣхъ сословій, свѣтскіе и духовные. Въ 1678 г., по указу архіепископа суздальскаго, былъ розыскъ про діакона Ларіона, и Шуяне показали, что Шуи города соборныя церкви діаконъ Ларіонъ на кабакѣ и по улицамъ валяется, и по харчевнямъ скитается, и, приходя пьянъ къ соборной церкви, въ колокола бьетъ и градомъ всѣмъ возмущаетъ, и въ церковь божую не ходитъ,

всегда по улицамъ ходя, по ночамъ и въ день кричитъ. (Опис. 348). Въ 1677 г. опять по указу архіепископа суздальскаго былъ розыскъ про попа Григорія, и спрашивали у Шуянъ: «а пономарь все пьянъ валяется ли? Да попъ Григорей въ беседахъ напивается ли пьянъ и озорничаетъ ли? Всякаго скаредною бранію, мужской полъ и женскій, бранитъ ли? Ст...у.. на беседахъ и по улицамъ ходя, выставляя, показываетъ ли»? Шуяне сказали: «ей же, ей» (Опис. 356). Архимандритъ Шуйскаго монастыря съ братіею били челомъ царю на старца Саватея, что живетъ не по монашескому чину: на кабаке пьетъ, и иноческое съ себя пропиваетъ, и зернью играетъ (Опис. 441). Въ 1690 г. шуйскій кабакъ сталъ разваливаться; изба, выходъ винный и ледники пивные отъ ветхости обвалилисъ, а кубы винные и бражные и пивные, и бочки, и колоды все сгнило и обвалилось, и нововыбранный кабацкій голова Якушка Голятинъ доносилъ, что быть въ кабаке никоими мерами не мочно. На следующій годъ былъ выбранъ новый голова Лука Котельникъ, и ему велено было починить кабакъ подъ наблюденіемъ земскаго старосты и посадскихъ людей (Гарел. 318; 323). Въ 1710 г. во время пожара въ Шуе сгорели на кружечномъ дворе выходъ винный большой, пивные два выхода и новостройная питейная изба, да еще две избы, да пріемнаго у купчинъ вина 750 ведръ, пива 3,260 ведръ, меду 10 ведръ, 3 четверти, 3 амбара хлебныхъ, и запасу въ нихъ, приготовленнаго для кружечнаго двора, ржи 150 четвертей, овса 200 четвертей, и осталось только «на кружечномъ дворе въ отхожемъ погребе («въ отхожемъ маломъ выходе») вина малое число, ведръ 300», и Шуяне доносили, что «безъ земскіе и таможенные и долговой избъ и кружечнаго двора быть и пошлины сбирать не возможно» («а на продажу вина вскоре будетъ оскудееіе») (Гарелинъ 374. Допол. изъ Влад. Губ. Ведом. 1863, 49). Шуйскій кабакъ видно торговалъ хо-

рошо́, и скоро вмѣсто одного кабака явилось нѣсколько, явилась даже цѣлая кабацкая улица, называвшаяся *кабацкій десятокъ* (Гарел. 151. Опис. 32). Но въ 1738 г. новый пожаръ, сгорѣли два кабака, *большой* и *завернайка*, два выхода откупщика Зубкова съ запаснымъ подставнымъ виномъ, одна питейная изба, одна стойка и кружечный дворъ (Опис. 27). Въ сосѣднемъ селѣ Ивановѣ также было нѣсколько кабаковъ. Въ 1775 г. въ Ивановѣ сгорѣло два кабака, *большой* и *подпушечной*, и выгорѣла цѣлая *улица кабацкая*. Въ 1795 г. доходъ съ шуйскаго кружечнаго двора и съ кабаковъ дошелъ до 1,631 р. 16 алт. 4 денегъ (Опис. 80).

Изъ примѣра г. Шуи видно, что кабаки были то на вѣрѣ, то на откупу. Такъ было и по другимъ городамъ. Въ 1667 — 1678 г. пошлину *на вѣрѣ* сбирали въ кабакахъ: въ Великомъ Новѣгородѣ, въ Старой Русѣ, во Псковѣ и пригородѣхъ, на Вологдѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Нижегородскомъ уѣздѣ; на кабакахъ на Великовражескомъ, на Юркинскомъ, на Вельдемановскомъ, на Пожаровскомъ, на Столбицкомъ, на Терюшевѣ, въ Костантиновѣ, да въ Новомъ.

Въ Псковскомъ пригородѣ во Гдовѣ питейная прибыль *въ откупу* за псковитяниномъ посадскимъ человѣкомъ за Кузёмкою Андреевымъ. Въ Псковскомъ же пригородѣ на красномъ кабакъ *въ откупу* у Псковитина посадскаго человѣка Опашки Лодейникова; у Архангельска квасная продажа у бани *въ откупу* за колмогорскимъ посадскимъ человѣкомъ Ивашкомъ Игнатьевымъ. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ селѣ Гриданѣ торжокъ и кабакъ *въ откупу* за Вязниковцемъ за Ларкою Кириловымъ. Да въ селахъ: Ватрасской, Ананьинской, Андосовской, Шихмановской кабаки и торжки *въ откупу* за Нижегородцемъ посадскимъ человѣкомъ, за Андрюшкою Михалевымъ. Въ селѣ Троицкомъ Шелокшенской ка-

бакъ въ откупу за Кадашевцемъ за Ондрюшкою Луковниковымъ. Въ селѣ Лопатицахъ да подъ деревнею Слопинцомъ торжокъ и кабакъ *на откупу* за Ярополчаниномъ за Өедькою Суворовымъ. Въ селѣ Ключицахъ кабакъ *въ откупу* за Нижегородцемъ посадскимъ человѣкомъ, за Бориском Бѣлобородовымъ. Да въ Нижнемъ же, на посадѣ, уксусной промыслъ *въ откупу* за Нижегородцемъ посадскимъ человѣкомъ за Андреянкомъ Михалевымъ. Въ Вятскомъ уѣздѣ, въ Шестаковѣ, таможня и кабакъ, да въ Котельничѣ кабакъ *въ откупу* за Вятчаниномъ за Өедькою Звѣровымъ, и откупщикъ Өедька тѣ кабаки отказалъ. Въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ боярина князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго, въ селѣ Микитинѣ, кабакъ и торжокъ *на откупу* тогожъ села за крестьяны. Въ томъ же уѣздѣ въ селѣ Гагинѣ торжокъ и кабакъ *въ откупу* за садовникомъ за Ортюшкою Хвалимымъ. Въ вотчинѣ бояръ кн. Өедора, да кн. Григорія Григорьевичевъ Ромодановскихъ, въ селѣ Лопатинѣ, *торжокъ и кабакъ на откупу*. Въ вотчинѣ окольничихъ Василья да Григорья Микифоровичевъ Собакиныхъ, въ селѣ Кругломъ, кабакъ *въ откупу* того жъ села за крестьяны. На Олонцѣ, на посадѣ кружечной дворъ *въ откупу* за Олончаниномъ за Сидоркомъ Завѣтного. Въ Олонецкомъ уѣздѣ шуйской кружечной дворъ *на откупу* за Олончаниномъ за Савкою Ларіоновымъ. Въ Каргопольскомъ уѣздѣ устьмошской кабакъ *на откупу* тоежъ устьможской волости *за всѣми крестьяны*. Въ Старой Русѣ таможня и кабакъ *на откупу* за Новгородцы, посадскими людьми, за Васильемъ Проѣзжаловымъ съ товарищи. Въ приказѣ володимірской чети, въ городахъ: въ Володимірѣ на посадѣ, и Володимірскомъ уѣздѣ, въ деревняхъ Лаптевѣ да въ Харышовкѣ, въ Переславлѣ Рязанскомъ, въ селѣ Путятинѣ, въ Печерникахъ, въ Пронску, въ Калугѣ, на Михайловѣ, въ Ржевѣ Пустой и въ Завольѣ, въ Твери, въ Торусѣ, на Тулѣ, въ Боровску, въ Вереѣ, въ Болховѣ, на

Кропивнѣ, въ Луху, въ Торжку, въ Печерникахъ, въ Рясскомъ, въ Зарайску таможенную и питейную прибыль сбираютъ *на вѣрѣ* тѣхъ же городовъ жилецкіе люди. Въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ селѣ Гускомъ погостъ (!), торжокъ и кабакъ *басманныя слободы* (въ Москвѣ) *за тяглецомъ*, за Кондрашкою Алексѣевымъ. Въ деревнѣ Липнѣ кабакъ *въ откупу* огородныя слободы за тяглецомъ за Данилкомъ Павловымъ. Въ Переславскомъ уѣздѣ Рязанскаго (sic), въ перевицкомъ стану, кружечный дворъ *въ откупу* за переславскимъ рыболовомъ за Демкою Колмаковымъ. Въ Воротынску кружечной дворъ *въ откупу* за Кадашевцемъ за Лучкою Аргуновымъ. Въ Волоколамскомъ кружечной дворъ *въ откупу* гостинной сотни за Петромъ Исаевымъ. Въ торускомъ уѣздѣ на Окѣ рѣкѣ да на усть рѣки Поротвы перевозы и рыбныя ловли и *кабаки въ откупу* по нынѣшній по 186 г. (1678), а въ 186 году тѣ перевозы, рыбныя ловли и кабаки велѣно сбирать *на вѣрѣ*. Въ Сапожкѣ кружечный дворъ *въ откупу* села Дѣдинова за крестьяниномъ за Петрушкою Кислымъ. Въ Тульскомъ уѣздѣ на упской гати кабакъ на *откупу* за Туляниномъ, посадскимъ человѣкомъ, за Трошкою Душкинымъ; въ Боровскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ростуновѣ, кабакъ *на откупу* за Петромъ Исаевымъ. Въ Зарайску кабакъ *въ откупу* гостинныя сотни за Петромъ Исаевымъ. Приказу галицкія чети въ городахъ: въ Суздалѣ, въ Галичѣ да въ галицкихъ пригородахъ, у Соли Галицкой, на Унжѣ, въ селѣ Корцовѣ, въ Шуѣ, въ селѣ Солтановѣ, на Колминѣ, на Коширѣ, въ Ростовѣ, въ Юрьевѣ Польскомъ, въ Колшнѣ кабацкія прибыли сбираютъ *вѣрные головы* и цѣловальники. Въ Суздальскомъ уѣздѣ, въ селѣ Островцовѣ *на откупу* стольника князь Ивана Княжъ Михайлова сына за крестьяниномъ за Якушкомъ Раманинымъ. Въ Галицкомъ уѣздѣ въ селѣ Столбовѣ кабакъ *въ откупу* за крестьяниномъ кн. Ромодановскаго, за Якушкомъ Дементьевымъ. Въ Коло-

мейскомъ уѣздѣ въ селѣ Малинѣ кабакъ *въ откупу* боярина князя Юрья Алексѣевича Долгорукова того жъ села за крестьяниномъ за Ивашкомъ Наумовымъ, да за Кадашевцемъ за Петромъ Исаевымъ. Въ Коширскомъ уѣздѣ въ селѣ Люблинѣ кабакъ *въ откупу* за Кадашевцемъ Петромъ Исаевымъ (Доп. А. И. VII, 308—312).

Къ 1677 году относится одна опись, указывающая на кабацкую прибыль по нѣкоторымъ городамъ. Сборовъ съ таможень и съ кружечныхъ дворовъ шло съ Устюга съ уѣздомъ 6,782 р., съ Сольвычегодска 3,662 р., съ Тотьмы 2,350 р., съ Вязьмы 1196 р., съ Можайска 1196 р. Однихъ кружечныхъ сборовъ шло съ Рузы 175 р., со Ржева Володимірова 328 со Старицы 292 р., съ Бѣжецкаго Верха 477 р. (Сол. XIII, стр. XVI). Въ 1651 г. городенскій кабакъ въ устюжской четверти былъ обязанъ выбрать оклада 674 р. 22 алт. 2 деньги, по 56 руб., по 7 алт. въ мѣсяцъ, и по рублю по 28 алт. въ полуденьгою въ день (Доп. III, 385). Въ 1670 г. съ кружечнаго двора на Устюгѣ Великомъ сходило 4,530 руб. (Сол. XIII. 107). Вино на кружечные дворы доставлялось въ большомъ количествѣ. Въ 1683 г. съ московскаго отдаточнаго двора послано было въ Соликамскъ на усольскіе кружечные дворы 10,000 ведръ, въ Чердынь 2,000 ведръ, въ Кайгородъ 1,000 ведръ (А. И. V, 169). Олеарій (1639—1643) записалъ, что «прежде въ Новѣгородѣ каждый изъ находящихся тамъ трехъ кабаковъ ежегодно приносилъ до 2,000 р., а всѣ вмѣстѣ до 12,000 рейхсталеровъ; но когда боярскіе кабаки были запрещены,—сумма эта увеличилась; въ настоящее время такихъ кружечныхъ дворовъ (хотя и не каждый изъ нихъ приноситъ одинаковые доходы) во всемъ государствѣ считается до 1,000» (Олеар. гл. 12). По Штраусу доходы отъ кабаковъ были нѣсколько меньше; но за то кабаковъ въ Москвѣ, по его словамъ, было безчисленное мно-

жество. По словамъ Коллинса, жившаго въ Москвѣ въ 1659 г., отъ иныхъ кабаковъ въ Москвѣ получали ежегодно отъ 10 до 20 тысячъ рублей.

Въ 1676 г. умеръ Алексѣй Михайловичъ, и московскимъ царемъ сдѣлался Ѳедоръ Алексѣевичъ. Ему было четырнадцать лѣтъ отъ роду. Посовѣтовавшись съ патріархомъ и поговоривъ съ боярами, новый царь въ 1677 году опять запретилъ въ малыхъ селахъ продажу питей и на откупу и на вѣрѣ, а въ большихъ селахъ запретилъ отдавать кружечные дворы на откупъ; денежную прибыль велѣно было сбирать изъ приказа новой четверти (П. С. З. 714). Но, не смотря на запрещеніе, въ селахъ, близкихъ къ Москвѣ, откупные кабаки оставались попрежнему. Въ 1681 г. на откупщикахъ оказалась многая недоимка, а у вѣрныхъ головъ большіе недоборы; въ кабакахъ на вѣрѣ, находившихся вблизи откупныхъ, продажа остановилась, и въ казнѣ учинилась большая «истеря». Приказано было, чтобъ всѣ кабаки попрежнему были на вѣрѣ, *а откупу отнюдь нигдѣ кружечнымъ дворомъ не быть*. Кабаки бояръ, помѣщиковъ и вотчинниковъ, которые были за крестьянами ихъ, въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, приказано свесть и вновь не заводить. Цѣну вина уменьшили до полтины за ведро, наказавъ при этомъ, по обычаю, кабацкимъ головамъ добыть во что бы ни было къ 1682 г. прибыли противъ прежнихъ лѣтъ, и за то къ себѣ ожидать его государевы милости, и чтобъ въ томъ приборѣ, что собрано будетъ противъ прежнихъ лѣтъ, голова и цѣловальники *никакого опасенія себѣ не держали*. Явки были очень затруднительны, потому что нужно было ссылаться съ тѣми приказами, гдѣ вѣдались крестьяне, и, вотъ, чтобъ въ тѣхъ пересылкахъ съ приказы корчемной выемкѣ мотчанія и порухи не было,—явкѣ питей и выемкѣ велѣно быть изъ приказа большой казны. Для оптовой и розничной продажи вина учрежденъ въ Москвѣ *отдаточный*

дворъ: «а быть на Москвѣ одному отдаточному двору, а вино и всякое питье продавать по мѣстамъ, на которыхъ мѣстѣхъ для продажи вина и всякаго питья напередъ сего избы построены, или вновь гдѣ построить, и продавать». — «Московскимъ жителямъ всякихъ чиновъ людямъ, сколько кому вина про себя понадобится, покупать на московскомъ отдаточномъ дворѣ, а мимо московскаго отдаточнаго двора, въ иныхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, и въ корчемныхъ мѣстѣхъ ни у кого вина не покупать». — «Продавать съ московскаго отдаточнаго двора въ ведра и въ полуведра и въ четверти, въ ведра по полтинѣ, а въ четверти и чарки по 20 алтынъ, и для того такою малою цѣною продавать, чтобъ *въ корчмахъ* отнюдь нигдѣ продажи вину не было». Отдаточный дворъ былъ порученъ выборнымъ на вѣрѣ, но выборнымъ только по имени, ибо головой туда *назначили* гостя Игнатія Могутова не по очереди, а въ цѣловальники къ нему велѣли выбрать хоть кого и не по очереди жъ, *опричь тѣхъ, которые были въ службѣ въ послѣдніе четыре года.* Тоже велѣно было сдѣлать и въ другихъ городахъ, выбирая хоть кого и не въ очередь; а буде въ которомъ городѣ и не изъ кого выбрать, то выбирать изъ другихъ городовъ, а въ малолюдныхъ городахъ выбирать цѣловальниковъ *изъ стрѣльцовъ, казаковъ, драгуновъ, пушкарей, затинщиковъ* (П. С. З. 879). Чтобъ сосредоточить главную продажу вина и всѣ выгоды отъ нея на одномъ московскомъ отдаточномъ дворѣ, въ 1682 г. велятъ съ кружечныхъ дворовъ, которые отъ Москвы во 150 верстахъ и ближе, продавать вино по московскимъ цѣнамъ, для того чтобъ пріѣзжіе съ Москвы и всякихъ чиновъ люди *мимо московскаго отдаточнаго двора вина не покупали*; а которые кружечные дворы отъ Москвы болѣе 150 верстъ, тамъ продавать вино повольною цѣною, почему приведется. Но на слѣдующій годъ въ дальнихъ городахъ по вольной цѣнѣ продавать запрещено, а велѣно про-

давать по московскимъ цѣнамъ. Не смотря на всѣ эти предосторожности, и всѣ эти мѣры прекратить корчемство, усчитать выборныхъ и увеличить потребленіе вина, на дѣлѣ вышло то, что въ Москвѣ никто не хотѣлъ покупать казеннаго вина, даже по полтинѣ, на отдаточномъ дворѣ *продажа остановилась*, и явился недоборъ многій.....

Умеръ Ѳедоръ Алексѣевичъ (1682), и послѣ нѣкотораго времени сдѣлался царемъ десятилѣтній Петръ. Сначала все шло постарому, какъ будто царь и не мѣнялся: кабаки постарому плодили кабацкую голь, по старому шли мятежи. «И въ Московскомъ государствѣ, пишетъ Желябувскій, время было лихое, и шатаніе великое, а въ людяхъ смута» (Зап. Желяб. 5). Въ 1105 году снова подтверждали о не продажѣ вина ниже указной цѣны, дабы не уменьшилась продажа его на отдаточномъ дворѣ (П. С. З. 1685). Въ томъ же году подтвержено московскимъ жителямъ покупать вино непремѣнно на отдаточномъ дворѣ, и вина въ Москву не привозить, а для того, чтобъ не провезли вина, всякихъ чиновъ городовымъ и уѣзднымъ людямъ въѣзжать въ Москву черезъ *земляныя ворота*, въ Земляномъ Городѣ, у которыхъ сдѣлать надолбы изъ пушкарскаго приказа, поставить караулъ изъ стрѣльцовъ, и смотрѣть имъ, чтобъ торговцы не провозили корчемнаго вина (ib. 1142). Законъ объ уничтоженіи откуповъ никѣмъ не исполнялся, московскіе дьяки продолжали продавать откупа, и въ 1690 г. опять велѣно было отданные на откупъ кабаки передать вѣрнымъ сборщикамъ (А. И. V, 201). Въ 1691 г. на Москвѣ и во всѣхъ городахъ и уѣздахъ, подтверждено питейную прибыль сбирать на вѣрѣ головамъ и цѣловальникамъ, за выборомъ и досмотромъ мірскихъ людей, а которые кружечные дворы отданы, *вмѣсто вѣрнаго бранья московскія службы*, на урочные годы, и тѣмъ сборамъ въ 1691 г. быть потому жъ на вѣрѣ, а вино во всѣхъ кружечныхъ дворахъ продавать указною цѣною (А. И.

V, 348). Въ 1698 году устанавливаютъ, чтобъ явка питью было попрежнему въ Москвѣ въ Кудашовѣ, въ садовникахъ, въ дворцовыхъ конюшенныхъ и черныхъ сотняхъ, и въ слободахъ Ново-нѣмецкой, Стрѣлецкой, Пушкарскихъ, Воротникахъ, и во всѣхъ московскихъ властелинскихъ и монастырскихъ селахъ. На московскій отдаточный дворъ, вмѣсто гостя Никифора Сырейщикова, назначенъ головою Кирила Лобазный, а въ ларечные люди гостиной сотни, Ефремъ Боковъ, Сергѣй Чувасовъ, Евстратъ Носовъ, Іовъ Софроновъ, и новому головѣ велѣно принять у прежняго головы мѣдныя заорленыя мѣры и *фортенныя* (отъ кварта) всѣ избы со всякимъ дворовымъ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ и посудой.

Петръ, воротившійся въ августѣ 1698 г. изъ путешествія, вѣшалъ на висѣлицахъ крамольную Москву и приступалъ въ своей реформаціи. Средствомъ къ его реформаторскимъ затѣямъ попрежнему служили кабаки, и Петръ шелъ въ этомъ случаѣ по пути своихъ предшественниковъ: Петръ принялся облагать питье и ѣду народа. Съ тѣхъ поръ, какъ въ сѣверо-восточной Руси заглохли *корчмы*, гдѣ народъ *кормился*, получая пристанище, питье и ѣду, — ихъ замѣнили *шалаши* и *лавочки*, упоминаемые еще въ платежной рязанской книгѣ 1104 г., «да за лавками избы и шелаши, въ нихъ торгуютъ рыбой и мясомъ вареным, а оброку имъ давать съ избы и съ шелаша по три олтына» (Бѣл. о позем. вл. въ русск. госуд.). Впослѣдствіи появились *харчевни*, которыя хотя и носили подобно *кабаку* татарское имя, но были вполнѣ народными. По городамъ завелись особыя *харчевенныя улицы*, носившія иногда особыя названія: въ Тулѣ 1668 г. — *Харчевный рядъ* — оброчныя мѣста, за тулянами, посадскими людьми, отданныя въ 1687 г. по указу царя въ пользу церковниковъ (Моск. телегр. 1830, 17), въ Москвѣ *обжорный рядъ*. Въ Минскѣ, на Низкомъ рынкѣ—

смачный кутокъ. Въ Соликамскѣ, по описи 1623 г.« двѣ харчевни, а съ нихъ оброку 6 алтынъ 8 денегъ». Съ XVII вѣка начинаютъ отдавать на откупъ *харчевни* и *квасные шелаши*. Послѣдствіемъ этого были—необычайное стѣсненіе народной жизни, страшныя насилія, «неправедное злодѣйство и досадительства», о которыхъ повѣтствуетъ царская грамота 30 апрѣля 1654 г. Невѣмы, говоритъ она, яко во мнозѣхъ градѣхъ многое злодѣйство превниде въ обычаи человѣческіе, еже отдавати изъ нашихъ приказовъ въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ на откупъ мытъ и мостовщину, а на рѣкахъ перевозы, и съ людей головщину, и ядомые всякіе харчи, и иные всякіе мелкіе промыслы, — и тіи откупщики «врази Богу и человѣкомъ, немилосердіемъ ревнуютъ прежнимъ окаяннымъ мытаремъ и прочимъ злодѣемъ». Разсказавъ о всѣхъ злоупотребленіяхъ, происходившихъ отъ откупщиковъ, грамота эта уничтожила откупной сборъ *съ харча*, *съ кваса и сусла*, запрещая продавать только квасы пьяные: и ядомыхъ харчей всякихъ, и иныхъ всякихъ мелкихъ промысловъ: квасу, сусла, хмѣлевой труски, сѣнной труски на откупъ не давати, а ядомыми всякими харчьмы торговати всякихъ чиновъ людямъ безъ откупа» (П. С. З. 122. Вивл. VIII, 104; Влад. Губ. Вѣд. 1860,43). Но въ 1376 г., въ Астрахани, по приговору кн. Одоевскаго, наложенъ оброкъ на *квасные шелаши и харчевни* (Доп. V, 228), а потомъ возстановленъ былъ и прежній откупъ на харчевный промыселъ. Вновь выбранный голова, Кирила Лобазный, долженъ былъ съ 1699 г. отдать на откупъ охочимъ людямъ *харчевные всякіе припасы* на московскомъ отдаточномъ дворѣ, и около двора по Моисеевской площади на правой сторонѣ до Воскресенья Христова, а на лѣво съ великомученицы Анастасіи, и по всѣмъ *фартинамъ* (по питейнымъ домамъ, въ которыхъ такъ же продавали ѣду), и *избамъ*, и въ палатахъ шли водочные промыслы.

Въ этомъ же году появился откупъ на табакъ, который доселѣ продавали вѣрные цѣловальники (Мейеръ, Юрид. Сб. 495, и сл.). Королевскаго величества англинскаго перегринъ лордъ Марнпцъ Фонъ-Кармартенъ получилъ право, въ Москвѣ и всѣхъ городахъ, табакомъ торговать, и табачныя нѣмецкія трубки и коробочки, и иныя мелочи къ тому табачному куренію принадлежащія привозить (Берхъ, Перм. грам. 118). Безъ сомнѣнія, тотчасъ же началось и корчемство табакомъ, и нѣкто Ждановъ въ 1700 году писалъ къ царю Петру слѣдующую любопытную челобитную: «бьетъ челомъ великобританской и высокопочтенной господина Перегрина Лордъ Маркиза Фонъ Кармартена, учрежденнаго его Ивана Ивановича Фальдорта прикащикъ его Матюшка Ждановъ. Милосердый великій государь, пожалуй меня сироту своего, вели мнѣ Матюшкѣ на Чердынѣ, на посадѣ, и въ чердынскихъ уѣздахъ, въ разныхъ станахъ давать для табачной продажи стойлые дворы, и мнѣ сиротѣ въ тѣхъ разныхъ станѣхъ имать для отводу тѣхъ стоялыхъ дворовъ и для табачной выимки сотскихъ и десятниковъ для корчемныхъ табаковъ. Великій государь, смилуйся пожалуй»! (Берхъ, Перм. гр. 122-3.) И такимъ образомъ холопъ, титулованный всѣми чинами своего хозяина, бродящаго по свѣту нѣмца, — получилъ право корчемной выемки въ Чердыни и явился новымъ гонителемъ тамошнихъ жителей.

Въ 1699 учреждена *бурмистерская палата*, и на нее возложены надежды въ томъ, чего внутренняя жизнь не могла достичь собственными средствами: «пріучать граждантъ къ дѣятельности»! Бурмистры названы были *земскими*, и велѣно выбирать ихъ цѣлымъ городомъ. Ихъ обязанностью было завѣдывать питейнымъ дѣломъ и черезъ выборныхъ изъ посадскихъ людей производитъ корчемныя выемки. Городовые бурмистры, подчиненные московской бурмистерской палатѣ, управляемой *президентами* и *бурмистрами*, должны

были высылать въ нее въ извѣстные сроки всѣ доходы «а буде на срокъ какихъ доходовъ кто не вышлетъ, и за то имать 15-ая доля противъ окладу; а буде въ которомъ году, какихъ доходовъ не доберутъ, и сполна не вышлютъ, и тѣ деньги имать на выборныхъ людяхъ, которые ихъ выбирали». Земскіе бурмистры выбирали кабацкихъ бурмистровъ, которые должны были торговать по кабакамъ. Было приказано, чтобъ «у кабацкихъ бурмистровъ вино было дешевѣе того, которое подрядчики ставятъ», потому что подрядчики вино курятъ на наемныхъ земляхъ и на свои деньги, и за тѣмъ за всѣмъ себѣ прибыль получаютъ. Московской же бурмистерской палатѣ было сказано, чтобы, не списався, отнюдь ничего имъ бурмистрамъ (кабацкимъ) не чинить, и не для чего къ нимъ не посылать, потому что они за выборомъ тѣхъ селъ бурмистровъ и мірскихъ людей, а не за вашимъ, а на кружечныхъ дворахъ быть по выбору мірскихъ людей, кого съ такое дѣло будетъ (П. С. З. 1697). Бурмистры оказались ворами.

XVII вѣкъ заканчивалъ собою исторію древней Руси, которая началась столь широко и благодатно, а потомъ какъ будто не сладила съ собой и расшаталась. Смолкли народныя вѣча, пропали братчины, община была мертва, и не существовало ни народной, ни общественной дѣятельности. Московскій *кабакъ*, смѣнивъ вольныя корчмы новгородской и псковской земли перебирался теперь въ Украйны, слободскую, и днѣпровскую.

XVII вѣкъ заканчивалъ собою исторію Московскаго Царства, которое сгубивъ независимыя области, въ самомъ себѣ не нашло никакой жизни, *разшаталось*, и умерло среди смутъ, крамолъ и казней..... Живъ былъ одинъ лишь *московскій кабакъ*....... Смѣнивъ вольныя корчмы Новгорода, Пскова и Смоленска, онъ перебирался теперь въ Украйны, слободскую и днѣпровскую.....

XIII.

Висла и Бугъ отдѣляли западныхъ Славянъ, захваченныхъ Ляхами, отъ Славянъ восточныхъ, носившихъ различныя названія. То были Кривичи, сосѣдившіе Новгороду и Литвѣ, и составившіе центръ Литовско-русскаго княжества. Полочане жили по Двинѣ, Дреговичи между Припетью и Двиною; по Бугу Бужане, прозванные послѣ Волынянами, - между Бугомъ и Днѣпромъ Деревляне, далѣе на западъ Червонная Русь, а по Днѣпру земля Полянъ, заключавшая въ себѣ княжества Кіевское, Черниговское, Сѣверское. Въ землѣ Кривичей съ XI в. возникли независимыя княжества, и въ первой половинѣ XIII в. весь этотъ край перешелъ во владѣніе Литвы. Съ XV в. онъ получилъ одно общее имя Бѣлоруссіи. Въ 1320 году Гедиминъ, освободивъ Кіевъ отъ татаръ, присоедниявтъ къ великому княжеству Литовскому и Кіевскую Русь, извѣстную съ XII в. подъ именемъ Украины (П. С. Л. II, 160), а впослѣдствіи Малороссіи.

Входя въ жизнь Юго-западной Руси, мы встрѣчаемся здѣсь съ знакомыми намъ чертами древне-славянскаго быта, которыя давно ужь исчезли на сѣверо-востокѣ. Здѣсь питейный домъ носитъ названіе к о р ч м ы и служитъ мѣстомъ общественныхъ собраній; здѣсь, какъ и на сѣверѣ, пьютъ пиво, но

любимымъ напиткомъ народа — медъ, собираемый съ бортей Бѣлоруссіи, и съ пасикъ Кіевской земли, упоминаемыхъ еще въ грамотѣ Андрея Боголюбскаго Печерскому монастырю 1159 года. Медъ составлялъ богатство страны, и древнѣйшею поземельною податью было *дань медовая,* шедшая въ казну королей, князей и духовенства православнаго и католическаго. Какъ на сѣверо-востокѣ, такъ и на юго-западѣ, жили еще пока одни и тѣ же обычаи, справлялись одни и тѣ же праздники (Спасовъ день, Вознесеніе, Троицынъ день, Успеньевъ день, Николинъ, Петровъ и Ильинъ день), во время которыхъ народъ сбирался на братчины около праздничнаго питья. На сѣверо-восточныхъ братчинахъ распивались мірское пиво, мірская бражка; на юго-западныхъ братскихъ пирахъ пили меды. Первыя братства, появившіяся въ первой половинѣ XVI вѣка, къ концу его распространяются по всей Юго-западной Руси, и становятся орудіемъ для поддержанія вѣры, гонимой іезуитами и шляхтой. *Братства* эти были сначала такими же народными учрежденіями, какъ и сѣверо-восточныя *братчины,* т. е. пировными собраніями (gilda, zech). И въ то время, когда о сѣверо-восточныхъ братчинахъ не было уже и помину, — братства жили еще долго, покровительствуемые польскими королями. Виленское братство учреждено было еще въ 1458 году, и впослѣдствіи здѣсь было пять братствъ. Въ 30 годахъ XVI столѣтія виленскіе кушнери (скорняки), по имени Климъ и Якубъ, съ помощію другихъ людей, зволили возстановити себѣ братство свое кушнерское, и за свой власный покладъ меда куповали и сычивали на врочистые свята, ко дню Святаго Духа, Николѣ Святому и ко Божему Нароженію, и оный медъ разсычаной братствомъ своимъ пивали. Братство скоро размножилось; они выстроили въ Вильнѣ особый братскій домъ, и въ 1538 году получили отъ короля Сигизмунда I уставную грамоту на братство, съ правомъ ставить меды и торговать ими въ опредѣленные

праздничные дни: «нехай они братства своего кушнерского свободнѣ и добровольнѣ вживають подлѣ давного звычаю» (Ак. Юж. и Зап. Росс. I. 103). Прошло слишкомъ сорокъ лѣтъ, на польскомъ престолѣ сидѣлъ ужь третій король, многое успѣло измѣниться, но отношеніе короля къ братствамъ оставалось попрежнему дружелюбное. Стефанъ Баторій далъ виленскимъ православнымъ купцамъ новую грамоту на учрежденіе братства, съ тѣмъ, что они могли «въ томъ братствѣ своемъ купецкомъ, водлугъ звыклости и зостановленья ихъ всей братьи, за свой власный накладъ меды купуючи, на свята урочистые осмь въ року, т. е. на Великъ день, на семую субботу, на Усненье святое, на святаго Петра, на Покровы, къ святому Миколѣ, на Рождество Христово и на Благовѣщенье, на каждое такое свято меды сытити, и по три дни на каждый таковый складъ сходячися въ дому ихъ братскомъ, тотъ медъ пити по чому на тотъ часъ старосты годовые установятъ». Медъ, который могъ бы остаться отъ праздниковъ, «вольно имъ за пенязи выдати, и за то капщизны (питейная подать) и тежъ одъ медницъ помѣрного они николи давати не будуть повинны» (Ак. отн. къ зап. Росс. III. 271). Преемникъ Стефана Баторія, Сигизмундъ III, въ 1619 г., по ходатайству и благословенію полоцкаго архіепископа Іосафа Кунцевича, далъ виленскимъ мѣщанамъ кормникамъ грамоту на устройство братства при церкви Преображенія, съ правомъ завести при той церкви склады звыклые меду шинковаго и привозного, тежъ пивные и горѣлочные, къ праздникомъ св. Михаила и Семіона, — въ чомъ арендары корчомъ въ томъ мѣстѣ будучіе жадноѣ переказы къ шинкованью въ помѣненныхъ напаевъ задавати и трудности чинити имъ не мають» (Ак. отн. къ зап. Росс. IV, 567).

Въ уставной могилевской грамотѣ 1561 г. позволялось попамъ сытить медъ на семь праздниковъ въ году, съ тѣмъ,

чтобы каждый разъ покупать меду не больше какъ на два рубля грошей широкихъ; мѣщанамъ позволялось имѣть *12 складовъ* въ году на праздники, съ правомъ сытить медъ на два рубля грошей широкихъ, и, кромѣ того, курить горѣлку пять разъ въ годъ, къ Рождеству, къ масляницѣ и къ Миколѣ осеннему, употребляя каждый разъ не больше четверти солоду. Мѣщане вольны были держать для собственнаго употребленія, а не на продажу, пиво и медъ. Въ 1589 г. могилевскіе скорняки, учредивъ братство, получили грамоту, чтобы имъ «водлѣ звычаевъ своихъ медъ власнымъ накладомъ купуючи, на свята врочистые сытити, и по три дни сходячисе тотъ медъ выпивати; воскъ отъ тѣхъ медовъ на свѣчы до церквей, а зыскъ медовый (прибыль отъ меда) на потребы и оправы и на слуги церковные, такъ тежъ и на милосердные учинки до шпиталя и на ялмужну убогихъ людей выдавати и оборочати хочуть» (Ак. зап. и юж. Росс. I. 222). Въ 1596 году могилевское духовенство объявило, что, при нападеніи на Могилевъ Наливайки, истреблены огнемъ всѣ привиллегіи на склады и сыченья медовъ, а именно: «водлугъ звыклаго обычаю, по пятнадцати пудовъ меду усычати, и оный на вышинкъ выдавати, а тыхъ складовъ уживати вѣчными часы, и отъ того нѣкоторые капщизны и побору до скарба нашого (королевскаго) поборцомъ и арендаромъ нашимъ и никого иншого ничого давати не мають; однакъ же кгды тотъ медъ сытити будуть, первѣй тому, кому то належати будеть, обвѣстити мають, а оны за обвѣщеніемъ ихъ вжо никоторыхъ трудностей имъ чинити и задавати не мають» (Ак. юж. и зап. Росс. I. 259). И, не смотря на то, что время было трудное, когда шляхта, пользуясь слабостію короля, напустилась на гражданскія права народа, когда не успѣли еще изгладиться возстанія Косинскаго и Наливайки, когда народъ пѣлъ еще о сожженіи Могилева Наливайкой (Срезн. Запор. Стар. I, 36), но Сигиз-

мундъ все-таки исполнилъ просьбу православнаго духовенства. Въ 1597 году онъ далъ могилевскимъ мѣщанамъ грамоту на учрежденіе братства при Спасскомъ монастырѣ, съ правомъ «въ томъ дому братскомъ два склады медовые вольные въ кождый рокъ мѣти, а на кождый складъ сытити меду на 15 пудовъ, ваги могилевской; который медъ братья въ дому своемъ братскомъ черезъ четыре дни пити маютъ; а съ того меду воскъ на свѣчы до церкви оборочати, въ чомъ имъ арендары корчомъ могилевскихъ перешкожати не маютъ» (Ак. отн. къ зап. Росс. IV. 172.) Подобныя грамоты на медовые склады въ 1592 г. получили мѣщане Кричевскіе, Оршанскіе и т. д. Охраняя братства отъ арендаторовъ, которыхъ плодила шляхта, короли старались охранять ихъ и отъ шляхты, не знавшей предѣла своему разгулу. Еще Сигизмундъ I, сдерживавшій шляхту, въ грамотѣ 1516 г. укорялъ витебскаго воеводу, что онъ на православную церковь пересталъ давать уложенныя дани. Жаловался намъ — говоритъ король—Іосифъ, архіепископъ полоцкій и витебскій, что «передъ тымъ издавна давали изъ села Бабиновичь на церковъ светого Михаила два лукна меду пресного, а въ лукнѣ по 10 пудовъ, — «ино деи люди прочь ся розышли, а которые зостали и тымъ ты не кажешь тое дани на церковъ Божую давати.» По жалобѣ братства Мстиславскихъ мѣщанъ, Стефанъ Баторій въ 1579 году наказывалъ панамъ старостамъ, ижъ бы «имъ тыхъ складовъ медовыхъ не забороняли, и кгды они на тые три урочистые свята, на Святую Троицу и на дни Миколины у въ осени и на весьнѣ, на кождо съ тыхъ свято по 10 пудовъ разсытятъ добровольнѣ, не черезъ три дни, але покуда его вышинкуютъ, шинковати допускали, никоторое трудности надъ стародавные звычаи имъ въ томъ не чиначи конечно» (Ак. отн. къ зап. Росс. III, 240). Такъ живутъ всѣ братства до времени Богдана Хмельницкаго,...... потомъ падаютъ одно за другимъ, и въ

началѣ XVIII в. изчезаютъ безслѣдно (Флеровъ, о братств. 199, 200).....

Во всей Юго-западной Руси производство напитковъ и вина горѣлого было *вольное*, съ обязанностію давать *платъ* въ королевскую казну, *подля давняго звычаю*: «хочемъ тежъ, ижъ бы тое мѣсто нашо цыншъ съ корчмы въ каждой годъ подля стародавного суполна намъ давало по давному». По магдебургскому праву королевскіе чиновники не могли вступаться въ торговлю напитками: «а въ то ся воевода и городничій и иные врядники наши не маюТь вступатися, а ни ведерокъ не маютъ помѣривати по корчмамъ.» Жители поднѣпровскихъ и задвинскихъ волостей жаловались, что писаря, пріѣзжая въ волости для сбора недополнковъ, *корчмы сытятъ для своего пожитку*, и Сигизмундъ I въ 1511 г. позволилъ людямъ по стародавнему обычаю самимъ относить въ извѣстные сроки въ королевскую казну дань медовую, прибавивъ при этомъ: «а что передъ тымъ по тымъ волостемъ нашимъ писари або державцы т. е. намѣстники и тивунове тѣхъ областей корчмы на себѣ сычивали: по та мѣста вжо, какъ державци, такъ и писари наши и тивуны, корчомъ сытити не маютъ; мы беремъ тые корчмы къ нашей руцѣ: гдѣ ся намъ на которой волости увидитъ корчмы мѣти безъ шкода данниковъ нашихъ, тамъ кажемъ корчмы сытити, и платъ ихъ до скарбу нашого носити.» Въ Литовскомъ Статутѣ, составленномъ въ 1522—1529 г. и обнародованномъ въ 1530, запрещены были всѣ тайныя и шляхетскія корчмы. Въ статутѣ 1529 г., раздѣлъ 3, артик. 17, сказано: «теж уставляемъ и приказуем воеводамъ и старостамъ и всимъ державцамъ нашимъ великого князства Литовского, абы недопущали корчомъ варити покутныхъ *) на местцехъ

*) *Pokątny*, отъ *kąt*—уголъ, изба, т. е. корчмы по домамъ, тайныя корчмы, или заугольные шинки, какъ они называются въ другихъ памятникахъ.

не слушныхъ (законный, должный), а на болшей тым, которые бы данины не мѣли через лист нашъ або через урядниковъ нашихъ. А про то приказуем, абы каждый з васъ таковые корчмы забиралъ, буд духовныи и светскій и панскій и всих посполите, и вси тые суды, в которых пиво варат, и давалй до двора нашего господарского; бо черезъ таковые корчмы много ся злодейства чинит и теж плат наш господарскій уменшается теж и тым, которые мают данину черезъ листъ нашъ» (Врем. XVIII. Стат. 24.). Въ уставѣ о волокахъ Сигизмунда II 1557 г. (объ управленіи королевскими волостями во всемъ Литовскомъ княжествѣ) установлены пошлины съ напитковъ, одинаковыя для всего королевства: «Капцызна однакова по всему великому князьству литовъскому маетъ быти брана, то есть: одъ меду копа грошей, отъ пива чотыры пенези, отъ горѣлъки два пенези, отъ волоки 12 пенезей. А хъто шынъку и волоки не маеть, тотъ отъ воротъ два пенези. А обачывши лепъшы пожитокъ знаймованья шынку волно будетъ кому хотя наняти, або тымъ же мѣщаномъ за ведомостью подскарбего нашего» (Пам. Врем. Ком. II, 2, 23). Снова запрещались корчмы тайныя и панскія, а также и безпошлинное вареніе пива: «Корчмы покутные конечъне по селамъ абы не были для злодейства и инъшыхъ збытковъ, што врадъ забороняти маеть водле статуту. Также пиво абы нихъто сподъданыхъ несьмелъ подъ виною копою грошей, бо стого многие зних вроспустьность и вубожество прыходять. Ведже въ каждомъ войтовстве а слушномъ селе, звлаща пры гостинъцу, можетъ быти корчма за ведомостью враду, альбо ревизора посътановълена, одно такъ, якобы капъщызна наша негинула; скоторое подданнымъ нашымъ грунтовъ шынковныхъ уживати не заборонъно» (ib. 39). При этомъ было оговорено: «зъ волостей русскихъ меды и иньшые доходы маютъ быти браны и потому, яко на сесь часъ, до иньшоѣ науки и постанов-

ленья нашого.» Къ статьѣ о корчмахъ было добавлено лично отъ короля: «доложыти его королевъская милость росказати рачылъ. Корчмы покутные кнезскіе, панские, звлаща где не на гостинцу, або были гамованы и забираны отъ ураду его королевское милости, хотя жъ бы и листы его милости господарское мѣли, — бо таковыми покутными корчмами не одъно шкода его милости господару, а и Рѣчы Посъполитое дорогость въ живности и зънищенье убогихъ людей (ib. 187. Ак. отн. къ зап. Росс. III, № 19). Такимъ образомъ города и мѣстечки были обложены питейной пошлиной и, платя ее, свободно торговали виномъ. Мѣщане г. Городни сначала платили капщизну отъ вина горѣлого въ годъ по 60 копъ грошей, но сумма эта была велика, и «нихто зъ мѣщанъ Городеньскихъ не хотѣлъ, а ни ся подънялъ того вина горѣлого дерьжати, и тое суммы шестидесятъ копъ до скарьбу давати.» Продажа вина поэтому оставалась безпошлинною, и королева Бона, жена Сигизмунда I, видя въ томъ убытокъ королевской казнѣ, запретила городенскимъ жителямъ торговать горѣлкой и капщизну отъ вина горѣлого обратила на городеньскую ратушу, уменьшивъ прежнюю сумму до 50 копъ грошей. Сигизмундъ I въ 1541 г. далъ грамоту, чтобы «тую капщизну отъ вина горѣлого на ратушъ войту, бурмистромъ и радьцамъ мѣста городеньского на оправу мѣстскую надати и привлащати рачилъ подъ тымъ способомъ ажъ они, тое вино горѣлое у своей моцы дерьжачи, съ того всего до скарбу господарьского въ кожьдый годъ по пятидесятъ копъ грошей давати маютъ на часъ певный, на Громницы свято урочистое.» Грамота была подтверждена Сигизмундомъ II въ 1589 г. (Ак. юж. и зап. Росс. II, 185).

Такимъ образомъ мѣщане (граждане) въ своихъ отношеніяхъ къ королю, къ шляхтѣ, руководились литовскимъ правомъ; въ отношеніи же къ городу, — у нихъ было особое право, называемое Магдебургскимъ (гор. Магдебургъ, Сла-

вянскій Дѣвинъ, на Эльбѣ, славянской Лабѣ). Право это, выработанное на западѣ могущественными городскими общинами (гильды, цехи), предоставляло городу полную власть самоуправленія, избавляя его отъ насилій средневѣковой шляхты. Съ XIII в. оно является въ Польшѣ (въ Краковѣ съ 1257 г.), съ XIV вѣка въ литовской Руси (въ Вильнѣ съ 1387 г.). Литовскій великій князь Сигизмундъ, наслѣдовавъ брату своему Витовту, въ 1432 г. далъ городу Вильно новую (изнову даемъ) грамоту на магдебургское право. Продажа напитковъ переходила во власть города: «а также даемъ изнову первяйрженному мѣсту нашому вагу, на которой воскъ вѣсятъ, и иние рѣчи крамные, и какольвѣкъ товаръ имуть важити. А шинкованье и зложенье вина, меду и пива, што польскимъ языкомъ словѣть шротарство, съ ихъ пожитки и приходы тому жь мѣсту нашому первореченный ужитожъ, а полепшенье нашего мѣста Вилни, и съ полна моцъ владати мають. А также хочемъ первореченные мѣщане платъ корчомный на каждый рокъ намъ и хто по насъ будетъ нашимъ намѣстникомъ имають платити, какъ первый издавна тотъ истый платъ давали и платили» (Сбор. Мух. 436). Александръ, сынъ и преемникъ Казиміра IV, наслѣдовавъ Литву, въ 1498 г. далъ магдебургское право Полоцку. Въ моцъ войтовскую переданы бышо *вси горѣлого вина дѣлатели*; городу дано право имѣть въ году три ярмарки; чужіе купцы (рижскіе) могли продавать вино кольве какое и пиво нѣмецкое не иначе, какъ цѣлою бочкою (ib. 85. Ак. отн. къ зап. Росс. I, 179). Въ слѣдующемъ 1499 г. дана была подобная грамота *мѣсту Менскому* (Минску). Въ моцъ войтовскую назначались двѣ корчмы вольныхъ, съ платою четырехъ копъ грошей *); въ пользу города поступалъ

*) 1 грошъ польск. — 4 к. сер.; 1 грошъ литовск. — 5 к. сер.; Копа грошъ лит. — 3 р.

и восковой вѣсъ: «допущаемъ тежъ въ томъ мѣстѣ нашомъ мѣти важницу а тежъ капницу, и весь воскъ тамжо стопленный печатію ихъ маютъ знаменовати и съ того ужитки ку посполитому доброму маютъ ховати» (Сб. Мух. 95; Ак., отн. къ зап. Росс. I, 187.). Грамота подтверждена была Сигизмундомъ II въ 1552 г. (Ак. юж. и зап. Росс. I, 136). Преемникъ Александра, Сигизмундъ I, въ 1531 г. далъ *мѣсту Воинскому* магдебургское право на основаніяхъ еще болѣе свободныхъ: «бровары маютъ мѣщане по мѣсту волные мѣти, и отъ чотырехъ солянокъ солоду (древняя питейная подать) маютъ намъ давати по три гроши, а войтъ зъ радцы маеть солодъ выбирати, а со зхачокъ платъ маеть тежъ въ кождый годъ на дворъ нашъ даванъ быти, — а съ корчомъ своихъ капщизны не маютъ давати» (Ак. юж. и зап. Росс. I, 81). Напротивъ, въ грамотѣ *Сеневскимъ* мѣщанамъ 1534 г. установлены были подати съ корчомъ: «который мѣщанинъ дерьжати въ себѣ будеть корчму медовую и пивную, тотъ маеть дати на насъ плату у годъ копу грошей, а который держати будетъ едно корчму пивную, тотъ маеть давати двадцать грошей, а хто корчму медовую безъ пива будеть держати, тотъ маеть давати у годъ полкопы грошей; а которые мѣщане корчомъ въ себѣ мѣти не будутъ, и жаднымъ шинкомъ не будутъ ся обходити, тыи повинни будуть давати въ годъ отъ дому по шесть грошей (Ак. юж. и зап, Росс. I, 85). Нѣкоторыя особенныя подробности въ питейныхъ сборахъ, развивавшихся безъ всякаго насилія со стороны власти, мы видимъ въ грамотахъ на магдебургское право, данныхъ мѣщанамъ *Дисненьскимъ* (вилен. губ.): «Корчмы медовые, пивные, горѣлчаные, солодовки, бровары, отъ того всего какъ и платъ маеть съ того мѣста нашого Дисеньского ити до скарбу нашого вѣчными часы потому, яко и въ иныхъ мѣстахъ нашихъ упривильеваныхъ заховываеться. Вѣдь же, што се дотычетъ корчомъ пивныхъ, о тые

они намъ господару били чоломъ, абы имъ волно въ домѣхъ своихъ безъ даванья капей и иныхъ платовъ пива держати, повѣдаючы, же и мѣщане Полоцкіе вольны были отъ капи пивное въ домѣхъ своихъ шынкъ пивный вольнѣ держати, тогды и мѣщанѣ Дисеньскіе потому жь мають быти захованы вѣчнѣ зъ кгрунтовъ мѣстскихъ, которые имъ зъ ласки нашое господарское приданы и назначоны будуть, а которые вжо на сесь часъ держатъ, съ тыхъ цыньшъ мають давати. *Братство, кануны праздники годовые*—тые мають мѣти два разы въ рокъ на годовые праздники, коли сами межы собою постановятъ,—вѣдь же тымъ обычаемъ, яко бы тыми накупали корчмамъ а пожиткамъ нашимъ шкоди не было». По нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ, жители города или мѣста иногда совершенно освобождались отъ питейныхъ податей. Мѣщанамъ замка *Озерица*, возвращеннаго Польшѣ въ 1583 г., даны были вольности отъ всякихъ капщизнъ на восемь лѣтъ: «меда, пива, горѣлку и иншые всякіе рѣчи шинковати, продавати и торговати, отъ всякихъ платовъ, цыншовъ, капщизнъ вольны будучи.» Точно также мѣщанамъ возобновленнаго города *Василева*, въ 1586 г. позволено было имѣть «корчмы вольные, медъ, пиво, горѣлку и иншое всякое питье въ нихъ держати и шинковати и добровольнѣ всякими торгами и куплями торговати.»

Не то ужь было къ концу XVI и въ XVII в., когда разгулъ шляхты, требовавшей однѣхъ лишь денегъ, помогъ жидамъ заарендовать всю Украину, и городъ, доселѣ самоуправлявшійся, кланялся теперь жиду. Сигизмундъ III, несчастный преемникъ Стефана Баторія, въ 1594 году даетъ мѣщанамъ оршанскимъ грамоту на магдебургское право и вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ городъ въ полную зависимость отъ Шимана Шлинича, жида-арендатора. Грамота говоритъ: «волно тежъ мѣщаномъ пива, меды, горѣлки на свои потребы варити и медъ сытити, и горѣлки курити, ведже на про-

дажу, одно на веселье дѣвки або сына своего, на хрестьбины и на богомолье; вшакже маеть таковый кождый арендаромъ, або хто аренду корчомскую держать будетъ, абы въ томъ скарбу короля его милости ніякое шкоды не было, — а на таковые сватьбы, хрестьбины и на богомолья мѣщанскія нихто зъ козаковъ, альбо драбовъ, до мѣщанъ своволье, не будучи прошоными, ходити не маеть. А тые вси цинши и доходы пеняжные будуть повинни мѣщане Оршанскіе отдавати до скарбу короля его милости въ кождый годъ о светомъ Михаилѣ свята римского, такъ зъ волокъ, якъ и съ пляцовъ и огородовъ, и иншіи повинности; а хто бы не отдалъ того дѣцкованого гроша одного съ корчомъ мѣстцкихъ Оршаньскихъ, въ которыхъ медъ и пиво шинкуютъ, и отъ горѣлки, которую теперь держитъ жидъ Шимонъ Шлиничъ, платитъ за нее въ кождый годъ аренды по копъ триста пятьдесятъ» (Ак. юж. и зап. Росс. I, 254). Грамоты на магдебургское право больше ужъ не соблюдались, и города жаловались королямъ и просили о подтвержденіи грамотъ. Такъ было при Сигизмундѣ I, не смотря на то, что онъ сдерживалъ еще неистовство шляхты. Въ 1527 г. мѣщане Полотскіе приносили жалобу «на кривды, утиски, ограбежи и озломанье права ихъ Майтборского, что ся имъ стало отъ его милости воеводы полоцкаго, старосты Дорочинскаго, пана Петра Станиславича Кишки.» Кромѣ его милости пана Кишки, мѣщане жаловались и на «всихъ князей и пановъ и бояръ Полоцкихъ и на игуменью и на Бернардыны» (Ак. отн. въ Зап. Росс. II, 180). Наконецъ, иногда совершенно запрещались вольныя корчмы. Великій князь литовскій Александръ, получившій польскій престолъ въ 1501 г., грамотой 1505 г. оставилъ Смольнянамъ вѣсъ медовой, но корчмы запретилъ: «а корчмы въ городѣ Смолнеску не держать» (Сборн. Мух. 136). Василій Ивановичъ, возвративъ его въ 1514 г., тоже далъ грамоту, чтобы «намѣстникамъ и окольничимъ, и княземъ,

и бояромъ, и мѣщаномъ корчемъ не держати.» Зато Сигизмундъ, снова овладѣвъ Смоленскомъ, грамотой 1611 г. позволилъ Смольнянамъ имѣть за городомъ винокурню, приготовлять дома и продавать всякіе напитки. Жиды арендаторы изгонялись изъ города.

Чтобъ съ большей ясностью представить положеніе южнорусскаго города въ отношеніи экономическихъ судебъ, которыя постигали его въ разное время, прослѣдимъ для этого исторію корчемныхъ учрежденій Кіева.....

XIV.

Насельниками Кыева были *Поляне*, мужи мудри и смыслени. Изъ положительныхъ свѣдѣній о Кіевѣ, доходящихъ до насъ отъ половины IX в., извѣстно, что Кіевъ былъ средоточіемъ, къ которому тянулись люди изъ Рязани, Ростова, Мурома, изъ Волынца красна Галичья; куда сходились Нѣмцы и Венды, Чехи и Морава; Кіевъ былъ въ близкой племенной связи съ придунайскимъ славянствомъ, и пѣвцу о полку Игоревѣ слышались пѣсни дѣвъ на Дунаѣ, которыя вились *черезъ море до Кіева*. Кіевъ хорошо былъ извѣстенъ Скандинавамъ, Германцамъ и Грекамъ. Константинъ Порфирородный (X вѣка) упоминаетъ, что у Кіева сходились суда изъ Новгорода, Смоленска, Любеча и Вышъ-города; Дитмаръ (конца X вѣка) и Эдингардъ (подъ 1018 г.) говорятъ, что въ Кіевѣ было восемь торжищъ; Адамъ Бременскій (XI вѣка) приравниваетъ его Византіи: aemula sceptri Constantinopolitani. Иностранныя свидѣтельства подтверждаются и русскими лѣтописями, изъ которыхъ видно, что въ X вѣкѣ Кіевъ заключалъ договоры съ сосѣдями, а въ XI Ярославъ построилъ новый городъ, — *городъ великъ Кіевъ, съ золотыми воротами* (1037 г.) Преданія о золотыхъ воротахъ, о тогдашней жизни, о тогдашней славной кіевской женщинѣ, сохраненныя въ па-

мяти народа, дошли до настоящаго времени (Кул. За п. о юж. Руси II, 3. Бусл. Богатыр. эпосъ. XI). Благосостояніе города возрастало. Въ 945 году Подолъ былъ еще ненаселенъ (на Подольи не сѣдяху людье), а въ 1067 г. тамъ было *торговище*, куда Кіяне сбирались на вѣче. Городъ, богатый и роскошный, соблазнявшій дикаря Болеслава, несомнѣнно имѣлъ *корчмы*, или *гостильники* и *гостиньницы* (Сборн. 1076), стоявшіе по *гостиньцамъ* (большія дороги), но монахи, писавшіе лѣтописи, не оставили объ нихъ никакихъ свѣдѣній. Осталось извѣстіе о жидахъ, издавна жившихъ въ Кіевѣ и въ XII в. захватившихъ въ свои руки торговлю солью.

Мати градомъ Русьскымъ, Кіевъ, стоялъ на перепутьѣ кочевыхъ массъ, то и дѣло надвигавшихся съ востока, и, терпя отъ дикаго кочевника, онъ не меньше терпѣлъ и отъ князей, закладывавшихъ на сѣверо-востокѣ новый порядокъ русскаго міра... Андрей, именуемый Боголюбскимъ, въ 1169 г. грабилъ два дня весь городъ, Подолье и гору, и монастыри и соборы, *и не бысть помилованія ниоткудуже* (Ипат. 100). Въ 1240 году Кіевъ разрушенъ Батыемъ, и остается неизвѣстнымъ до 1320 г., когда, освобожденный отъ татаръ, онъ присоединенъ былъ къ княжеству Литовскому. Контарини, бывшій въ Кіевѣ въ 1474 г., говоритъ о немъ, какъ о богатомъ городѣ, куда съѣзжалось множество купцовъ съ Великой Россіи; жители города утромъ занимались дѣлами, а потомъ отправлялись въ корчмы (caverne), гдѣ оставались вплоть до самой ночи, и нерѣдко, напившись до пьяна, заводили между собою драки. Городомъ управлялъ полякъ (Контар. 21). Кіевъ пользовался *правомъ свободной продажи питей*, которое утверждено было грамотами *Казиміра*, *Витовта* и подтверждено въ 1494 г. уставной грамотой *Александра*; по этой грамотѣ городъ былъ обязанъ платить: «отъ капи съ корчмы давати имъ по полтрети копы грошей, а писчого грошъ; а взяти капь на Божье жъ Нароженье, и опять на

Божье жъ Нароженье заплатити капь, а рокъ минетъ, ино въ дѣцкованьемъ взяти» (Акт. отн. къ зап. Росс. I. 121). Продолжались ночныя попойки по корчмамъ, замѣченныя Контарини, и одна изъ грамотъ Сигизмунда I, 1506 года, говорила, что въ корчомныхъ домехъ, лѣтѣ, коли вжо ночи малыи буваютъ, ненадобѣ никому съ огнемъ пити.» Король Александръ (1501—1506), «жалуючи спустѣлому краю земли русской лучшаго поведенія і даби мѣсто Кіевъ ширилося,» далъ ему грамоту на магдебургское право, подтвержденную Сигизмундомъ I въ 1544 году. По этой грамотѣ кіевскимъ мѣщанамъ (гражданамъ) позволено было «вшелякій складъ в' мѣсте ихъ имѣти, пивомъ, медомъ, виномъ і горѣлкою шинковати, і' стого приходи на потреби мѣские оборочати; так' же помѣрное медовое, то есть ведерко медовое, которымъ медъ мѣрится, ятки все резничие, полки і лавки, воскобойню, гдѣ воски забиваются, со всѣми приходами.» Грамота повторяла запрещеніе, чтобы *въ домахъ шинковныхъ* по ночамъ огня не держали. Сигизмундъ II, грамотой 1545 г., подтверждая Кіеву магдебургское право, освобождалъ городъ «отъ правъ польскихъ, литовскихъ и русскихъ (?), отъ всѣхъ звичаевъ, къ тому праву послушнихъ и противнихъ,» и увеличивалъ плату за корчмы: «толкожъ зъ кождой корчми, кождого году, по двѣ копи грошей повинни намъ платити» (Сбор. Мух. 348.) Въ это время черезъ Кіевъ шла торговля востока съ западомъ, сѣвера съ югомъ, кіевскія корчмы переполнены были проѣзжими гостями, городъ богатѣлъ. Михалонъ (1550 г). описывалъ его съ увлеченіемъ: «крѣпость Кіевъ съ своею областью, лежащая при рѣкѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ полями и лѣсами, дотого плодородна, что пашни, вспаханныя одинъ разъ, даютъ богатую жатву, деревья съ прекрасными плодами, виноградныя лозы съ большими кистями» (Кал. Арх. II. II, 67, 61.) Но на этой почвѣ, благодатной и до сихъ поръ, не удалось развиться со-

отвѣтственной жизни: поперекъ ея развитія стала польская шляхта. Къ половинѣ XVI в. шляхта уже гуляла по всей Украинѣ, попирая права народа; Кіевъ дѣлался городомъ польскимъ, а украинская жизнь стягивалась въ Батуринѣ и Чигиринѣ. Изъ грамоты Сигизмунда 1558 г. видно, что войтъ, бурмистры и райци кіевскіе, отъ себя и отъ всѣхъ кіевскихъ мѣщанъ, жаловались королю, что отъ него и отъ его предковъ *надани и управиліовани вси корчми у мѣстѣ кіевскомъ ку пожитку ихъ мѣскому*; но король отдалъ эти корчмы воеводѣ кіевскому, подкоморію, державцу Кормоловскому, пану Григорію Ходкевичу. Граждане кіевскіе поэтому оказали королю *листы и привилеи* и били челомъ, чтобъ король устранилъ всѣ эти *шкоди* и *втисненія*, воротилъ бы корчмы на пользу города, за что они обязывались платить *певную суму пенязей осмь сотъ копъ грошей кождого году*. Представленные ими листы велѣно было разсмотрѣть воеводѣ виленскому (вотъ его титулъ!), маршалку земскому, канцлеру великаго княжества Литовскаго, старостѣ Берестенскому, державцу Бороговскому и Шовленскому, пану Миколаю Радивилу. По разсмотрѣніи воеводою кіевскихъ листовъ, король приказалъ возвратить корчмы въ пользу города и далъ новый привилей, что «панове, воеводи и ротмистрове, и тежъ десятники, товарищи ротъ ихъ, и митрополіи бискупъ и архимандритъ корчомъ ку пожитку своему установляти не маютъ,— однако жъ ротмистромъ волно будетъ въ замку для себе трунокъ (нѣм. trank—питье) держати и збудовати имъ броваръ свой подлѣ того жъ мѣского бровару» (Сбор. Мух. 372). Прошло одиннадцать лѣтъ, мѣщане снова просили о подтвержденіи привиллегій, и Сигизмундъ въ 1569 г. снова подтверждалъ ихъ, радуясь, что воеводство кіевское до «корони польской привернено, и яко члонокъ отъ натуральнаго тѣла своего оторванній, зновъ до того жъ королевства прилученній!»... (ib. 383). Но, сплетая эти слова, бѣдный король не зналъ, что кру-

гомъ него дѣялось, не зналъ, что кіевскій воевода панъ Мищеварковскій, не признавая никакихъ правъ и привиллегій, дѣлалъ «великіи и необикновенніи грабежи и обиды, витягаючи непомѣрнія и незвикліи подати и повинности,» и, кромѣ 400 копъ грошей, слѣдующихъ за корчмы, требовалъ еще 200 копъ за прошлый годъ, уплаченныхъ въ свое время. Узналъ король про это, и въ 1570 г. предписалъ воеводѣ, чтобы его милость не дерзалъ того чинити».... (ib. 385). Вступилъ на престолъ Стефанъ Баторій; 7 іюля 1576 г. подтвердилъ Кіеву всѣ его привиллегіи (ib. 390), и 17 ноября того же года, по жалобѣ кіевской старшины на воеводу, снова посылалъ грамоту объ охраненіи городскихъ правъ (ib. 440), а 22 ноября особой грамотой подтверждалъ городское право на корчмы, чтобъ кромѣ кіевскихъ мѣщанъ посторонніе люди (шляхта) не держали городскихъ корчомъ (ib. 442). Въ 1581 г. пошла къ королю новая жалоба, что намѣстники кіевскіе, уничтоживъ сроки для уплаты денегъ за корчмы, «по волѣ своей, когда только хотятъ, прежде сроковъ тѣ деньги доправляютъ, *и за то де грабятъ безвинно, и кривди и обиди имъ немаліе чинятъ* (ib. 443). Столь благородное и свободное поведеніе шляхты вызвало волненіе по всей кіевской Руси. Въ Кіевѣ, въ Черкасахъ, въ Переяславлѣ козаки побили жидовъ, забрали вино, и, былъ слухъ, что хотѣли убить короля (Срезн. Запор. Стар. I, III; 66). Преемникъ Баторія, Сигизмундъ III, въ 1588 году подтвердилъ Кіеву привиллегію 1576 г. (Сбор. Мух. 446); но черезъ шестнадцать лѣтъ новой грамотой короля *немалая часть* города Кіева, съ корчмами и шинками, отдана было ксендзу, бискукови кіевскому, отчего произошли убытки въ корчмахъ певнихъ, медовихъ и виннихъ. Поэтому кіевскіе мѣщане (граждане) въ 1604 году просили короля уменьшить плату за корчмы; но король предварительно велѣлъ разсмотрѣть, «яко великое уменшеніе доходовъ въ корчмахъ невнихъ,»

и поручилъ это земскому писарю Лозцѣ и судьѣ градскому Салтанову (ib. 447). Въ 1606 г. Кіеву еще разъ были подтверждены всѣ привиллегіи 1558 г. (ib. 448.), а въ 1619 г. издано распоряженіе, чтобы съ этихъ поръ жиды въ Кіевѣ не селились, не занимались арендами, съ проѣзжими купцами не торговали и не жили бъ въ городѣ больше одного одня (Сбор. Мух. 192). Въ отпоръ нестерпимымъ насиліямъ шляхты народъ сталъ учреждать церковныя братства, появившіяся еще въ XV в. и распространившіяся въ послѣднихъ годахъ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Въ 1629 г. учреждено было кіевское братство, положившее начало знаменитой кіевской академіи. Владиславъ IV, наслѣдовавшій отцу своему Сигизмунду, въ 1633 г. подтвердилъ Кіеву всѣ старыя привиллегіи, и городъ снова получилъ право имѣть свои вольныя корчмы, но ужъ было поздно.... Петръ Могила, печерскій митрополитъ, умирая, благословлялъ Хмельницкаго на возстаніе, а въ 1649 г. преемникъ Петра Могилы, митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, окруженный духовенствомъ, вышелъ за городъ встрѣчать этого Богдана Хмельницкаго, какъ побѣдителя поляковъ.

Въ 1654 г. Кіевъ со всей Малороссіей присоединенъ былъ къ Московскому царству и снова на нѣкоторое время сталъ центромъ южно-русскаго края. Въ томъ же году Кіевъ, по ходатайству Хмельницкаго, получилъ отъ царя грамоту, подтверждавшую всѣ его *права и вольности*, съ тѣмъ только, что 3,000 злотыхъ польскихъ (1800 р.), за право продажи питей, которые досёлѣ городъ платилъ воеводѣ, теперь велѣно было платить въ царскую казну. На слѣдующій годъ, вмѣстѣ съ другими малороссійскими городами и Кіеву подтверждено было магдебургское право (П. С. З. 378). Грамотою Алексѣя Михайловича 1660 г. жиды снова изгнаны были изъ Кіева; разоренный доминиканскій монастырь обращенъ былъ въ православную церковь, но мѣщане поспѣшили устроить въ немъ шинокъ (Бант. Кам. Ист. Малор. II, 207).

Страсть заводить шинки, завѣщанная поляками, сдѣлалась теперь общественной болѣзнію, и, видя это, Хмельницкій универсаломъ своимъ 1654 г. о сыченьи кануновъ, ограничилъ у кіевскаго духовенства право приготовленія питей. Въ универсалѣ 4 августа того же года онъ говорилъ: «позволили есмо капитулѣ кіевской каноны сытити; теды и теперь того не измѣняемъ; однакъ помѣненные священники меду не по десяти, альбо по 15 кадей сытити, але ведлугъ звычаю по кадей двѣ сытити мають, а не большей; зъ которыхъ кононовъ воскъ на хвалу божую ити маеть». Спустя восемь мѣсяцевъ (16 апр. 1655 г.) онъ повторялъ то же самое, съ угрозою наказанія: «священницы мають по двѣ кади меду сытити, и то въ бровару мѣстскомъ ратушномъ; а ежели бы который священникъ мѣлъ гдѣ индѣй канонъ сытить и большъ нежъ двѣ кади, теды отъ того наданыя певне отпадуть». (Ак. отн. къ зап. Росс. V. 92). Гетманъ Самойловичъ въ 1672 г. подтверждалъ кіевскому братству право сытить медъ, по шести разъ въ годъ (на свѣчи и на содержаніе учителей) строго приказывая, чтобъ никто изъ старшихъ и меньшихъ въ войскѣ запорожскомъ въ разсыченіи меду не дѣлали братству никакого затрудненія (Пам. Врем. Ком. II, I, 172). Права города оставались пока прежнія, но Москва входила уже въ Кіевъ съ своими обычаями: по *росписи Кіеву* 1682 г. упоминается одинъ *кружечный дворъ* (Чтен. 1858. II). Кіевъ, снова перешедшій къ Польшѣ и потомъ оставленный за Москвою по андрусовскому договору (1667 г.) на два года,— 6 мая 1686 г. окончательно былъ присоединенъ къ Московскому царству. Возвращеніе его поставлено было условіемъ договора, и, говорятъ, что Собѣсскій, бывшій во Львовѣ, зарыдалъ, подписывая этотъ договоръ.... Въ 1693 г. Гетманъ Мазепа подтверждаетъ кіевскому братству право «меды сытити и оніи продавати, а не внутръ монастыря, але въ якомъ колвѣкъ зъ дворовъ монастырскихъ, за монастыремъ будучихъ,

оніи продавать свободно». Теперешній Кіевъ, какъ видно изъ записокъ старообрядца Леонтія, бывшаго въ немъ въ 1701 г., раздѣлялся на двѣ очень замѣчательныя части, изъ которыхъ одна была московская, а другая козацкая; одна жила въ самомъ Кіевѣ, другая тѣснилась на Подолѣ, одна пила въ *кружалѣ*, а другая въ *корчмахъ и шинкахъ*. Леонтій писалъ: «генваря въ 27 день пошли къ преславному городу Кіеву. Пріѣхали въ корчму (подъ Кіевомъ) — только жонка одна, и та к..., а мы тутъ съ нуждою великою ночевали, всю ночь стереглися; стало къ полю, и пьяные таскаются во всю ночь». — «Все бы хорошо въ Кіевѣ, да шинки ихъ весьма разорили въ конецъ, да к—вы, изъ того у нихъ скаредно сильно, и добрый человѣкъ худымъ будетъ». — «Въ верхнемъ городѣ живутъ воевода, полковники и *стрѣлецкіе полки*, а въ Нижнемъ (на Подолѣ) все мѣщане, *хохлы*, все торговые люди; тутъ у нихъ и ратуша и ряды и всякіе торги. А стрѣльцамъ не даютъ хохлы въ лавкахъ сидѣть, только на себя всякіе товары въ разность продаютъ. Утре стрѣльцы все съ горъ сходятъ на Подолъ, торговать, а въ вечеръ передъ вечернями, такъ они на горѣ, въ верхнемъ городѣ, торгъ между собою (ведутъ), а ряды у нихъ свои, и *кружало* у нихъ свое» (Закрев. Кіевъ 77, 78). Здѣсь-то на Подолѣ гуляло товариство, когда возвращалось съ битвы, или, отправляясь затвориться отъ міра въ стѣнахъ Межигорского Спаса, оно прощалось съ братьями (Осн. 1861, I, 7)...

Дальнѣйшая судьба Кіева идетъ теперь за судьбой Московскаго царства. Въ 1708 г. учреждена кіевская губернія, въ которую сначала входила и восточная Украина. Въ 1722 г. учреждена въ Кіевѣ *Малороссійская Коллегія*, и на нее велѣно сбирать всякіе сборы. Коллегія, отписывая въ Петербургъ, спрашивала, что въ ратушѣ, на основаніи привиллегій, принадлежатъ разнаго рода сборы, и тѣ сборы въ казну собирать ли? Коллегіи велѣно было до-

ставить копіи съ привиллегій и свѣдѣній, на что идутъ расходы. Коллегія въ 1724 г. донесла, что между другими доходами, отъ шинковъ, принадлежащихъ ратушѣ, прибыли считается 2;765 р. 64 к. Привиллегіи были оставлены попрежнему. Въ 1723 г. умеръ кіевскій войтъ, и въ числѣ кандидатовъ на его мѣсто былъ представленъ отъ гетмана Апостола нѣкто Козьма Кричевецъ, и въ то же время генералъ Вейсбахъ (помощникъ Голицина, управлявшаго Украйной) назначилъ на это мѣсто бунчуковаго товарища Василія Быковскаго. Въ іюлѣ 1734 г. сенатъ утвердилъ Кричевца; но въ сентябрѣ того же года именнымъ указомъ велѣно было Кричевца въ войты не опредѣлять, а выбрать «инаго добраго и неподозрительнаго человѣка», и хотя въ 1735 г. выбранъ былъ войтомъ и утвержденъ кіевскій мѣщанинъ Павелъ Воиничъ, но безпорядки, производимые посторонымъ вмѣшательствомъ, не прекратились. Въ сентябрѣ того же года Барятинскій представлялъ въ кабинетъ, «что ему разсудилось права, привиллегіи и грамоты (у кіевской старшины) отобрать, дабы оныя по продолженіи времени *изъ памяти у нихъ вышли*, и не имѣли впредь на что ссылаться». Сенатъ на это отвѣчалъ: «въ томъ сенатъ никакого наставленія дать ему не можетъ, ибо оное состоитъ въ высокой Е. И. В. воли». Въ декабрѣ того же года генеральная войсковая канцелярія доносила сенату, что де Козьма Кричевецъ, которому по универсаламъ гетмана Апостола 1731 и 1733 г. велѣно считать кіевскіе приходы и расходы, теперь извѣщаетъ, что кіевскіе бурмистры корыстуются магистратскими добрами. По изслѣдованію, произведенному сенатомъ, оказалось, что Кричевецъ яко бы неправильно опредѣленъ универсаломъ гетмана въ помощь войту, что генеральная канцелярія посылала въ магистратъ многіе указы о томъ, чтобы Кричевцу выдать всѣ счеты, но магистратъ не слушалъ, и теперь сенатъ велѣлъ «счеты приходамъ и расходамъ, какъ Кричевецъ

показываетъ, освидѣтельствовать губернатору, а при этомъ быть и доносителю.» Затѣмъ еще разъ подтверждены были Кіеву всѣ городскія привиллегіи, но съ тѣмъ, чтобъ городъ состоялъ въ вѣдомствѣ губернатора (П. С. З. 7434). Въ 1736 г., ссылаясь на давно забытое магдебургское право, приказывали, чтобъ у счета прихода и расхода кіевскаго магистрата опять былъ Козьма Кричевецъ; но кіевскіе радцы отказались дать ему отчетъ, и «многія неудобныя войсковой канцеляріи представленія имѣли.» Въ 1740 г. кіевскимъ козакамъ позволено шинковать только медомъ, пивомъ и брагою; установлена пошлина съ вина, *отпускаемаго* въ Кіевъ для питейныхъ домовъ (П. С. З. 8455), и въ городѣ появились уже сборщики и *откупщики*, и стали добираться до городскихъ доходовъ (ib. 9356). Въ 1751 г. въ Кіевѣ, всѣмъ людямъ мірскимъ и духовнымъ и козакамъ шинковать запрещено, исключая кіевскаго Михайловскаго монастыря, и съ тѣхъ поръ это запрещеніе не переставало повторяться (ib. 9846, 11128, 11530). Сначала за мѣщанами оставлено еще было право имѣть винокуренные заводы, но въ 1787 г. вся винная продажа передана городу, и потомъ, какъ увидимъ, право винокуренія стало принадлежностью однихъ лишь польскихъ и ополяченныхъ украинскихъ пановъ. Наконецъ, въ 1815 г. винные сборы въ Кіевѣ велѣно отдавать въ казенной палатѣ съ публичныхъ торговъ, съ обращеніемъ дохода въ городскую казну; жителямъ запрещено ввозить со стороны нужное для нихъ количество вина (П. С. З. 21619). Въ 1835 году уничтожено забытое давно магдебургское право, городу не на что уже было ссылаться, и жизнь въ Кіевѣ потекла также, какъ и въ другихъ русскихъ городахъ. Въ 1856 году въ Кіевѣ считалось: медовыхъ и пивныхъ *поварней* двѣ, *питейныхъ домовъ* деревянныхъ *пятдесятъ девять*, трактировъ и погребовъ каменныхъ 17, деревянныхъ 4. Въ 1863 г. трактировъ 17, гостинницъ 8, харчевень 8, ренсковыхъ погре-

бовъ 29. Мы не знаемъ, сколько теперь считается въ Кіевѣ питейныхъ домовъ, но число ихъ легко опредѣлить относительно. Въ Кременчугѣ, напримѣръ, въ 1864 г. считалось 16 штофныхъ лавокъ, 9 ренсковыхъ погребовъ, 7 русскихъ погребовъ, 13 трактировъ, 1 портерная, *сто семь питейныхъ выставокъ и сто восемьдесятъ питейныхъ домовъ.*

XV.

Не смотря на всѣ усилія польскихъ королей поддержать свободныя права городовъ, — свободу ихъ попирала шляхта. Слѣдуя ея примѣру, духовенство, козацкая старшина, всѣ бросились заводить свои корчмы и шинки, и вся Украина явилась заарендованною жидами.

Въ Польшѣ еще съ XII вѣка монастыри владѣли корчмами. Грамотой 1145 г. Требицкому монастырю были пожалованы корчмы со всѣми доходами: tabernae cumomnibus utilitatibus (Czacki o pravie szynkowania). Грамотой 1161 г., Болеславъ IV пожаловалъ монастырю villam Zuzelam cum tabernariis et transitu (Gawarecki Pamietnik Plocki 1828. 1. Сборн. Погод. IV 225). Изъ послѣдующаго времени до насъ дошли извѣстія, что въ 1491 году княгиня Кобринская Ѳедора передала Спасскому монастырю въ Кобринѣ: «село Корчичѣ зо всими дачками, зъ медовыми и грошовыми, а двѣ корчмы вольныхъ въ Кобринѣ» (Ак. юж. и зап. Росс. I. 23). Данная эта подтвеждена была княземъ Іоанномъ Семеновичемъ въ 1497 году, и королями: Сигизмундомъ въ 1512 и Владиславомъ IV въ 1633 г. (ib. V. 3.). Въ 1529 году виленскій воевода отдалъ въ промѣнъ кіевскому епископу свое дворовое мѣсто въ Вильнѣ: «плацъ нашъ отчизный зъ

будованьемъ и з корчмою волною, на которомъ пляцу отъ предковъ нашыхъ з давныхъ часовъ тую корчму маемь, и князь бискупъ мацонъ будетъ тотъ пляцъ зъ корчмою волною дароваты, замѣнити и продати и на костелъ записати».

Подобно московскимъ боярамъ, добивавшимся помѣстій *съ тамгою и кабакомъ*, и польскіе аристократы пользовались всѣми случаями пріобрѣтать староства и замки «*съ мытами и корчмами.* Староства, какъ извѣстно, переходили въ руки немногихъ аристократовъ, и нѣкоторые изъ нихъ, захвативъ себѣ болѣе десяти староствъ, продавали ихъ и уступали служившей у нихъ шляхтѣ. Фамилія Казановскихъ имѣла 15 староствъ, Зборовскихъ 12, Мышковскихъ 16, Янъ Замойскій 10, Вишневецкій 10, Станиславъ Потоцкій 10, Опалинскій 15 (Siarczyńsk, Obraz wieku panowania Zygm. III. I, 262). Имѣнія жаловались совсѣми землями и пашными и бортными, съ платы грошовыми и медовыми. На замокъ господарскій старостa Луцкаго шли дани: «съ села Чернчего-городка, съ Колка, съ Рудникъ, съ Забороля, съ Голѣшова, и съ пруда Голѣшовскаго, съ села Родомысля, и др. ежегодно дани медовой 74 ведра, а деньгами полторы копы и шесть грошей; на старосту медовой дани двадцать три ведра меду, четыре дѣжки и 17 возовцевъ, а деньгами 19 какъ и 40 грошей, да еще грошъ на старосту же (Пам. Врем. Ком. IV. 2, 167). Съ города Владиміра шли пошлины: «первая пошлина *Верховщина*: — съ каждаго дома тотъ, кто не держитъ корчмы, даетъ по 20 грошей въ годъ, вся эта пошлина составляетъ 40 копъ грошей. Другая пошлина, называемая *аапцизною* — съ каждой корчмы, которая варитъ медъ и пиво, копа грошей, всего тридцать копъ грошей. Та корчма, которая не сытитъ меду, а варитъ пиво, платитъ полкопы грошей, всего 30 копъ грошей. Третью пошлину называютъ *подворнымъ*: ежегодно во время ярмарки собирается 40 копъ и 40 грошей. Еще пошлина, называемая *вѣсовымъ восокобойнымъ* —

двадцать копъ грошей. Объявляя эти доходы, староста владимірскій прибавлялъ: «а изъ Смедина выходило 23 копы грошей; но когда Сѣмашко (Богданъ Сѣмашко, староста ковельскій) безо всякаго права захватилъ землю, то теперь даютъ только по осьми копъ грошей; меду давали шесть колодъ, а теперь даютъ полторы колоды. Этотъ Сѣмашко отобралъ въ Смединѣ живыхъ пчелъ 834 улья, и съ нихъ выбралъ болѣе 10 колодъ меду, и *ни одной ложки не далъ* на его милость короля и королеву, но все отослалъ въ свое имѣніе въ Мосоръ (Пам. Вр. Ком. IV. 2. 170). Завладѣвая землями, паны, вмѣсто вольныхъ корчемъ, ставили свои панскія и передавали ихъ арендаторамъ. Корчмы, упоминаемыя въ актахъ съ XII в. (Сбор. Погод. IV. 225), были вольными и принадлежали земству. Такъ въ 1507 году *земяне* кіевскіе, житомірскіе и вруцкіе продали (отдали въ аренду) семи человѣкамъ мѣщанамъ вруцкимъ корчму вруцкую на одинъ годъ за сто копъ грошей (Ак. юж. и зап. Росс. II, 117). По случаю татарскаго нашествія—аренда отсрочивалась на нѣкоторое время, и королевскій листъ съ отсрочкой данъ былъ въ Краковѣ 15 мая, на имя намѣстника овруцкаго Семена Романовича. Но вслѣдъ за тѣмъ этотъ намѣстникъ пишетъ къ королю, и, *повѣдаючи свой недостатокъ*, проситъ у него, *абыхмо дали ему корчму вруцькую на поживенье до часу*, и королевскимъ листомъ октября 14 дня, писаннымъ въ Трокахъ, даютъ ему *корчму Вруцькую на годъ* послѣ бояръ кіевскихъ, житомірскихъ и вруцкихъ, съ условіемъ содержать двухъ пушкарей, давать порохъ и оправлять пушки (ib. 119). Въ 1510 г. половину овруцкой корчмы держалъ намѣстникъ, панъ Сенко Полозовичъ, а другую держали бояре Вруцкіе, но въ этомъ же году билъ челомъ королю дворянинъ Суринъ Путятинъ, *абыхмо и ему дозволили корчму мѣти тамъ въ Овручомъ*. И этому дворянину, за его службу, также позволили корчму въ Овручѣ держати на годъ (ib. 125)!

Въ 1540 году какимъ-то образомъ вруцкая корчма снова перешла къ земянамъ кіевскимъ, вруцкимъ и житомірскимъ, и двумъ пушкарямъ вруцкимъ, съ платою въ годъ по 16 копъ (ib. 144).

Такъ мало-по-малу всѣ вольныя корчмы переходили въ руки пановъ. Въ 1526 году Сигизмундъ даетъ подчашему Яну Радивилу «въ имѣніи его въ Кудушникахъ торгъ и корчмы мѣти у четверъ». Однимъ корчмы раздавались отъ королей, а другіе просто на просто сами захватывали ихъ, и число такихъ державцевъ и хватателей увеличивалось. По жалобѣ Жмуди на своихъ тіуновъ, Сигизмундъ въ 1527 г. писалъ: «а тежъ кто будетъ безъ данины нашои позабралъ, або торги и корчмы у своихъ имѣньяхъ уставлялъ, о таковыхъ важныхъ рѣчахъ писали есьмо до пана старосты Жомойтского, абы его милость на то съемъ вамъ, всей земли положилъ и казалъ предъ собою стати и месты данины на земли и на люди положити—и справедливость вчинилъ, а намъ объявилъ». Въ 1528 г. старостичу берестейскому даны были королевскіе замки Мстиславль и Родомль *и съ корчмами*, съ тѣмъ, чтобы онъ одну половину дохода бралъ себѣ, а другую давалъ князю Мстиславскому. На слѣдующій годъ замки эти переданы были пану Зеновичу, и ему же *на выхованье слугъ* (!) были даны мыта и корчмы мстиславскіе и радомскіе, и половина даней медовыхъ. Въ 1540 году пожаловано дворянину королевскому Данилу Дѣдковичу право на владѣніе двумя корчмами въ Черкасахъ, за его издержки на службѣ въ ордѣ татарской, и мѣщанамъ послано было предписаніе: «и вы бы въ въ тую корчму не вступалися и сами корчомъ тамъ не мѣли» (Ак. юж. и зап. Росс. II. 148). Собираясь на сеймы, шляхта начинала предъявлять королямъ самыя алчныя требованія. На сеймѣ 1547 г. она жаловалась на мѣщанъ (гражданъ), что они за работу берутъ непомѣрныя цѣны. Король отвѣчалъ: хорошо, я справлюсь. На второмъ виленскомъ сеймѣ 1551 года вся шляхта литовскаго княжества предъ-

явила требованіе, чтобъ ей вольно было ставить корчмы: «што тежъ есте просили короля его милости, абы шляхтѣ было вольно въ своихъ имѣньяхъ, на гостинцахъ, корчмы будувати и ихъ уживати» (używać — пользоваться). На это отвѣчали имъ отъ короля: «на то его королевская милость казалъ вамъ повѣдати, ажъ то зъ многихъ слушныхъ и певныхъ причинъ быти не можетъ, *жиба олижъ за особливою ласкою и зволеніемъ его королевской милости*». Шляхта просила еще у короля: «абы для счету збоецъ, въ мѣстѣхъ, въ ночи у корчмахъ не было шинковано и прихожимъ гостемъ питья не давано; а естли бы шинковано, нехай бы гостей не выпущано, ажъ въ день.» — Да, отвѣчалъ король—я велю, чтобъ такъ это и было, но мнѣ также хотѣлось бы, «абы кождый зъ васъ служебанкомъ своимъ то розказалъ, ижь бы въ ночи, въ домахъ шинковныхъ воротъ, оконъ, дверей не выбивали» (Ак. отн. къ зап. Росс. III, IV 11). Такъ, вымаливая себѣ корчемъ, кланяясь жиду, и возбуждая этимъ глубокую ненависть народа, шляхта носилась съ своей шляхетной гордостью и требовала еще, «ижь бы простыхъ холоповъ (народъ) надъ шляхту не повышано, и врядовъ такъ простый холопъ, яко тежъ и *подозрѣный шляхтичъ* же бы не держали». До сего времени великое княжество Литовское соединено было съ Польшею федеративно; поляки на Руси считались людьми чужеземными (Дзялынск. Zbiór praw litewskich, 405), и не имѣли права занимать должностей и пріобрѣтать поземельную собственность на Руси. Но въ 1654 г., съ разрѣшенія варшавскаго сейма, польская шляхта получаетъ право пріобрѣтать собственность одинаково, какъ на Литвѣ, такъ и на Руси, и съ правомъ на земли она приноситъ съ собой и право на корчмы. Наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшила теперь шляхта вынуждать у слабыхъ королей привилегіи на основаніе мѣстечекъ. Нѣсколько десятковъ хатъ, населенныхъ жидами и ме-

многими бѣдными людьми, соблазнивъ пана, получали званіе *мѣстечка;* мѣстечко жаловали пану съ правомъ завести корчму, и тотчасъ же появлялась *жидовская корчма*........

Жиды, издавна поселившіеся въ южной Руси, постоянно возбуждали противъ себя общее негодованіе и народа, и властей. Вислицкій статутъ Казимира IV, 1397 г., говорилъ, что «лихва жидовская не имѣетъ нигдѣ насыщенія». (Ак., отн. къ зап. Росс. I, 13). Въ статутѣ Владислава 1420—1423 г. также заявлено было, что «превратность жидовская на то идеть какъ бы христіанство убожело.» Но въ XVI—XVII в. объ убожествѣ христіанъ никто и не думалъ, и жиды получили возможность заарендовать всю Украину (исключая Запорожья), спокойно, безо всякаго препятствія:

> Власное наше добро въ очахъ передъ нами
> Арендують, и въ своемъ неволыни мы сами.
> *(Драма,* приписыв. Прокоповичу).

Но жидъ — корчмарь — арендаторъ нисколько не былъ созданіемъ польскаго государства; жидъ ничѣмъ не былъ связанъ съ польскими учрежденіями и въ то же время онъ состоялъ въ наитѣснѣйшей связи съ польскою шляхтой, былъ продуктомъ шляхетскаго разврата. Въ свободной Украинѣ, которая доселѣ красовалась множествомъ городовъ и мѣстечекъ, обогащаемыхъ торговлей и промышленостью, теперь сельское народонаселеніе было доведено до нищеты. Хозяйство требовало отъ пана издержекъ, и панъ принужденъ былъ только и думать о томъ, какъ бы получить денегъ, а для этого распространеніе откупнаго корчемства представляло самое лучшее средство. (Суров. Вал. Сбор. 120,136). Но для пана и шляхтича немыслимо было спуститься до занятія какимъ бы то ни были промысломъ, а тѣмъ паче корчемнымъ. Женщина, занимавшаяся продажей напитковъ въ шинкѣ, по силѣ статута становилась яко-бы неблагородною, и *лишалась вознагражденія за побои* (Ак., изд. въ Вильнѣ I. 287);

шляхтичъ, державшій шинокъ, лишался шляхетскаго достоинства. Въ то самое время ничто, никакая нищета, не могли заставить народъ держать шинки, шинковать ради панскаго обогащенія, и вотъ на помощь шляхтѣ явилось жидовское племя. Въ 1594 году въ Оршаньскѣ держитъ аренду жидъ Шиманъ Шлиничъ; въ Рѣчицкѣ въ 1596 г. арендуетъ жидъ панскій Лазарь, и т. далѣе, по всей Руси. Заключая условія съ панами, жиды брали въ аренду землю и народъ. Вь 1517 г. князь Александръ Пронскій и жена его милости княжна Өедора Сангушковна выдали арендное условіе благородному пану Бурнацкому и славному пану Абрамку Шмойловичу, жиду Турійскому, по которому они получили въ аренду городъ и замокъ Локачи (въ повѣтѣ Владимірскомъ) на три года за 12,000 злотыхъ, со всѣми доходами, со всѣми людьми тяглыми и нетяглыми, *со всѣми жидами* и получаемыми отъ нихъ доходами, съ корчмами и съ продажею всякихъ напитковъ, съ правомъ судить крестьянъ и наказывать виновныхъ и *непокорныхъ* по мѣрѣ вины, даже смертію (Пам. Врем. Ком. I, II, 66). Григорій Сангушко Кошерскій съ женою отдаютъ всѣ свои имѣнія, *ничего себѣ не оставляя*, славному пану Абраму Шмойловичу и женѣ его Рыклѣ Юдиннѣ, и его потомкамъ, со всѣми доходами, съ корчмами, шинками и продажею въ нихъ напитковъ, съ данью медовою, деревомъ бортнымъ и съ правомъ наказывать непокорныхъ денежною пенею и *горломъ карати* (ib. 88—9). Вольная славянская корчма обращалась повсюду въ жидовскую корчму или жидовскій шинокъ, принадлежавшія панамъ и даже паньямъ (Марк. Зап. II, 339). О положеніи, которое тогда постигло Украйну, свидѣтельствуютъ во-первыхъ лѣтописи. «Въ городахъ — говоритъ лѣтопись Самовидца—зась отъ жидовъ тая была кривда, же не волно козаковѣ въ домѣ своемъ жадного напитку на потребу свою держати: не тилко меду, горѣлки, пива, але и браги». (Чт. 1846, I, Лѣт. 7). Во-вторыхъ,—записки со-

временниковъ. Юрій Крижаничъ, неотступно преслѣдуемый мерзкимъ образомъ московскаго кабака, находилъ, что положенія дѣлъ въ Украинѣ было еще хуже. «Аще ся на Руси— говорилъ онъ — тяжки ся чинятъ корчемны откупы и самотерство (монополія) единого великаго государя: у Ляховъ и въ Литвѣ обрѣтаютъ ся еще тяжа самотерства въ градкехъ и селехъ болярскихъ. Або вездѣ или жиды откупщики сѣдятъ, или бояринъ самъ смердяще пиво раздаетъ хлопомъ: кое они на гной вылеваютъ, а еднако же платить тораютъ (должны). — Жиды по Ляшской землѣ и по Литвѣ взяша на откупъ всія корчмы и мыта и мельницы и многія отчины. Разсуждай, каково тамъ можетъ быть житіе бѣднымъ христіаномъ! — И Ляшское кралевство, яко рекохомъ, для ради людерства есть *пришло въ конечную распусту*, да и теперешнему погрому, коимъ есть разорена Русская, Ляшская и Литовская земля една причина была людодерство, кое ся чиняше отъ Ляховъ и отъ жидовъ на поднѣпровской Украинѣ, а второму злу тая же причина постановленіе проклятыхъ кабаковъ. Проклятыхъ мовлю кабаковъ: або ся на нихъ ни отъ рода нѣсть толико вина, колико ся есть для ради нихъ крови проліяло». Объ этомъ положеніи, наконецъ, разсказываютъ украинскія думы, помнятъ до сихъ поръ народныя пѣсни. Взяли, говоритъ дума, въ аренду жиды всѣ козацкія дороги и на одной милѣ становили по три шинка. Становили они шинки по домамъ, ставили шесты по высокимъ курганамъ:

Якъ одъ Кумівщини да до Хмелнищини,
Якъ одъ Хмелнищини да до Брянщини,
Якъ одъ Брянщини да й до сёго жъ то дня,
Якъ у землі кролевській да добра не було:
Якъ Жиди — рандари
Всі шляхи козацьки зарандовали,
Що на одній милі
До по три шинки становили.
Становили шинки по долинахъ,
Зводили щогли по високихъ могилахъ.

(*Кул.* Зап. о юж. Руси, I. 56).

Южно-русская пѣсня, вчера только записанная, представляетъ это положеніе Украины такъ ясно, какъ будто это совершилось теперь:

Зайшовъ мужикъ до корчёмки:
Здоровъ, арендару,
Напыймося жъ хардаману!
Пане арендару!
Напывшися хардаману (водка, наст. на кардамонѣ),
Зхочу я гуляты;
Капеллиста не захоче
Мнi даремно граты.
„Ой муй же ты, капеллиста,
Заграй же мнi гарно!
Я ци гарно заплачу,
Тулько не дремаймо!
Заграй же мнi о такъ дрiбно,
Якъ то рiжуть сiчку;
Нехай же потанцюю
Гей по старовiцку!“
На Волынi вiтеръ вiе,
На Полисьи тыхо,
Щобъ ты видавъ, пане брате,
Що у насъ за лыхо.
Ой якъ булы стары паны,
Добре на работу;
Цiлый тiждень робыть собi,
Панщина въ суботу.
Якъ насталы молодые,
То злѣ на работу —
Цiлый тiждень на панщины,
Шарворокъ въ суботу.
Щобъ не тыи økономы,
Бувъ бо мужикъ паномъ,
Черезъ тебе, вражiй сыне,
Що зовуть Иваномъ.
Дожидаемъ мы недиленьки,
Якъ самого Бога,
Хочь тежь мы въ недиленьку
Започинемъ дома.
А въ недiлю ще раненько
Во всi звоны звонять,
Økономы и зъ вуйтамы
На панщину гонять:
Старыхъ мущинъ молотыты,
А жiночокъ прясты;

Малыхъ дітей до тютюну,
А папуши класты.
У нашого оконома
Сыни ногавици (синіе штаны),
Всі паробки на панщины,
Пойдуть й молодыці!
У нашого оконома
Шовковая хустка,
Не одная въ нашумъ селі
Стоитъ хата пуста.
У нашого оконома
Хорошая борва (цвѣтное платье),
Чужимъ людямъ заплатъ дае
Свои робятъ дармо.
(Сбор. Пам. юго-зап. творч. I, 138).

Польша приходила *въ конечную роспусту*, шляхта проплясывала послѣдніе свои дни, и съ роковаго 1659 г. она уже прямо шла къ своей погибели....... Минута эта столь видна въ исторіи польско-русскихъ отношеній, что мы считаемъ за нужное остановиться здѣсь и указать на судьбы польскаго народа.....

XVI.

Исторія Ляховъ въ первое время появленія ихъ въ Европѣ покрыта глубокой тмой. Это племя какъ будто не имѣвшее у себя дѣтства. Хотя начальный русскій лѣтописецъ и говорилъ, что Ляхами прозвались «Словени,» сѣдшіе на Вислѣ, но даже въ самой польской исторіографіи, какъ ни жидка она, а уже поставленъ вопросъ, принадлежатъ ли Ляхи къ славянскому племени? Куникъ сообщаетъ за *историческій фактъ*, что польско-чешскіе славяне нѣкогда покорены были не славянскимъ племенемъ Линговъ (Lancas, Lyncas, Lencas, Lengyel), иначе Ляховъ, Леховъ (Зап. Ак. Наукъ VI, Замѣч. 56). Судя по картѣ, составленной Л. Ходзько и приложенной въ исторіи Литвы Лелевеля, Ляхи въ VIII и въ IX в., относительно Славянъ занимали самое ничтожное мѣсто. Въ ихъ рукахъ была верхняя и средняя Висла и Варта, на которой собственно и сидѣли Ляхи. Окруженные Славянами, они и сами носили на себѣ славянскій характеръ, были братьями другихъ Славянъ: Пястъ (полов. IX в.), взятый отъ плуга на тронъ, стоитъ рядомъ съ чешскимъ Премысломъ и русскимъ Микулой Селяниновичемъ (Бусл. русс. богат. эп. IV.). Русскій лѣтописецъ замѣчаетъ подъ 848 г., что въ то время былъ еще одинъ языкъ у

Чеховъ, Ляховъ и у Полянъ — Руси (Лавр. 11), и память объ этомъ племенномъ братствѣ жила еще въ XIII в., въ преданіи, записанномъ у Богухвала (1250) о трехъ братьяхъ *Лехъ*, *Чехъ* и *Руси*, прародителяхъ трехъ славянскихъ племенъ, которое доселѣ еще извѣстно у Карпатовъ около Загреба и у лужицкихъ Сербовъ (П. С. Л. II, прил. 250. Уч. Зап. Ак. Наукъ II, I, 108).

Но на этомъ и кончается славянская исторія Ляховъ. Позволивъ впослѣдствіи, чтобъ часть славянской земли, касавшаяся Балтики, онѣмечилась, — Ляхи тогда обратились за силами и даже за поэзіей въ Литву и Русь, и думали открыть здѣсь русло своей исторіи. На пріобрѣтеніе Руси были обращены всѣ силы, а между тѣмъ оскорбительное вымираніе балтійскихъ Славянъ шло и идетъ своимъ чередомъ до настоящей минуты, когда дѣти-нѣмцы не понимаютъ больше языка своей матери-славянки, когда, хороня мужика, кладутъ къ нему въ гробъ и славянскую книгу!.... (Гильф. Эт. Сб. V. III. 24.) Съ половины IX вѣка Лядская земля начинаетъ принимать латынскую вѣру, получившую у самыхъ поляковъ имя *лядской вѣры* (Бѣлск. 231.), и съ тѣхъ поръ мало-по-малу отдѣляется отъ остальнаго славянскаго міра, включая сюда и близкихъ къ ней Чеховъ. Чехи потеряли свою независимость по милости содѣйствія, оказаннаго Ляхами Нѣмцамъ. (1620 г.) Подъ наплывомъ латынства изъ памяти Ляховъ вдругъ исчезаетъ вся эта старина эпоса, преданій и обычаевъ, на которой у остальныхъ европейскихъ племенъ воспиталась культура всего народа, а не одного какого-нибудь сословія. Смолкаютъ даже дѣвичьи пѣсни (cantilena puellaris), слышанныя еще Мартиномъ Галломъ въ началѣ XII в., и смѣняются латынскими виршами, которые сочиняло католическое nabożeństwo. Существуютъ достовѣрныя свидѣтельства, что земля Ляховъ сначала была православною, употребляла кириллицу, и что до XIII в. ею пользовались бенедиктинцы; но потомъ,

подъ вліяніемъ другихъ монашескихъ орденовъ, кириллица вытѣсняется латынью, кирилловскія рукописи исчезаютъ, и въ XV в. истребляются католическимъ духовенствомъ *всѣ до одной* (Бартошевичъ, Мацѣевскій). Въ XIV в. изъ Чехіи проникаетъ къ Ляхамъ протестантизмъ, дѣлаетъ орудіемъ своимъ народный языкъ, съ протестантствомъ сближается православіе, и была великая минута, когда, казалось, судьбы всего славянскаго міра лежали въ рукахъ Ляха.... Но все это гибнетъ, смѣнившись іезуитизмомъ, побратавшимся съ шляхетчиной, и затѣмъ въ цѣлой исторіи Ляховъ слышится одно вѣчное зловѣщее слово — измѣна общенародному дѣлу.....

Исторія не помнитъ чтобъ когда-либо, Ляхи были въ дружеской связи съ русскимъ народомъ. Но между князьями Южной Руси и королями Ляховъ связи эти начались давно и были очень близки. Князья бились за Ляховъ противъ Чеховъ. Объ одномъ изъ такихъ походовъ Мономахъ съ негодованіемъ вспоминалъ въ своемъ завѣщаніи: «та посла мя Святославъ въ Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ въ земли ихъ 4 мѣсяци». (П. С. Л. I, 85, 103.) Князья бѣгали *въ Ляхи*, ища тамъ убѣжища отъ внутреннихъ княжескихъ коромолъ, выдавали дочерей своихъ въ Ляхи. Въ 1043 году Ярославъ выдалъ сестру свою за Казимира, получивъ въ вѣно 700 русскихъ людей, полоненныхъ Болеславомъ; въ 1102 г. Сбыслава вышла въ Ляхи за Болеслава. Ольгердъ женатъ на княжнѣ витебской Юліанѣ, бывшей матерью Ягайлы, знаменитаго главы дома Ягеллоновъ. Иного рода были отношенія Ляховъ къ Руси, къ русскому народу. Въ X в. они овладѣли Галицкой Русью, но въ 981 г. выгнаны оттуда Владиміромъ (Лавр. 35.) Воротивъ Перемышль, Червенъ и другіе города, бывшіе подъ властью Ляховъ, Владиміръ перенесъ границу Русской земли съ Буга на Санъ, и съ тѣхъ-то поръ, быть можетъ, живетъ на Руси пословица, гордая вѣрой въ будущее: «не

тронь Ляше, по Санъ наше!» Въ 1016 году Святополкъ (окаянный) бѣжалъ *въ Ляхи*, и привелъ оттуда на Кіевъ Болеслава. Лѣтописецъ разсказываетъ съ особой подробностью, что толстый Болеславъ былъ «такъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы сѣдѣти.» Вышелъ воевода Ярослава, Будый, и началъ смѣяться прямо ему въ глаза: «да то ти прободемъ трескою черево твое толстое.» Оскорбленный Болеславъ обращается къ дружинѣ: «аще вы сего укора не жаль, азъ единъ пожну!» — и бросается въ битву. Одолѣвъ Ярослава, онъ вошелъ въ Кіевъ. Богатство города, мягкость жителей, красота женщинъ соблазнили, по словамъ Нарушевича, сарматскаго дикаря, и онъ предался разврату (Naruz. Hist. II, 265), не церемонясь даже съ дочерьми Володиміра (П. С. Лѣт. II. 263). Между тѣмъ Ляхи, распущенные въ кіевской области «на покормъ,» стали невыносимы, и Святополкъ вынужденъ былъ дать приказаніе: «елико же Ляховъ по городу избивайте я!» — «И избиша Ляхи,» прибавляетъ лѣтопись. Но потомъ самъ Святополкъ, разбитый Ярославомъ и преслѣдуемый видѣньями, «пробѣжа Лядьскую землю, гонимъ гнѣвомъ Божіимъ, прибѣжа въ пустыни *межи Ляхи и Чехи* (Лавр. 62–3). Выраженіе «межи Ляхи и Чехи» было пословицей у народа, означавшей неизвѣстное дальнее мѣсто, куда привыкли бѣгать русскіе князья. — «Се же, продолжаетъ лѣтописецъ, «Богъ показа на наказанье княземъ Русьскымъ, да аще сіи еще сице же створять, и слышавше, ту же казнь пріимуть.» (ib. 63). Но въ 1068 г. Изяславъ опять приводитъ въ Кіевъ Ляховъ, опять распускаетъ ихъ на покормъ, и ихъ бьютъ изъ за угловъ: «избиваху Ляхы отай.» (ib. 74.) Такимъ образомъ Ляхи, разбойничая въ Русской землѣ, разжигали на смерть народную ненависть, возбуждали желаніе мстить за Русскую землю. Василько говорилъ въ 1097 году: «боюсь, чтобы Давыдъ не выдалъ меня Ляхамъ, азъ бо Ляхамъ много зла творихъ, и хотѣлъ

есмь створити, и *мстити руськтьй земли.* — «Я думалъ, продолжалъ онъ, на землю Лядьскую наступлю на зиму и на лѣту, и возму землю Лядьскую, и мьщу Руськую землю.» (ib. 113.). Въ 1249 году, въ Ярославовой битвѣ, ругаясь, шли Ляхи на Русь. — «Ударимъ на большія бороды! лаяли они, какъ выражается лѣтописецъ: «Ляхомъ же лающимъ, поженемъ на великія бороды! — «Богъ намъ помощникъ!» отвѣчалъ русскій князь, толкнулъ коня и Ляховъ обратилъ въ бѣгство. (Арцыб. II, III, 13). Ляхи мутили Русь, насиловали въ ней женщинъ, служили у князей палачами. Ляшко (Лѣшко) былъ однимъ изъ участниковъ въ убіеніи Бориса, совершившемся, какъ видно, подъ вліяніемъ Ляховъ (Lelew. Hist. de la Lith. 44), издавна опытныхъ въ цареубійствѣ (Зубриц. Крит. Ист. Пов. Червон. и Галиц. Руси. 104, 283, 284). Все это дѣлалось на глазахъ народа, и онъ началъ представлять себѣ дьявола въ образѣ Ляха. Печерскій инокъ Матвѣй разъ видѣлъ въ церкви обиходяща бѣса въ образѣ Ляха. (Лавр. 82.). Такъ все шло до самаго конца независимости южной Руси. Казимиръ, овладѣвъ въ 1471 г. Кіевскимъ княжествомъ, назначилъ ему воеводою Мартина Гаштольда, но кіевляне не приняли его, «яко Ляхъ бѣ.»— «И отселѣ, продолжаетъ лѣтопись, Кіевскіе князи престаша, а вмѣсто князей воеводы насташа.» (П. С. Л. II, 352).

Литовскій періодъ юго-западной Руси носилъ на себѣ чисто-русскій характеръ: право и языкъ были русскіе; русскія области, новогородская и тверская, охотно вступали въ союзы съ Литвою; Литовцы мирно переселялись во Псковъ, а русскіе — въ Литву, и русская народность, развиваясь свободно, видимо жила сильною жизнію и шла впередъ. Южная Русь, присоединенная къ Польшѣ во второй половинѣ XVI в., дѣлаетъ ее однимъ изъ могущественныхъ государствъ. Имѣя подъ руками Литву и Русь, Ляхъ является передовымъ въ Европѣ (Бод. Чт. 1863. II, 190), и начи—

наетъ помышлять, какъ бы ему стать на мѣсто русскаго народа. Случай для этого нашелся въ Москвѣ.

Татарщина, убивъ въ Москвѣ самобытную народную дѣятельность, ввела въ жизнь рабство и деспотизмъ. Не смотря на богатства, которыя стекаются въ нее изъ областей, не смотря на груды золота, дорогихъ камней и парчи, переполнявшихъ царскую казну, монастырскія ризницы, боярскіе сундуки, — Москва не знаетъ ни блеска словесности, ни свѣта просвѣщенія, и сначала побирается крохами изъ Ростова и Новагорода, а потомъ рабски бѣжитъ за поляками и нѣмцами. Въ расшатавшемся государствѣ, на другой день послѣ введенія кабаковъ, возникло страшно смутное время, нашедшее опору себѣ въ Польшѣ. Пословица, знакомая еще начальному лѣтописцу, что «за наши гріхи надходятъ Ляхи» (Номисъ, Прик. 865), сбылася. Повидимому казалось бы, что свободомыслящая Польша, которая твердила міру о золотой волѣ (złota wolność), которая знакома была съ республиканскими формами жизни, непремѣнно внесетъ въ Москву хоть какія-нибудь начала свободы, но у Ляховъ не оказалось никакой свободы, кромѣ шляхетской. Съ Григоріемъ Отрепьевымъ являются въ Москвѣ Ляхи, и тогда какъ въ Польшѣ говорятъ, что тѣ, которые ушли съ Димитріемъ въ Москву (польская шляхта), — хуже татаръ для своей собственной земли, — въ несчастной Москвѣ этихъ самыхъ людей встрѣчаютъ съ хоругвями и образами, съ хлѣбомъ и солью, и все ликуетъ (Костом. Вѣст. Евр. I, 117, 139). Доходитъ до того, что на тронѣ Московскаго царя польскій королевичъ; то передъ нимъ, то передъ его отцомъ ползаютъ московскіе бояре, прося помѣстій съ *тамгою и кабакомъ*, забывъ, что народъ и земля отданы Ляхамъ на разграбленіе. Какъ прежде кіевскому народу, такъ теперь и московскому, пришлось отбиваться отъ Ляха, и Ляхи были выгнаны вонъ; но общество, но высшіе классы, давно уже чуждые народу, не въ

силахъ были уйти изъ–подъ соблазна *шляхтою*, и бились теперь изъ-за того, чтобъ какъ–нибудь походить на поляковъ, какъ–нибудь уподобиться шляхтѣ. По словамъ Олеарія (1639—1643), знатнѣйшій изъ московскихъ бояръ *Никита Романовъ*, большой любитель нѣмецкой музыки, сшилъ себѣ польское платье и ходилъ въ немъ, не обращая вниманія на патріарха, который этому противился. (Олеар. гл. III). Жена царя Ѳеодора *польскаго происхожденія* (ум. 1681 г.), уговаривала мужа снять *позорныя женскія охабни* и вводила въ употребленіе сабли и кунтуши польскіе, словомъ *ляцкую вѣру*, какъ выражались приверженцы Матвѣева. (Сол. XIII, 330), Затѣмъ дворяне начинаютъ именоваться *шляхетнымъ сословіемъ*, учатся въ *шляхетныхъ корпусахъ*. Подъ вліяніемъ польскаго сосѣдства, какъ замѣтилъ Валуевъ, и у насъ готовилась таже гибельная аристократія, со всѣми ея гибельными и страшными послѣдствіями для государства (Валуевъ. Симб. Сборн.). Мужчины ходили въ *венгеркахъ*, женщины въ *кунтушахъ* (Зап. Данил. 13.), появились *музыка и танцы польскіе* (мазурки, полонезы, *польскіе*, польки); *польское мыло, польскіе ботинки*, а въ дворянскихъ домахъ *учителя изъ поляковъ* (Корбъ въ 1698 г. Чт. 1866. IV. 79), и, наконецъ, къ удивленію міра, всѣ *граждане* или *посадскіе люди* всѣхъ городовъ Великороссіи вдругъ забывъ свое имя, приняли польское имя *мѣщанъ*, которое до этихъ поръ совершенно не было извѣстно на сѣверо–востокѣ.

А въ это самое время южная Русь вела кровавую борьбу противъ шляхты....

Подъ вліяніемъ нѣмецкихъ разбойническихъ дружинъ, у Чеховъ и Ляховъ очень рано образовались привиллегированныя сословія (nobiles secundi et primi ordinis, milites et barones), и всѣ они были изъ рода Ляховъ. Поляки думали, что имя Ляховъ сохранилось въ словѣ ш–лях–та, s-lach-ta, szlachta; тогда какъ *шляхта* перешла къ нимъ по прямому

наслѣдству отъ нѣмцевъ: гот. *slaban*, нѣм. *schlahen*, дрвн. *slahta—genus* *). Взявъ такимъ образомъ свое родное имя у нѣмцевъ, шляхта, по словамъ Микуцкаго, чтобъ скрыть свое *хлопское*, т. е. русское происхожденіе, и дабы походить на какихъ-то итальянцовъ, стала коверкать свои фамильныя названія, и изъ Лапа (лапа) вышелъ Лаппо, изъ Пчелки (пчелка) Пщолко, и т. д. (Зап. Геогр. Общ. I, 565). Это бѣшенство, дополняетъ Зубрицкій, простерлось до того, что каждый выдавалъ свой родъ, ежели не отъ королевскаго или княжескаго колѣна, то, по крайней мѣрѣ, отъ иноземнаго; — считалось честью доказывать свое происхожденіе отъ римлянъ, грековъ, галловъ, и т. д., лишь бы не быть русиномъ, славяниномъ, полякомъ (Зубр. Крит. Ист. Пов. 33). Шляхта стала передовымъ сословіемъ Польши, вѣчно была ненавистна народу, и *шляхтичъ* сталъ притчею во языцѣхъ. «Шляхтичъ — говоритъ пословица — зъ перевареноі сирватки, шабелька на личку, перевесломъ підперазаний.» — «То ти такий шляхтичъ: по три акахвиста читаешь, а по чоловіку глімаешь.» Весь пропитанный гордостью, развитою іезуитизмомъ, шляхтичъ не нашелъ себѣ брата ни въ русскомъ, ни въ нѣмцѣ. Русскаго человѣка шляхтѣ нужно было или охолопить, или искоренить. «Если не можете досягнуть самыхъ козаковъ, писалъ Конецпольскій, то карайте ихъ на ихъ женахъ и дѣтяхъ, а домы ихъ обращайте въ ничто: лучше пусть ростетъ на томъ мѣстѣ крапива, чѣмъ будутъ плодиться измѣнники его королевской милости.» (Okolski, Duaryusz. 14.) Но чувствуя хорошо, что Украинца нельзя было ни искоре-

---

*) Diefenbach, Vergl. Yört. d. goth. Spr. II, 262. Wackern. Altd. Wört. 263—4. Шафарикъ ошибочно принималъ, что шляхта образовалась изъ корня лехъ, — нарицательное — дворянинъ, помѣщикъ. Другія производства еще болѣе несостоятельны: у Микуцкаго: *шляхта* отъ *latinus*, *лятинъ*, шляхта: (Изв. II. отд. Ак. Н. III 170; У Соловьева *шляхта* отъ *шляхъ* — дорога (Ист. Росс. I, пр. 342.)

нить, ни охолопить, — Ляхъ въ безсильной злобѣ твердилъ: «докы світъ світомъ, доти Ляхъ Русину братомъ бути не може.» (Универсалъ Брюховецкаго 1663). То же самое говорили они о нѣмцахъ: jak świat światem, nie będzie Polak Niemcowi bratem.» Исковеркавъ слово respublica въ какую-то Rzecz pospolita szlachecka *), шляхта измыслила и свою *золотую волю*, которую одинъ изъ лучшихъ Поляковъ (Нарушевичъ) изобразилъ въ слѣдующемъ отвратительномъ видѣ:

Bo w Polsce złota wolność pewnych reguł strzeże:
Chłopa na pal, panu nic, szlachcica na wieżę.

Если ужъ Ляхъ, — такъ непремѣнно панъ: Ляха не пана не существовало на свѣтѣ, ибо народъ — это была масса холоповъ, окруженная гулявшимъ панствомъ: «панівъ, якъ псівъ!» Ненависть къ пану всасывалась въ человѣка съ первыхъ минутъ дѣтства: «мамо, закрий мені очі, нехай не дивлюся на того негідного Ляха!» (Номисъ, 863). — «А щобъ же я тричі Ляхомъ сталъ!» кляяся кто-то, а другой, удерживая его: «стій чоловіче, чи то вже зкрутився? не губи душі!» (Ном. 6758). Если ужъ Ляхъ — то ханжа; но тутъ бывали исключенія. Шляхтичъ Бѣлецкій при Стефанѣ Баторіи уѣхалъ въ Турцію, принялъ магометанство, но, считая себя полякомъ, вернулся на родину. Стефанъ Баторій наградилъ его городомъ.... Сварить съ кѣмъ-нибудь пиво — значило найти человѣка, съ которымъ можно было сблизиться, жить; но народъ говоритъ, что разъ «чортъ съ паномъ пиво варилъ,— и молоту (пивной гущи) отрекся. Вотъ эта-та самая шляхта, по единодушному признанію всѣхъ историковъ, польскихъ и

*) Иначе *democratic nobiliaire*, какъ удалось выразиться Лелевелю. La Pologne — говорилъ онъ — avait conservé depuis des siécles son organisation *communale* (?).... cette organisation reparut (?) avec plus d'éclat dans la *democratie nobiliaire* (?). Pendant que cet élément, *Slave par excellence* (?) préparait les materiaux pour la république de la Pologne.... (Lelew. Hist. de la Lith. 34.)

русскихъ *), и сгубила польское государство. «Шляхта—говорилъ одинъ изъ нихъ — живя на счетъ хлоповъ, не знала ни физическаго, ни умственнаго труда. Гдѣ было этой продажной и разучившейся шляхтѣ мыслить, чувствовать и честно управлять страной.? Неумѣнье правительственныхъ сословій осчастливить народъ, деморализація высшихъ классовъ — естественное послѣдствіе крѣпостнаго права, которое всегда лишаетъ владѣтельные классы нравственной силы и упругости, а у нисшихъ отнимаетъ послѣднія качества человѣка—вотъ причины паденія Польши.» (Мордов. пад. Польши). Идея о могуществѣ шляхты возникла изъ нѣмецкаго права. (Леонт. Крест. Юго-Зап. Руси. Кіев. Унив. Изв.) По вислицкому статуту 1347 г., кметъ уже не имѣлъ никакого значенія передъ шляхтичемъ, а Казимиръ Великій (1333—1370) за то, что не давалъ воли шляхтѣ, награжденъ былъ титуломъ хлопскаго короля (król chłopów). Идутъ столѣтія, идетъ впередъ могущество государства, а вмѣстѣ идетъ впередъ и неистовство шляхты. *Хлопъ* (народъ) наконецъ стоитъ какъ будто внѣ закона. За служилой шляхтой полныя личныя и имущественныя права, но только тогда, когда шляхтичъ не ведетъ хлопской жизни, т. е., не работаетъ, не трудится, хотя и можетъ жить у магната въ кучерахъ, въ конюхахъ, въ холопахъ. По уставу о волокахъ 1557 г., кметъ и все его имущество принадлежатъ господарю. Крѣпостное право называется здѣсь *вѣчнымъ правомъ*; дѣти, родившіяся отъ *невольнаго*, именуются *невольниками*. Крѣпостное право, начавшееся собственно съ 1554 г., въ концѣ царствованія Сигизмунда I доходитъ до того, что все польское дворянство громко требуетъ *права* жизни и смерти надъ *хлопами*: (Lelew. Hist. de la Pol. 114) Варшавская конференція 1573 г. предоставляетъ помѣщику право наказывать крестьянъ in secularibus et spiritualibus.....

---

*) Шуйскій, Dzieje Polski III, 134; Соловьевъ, въ его Ист. Россіи; и всѣ другіе.

Въ 1569 г., постановленіемъ люблинскаго сейма, Украина соединена была съ польскою короною. Трудно, говоритъ Соловьевъ, найти въ архивахъ какой-нибудь страны такой безчестный актъ, въ которомъ исторія была такъ дерзко поругана. Со стороны Украины соединеніе совершалось на правѣ людей равныхъ съ равными (jako rownych do rownych i wolnych do wolnych ludzi); со стороны польской шляхты — на правѣ насилія надъ Украйной. «Алѐ вижу — говоритъ князь Константинъ Острожскій — ижъ то къ остатной сгубѣ всее короны польское идетъ; бо за тымъ нихто своего права, а ни вольности безпеченъ уже не будетъ.»

Многимъ было обязано шляхтѣ и южно-русское дворянство, которое, ополячившись, измѣнило народу и сгнило самымъ постыднымъ образомъ. Русскому народу пришлось наконецъ жаловаться не на одну польскую шляхту, но и на русское дворянство. Каштелянъ смоленскій, Иванъ Мелешко, въ 1589 г., на варшавскомъ сеймѣ въ присутствіи короля бросалъ въ глаза русскихъ дворянъ слѣдующую горькую правду. «Кажучи правду — говорилъ онъ — не такъ виноватъ король, якъ гетые радные баломуты, што пры нимъ сидятъ да крутятъ. *Много тута гедакихъ есть, што хоть наша костка, однако собачымъ мясомъ поросла и воняетъ*; тые-то насъ деруть, а за ихъ баламутнями, нашые не поживятся. Рѣчь посполитую губятъ, и Волынь съ Подлясьемъ пропалъ! Знаю, намъ приступило, што ходимъ какъ подвареные, бо ся ихъ боимо. А коли бъ тетакого бѣса кулакомъ въ морду, забывъ бы другый мутыты.» (Ак. зап. и юж. Росс. II. 189). Такъ говорилъ Мелешко, — и что жь! Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и онъ самъ окатоличивается и строитъ базиліанскій монастырь! (Балинскій, Staroż. Polska III. 484). Бопланъ, посѣтившій Украину въ половинѣ XVII в., писалъ: и русское дворянство походитъ на польское и стыдится повидимому исповѣдывать иную вѣру, кромѣ католической, кото-

рая ежедневно пріобрѣтаетъ въ немъ новыхъ приверженцевъ, не смотря на то, что вельможи и князья ведутъ свой родъ отъ русскихъ.» (Бопланъ, описаніе Украины 9). Русская земля такимъ образомъ оставалась какъ будто безъ высшаго сословія, русское православіе теряло своихъ членовъ дворянскаго происхожденія, и къ XVII вѣку опорой Руси оставался одинъ лишь южно-русскій народъ....

XVII.

Со времени отдѣленія южной Руси отъ сѣверной, въ первой возникла, сложилась и окрѣпла совершенно новая жизнь, какой исторія еще не встрѣчала. Украина, не смотря на всю невыработанность своего государственнаго строя, поражаетъ насъ своимъ юридическимъ бытомъ, возникшимъ изъ глубокихъ основъ русской народности, и высокой чистотой своего христіанства, не вѣдавшаго, какъ извѣстно, ни расколовъ, ни скопчества..... Украинскій народъ, умный и сосредоточенный, постоянно *вдумывался* въ жизнь, въ которой никогда не переставалъ быть главнымъ дѣятелемъ, всматривался въ комизмъ окружающихъ его обстоятельствъ. Унаслѣдовавъ отъ древнихъ кіевскихъ лѣтописцевъ любовь *къ русской землѣ*, онъ выростилъ среди себя историковъ (лѣтописцевъ)—граждань, любившихъ *матку свою Малую-Россію* (Лѣтопись Самоила Величка, I, 18, 32, 34, 36, и т. далѣе), создалъ *думы*, полныя высокой исторической правды, и положилъ начало народной *комедіи*. Владѣя необычайно поэтическимъ и свѣжимъ языкомъ и щедро надѣленная красотой своихъ женщинъ, Украина дала русскому народу и музыку и пѣсни, и, наконецъ, благодаря крѣпкому складу народной личности, она до сихъ поръ не перестаетъ высылать въ Россію лучшихъ государственныхъ мужей и ученыхъ. Въ Украинѣ, по

прекраснымъ словамъ Головацкаго, «душа Русска була середъ Словянщины якъ чиста слёза дівоча въ долони серафима.» (Русалка Днѣст. Будимъ, 1837).

Весь южно-русскій народъ, сберегшій древнее имя *народа русскаго* (Русьский народъ) и отличавшій себя отъ великорусскаго населенія (Москалей), составлялъ военное братство, которое раздѣлялось на двѣ главныя части, — на днѣпровскую Украину, или *Гетьманщину*, и *Запорожье*. Первая была создана судьбами всего южно-русскаго края, вторая же — насиліями Ляховъ. «По долгомъ же времени — говоритъ лѣтопись самовидца — Ляхи, владѣящіе Кіевомъ и Малою Россіею, усовѣтовали въ работѣ и подданствѣ людей малороссійскихъ и украинскихъ держать. Но которые не приобыкли невольничей службѣ, обрали себѣ мѣсто пустое около Днѣпра низже пороговъ Днѣпровскихъ на житло (Чт. 1846, I, лѣт. 2). Запорожье,—говоритъ Кулишъ,—служило точкою опорѣ козацкой и силѣ, и случай, въ родѣ счастливой войны козаковъ съ турками, могъ бы превратить Січъ въ столицу украинской республики, а окружавшія ее пустыни населить вольными казацкими слободами, и тогда шляхетное господство въ Украинѣ пало-бъ съ развитіемъ громадзкой юрисдикціи на счотъ юрисдикціи шляхетской.» (Кул. Паденіе шляхетнаго господства. Въ журналѣ Гогоцкаго).

На Запорожьѣ все было свободно. Виномъ могъ торговать всякій, заплатившій пошлину старшинамъ. Когда привозили изъ Польши, изъ Малороссіи, изъ Крыма вино горячее и виноградное, то съ каждой куфы брали для старшинъ по одному рублю. Если привозили вино, скупленное казаками, тогда съ каждыхъ десяти куфъ давали кошевому ведро, судьѣ другое, писарю третье, есаулу четвертое, довбышу пятое, на церковный доходъ шестое и на атамановъ куренныхъ седьмое. Затѣмъ уже отъ войска устанавливалась цѣна, по чѣмъ продавать кварту вина. Шинкари въ Запорожьи соста-

вляли нѣчто въ родѣ цеха, какъ мясники и калашники, и на праздники ходили къ старшинамъ съ поклономъ (на ралецъ). Кромѣ этого дохода куренные атаманы получали еще за куренныя лавки, которыя отдавались шинкарямъ, и этимъ содержались курени. По куренямъ козаки свободно варили пиво, меды, браги; денегъ было много, и, приходя въ Сѣчь, козаки многія дни гуляли. Идетъ козакъ, а за нимъ несутъ медъ, вино, и онъ поитъ каждаго, кто бъ ни встрѣтился. (Ригельманъ, IV, 79—81.) Какъ привезутъ бывало водку въ Запорожье, вотъ и приходитъ запорожецъ покупать, и тотчасъ беретъ волочокъ (цилиндрическая стклянка на снуркѣ) опускаетъ ее въ бочку, пьетъ самъ и подчиваетъ товарищей и всякаго, кто бъ ни случился. И ужъ торговецъ не говори ни слова. Выпьютъ запорожцы изъ бочки пальца на четыре, тогда и говорятъ:« Ну, панове молодцы, заплатимо теперь за водку.» Купятъ всю водку, и ужъ хорошо заплатятъ. Но еслибъ передъ этимъ продавецъ сказалъ имъ что-нибудь непріятное, такъ у него никто и не купитъ: «не покупайте, скажутъ, у вражьяго сына: онъ и чарки водки жалѣетъ.» (Зап. о юж. Руси, I, 156). Запорожье поэтому не знало ни жидовъ — арендаторовъ, ни всѣхъ панскихъ продѣлокъ по поводу корчемъ; дикимъ и безбожнымъ казалось ему положеніе дѣлъ на Украинѣ, заарендованной жидами, и вотъ, когда назрѣло возстаніе, Запорожье сдѣлалось центромъ, откуда въ теченіе цѣлаго столѣтія выходили мстители за свободу Русской земли, поруганную Ляхами.

Никогда, ни съ какой стороны, никакая унія не мыслима была между Украиной и Польшей. «Ото-жъ унія! — лежитъ Русь съ Поляками!» острилъ Конецпольскій, указывая на поле битвы подъ Переяславомъ. То была правда: единственнымъ исходомъ всяческихъ уній — было желаніе передушить другъ друга, и напряженная жизнь ждала перваго къ тому случая. Полякъ Чаплинскій отнялъ у Хмельницкаго хуторъ съ пасѣ-

кою въ Суботовѣ, — случай самый обыкновенный, повторявшійся каждый часъ, каждый день, но онъ *всей зімлѣ полской начиниль бѣды* (Лѣт. Самов.) Поднялась вся Украина, и, по словамъ Потоцкаго, дѣло дошло до самой *субстанціи* пановъ: «Żeniebyło tey wsi, tego miasta, w ktorey by na swawola niewolano y niemyślono o zdrowiu, *o substantiach* Panow swoih y dzierżawcow,» (Пам. Врем. Ком. I, 3, 7.). Поднялась Украина, чтобъ избавиться отъ всего, что давило ее, что мѣшало ея свободѣ:

Да не буде лучче,
Да не буде краще,
Якъ у насъ на Украіні,
Що немае жида,
Що немае Ляха,
Не буде Уніи!

Поднялось все, чтобъ заставить ненавистную шляхту испить ту чашу зла, которую сама жъ она наварила:

Ой пійте, Ляхи, води калюжи,
Води калюжи, болотяниі.
А що пивали по тій Вкраіні
Меди то вина ситниі.

Участь шляхты братски раздѣлили жиды, которыхъ рѣзали теперь тысячами. «Po folwarkach toz co było pobrano Żydów wszystkich wyścinano, dwory y karczmy popalono, какъ доносилъ въ 1648 году Брецлавскій воевода своему коронному гетману (Пам. Врем. Комм. I, 3, 191.). — «Итакъ, замѣчаетъ лѣтопись Самовидца, «на Украинѣ жаднаго (ни одного) жида не зостало.» Пятого апрѣля того же 1648 г., *подъ жовтими водами* были разбиты Поляки. — «Хлопе!» говорилъ Потоцкій Хмельницкому, и чимъ же зацному рыцерству ордъ татарскихъ заплатишъ!»—«Тобою»; отвѣчалъ Хмельницкій, и иншими зъ тобою.» (Русс. Ист. Сб. III, 262). Въ маѣ новая *побѣда подъ Корсунемъ*. Потоцкій, роскошный обжора и пьяница, потерялъ битву, Поляки бѣжали, а козаки бранили ихъ, что они не хотятъ допивать ихъ пива:

А козаки на Ляхівъ нарікали:

Ой ви, Ляхове,
Песьки синове!
Чомъ ви не дожидаете,
Нашого пива не допиваете?

Послѣ ряда битвъ, Украина, еще разъ, повѣривъ шляхтѣ, склонилась на миръ, и однимъ изъ главныхъ условій его было облегченіе въ приготовленіи питей. *Въ пактахъ зборовскихъ* 1650 г., между Поляками и Хмельницкимъ было положено: «Казаки какъ вина, такъ и иныхъ всякихъ напоевъ продавати не имѣютъ, только для нужды своей, какъ што сдѣлать вольно, такоже и мѣстнымъ дѣломъ продавать не имѣютъ имъ заборонять.» — «Вина врознь козаки не имѣютъ, кромѣ того про себя скурить или мѣстнымъ дѣломъ вольно имъ продавать. Такоже пиво продажное и медъ противъ обычаю быти имѣетъ.» — «Жиды державцами, откупщиками и закупщиками христіанъ и жительми не имѣютъ быти въ городѣхъ украинныхъ, гдѣ козаки свои полки имѣютъ.» (Бант. Кам. Источн. I, 20). Но и этотъ убогій договоръ почти былъ уничтоженъ новыми условіями подъ Бѣлою Церковью, въ 1651 г. Было положено, что «жители воеводства кіевскаго, браславскаго и черниговскаго до местностей своихъ, тако же старосты сами собою и въ уряды свои приходити вскорѣ и оные пріимати имѣютъ, и всякіе промыслы, корчмы и откупа воспріимутъ.» — «Жиды какъ прежде были обывателями и арендаторами въ имѣньяхъ его королевской милости, и въ имѣньяхъ шляхты, и теперь должны быть.» (ib. 30. Пам. Врем. Ком. II, 3, 129). И вотъ, говоритъ украинская дума, вельможные паны Ляхи, стали у козаковъ и у мужиковъ на постоѣ, овладѣли ключами ихъ, сдѣлались хозяевами въ ихъ хатахъ. Украинецъ, терпя всякое поруганіе, идетъ въ корчму выпить съ горя за восемь грошей; но Ляхъ идетъ вслѣдъ за нимъ, словно не мытая

свинья, настороживаетъ ухо и слушаетъ: «не осуждаетъ ли его козакъ или мужикъ?» — Козаки жалуются Хмельницкому, и онъ отвѣчаетъ: «погодите немножко, обождите отъ Покрова до свѣтлаго тридневнаго Воскресенія.» Такъ и было. На пасху 1682 г. совершилось избіеніе польскихъ жолнеровъ; въ іюнѣ того же года Поляки были избиты подъ Батогомъ.

Между тѣмъ въ 1651 г. Хмельницкій началъ переговоры съ Московскимъ государствомъ и съ Оттоманскою Портою о соединеніи съ однимъ изъ нихъ, съ которымъ было бъ выгоднѣе, и *6 января 1654 г.* вступилъ со всей Малороссіей въ подданство къ московскому царю, «зъ такимъ монаршимъ подъ клятвою словомъ и упевненемъ, же держати онъ пресвѣтлѣйшій монархъ россійскій Малую Россію, зо всимъ войскомъ запорожскимъ, въ своей протекціи при ненарушимомъ захованю старовѣчныхъ ея правъ и волностей маетъ.» (Лѣт. Сам. Вел. I, 172). Отправляя въ Москву послами Богдановича и Тетерю, Хмельницкій писалъ, чтобы царь московскій изволилъ милостиво принять, и насъ, Богдана Хмельницкаго, и все войско запорожское, и уставить правиліи и всякія свободы и державы добръ духовныхъ и мірскихъ всякому чину и преимуществѣ сущихъ, елико кто имяше отъ вѣковъ и отъ князей и королей полскихъ: таково бы государское твоего царскаго величества слово намъ той же ближній твоего царскаго величества бояринъ обѣщалъ.» (Лѣт. Сам. Прил. 117 — 118). Первой статьей договора съ Москвою было постановлено подтвержденіе «правъ и волностей войсковыхъ, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ, что своими правами суживались и волности свои имѣли въ добрахъ.» Была выговорена и *свободная продажа въ своихъ домахъ горячаго вина* (Крат. Изл. правъ въ Малор. употр. Чт. 1861. II, см. 79). Король польскій, узнавши, что надѣлала его вѣрная шляхта, лишившая его Украины, плакалъ, но было поздно (Лѣт. Сам. Вел. I, 173). *Ляхольтье,* какъ обозвалъ народъ весь

этотъ періодъ съ 1569 г., кончалось, и Русь на вѣки соединялись съ Россіей, прося лядское племя поступиться назадъ.....

На слѣдующій годъ (1655) возвращенъ былъ Смоленскъ; черезъ два года, при содѣйствіи козаковъ, присоединена къ Москвѣ Бѣлоруссія. По жалобѣ смоленскихъ бурмистровъ, что прежде пивная продажа и помѣръ были за ними на откупу, царь ихъ пожаловалъ, велѣлъ на 1656 г. владѣть важнею и поварнею безъ откупу, и про себя держать медъ и пиво, «а какъ 1656 г. пройдетъ, и важню и пивоварню и помѣръ, и про пошлины объявить въ съѣзжей избѣ, и лишнихъ дней ихъ не держать, пивомъ и медомъ и виномъ не торговать.»

Умираетъ Хмельницкій. Кругомъ его сотники, старшина, всѣ представители поднявшейся на ноги Украины, и онъ (по словамъ думы) завѣщаетъ имъ братство, единодушіе, — говоритъ имъ: «тимъ-то и сталась по всему свиту страшенная козацькая сила, что у всихъ у васъ, панове молодци, была воля и душа едина.» (Срезн. Зап. Стар. II. 42). Но *единой души* ужъ больше не было, и весь періодъ отъ Хмельницкаго до Мазепы сталъ извѣстенъ подъ именемъ *руины*.

Малороссія раздѣляется на правую и лѣвую сторону Днѣпра, и одна склоняется къ Москвѣ, а другая тянетъ къ Польшѣ. Выговскій считался уже гетманомъ, и въ 1656 г. въ универсалѣ мѣщанамъ города Чернигова, которые жаловались «на не малую перешкоду такъ въ арендѣ, яко въ иныхъ приходахъ одъ козаковъ и самого полковника», приказывалъ, чтобъ и полковники и товариство до аренды мѣской жадного приступу не мѣли, а ни горѣлокъ шинковали, опроч що захочутъ гуртомъ продати, то не маетъ быти збороннo». (Черн. Губ. Вѣд. 1861, 14). *Подъ Конотопомъ* разбиты московскія войска, и въ *Гадіатцкихъ пактахъ* (16 сент. 1659 г.), заключенныхъ Выговскимъ съ Поляками, козакамъ

по прежнему предоставлялась вольная продажа вина. Подъ вліяніемъ Москвы, гетманомъ избранъ былъ Юрій Хмельницкій, и въ статьяхъ 1659 г., при пріемѣ его въ московское подданство, въ статьѣ 5, постановлено: «да реестровымъ же козакамъ держать вино и пиво и медъ, а продавать вино бочкою на ранды, и кто куда похочетъ, а пиво и медъ вольно же продавать гарнцомъ, а кто вино будетъ продавать въ кварты, и тѣхъ карать». Въ дополнительныхъ статьяхъ было сказано: «и гетманъ и все войско запорожское, и чернь на радѣ, выслушавъ сію статью, приговорили»: быть сей статьѣ такъ, какъ она написана» (Бантымъ-Кам. Ист. I 38). Тоже самое повторялось въ пунктахъ, объявленныхъ московскому государю послами Хемльницкаго (Ib. 117).

Съ этихъ поръ положеніе дѣлъ, устроенное Б. Хмельницкимъ, начинаетъ измѣняться.... Въ Малороссіи, развращенной польскимъ шляхетствомъ, теперь все стремилось къ порабощенію другъ друга; освобожденная Б. Хмельницкимъ, она не знала свободы, угнетаемой со стороны и подорванной смутами чистолюбцевъ. Разъ въ 1660 г. Юрій Хмельницкій пировалъ въ своемъ замкѣ, окруженный пріятелями, и съ хохотомъ слушалъ разсказы татаръ объ ихъ удальствѣ надъ украинцами. Нѣсколько козаковъ стояли у дверей и тоже слушали, потомъ бросились на него, на татаръ. Татаръ изрубили, а израненнаго Хмельницкаго вывели на площадь, долго мучали, и издыхающаго бросили собакамъ. Козаки мстили за погибавшую Малороссію. (Срез. Зап. Стар. II, III, 50). Гетману Іоакиму Сомку въ 1662 г. опять пришлось разбирать мѣщанъ черниговскихъ съ казацкою старшиною. «Дошла до насъ, говоритъ онъ, скорга отъ мѣщанъ маестрату черниговского на тыхъ, которые въ рынку горилки межи крамами шинкуючи, тымъ шинкомъ всякимъ людемъ купецкимъ великое уприкренье и докуку чинятъ, и въ торгахъ попившеся и биючисе перешкажаютъ», а потому прика-

зывалъ, чтобъ мѣщане и козаки «отъ сего часу тыхъ шинковъ горилчаныхъ врынку поперестали, а отъ сего часу не важились шинковати.» Всякій, кто бы послѣ сего сталъ шинковать на рынкѣ, повиненъ былъ «до скарбу войскового тисечу таляровъ битыхъ, яко и особливе сурового войскового неудет караня». (Черн. Губ. Вѣд. 1861, 14). Въ 1663 г. въ Нѣжинѣ выбранъ въ гетманы Иванъ Брюховецкій, который еще недавно, подъ именемъ Мартынца, былъ слугою у Юрія Хмельницкаго. Къ нему снова является войтъ черниговскій съ бурмистратами, показываетъ грамоты на магдебургское право, универсалъ Б. Хмельницкаго, данный въ таборѣ подъ Переяславлемъ, и гетманъ снова приказываетъ войсковой старшинѣ черниговской, чтобы «млиновъ, шинковъ и инших мѣскихъ доходовъ спокойне безжадной ни одного перешкоды заживали», а иначе «срокго карати без одпусту будемо». (Ibid.). Въ батуринскихъ статьяхъ, постановленныхъ съ Брюховецкимъ въ 1663 г., было предъявлено въ Малороссіи давно уже извѣстное въ московскихъ областяхъ запрещеніе, чтобъ жители малороссійскихъ городовъ съ виномъ и табакомъ въ Московское государство и украинные городы не ѣздили, и у виновныхъ вино и табакъ имать на великаго государя безденежно. Гетманъ и старшина на это условіе согласились, и Брюховецкій подписался: » Его царскаго величества холопъ гетманъ Брюховецкій». (Бантымъ—Кам. Ист. I, 134-5). Съ этихъ поръ условіе это постоянно повторялось: въ переяславскихъ статьяхъ 1667, въ глуховскихъ 1669, при избраніи гетмана Многогрѣшнаго, и въ переяславскихъ статьяхъ съ гетманомъ Самойловичемъ. Но изъ малороссійскихъ городовъ по прежнему возили вино въ Московское государство, и въ 1683 г. вышелъ указъ, чтобъ у Черкасъ, пріѣзжающихъ изъ Малороссіи съ виномъ и табакомъ, вино и табакъ отбирать, а природныхъ Черкасъ и иностранцевъ высылать изъ русскихъ городовъ (П. С. З. 1015). Это

повелѣніе вошло и въ условія при избраніи гетмана Мазепы въ 1687 г. Брюховецкій, не находя въ гетманщинѣ никакой поддержки, поѣхалъ въ Москву *ударить челомъ великому государю всѣми народами малороссійскими* (Ист. Мал. Росс. II, 79, 92.) Тамъ его ждали; по дорогѣ дѣлали ему великолѣпныя встрѣчи, смотрѣли на него, какъ на владѣтельнаго князька, идущаго отступиться отъ своего наслѣдства. Въ октябрѣ 1665 г. Брюховецкимъ подписано было обязательство доставлять ежегодно въ государеву казну поборы съ малороссійскаго народа, и самому ихъ выбирать; при чемъ гетманъ билъ челомъ, «чтобы примѣромъ иныхъ начальнѣйшихъ малороссійскихъ городовъ, и по меньшимъ всѣмъ городамъ *кабаки* на одну горѣлку только были, которые *приходы кабацкіе* винные въ государеву казну обрѣтатися маютъ» (П. С. З. 376). И великій государь его пожаловалъ, и милостиво за это похвалилъ, и по его челобитью обѣщался послать въ малороссійскіе города своихъ государевыхъ воеводъ, самъ же Брюховецкій былъ пожалованъ бояриномъ, а всѣ бывшіе при немъ старшины и полковники — дворянами, и даны имъ жалованныя грамоты; Брюховецкаго оженили на царской родственницѣ на Дарьѣ (Ист. М. Росс. II, 62), переженили и всѣхъ неженатыхъ старшинъ. Въ это же время было подтверждено данное разнымъ городамъ магдебургское право. Какъ оно соблюдалось теперь, это видно изъ жалобы нѣжинскихъ мѣщанъ, доведенныхъ въ 1682 г. до остатней наготы. Они говорили: «грамотами утвержденные доходы на Ратушу, вѣсовое, помѣрное, подводное, дехтевая торговля, также мельницы овдѣевскіе, о пивномъ доходѣ, хто на шинкъ похочетъ, по осьмачки солоду и золотому грошей повиненъ дати, также по двѣ копейки отъ ведерка повиненъ платить хто на шинкъ похочетъ сытить медъ, и отъ шинковныхъ дворовъ хозяйскихъ, какъ и отъ прочихъ приходящихъ всѣхъ въ годы, и отъ ихъ погребовъ по полуполтинѣ съ погреба давать;—а тѣ всѣ до-

ходы по королевскимъ привиліямъ, и по подтвержденнымъ грамотамъ великаго государя нашего, его царскаго величества, свѣта нашего, смиренно упадаючи до лица земли, милости просимъ, чтобъ по прежнимъ жалованнымъ грамотамъ тѣ всѣ доходы при ратушѣ нѣжинской и магистрату того жъ ненарушимы и невредны были для многихъ грацкихъ расходовъ». Государь пожаловалъ ихъ, «велѣлъ быть по ихъ челобитью». (Бант.-Кам. Мат. I, 238; П. С. З. 818). Къ внутреннимъ неустройствамъ Украины присоединялись отголоски московской стрѣлецкой смуты. Въ южномъ Переяславѣ перестали слушаться воеводы, овладѣли *кабакомъ*, въ приказной избѣ посадили простаго стрѣльца, отставили своихъ пятисотенныхъ и десятниковъ, одного пятисотеннаго чуть не убили, а на ихъ мѣсто выбрали другихъ (Сол. XIII. 385).

Но корнемъ зла, заѣдавшимъ теперь Украину, была ополяченная казацкая старшина, — эти *шляхетно-урожоные казаки*, какъ величалъ ихъ Б. Хмельницкій. Въ шляхетство тянулся теперь всякій простолюдинъ (Кул. Зап. о юж. Русс. II,310); гетманы раздавали войсковую землю старшинѣ и рядовому товариществу, и посполъство, жившее на такой землѣ, становилось въ обязательныя отношенія къ землевладѣльцу. «Вотъ, говорили въ 1729 году жители одного села, «тогда можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ» (Лазарев. Малор. поспол. крестьяне. Черн.1866). Характеръ этой новой шляхетчины прекрасно опредѣленъ словами лѣтописи Самовидца о Самойловичѣ, что «той поповичъ зразу барзо покорнымъ и до людей ласкавимъ былъ, але якъ разбогатѣлъ, южъ барзо гордый сталъ,—у церкви негди нейшолъ дары брати, але священникъ до него нашовалъ». Дѣтей своихъ онъ подѣлалъ панами, «а здырства вшелякими способами вымышляли такъ самъ гетманъ, яко и сынове его, зостаючи полковниками, аренды, стаціе великіе зотяговалъ людей кормленіемъ, барзо на людей трудность великая была отъ великихъ

вымысловъ. (Лѣт. Самов. 77). Дошло до того, что съ 1723 г. стали издавать указы *объ удержаньи* козацкой старшины отъ крѣпостнаго права, въ которое она втянулась, и объ освобожденіи козаковъ, записанныхъ въ неволю и подданство. (Зап. Марк. I, 498—502). Войсковая канцелярія въ 1745 г. доносила, что всѣ эти козаки, требующіе освобожденія, — это простые *мужики* (ib. 500,224), и что оные *мужики* домогаются козачества по *упрямству своему, якъ изъ подданства отбыть*, а паче чтобъ завладѣть грунтами владѣльческими, на которыхъ они за владѣльцами живутъ» (ib. 501). Изъ этихъ записокъ Марковича мы видимъ, какъ жили тогда украинскіе господа (Марк. Зап. I, 27, 197, 38, 41, 39, 192; II, 31, 8). У каждаго изъ нихъ своя винокурня, свои *склепы*, гдѣ хранятся вина; торгуя виномъ, они высылаютъ его въ судахъ въ Крымъ; у всѣхъ свои корчмы, и изъ-за владѣнія корчмами они грызутся.......

Заводя корчмы, козаки нарушали этимъ права магистратовъ. Самойловичъ, въ универсалѣ 1684 г., говорилъ казацкой старшинѣ: «Жалостнѣ скаржилися передъ нами нанове майстратове кіевскіи на васъ (старшинъ и козаковъ), же вы просторные собѣ пивныи и медовыя заведши въ Кіевѣ шинки, при тыхъ не маль въ каждомъ дому и горѣлку держитъ продажнюю, и тымъ великую ратушнымъ шинкамъ чините перешкоду». — «Примѣняючися до обыклости войсковыхъ волностей (мы) позволили есьмо вамъ, до дальшого нашого зданья, шинки мѣти медовыи и пивныи, але горѣлкою шинковати не тылько не позволяли, лечъ и заказали, подъ стратою добръ и волностей вашихъ». (Ак. зап. и южн. Росс. V, 181). Казалось бы, что съ возстаніемъ Хмельницкаго и съ гибелью жидовъ-арендаторовъ, аренды должны были прекратиться на вѣкъ; но при Самойловичѣ снова возстановлена была аренда на шинки. Въ универсалѣ 1686 г. Самойловичъ говорилъ, что «для обороны отчизны нашое Украины, за по-

зволеніемъ ихъ царскаго пресвѣтлаго величества, наше рейментарское зо всею старшиною войсковою постановленье стало на томъ, а бы для забранья на тые потребы грошоваго скарбцу аренды во всей Украинѣ были утверждены. Лечь доходитъ намъ вѣдати, же многіе змежи посполъства люде, а снать тые, которые зъ шинковъ призыски собѣ маютъ, на тое о арендахъ постановленье наше неуважнѣ шемруютъ, нарекаючи, будто имъ черезъ тые аренды пожитки уймутся. Вѣдаемъ же бы, и кождый тое признаетъ, же слушнѣй быти арендамъ, а нижли поборамъ и подымнымъ, якіе певнѣ людей бы розагнали. А про тожъ, якъ войскъ пѣхотныхъ и комонныхъ охотницкихъ, дотуль пока война ся не успокоитъ, не держати нельзѣ, такъ волятъ тые зъ шинковъ горѣлчаныхъ зыски на посполитую всего нашого народу оборочатися потребу, а нижли въ самотный и приватный шинкаровъ пожитокъ приходити. А такъ зъ прошлорочного звычаю, и теперь тое постановленье приводячи до скутку, пустили есьмо во всѣхъ мѣстахъ и селахъ полку лубенского аренду, то есть шинки горѣлчаные, дехтевые и тютюнные, зъ млынами того-жь полку лубенского всимъ вполнѣ обывателямъ на сей рокъ 1686, а то за певную сумму 17000 злотыхъ. Якую ту сумму они обывателѣ лубенскіе о святой недѣлѣ всю зуполнѣ, безъ роздѣлку, до скарбу войскового повинны будутъ отдати.— А къ тому прилучаемъ скопщину (съ посполитаго человѣка, а не отъ козаковъ) отъ варенья пива по полэолотому, поведерковое и скопщину горѣлчаную. Однакъ докладаемъ тое, же бы горѣлка простая, кварта, справедливою мѣрою на раздробъ шинкована была по пяти осьмаковъ, а на веселье и на христины таньшою цѣною продавана, альбо зъ стороны оной потребу добути не збороняли. Медъ, зась пиво, брагу вольно кождому козакови и посполитому человѣку такъ въ мѣстахъ, яко и въ селахъ до нихъ належныхъ шинковати; отъ того жадного датку арендуючіе особы не повинны въ

нихъ вимогати. Варуемъ жеды и сурово приказуемъ, або жаденъ яко козакъ, такъ и посполятый, хто тылько горѣлку курить (опричъ того, що гуртомъ сто квартъ вольно ему продати) квартою шинковати ся не смѣлъ». (А. З. Росс. V. 189). Но на слѣдующій годъ (1687), во время похода царскихъ войскъ, подъ начальствомъ Голицина, въ Крымъ, старшина козацкая, есаулъ и писарь войсковой и иные, видя непорядокъ гетманскій у войску *и кривцы козацкіе же великіе драти и утисненія арендами*, написали челобитную до ихъ царскихъ величествъ и подали ее *Гольцину*, прося его смѣнить гетмана. Заразъ принявши, Голѣцинъ скорымъ гонцомъ послалъ ее въ Москву; и пришолъ указъ, и гетмана *отдали Москвѣ*. Но пока не выбранъ былъ другой гетманъ, порядокъ войсковой порученъ былъ Борковскому, «где почалися бунты у войску на старшихъ, але заразъ тое Москва ускромила, а нѣкоторые отъ войска оторвалися въ городы своеволею, о многіе дворы погробавали арендаторовъ и иныхъ людей значнихъ и приятелей гетмана бувшого, которыхъ напотомъ имано, вѣшано, стынано, яко злочинцевъ» (Лѣт. Самов. 77). Полковники враждовали съ гетманомъ, попы съ другими попами; «межи посполитыми свары, позвы, а знову зась *корчмы, шинки* немалъ въ кождомъ дворѣ, а при шинкахъ безчестности и частыя забойства, а за вшѣтечность жадной карности печинено, але тое въ жарти оборочано».... (ib. 110). Избранъ былъ гетманомъ Мазепа, роду шляхетскаго, повѣту бѣлоцерковскаго, старожитной шляхты Украинской и у войску значной.... Въ 1788 г. онъ снова запрещалъ держать шинки горѣлчаные, которые чинили перешкоду ратушѣ, и приказывалъ бросить это шинкованье, какъ неприличное для рыцарскаго званія и наносящее убытки городскимъ доходамъ, которые кіевскій войтъ съ мѣщанами «повинны кождого году зъ ратуши своей на верхній городъ кіевскій до казны великихъ государей за шинки отдавати».

Затѣмъ прибавлялось: «а если бы не тылько зъ товариства, але хочай бы и самъ сотникъ смѣлъ горѣлчаными шинками мѣщаномъ въ томъ перешкожати, теды не тылько на шкурѣ своей строгое понесетъ каранье, и худобы позбудетъ, але и для горшей неславы, зъ реестру козацкого будетъ вымаранъ». Не слушая ничего, козаки продолжали за иматься «тою потайною и очевистою горѣлокъ своихъ продажею», и въ 1691 г. гетманъ опять грозился имъ жестокими карами: «если кто зъ васъ, говорилъ онъ, указу нашого — далѣй упорнымъ будучи — не слухалъ, — того повелѣваемъ майстратовымъ, постерегши забирати и грабити». Но козаки опять не слушали, напротивъ «въ таковые шинки якъ старшій такъ и меньшій товариство пустилися»; между посполитыми и козаками возникли столкновенія; распоряженіямъ ратуши противились силой. Универсаломъ 6 іюня 1694 г. гетманъ объявлялъ: «теперъ знову панъ войтъ зъ майстратомъ скаргу свою заносили, же посылаючи людей своихъ трусити (обыскивать) въ дворахъ вашихъ горѣлокъ, теды вы передъ ними ворота запираете и отпорно имъ съ погрозками ставитеся; и на сихъ свѣжихъ часѣхъ райцею съ приданными ему людьми горѣлку, въ бойдаку и въ иншихъ мѣстцахъ вытрушенную и до ратуши несенную отбилисте, а тыхъ посланныхъ подъ страхомъ битья рогазналисте» (А. зап. Р. V, 189, 218, 245, 270). Нововведенная аренда возбуждала волненія. Петрикъ, родственникъ Кочубея, бѣжалъ въ Запорожье поднять его противъ Москвы и противъ козацкой старшины, и въ 1672 г. на Украинѣ пошли слухи, что онъ соединяется съ ордою, чтобъ искоренить арендаторовъ и богачей. Отовсюду стекалась къ нему голота, и Петрикъ, разсылая грамоты, обвинялъ московское правительство въ установленьи аренды и винныхъ откуповъ. Въ Москвѣ на это обратили вниманіе и отписали гетману Мазепѣ. Мазепа отвѣчалъ, что дѣйствительно аренда тяжела, и отъ лица всего запорожскаго

войска предложилъ уничтожить ее. Затѣмъ, ссылаясь на то, что межъ народомъ посполитымъ вопль и пререкавія, а особо отъ запорожцевъ произносимые голосы къ шатности склонные, онъ сдѣлалъ распоряженіе, «дабы варень..... *) былъ отъ старшины чиненъ дозоръ, чтобъ досады людемъ не дѣлалось, то есть, чтобъ всякому человѣку на крещенье дѣтей и на дѣйство новобрачныхъ случаевъ вина съ потре.... въ домѣ выкурити или ми.... арендовыхъ шинковъ, гдѣ хотя оное купити, не возбрано было.» Въ томъ же году, въ универсалѣ къ гадяцкому полковнику и старшинѣ гетманъ Мазепа подробно описывалъ притѣсненія арендаторовъ. На радѣ въ Батуринѣ, собранной въ слѣдующемъ году, большинствомъ было положено, что «аренда есть рѣчь ненавистная, издавна пререканіе и ропотъ за собой ведущая», и рѣшено, чтобъ арендѣ не быть, а быть бы поборамъ съ шинковъ и винокурень и съ большихъ винныхъ продажъ, и рѣшеніе это было подтверждено московскимъ правительствомъ (Бантышъ-Кам. II, 8—13). Но, по уничтоженіи арендъ, доходы городскіе уменьшились, и на радѣ въ Батуринѣ 1694 г. старшины предложили опять ввести аренду. Гетманъ возражалъ, что опять пойдутъ крики изъ Запорожья, а ему отвѣчали, что запорожцамъ отъ аренды никакой тягости нѣтъ, — тягостнѣе народу ихъ запорожская аренда, которая въ Сѣчи заведена, именно изо всякой куфы вина берутъ на старшину и на куренныхъ атамановъ третью долю, остальное же вино велятъ продавать по той цѣнѣ, какую они же наложатъ, а не вольною цѣною. И вотъ, по совѣту всѣхъ городовъ, рѣшено было, чтобъ вмѣсто увеличенія налоговъ, ввести аренду (Сол. XII, 215).

Въ 1695 г. жителямъ Переяславля южнаго дана была грамота *на майдубурское право*, съ тѣмъ, чтобы «коза-

---

*) Акт. непорченъ. Бант. Кам. Ист. М. И. II, 6.

жамъ, якие въ городѣ Переяславлѣ жительство имѣютъ, горѣлкою отнюдь не шинковати, кромѣ ситнимъ медомъ и пивомъ, а быть той продажѣ въ одномъ магистратѣ Переяславскомъ (Чт. 1866, I см. 5). Въ 1698 г. мы опять встрѣчаемся съ враждою черниговской старшины и мѣщанъ. Иванъ Молявка публично ругалъ войта и *увес маїстрат* недобрими словами, и толбѣрами называлъ за то, что они городскіе доходы на свой приватный расходъ оборотили. Назначенъ былъ въ Батуринѣ громадскій судъ, и на судѣ свидѣтели сказали про войта тоже самое (Черн. губ. вѣдом. 1861,18). Подобную вражду городскихъ жителей мы уже встрѣчали въ Кіевѣ.

Но пока шли споры, чему быть, арендѣ или шинкамъ, пока всѣ, и казаки, и посполитые, думали только о себѣ, въ югозападную Русь мало-по-малу входили *кабаки*. Всѣ враги Москвы, собиравшіеся въ южной Руси, давно ужь толковали народу, что вотъ «возьмутъ васъ царь и Москва, тогда и *кабаки* введутъ, горилки и меду нельзя будетъ дѣлать всякому.» (Костомар., Панъ Выговск. 23). Петрикъ, волнуя народъ, говорилъ противъ кабаковъ; Лже-Петръ, обѣщая народу волю, освобожденіе отъ бояръ и бороду, прибавлялъ, что и винное куренье будетъ вольное (Ворон. бесѣда 2). Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновичъ въ 1657 г. писалъ въ Москву къ окольничему Ртищеву: «хотя страшина о той власти (царской) радѣютъ *для своего пожитку*, и такъ посполъство страшатъ, что ужь, какъ царь возьметъ въ свои руки, то невольно будетъ крестьяномъ въ сапогахъ и суконныхъ кафтанахъ ходить, и въ Сибирь или на Москву будутъ заґнаны; для того и поповъ своихъ нашлетъ, а нашихъ туда жь поженутъ; — только имъ не хочется *кабаковъ* и панства своего отстать, купетцва ради, а не посполитого добра; и царское бъ величество да изволилъ, чтобъ козаки привращены были, и въ Черниговъ бы воеводу

14*

добраго прислать» (Ак. юж. и зап. Росс. IV. 42). Кабаки проникали теперь въ Малороссію изъ сосѣднихъ Украинъ, московской и слободской, гдѣ они ужъ давно заведены были по городамъ: въ Воронежѣ (съ 1624), на Корочѣ (1663), въ Харьковѣ, въ Сѣвскѣ, въ Бѣлгородѣ, и т. д.

XVIII.

Убѣгая отъ Ляховъ, жители западной Украины покидали свою *батьківщину* и переселялись на лѣвый берегъ Днѣпра, въ незанятыя никѣмъ земли нынѣшнихъ губерній Харьковской, Воронежской и Курской. Величко, проходя съ козаками отъ Корсуня и Бѣлой церкви на Волынь, плакалъ надъ безлюдьемъ западной Украины: «поглянувши паки, видѣхъ пространные тогобочніе Украино-Малороссійскіе поля и розлеглые долины, лѣсы и обширные садове, и красные дубравы, рѣки, ставы, озера запустѣлые, мхомъ, тростіемъ и непотребною лядиною зарослые, — видѣхъ же къ тому на разныхъ тамъ местцахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тільки небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ въ умѣ: *кто суть сія?*».. (Лѣт. Сам. Вел. I, 5). На новыя жилища, или, какъ говорили тогда, *на слободу* (на свободу), шли они со своими думами, съ своими обычаями (Кул. зап. о юж. Русс. I, 82), шли небольшими партіями, или многочисленными громадами, и на новыхъ земляхъ, подъ покровительствомъ московскаго царя, мало-по-малу возникала *слободская Украина,* составлялась новая *гетманщина.* Рядомъ съ ней лежала другая Украина, Московская, въ которую входили города: Воронежъ, Бѣлгородъ и другіе, давно уже знакомые съ кабаками.

Воронежъ или Вороножъ, одинъ изъ городовъ Рязанской области, извѣстенъ былъ еще въ концѣ XII вѣка (П. С. Л. I, 163; VII, 119), и, должно думать, жилъ до начала XVII в., не зная ничего москоскаго, — ни губныхъ старость, ни пятой деньги, ни тамги съ кабакомъ. По грамотѣ Михаила Ѳедоровича 1624 г. «на Воронежѣ *кабакъ и тамга* въ откупу боярина князя Ивана Борисовича Черкасскаго за крестьяниномъ Ивашкомъ Офремовымъ.» Въ 1625 г. велѣно брать съ питей, приготовляемыхъ для себя, съ чети пива алтынъ, а въ 1642 г. четыре деньги; съ чети пьяной браги въ 1642 г. брали двѣ деньги, съ пуда меду алтынъ; въ 1625 г. крестьянамъ позволялось еще курить вино для платежа оброка помѣщикамъ, въ размѣрѣ до четырехъ четвертей въ годъ безъ явки. Корчемники подвергались взысканію и битью кнутомъ. Въ 1639 г. кабакъ вмѣстѣ съ тамгою отданъ былъ на вѣру, и вѣрнымъ головою избранъ *Покидка Полозовъ*, у котораго въ этомъ году доходу съ тамги и кабака было 2135 руб. и 8 пудовъ воску. Изъ цѣловальниковъ при Полозовѣ упоминаются *Толмачевъ и Колесниковъ*. Въ 1641 г. на воронежскую Украину пришли козаки изъ Малороссіи, имъ отвели хорошія мѣста, а воеводамъ приказали обращаться съ ними «съ береженьемъ и ласкою, чтобъ отъ жесточи не пришли въ сумнѣнье». Въ 1642 г. на Воронежѣ кабацкой и таможенной доводъ сбираютъ на вѣру голова воронежецъ сынъ боярской Иванъ Шишкинъ, да съ нимъ десять человѣкъ цѣловальниковъ, а окладъ того дохода, противъ откупа 1641 г., 2221 р. 32 алтына съ деньгою. Въ 1645 г., велѣно было послать изъ Воронежа голову въ Елецъ для кабацкаго и другихъ сборовъ, и чего недоберутъ они, то доправить на воронежцахъ, а головъ для Воронежа велѣно было выбирать въ Ельцѣ. Въ 1651 г. головой на Воронежѣ опять воронежецъ *Толмочевъ*, который, вмѣсто положеннаго окладу 1765 р., полчетверты деньги, успѣлъ собрать только 1397 р., два алтына, пол-

пяты деньги, и, не смотря на оправданія его объ оскуденіи земли, все-таки былъ присужденъ къ уплатѣ 183 р. 32 алт., т. е. половины недобора. Оправданіе его состояло въ томъ, что, по осени 1651 г. на Донъ, въ бударахъ, для промысловъ и съ запасы, ходили небольшіе люди, а по зимнему пути изъ городовъ, съ солью и съ хлѣбомъ и со всякими товары на Воронежъ пріѣзду не было, потому что всякихъ чиновъ промышленные люди изъ городовъ съ солью, хлѣбомъ и со всякими товары ѣздили въ новые города, въ Сокольской, на Усмань, на Урывъ, на Коротоякъ, на Олшанскъ, а городъ Воронежъ предъ прежними лѣты всѣмъ оскудалъ, и люди обнищали и стало безлюдно, *и на кабакахъ* питуховъ стало мало, не противъ прежняго (Вор. Ак. III, 33). Въ 1652 году было объявлено, чтобъ кабаковъ и винокуренныхъ поварень, опричъ тѣхъ поварень, на которыхъ сидятъ подрядное вино на московскій отдаточный дворъ и въ города на кружечные дворы, не было, а быть въ Воронежѣ одному *кружечному двору* съ продажнымъ виномъ, а опричъ кружечнаго двора въ Воронежѣ, въ уѣздѣ, въ помѣстьяхъ и вотчинахъ бояръ и окольничихъ и стольниковъ и проч., кабакамъ и винокурнямъ быть не велѣно (Вор. Ак. III, 18). Въ 1665 г. рѣшили воронежскій кабакъ и таможню отдать на откупъ, а не возьмутъ,—отдать выборнымъ на вѣрѣ, и они отданы были головѣ Михневу, но на слѣдующій годъ нашолся откупщикъ кадашовецъ Лазарь Елизарьевъ. Елизарьевъ сначала платилъ доходы исправно, но потомъ сталъ платить худо, притѣснялъ народъ, и казна вынуждена была возвратиться къ вѣрнымъ головамъ, обложивъ ихъ окладомъ въ 1900 р. полшесты деньги. Воронежскіе люди сами били челомъ на откупщика, и просили *отдати имъ*, воронежцамъ, всякихъ чиновъ людямъ на вѣру, ибо они отъ откупа терпятъ всякое насильство и убытки напрасные. Выбрали двухъ головъ, Сеньку Петрова и Струкова, но что они могли сдѣлать съ откупщикомъ, котораго поддерживали и воевода, и московскіе

подъячіе? Елизарьевъ не только успѣлъ скрыть указъ о сдачѣ кабака головамъ, но еще предъявилъ подложный указъ бѣлогородскаго воеводы Ромодановскаго о взысканіи съ воронежскихъ людей, въ томъ числѣ и съ выбранныхъ головъ, разныхъ, явочныхъ денегъ и мыта, и этимъ удержалъ у себя откупъ на всю зиму 1668 г.; потомъ сдалъ кабакъ головамъ, но безъ винокуренныхъ заводовъ и кабачной посуды, такъ что у Петрова и Струкова явился недоборъ. Вѣрный голова 1669 г. Никита Полозовъ донесъ объ этомъ въ Москву, откупщика Елизарьева вызвали туда, а вмѣстѣ съ нимъ вызвали и Сеньку Петрова съ Струковымъ, и возникло цѣлое дѣло, запутанное московскими подъячими. Поэтому въ Воронежъ были посланы съ Лазаремъ Елизарьевымъ разряднаго приказа подъячій Емельяновъ да сынъ боярской Поддубской, для правежу таможенныхъ и кабацкихъ денегъ, и тѣ деньги велѣно доправить приказному человѣку Василью Уварову, а напойныхъ денегъ велѣно Лазарю на воронежцахъ искать судомъ. Но *градскіе люди* съ нимъ Лазаркой въ судъ не шли, чинились сильны, и приносили многія челобитныя и сказки заручныя, гдѣ писали, что Лазарь ихъ клеплетъ. Василью Уварову велѣно было непремѣнно доправить тѣ деньги, а за медленность взять пени 200 руб. Прошелъ срокъ службы вѣрнаго головы Полозова, и на Воронежѣ снова явился откупщикъ Дмитріевъ. Съ 1693 г. тамга и кабакъ находятся у назначеннаго отъ казны таможеннаго головы съ товарищами и пищикомъ, и вводится нѣчто въ родѣ казеннаго управленія. Въ 1782 г. Екатерина предписывала начальнику Воронежской губерніи поспѣшить вызовомъ сидѣльцевъ въ казенные питейные дома, на основаніи указовъ сената, и спросить у нихъ, не согласятся ли они на точныхъ правилахъ, въ указѣ изображенныхъ, принять на откупъ съ 1783 г. тѣ казенные питейные дома, коимъ въ сидѣльцы опредѣлиться желаютъ. Сидѣльцамъ назначали 5% прибыли съ каждаго ведра, за вычетомъ изъ продажной цѣны,

во что вино въ казну обошлось, или 4% со всей суммы, вырученной черезъ продажу.... (Вор. Губ. Вѣд. 1862; Ворон. Сборн; Пам. кн. Вор. губ. 1861; Вор. акты Второва).

Въ 1646 г. въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ Усманьскомъ стану поставленъ былъ *Орловъ городокъ*, и въ 1652 г. въ немъ уже заведенъ былъ *кабакъ*. Боярскіе дѣти, поступавшіе въ драгуны, обязаны были въ этомъ году «корчмы и б..... не держать и на кабакѣ не пить» (Де-Пуле, 388). Съ 1668 г. на кабакѣ откупщикомъ посадскій человѣкъ Ивашка Семенищевъ; въ 1671 г. съ него велѣно взять откупныхъ и пошлинныхъ денегъ за три года по 47 р. 31 алт., по пяти денегъ на годъ (Де-Пуле 31). Въ 1674 г. на кабакѣ сидитъ уже цѣловальникъ, и въ слѣдующемъ году велятъ произвести новые выборы. Ва 1678 г. велятъ выбрать на слѣдующій годъ въ Орловѣ въ таможню и на кабакъ голову и цѣловальниковъ орловцевъ. Въ этомъ году мы находимъ московскіе кабаки по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ, окружающимъ Воронежъ. Пишутъ грамату въ *Козловъ*, *Доброе*, *въ Сокольской*, *въ Бѣлъ-Колодезъ*, *на Усмань*, *въ Костенки*, *на Урывъ*, *на Воронежъ*, *въ Коротоякъ*, *въ Острогожской*, *въ Ольшанской*, *на Усердъ*, *въ Верхососенской*, *въ Новой Осколъ*, *въ Яблоновъ*, *въ Нежегонской*, *на Волуйку*, *въ Чюгуевъ*, *въ Царевъ-Борисовъ*, *на Моякъ*, о высылкѣ съ тѣхъ городовъ таможенныхъ и кружечныхъ сборовъ, и о увѣдомленіи, сколько будетъ собрано съ каждаго города (ib. 69). Городовымъ дѣломъ завѣдывали драгуны. Велѣно беречь накрѣпко, чтобъ у драгуновъ корчмы и б....... и продажнаго вина и табаку не было, а питье драгунамъ держать браги да квасъ безхмѣльной, а пиво имъ варить по невелику, по полуосмине, и по осмине, и по четверти, *смотря по человѣку*, а то пиво пить въ урочные дни, а оставшееся питье записывать. Въ приходной книгѣ 1679 г. записано: «въ Орловѣ таможнѣ и кружечному двору окладъ, противъ откупу 1668 г. 47 р. 31 алт., 5 денегъ.» Кабакъ

предписывалось отдать на откупъ, а буде откпущиковъ не найдется, выбрать голову и цѣловальниковъ. Въ 1687 году велятъ въ Орловѣ городкѣ выбрать голову и цѣловальниковъ изо всякихъ чиновъ людей, кто похочетъ, а въ которыхъ городахъ на кружечные дворы ставить вино никто не похочетъ, то выборнымъ подряжать уговорщиковъ на вино въиныхъ городахъ, и такъ какъ сдѣлалось извѣстно, что лучшіе люди обходятъ выборы, и тѣ головы, въ которыхъ городѣхъ нелутчие люди выбраны, для своихъ корыстей подряжаютъ на тѣ кружечные дворы подрядчиковъ на вино дорогою цѣною противъ цѣнъ московскаго подряду, что ставятъ уговорщики на московской отдаточный дворъ, а на отдаточномъ двору уговаривались ставить недорогою цѣною, а въ городы на Каширу и на Орелъ уговорились поставить по пти алтынъ и по семи алтынъ ведро. Въ 1671 году таможенныя пошлины и питейную прибыль сбирали Орловцы, Якушко Варваринъ съ товарищи, и передъ прошлымъ годомъ недобрали 8 р. 20 алт., и Якушко въ Приказѣ Большой Казны сказалъ, что тотъ недоборъ случился оттого, что де у нихъ въ Орловѣ городкѣ хлѣбъ не родился третеі годъ, и скотина де у нихъ вся померла, и татары приходили, и отъ татаръ и отъ частыхъ карауловъ люди оскудѣли, и на кружечномъ дворѣ питуховъ передъ прошлыми годами гораздо было мало. Велѣно было сыскать про то, допрашивая всякихъ чиновъ людей порознь, а голову на это время выслать, куда пригоже. Но воевода розыска не производилъ. Въ 1684 г. снова подтверждали ему о розыскѣ, угрожая доправить съ него недоборныя деньги, но деньги эти не были доправлены и въ 1691 году. Къ началу XVIII в. накопилась на Орловѣ городкѣ на таможенныхъ и на кабацкихъ головахъ прошлыхъ лѣтъ многое число недоборныхъ и иныхъ доимочныхъ денегъ. Въ 1682—1694 г. въ Орловѣ городкѣ считалось въ сборѣ таможенной и питейной прибыли по 28 р. по 7 алт. на годъ. Въ 1695 году

питейный голова не пріѣзжалъ въ Москву съ отчетомъ, и велѣно было надсматривать надъ нимъ головѣ гостиной сотни Борису Полозину. То же подтверждалось другой грамотой, посланной въ августѣ этого года (Де Пуле 125, 146, 211, 246). Въ числѣ слободскихъ городовъ, поступившихъ въ вѣдомство Московскаго разряда, была *Короча*, на верховьяхъ Донца, куда къ концу XVI подвинулась граница Москвы. Съ 1643 года, на Корочѣ, облагаются денежнымъ оброкомъ лавки, полки, бани и мельницы, и всякіе другіе промыслы, заведенные корочанскими людьми. Съ 1646 года является налогъ на соль, но о *кабакѣ* еще не слышно. Въ 1663 году, какъ видно изъ отписки Шереметева, тамъ былъ уже *кабакъ*, и выбранъ былъ въ кабацкіе (и таможенные) головы Терентій Плещеевъ; но его велѣно было отправить въ Яблоновъ для письма государевыхъ полковыхъ дѣлъ, а вмѣсто него выбрать другаго голову. Въ 1668 году на Корочѣ кабацкимъ откупщикомъ Давыдка Лубенцовъ. Въ августѣ этого года его велѣно было выслать въ Москву, и въ ноябрѣ слѣдующаго года еще разъ напоминали объ этомъ воеводѣ. Въ 1675 году опять писали воеводѣ о высылкѣ въ Москву корочанскихъ таможеннаго и кружечнаго двора голову и цѣловальниковъ и дьячка съ сборными книгами; но воевода ихъ не высылалъ по декабрь; и въ слѣдующемъ году снова писали ему о высылкѣ головы къ первому ноября къ отчету, но воевода по прежнему его не высылалъ: «Знатно, писали ему изъ Москвы, ты въ высылкѣ имъ наровилъ для своихъ прихотей». 25 ноября снова напоминали объ этомъ воеводѣ, воевода не высылалъ ихъ, и 8 декабря еще разъ напоминали ему. Въ приказѣ большія казны, въ доимочной книгѣ, вели счетъ деньгамъ, которыя обязаны были внести кабацкія головы, и въ 1685 году оказалось, что на головѣ корочанскаго кружечнаго двора, на Наумкѣ Гомовѣ съ товарищи, считается недоборныхъ денегъ 16 р. 2 алт. 2 деньги, которыя и ве-

лѣно было воеводѣ доправить. Въ 1667 году опять насчитывали недоимку съ таможни и *съ кабака* на короченцѣ, на Пушкарѣ, 166 р. 13 алт., полпяты деньги. Въ 1683 году на кружечномъ дворѣ велѣно было питейную прибыль сбирать серебряными мелкими деньгами и польскими деньгами *чехами*; а буде которые люди учнутъ чехи мѣнять на серебряные деньги изъ прибыли, тѣхъ людей имая приводить въ приказную избу и розыскивать накрѣпко. Въ 1683 году на кружечномъ дворѣ у питья прибыльныя деньги сбирали на вѣрѣ короченскіе жители Пронка Глазуновъ съ товарищами. Нужно имъ было собрать противъ предъидущаго года 273 р. 3 алт., двѣ деньги; но они не добрали 36 р. 25 алт. двухъ денегъ, и сказали «тотъ де недоборъ учинился у нихъ для того, что зима была студеная, и торговыхъ людей съ товарами изъ иныхъ городовъ пріѣзду не было и пошлинъ имать было не съ чего». Велѣно было произвести объ этомъ слѣдствіе, но воевода молчалъ, хотя и напоминали ему отписками, въ 1686 году. Въ это время узнали въ Москвѣ, что на Корочу пріѣзжаютъ изъ малороссійскихъ городовъ Черкасы и иные иноземцы съ виномъ и табакомъ, да во многихъ городѣхъ и уѣздахъ посадскіе и крестьяне варятъ *браги* и *квасы пьяныя*, и продаютъ, и отъ того на кружечномъ дворѣ чинятся недоборы, и потому велѣно было привозимое вино отбирать на кружечный дворъ, а за корчемство брагою и квасомъ брать пени по царскимъ указамъ. Населеніе города было вполнѣ украинское, и такимъ оно оставалось еще въ XVIII вѣкѣ. Какъ въ остальной Малороссіи, такъ и здѣсь, украинскіе и польскіе паны становились откупщиками. Служилый сотникъ корочанской сотни Ефимъ Лазаревичъ, съ товарищами, въ 1783 году, держалъ на откупу Корочу со всѣмъ уѣздомъ и платилъ за это 7000 р. ассигнаціями. Теперешній откупъ, замѣчаетъ при этомъ Кохановская, держитъ ту же самую Корочу за 105,000 р. сер.... (Кох. Старина. От. Зап. CXXXV).

—

Слободскіе полки сначала пользовались полной свободой винокуренія, и хотя по бѣлогородскому окладу 1665 года на жителей была положена подать съ виннаго котла по рублю, съ пивнаго по четыре, но въ 1670 году Алексѣй Михайловичъ далъ грамату полкамъ сумскому, харьковскому и ахтырскому: «за осадное сидѣнье велѣть имъ, вмѣсто своего государева годоваго жалованья отдати оброки, которые на нихъ довелось взять съ промысловъ и съ шинковъ по бѣлогородскому окладу, и впредь такими промыслами промышлять *безоброчно и безпошлинно.*» Въ 1669 году городамъ острогожскаго полка за оказанную вѣрность во время черкасскихъ смутъ дано право безоброчнаго и безъявочнаго шинкованья виномъ, пивомъ и медомъ, и, не смотря на то, что на слѣдующій годъ острогожцы, вмѣстѣ съ своимъ полковникомъ, измѣнили, данное имъ право все-таки подтверждалось жалованными граматами 1672, 1678, 1700 и 1716 годовъ. Но *кабакъ* ужъ былъ заведенъ по всѣмъ слободскимъ полкамъ. Въ 1683 году, въ полкахъ сѣвскомъ и бѣлогородскомъ, торгуютъ *на кабакѣ* московскіе головы, которымъ въ этомъ году предписываютъ сбирать прибыль мелкими серебряными деньгами. (П. С. З. 999). Но въ Харьковѣ въ 1684 г. головами и цѣловальниками *русскіе люди*, т. е. малороссы, и казацкая старшина жалуется, что по указу царя, вмѣсто царскаго жалованья, пожалованъ имъ сборъ различныхъ пошлинъ и, между прочимъ, съ котловъ винныхъ и пивныхъ и съ шинковъ, а теперь *Черкасы* у нихъ головы и цѣловальники, и кромѣ того торгуютъ пріѣзжіе изъ Малороссіи изъ сумскаго и ахтырскаго полковъ. Просьба казаковъ была услышана, и въ Харьковѣ велѣно торговать казакамъ безпошлинно, и изъ другихъ полковъ вина къ нимъ не ввозить (П. С. З. 1668. 449). Въ 1685 году острогожскимъ черкасамъ позволяютъ шинковать и питья продавать въ домѣхъ своихъ, *а къ кружечному новому двору* питей не подвозить, и у того двора и на торгу

питьями не торговать (ib. 1152). Петръ въ 1700 году даетъ харьковцамъ грамату «шинки держать безоброчно, вино курить безпошлинно *по ихъ черкаскому обыкновенію.*» Генералъ-Аншефъ Апраксинъ, возвращаясь въ 1712 году изъ-подъ Азова, проѣзжалъ через Воронежскую губернію. Апраксинъ по должности считался генералъ-адмираломъ, но въ то же время почему-то занимался и кабаками. Остановился онъ въ Острогожскѣ, гдѣ населеніе по преимуществу было украинское *), и узналъ, что народъ мало пьетъ водки, *потому что у Украинцевъ все шинки, а у русскихъ кабаковъ нѣтъ*, и вотъ чтобъ получить возможность завести тамъ *кабаки*, онъ приказываетъ Ландрихтеру Клокачеву черкасовъ съ Коротоякской слободы переселить на Уралъ, а русскихъ, которые живутъ на Уралѣ, переселить на Коротоякъ, *для того, чтобъ питейная продажа безъ черкаскихъ шинковъ лучше полнилась.* Хотя переселеніе это и не совершилось, но приказаніе ввести кабаки было отдано, и черкасы, вмѣстѣ съ русскими, разбѣжались въ разныя стороны, жалуясь на кабацкихъ бурмистровъ, что, они, запрещая имъ держать шинки, чинятъ забойство и разореніе. Дѣло о переселеніи шло до 1724 г., когда по докладу генералъ-фискала Мякинина, всѣ козаки черкасы переселены были съ Коротояка въ Острогожскъ, а посадскіе русскіе люди изъ Острогожска на Коротоякъ, и *кабацкой сборъ* въ Острогожскѣ велѣно отдать съ торгу на откупъ, кто больше дастъ (П. С. З. VII, 1516).

Елисавета въ 1743 году, въ граматахъ всѣмъ полкамъ, подтвердила «шинки держать, вино курить и шинковать безпошлинно.» Въ 1764 году учреждена Слободско-украинская губернія, главный городъ Харьковъ, и введенъ былъ подушный окладъ съ казенныхъ войсковыхъ обитателей, — съ тѣхъ,

*) До сихъ поръ великоруссы въ Острогожскомъ уѣздѣ составляютъ только 1/10 часть всего населенія.

которые пользовались правомъ свободнаго винокуренія по 95 коп., а гдѣ куреніе вина было запрещено, по 85 коп., съ подданныхъ же *владѣльческихъ черкасъ* по 60 к. съ души. Но еще до этого народъ жаловался на невиданныя стѣсненія: Въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ одинъ сельскій священникъ говорилъ другому: «Богъ знаетъ, что у насъ въ царствѣ стало. Украина наша пропала вся отъ податей, такія подати стали уму непостижимы, а теперь и до нашей братьи священниковъ дошло, начали брать у насъ съ бань, съ пчелъ, съ избъ деньги, этого наши прадѣды и отцы не знали и не слыхали; никакъ въ нашемъ царствѣ государя нѣтъ» (Сол. XVI, 30). Появилось *корчемство* и, распространяясь изъ слободскихъ губерній, подрывало откупа бѣлогородскій и воронежскій. Еще въ 1648 году хотмыжской воевода Сенко Болховской прислалъ въ Москву съ хотмыжскимъ козакомъ Степкою Мишуровымъ челобитную, въ которой писалъ, что польскіе и литовскіе люди съ виномъ и табакомъ въ хотмыжской гостиной дворъ не ставятся, а ставятся, не доѣзжая города версты за три, и за пять, и верстъ за десять, въ лѣсахъ, въ крѣпкихъ мѣстахъ и за лѣсами, и вина и табаку тѣ литовскіе купцы у себя не сказываютъ, а сказываютъ тѣ литовскіе купцы про вино хотмыжскимъ людямъ тайно, и тѣ служилые люди вино покупаютъ тайными обычаи, и *проживаютца*. Да въ нынѣшнемъ году, декабря 27 проѣхали съ московскія стороны дорогою къ хотмыжскимъ посадомъ, и съ дороги переѣхали воровскимъ тайнымъ обычаемъ черезъ заповѣдные мѣста и черезъ рѣку Ворсколъ по льду на шести телегахъ невѣдомо какіе люди, и поѣхали къ муравской сакмѣ, и тѣ литовскіе люди (когда были пойманы) сказали, что они города Гадеча торговые люди, Яцко Лучченко да Яцко Булыга, да Степанка Матюшенка, да съ ними челядниковъ три человѣка; и у тѣхъ литовскихъ людей на шти телегахъ восемь бочекъ вина да три пуда табаку. Задержавъ ихъ, Болховской

писалъ въ Гадичь полковнику Станиславу Броневскому, и, по требованію послѣдняго, люди эти были отпущены. Броневскій поэтому отвѣчалъ Болховскому: «Пишу, говоритъ онъ, къ твоей милости, княже Семіоне Болховской, что твоя милость даешь мнѣ знати о людяхъ, которые будто не прямою дорогою ѣхали, и ваши ратные люди ихъ поймали. А что ты пишешь, чтобъ я заказалъ торговымъ людямъ не прямою дорогою не ѣздить, и я о томъ твоей милости объявляю, что не только заказать, чтобъ не прямою дорогою не ѣздили, но закажу подъ смертною казнію всѣмъ тѣмъ торговымъ людямъ, которые есть въ маетностяхъ моего милостиваго пана (Конецпольскаго), чтобъ въ его царское величество не ѣздили ни съ какимъ товаромъ. А нынѣ прошу княже Семіоне Болховской, отдай мою горѣлку, а имянно двѣ тысячи (А. юж. и зап. Росс. III, прил. 2). Подобное же столкновеніе за вино вышло въ 1649 году между вяземскимъ воеводой княземъ Прозоровымъ и дорогобужскимъ капитаномъ Храповицкимъ (ib. 26). Коронные повѣренные Хотмыжа, Карпова и Мирополья доносили, что воеводская канцелярія дѣлаетъ послабленіе корчемству; жители, не взирая на данныя изъ канцеляріи инструкціи, на выемкахъ вездѣ служителей и повѣренныхъ бьютъ, и для обезопасенія выемокъ просили дать отъ военной коллегіи изъ отставныхъ, съ положеннымъ жалованьемъ и *мундиромъ* изъ ихъ кошту, при одномъ офицерѣ рядовыхъ двадцать человѣкъ (П. С. З. 13849). Напротивъ того слободская канцелярія представляла въ 1772 году, что съ 1765 года, ни одинъ человѣкъ въ слободскія присутственныя мѣста приведенъ не былъ, а забираются такіе люди въ великороссійскія воеводскія канцеляріи, гдѣ и слѣдствія происходятъ, и налагаютъ штрафы на однихъ воеводскихъ обывателей, а великороссійскіе, живущіе на томъ же мѣстѣ, отъ этого изъемлются; а какіе великороссійскіе люди пойманы будутъ въ корчемствѣ въ томъ же селеніи,

гдѣ жительствуютъ слободскіе, то налагается и на слободскихъ равный штрафъ, а при томъ и такіе примѣры оказались, что великороссійскіе люди одни другому вина подбросятъ, а штрафы за то равные съ слободскихъ войсковыхъ обывателей, живущихъ съ ними въ одныхъ селеніяхъ, взыскиваются, *прописывая за несмотрѣніе*, а въ самомъ дѣлѣ и къ смотрѣнію великороссійскіе къ себѣ слободскихъ жителей не допускаютъ, въ содержаніи заставы никакого вспоможенія не чинятъ, а чрезъ учрежденный отъ слободскихъ обывателей караулъ пропускаютъ насильствомъ. На это послѣдовало замѣчательное рѣшеніе.... (П. С. З. 14021.). Вообще слободскіе полки были отягощены *незаконными поборами*, а потому понятно, что появились люди, которые нарушали покой вредными толками, какъ, напримѣръ, житель Ахтырки, по имени Яготинецъ, сосланный въ Сибирь (ib. 13039). Указомъ 1783 г. велѣно было винную продажу устроить въ пользу городовъ, съ тѣмъ, чтобъ магистраты давали отчетъ правительству; въ деревняхъ казеннаго вѣдомства велѣно было стараться объ умноженіи казенныхъ доходовъ посредствомъ отдачи *на откупъ* и содержанія на вѣрѣ, не дѣлая однако никакого стѣсненія помѣщикамъ и козакамъ, «кои къ сему промыслу право имѣютъ, — первые въ деревняхъ и хуторахъ, а послѣдніе въ домахъ своихъ»; съ обывателей, имѣющихъ право курить и продавать вино, вмѣсто прежнихъ 95 к., положено по 1 р. 20 к. Указомъ 1791 г. утверждено право винокуренія и продажи за *дворянами* въ ихъ помѣстьяхъ, и право одной продажи — за козаками въ ихъ домахъ, состоящихъ въ селеніяхъ, но не въ городахъ; мѣщанамъ запрещено курить и продавать вино, и всѣ городскія винокурни, какъ «несвойственныя городамъ», велѣно уничтожить. Эти послѣднія права были отмѣнены въ 1817 г., при введеніи устава о питейныхъ сборахъ (П. С. З. 21764).

Съ 1751 года началось переселеніе въ Новороссію австрій-

скихъ сербовъ, съ ихъ вольными *корчмами*. Новороссія доселѣ пользовалась свободой винокуренія (П. С. З. 2256). Новопоселеннымъ сербамъ указомъ 1751 г. было предоставлено имѣть торговые промыслы безпошлинно, а на счетъ *кабаковъ*, глава сербовъ, полковникъ Хорватъ, долженъ былъ представить свои соображенія. По разсмотрѣніи просьбы Хорвата, сенатъ въ 1754 году опредѣлилъ: подати съ винныхъ промысловъ идутъ на полковыя надобности, но въ мѣстахъ пребыванія полковника доходъ *съ корчемъ* слѣдуетъ на его обиходъ; винокуреніе свободно. Началось новое переселеніе сербовъ и болгаръ подъ предводительствомъ полковника Шевича, и, при разсмотрѣніи ихъ просьбы о вольномъ промыслѣ виномъ, оказалось, что «въ Бахмутѣ и во всей Бахмутской провинціи, гдѣ находилась Славяно-Сербія, не было ни казенныхъ *кабаковъ*, ни казенной продажи вина; въ самомъ же Бахмутѣ продажа была вольная, но съ платою по гривнѣ съ ведра, а въ уѣздѣ были *самые малые откупа*.» Въ Славяно-Сербіи было оставлено свободное винокуреніе съ платою по гривнѣ съ ведра вина. Въ 1764 году изъ новосербскихъ поселеній учреждена Новороссійская губернія, опять съ вольной продажей вина; но къ 1775 году пошлина съ вина возрасла уже до 30 к. съ ведра, а въ 1777 году въ Новороссіи былъ уже *откупъ*, приносившій казнѣ 20,100 р. (П. С. З. 14633).

XIX.

Изъ Слободской и Московской украинъ *кабаки* пытались перейти и въ Малороссію, но укорениться здѣсь не могли: *корчма* и *шинокъ* до послѣдней минуты остались кореннымъ отличіемъ южной Руси отъ сѣверо-восточной, Малороссія отъ Великороссіи. Въ 1710 году велѣно было у черкасъ (украинцевъ) кіевскихъ, и въ Азовской губерніи варницъ винныхъ и котловъ не переводить, а быть у нихъ варницамъ и котламъ по-прежнему, а перевесть котлы только у *русскихъ людей*. Подъ этимъ именемъ, вѣроятно, разумѣли жителей Великороссіи (П. С. З. 2256). Но явились усердные люди, которымъ хотѣлось завести кабаки и въ Малороссіи. Гетманъ Скоропадскій, въ прошеніи, поданномъ въ 1718 году въ коллегію *иностранныхъ дѣлъ*, требовалъ въ первомъ пунктѣ, «чтобъ кіевскій губернаторъ никакихъ указовъ о дѣлѣхъ къ нему, господину гетьману, не присылалъ, отъ которыхъ чинятца великія тягости, тако жь въ Черниговѣ, въ Нѣжинѣ и въ Переяславлѣ тамошнихъ жителей на дворахъ и ратушныхъ земляхъ велѣно построить *кабаки,* и по указу ль то учинено?» (Бантышъ-Кам. Мат. II. 281). Незадолго до смерти Скоропадскаго, — послѣдняго гетмана съ независимою властію, ибо власть его преемника, Полуботка, была уже связана малорос-

сійской коллегіей, — Петръ послалъ ему указъ (1722) о томъ, что полковники берутъ къ себѣ козаковъ въ подданство, чинятъ козакамъ и посполитымъ великія тягости «накиданьемъ для продажи своихъ, какъ питейныхъ, такъ и съѣстныхъ припасовъ, со всего малороссійскаго народа сбираютъ со всякой куфы по два рубли, которыхъ надлежало было въ сборѣ немалое число, и сколько тѣхъ въ приходѣ въ которомъ году было, и что изъ того числа и на какія дачи тые въ расходъ, и за тѣмъ въ остаткѣ, о томъ намъ неизвѣстно». Указъ этотъ былъ подкрѣпленъ прибытіемъ въ Глуховъ бригадира Вельяминова съ шестью штабъ-офицерами, чтобъ чинить тамъ все какъ «опредѣлено въ договорахъ Хмельницкаго.» Скоропадскій, получивъ этотъ указъ, на другой же день поѣхалъ къ адмиралу Апраксину посовѣтоваться съ нимъ «чинить ли отвѣтъ противъ монаршого листу,» и Апраксинъ, «при зичливой своей перевазіи, совѣтовалъ ясневельможному просити черезъ писаніе свое о перемѣну милостивую того монаршого указу.» Скоропадскій, листомъ, *по московску* переписаннымъ, отвѣчалъ, что все донесеніе о безпорядкахъ сдѣлано «по ненависти;» что козаки по-прежнему остаются козаками, и «въ подданство ни къ кому нейдутъ,» что же, продолжалъ онъ, отъ куховъ вина въ Малой Россіи, з волѣ вашого величества у шинкаровъ берется по два рубля денегъ, — то они идутъ на войско и на разныя войсковыя надобности. Касательно же поборовъ, которые Петръ основывалъ на договорѣ съ Хмельницкимъ, то Скоропадскій прямо говорилъ, что такихъ сборовъ прежде не было, а это только по смерти Богдана отмѣна учинилась, при Юріи и Брюховецкомъ; но потомъ онъ же, Алексѣй Михайловичъ, эти статьи отставилъ, и возстановилъ договоры съ Хмельницкимъ, которые «знову Демьяну Многогрѣшному, а по нимъ наставшему Ивану Самойловичу еще съ придаткомъ милостиво подтверждени зостали, и до моего уряду гетманскаго ненару-

шимо были содержаны.» Но Скоропадскаго не слушали. Петръ на его возраженіе отвѣчалъ лаконически: «пункты вами подписаны, также и указъ о сочиненіи для суда коллегіи при васъ.» (Марк. Ист. Мал. 363 — 378; Діаріушъ 56 — 56). Черезъ два мѣсяца Скоропадскій умеръ. Указомъ 1723 года малороссійскимъ обывателямъ оставлено было свободное винокуреніе, но, во-первыхъ, сборы съ куфъ, и казановъ, которые прежде сего сбирались на полковниковъ, сотниковъ и прочую старшину съ козаковъ убогихъ и посполитыхъ людей, а старшина и знатные козаки этихъ сборовъ не платили, — теперь велѣно брать со всѣхъ, не выключая никого; во-вторыхъ, малороссійскимъ обывателямъ продавать вино въ великороссійскіе города куфами, съ платежемъ кромѣ скатнаго по 20 и 25 коп. и покуфныхъ денегъ, какъ берется съ шинкарей вышинкованныхъ куфъ. Въ тоже время были отставлены разные «непотребные сборы,» какъ напримѣръ, «записное отъ казановъ, что медъ сытятъ.» (П. С. З. 4196, п. 2, 4, 12). Но въ 1726 г. вышелъ новый указъ, которымъ велѣно сбирать на малороссійскую коллегію кромѣ доходовъ съ куфъ и казановъ, *и прочіе тому подобные* (ib. 4949). Въ 1724 году въ шинкѣ кварта горѣлки стоила 4 гроша. Въ 1725 г. въ Сулакѣ ведро горѣлки продавали по 6 руб., въ Астрахани же мелкою мѣрою по 3 р. Въ 1726 году присланъ въ Малороссію указъ продавать *въ кабаку* вино по 1 руб. 40 к. (Марк. Дн. Зап. I, 54, 120, 147). Чихирь бѣлый въ *государевомъ кабакѣ* продавали по 8 грив., а красный по рублю (ib. 173); половина куфы горѣлки оковитой стоила 21 р. 16 алт. (ib. 192). Въ 1727 умерла Екатерина, и на престолъ вступилъ двѣнадцатилѣтній Петръ II. Въ этомъ году вышелъ указъ коллегіи малороссійской, чтобы сборы, сбиравшіеся опредѣленіемъ коллегіи, по доношеніямъ Вельяминова, были отставлены, и велѣно сбирать только тѣ, «которые подлежатъ по пунктамъ Богдана Хмель-

ницкаго, и какіе за бытностію другихъ гетмановъ собирались (ib. 288, 369, 227, 231 284). Но этимъ милости не ограничились. Другими указами велѣно «къ удовольствію народа учинить по-прежнему гетмана, и прочихъ старшинъ», великороссійскимъ людямъ запрещено покупать земли въ Малой Россіи; сдѣлано распоряженіе «о нечиненіи жадныхъ (никакихъ) обидъ козакамъ и посполъству.» (ih. 235, 228, 285). Въ 1730 году скончался Петръ II, и наступило страшное время бироновщины........ Въ 1736 году велѣно было собрать въ Малороссіи и слободскихъ полкахъ 525,537 четвертей разнаго хлѣба, и пока онъ не будетъ собранъ, опечатать на заводахъ кубы и винокуреніе запретить въ Сѣвскѣ, въ Рыльскѣ, Путивлѣ, въ Трубчевскѣ, въ Орлѣ, въ Кромахъ, въ Курскѣ и въ другихъ городахъ, и въ Воронежѣ (П. С. З. 7029). Но оказалось, что съ запрещеніемъ винокуренія въ Малороссіи, въ Великороссіи явится недостатокъ въ винѣ и упадутъ кабацкіе сборы, и тогда дозволили курить въ тѣхъ мѣстахъ, откуда будетъ доставлена въ магазинъ положенная часть провіанта (ib. 7122). Въ 1737 году малороссійскіе заводчики подрядились поставить 169,620 ведеръ вина; но къ 1738 г. потребовалось уже 540,006 ведръ, и въ слѣдствіе такого обширнаго требованія, которому при прекращеніи винокуренія нельзя было удовлетворить, было дозволено имѣющимъ заводы курить въ Бѣлгородѣ и Воронежѣ, и вообще въ Малороссіи, но только для поставки въ Петербургъ, Москву и Новгородъ (ib. 7418). Марковичъ, прочитавъ этотъ указъ, писалъ женѣ своей въ Глуховъ: «чтобъ горѣлки на порціи и прочіе мелкіе расходы не употреблять, а вмѣсто оной пиво давать; на шинки же отпускать въ двое дорожшею цѣною и, если случится, купить горѣлки на 100 и 200 руб., для чего и ключикъ отъ моего баула посланъ; новаго винокуреннаго завода въ Тулиголовѣ не строить; а буде сей указъ на Великороссію не относится, то пріискать купить мѣсто для ви-

нокурни за Клевенью, въ Курской губ. (II, 28).» Черезъ нѣсколько времени вышло новое распоряженіе — дозволить въ Малороссіи употреблять на винокуреніе только третью часть хлѣба (П. С. З. 7451; Марк. II, 34). Кухва горѣлки стоила въ это время около 30 руб. (Марк. II, 16). Въ 1738 году опять было сказано, что вино курить дозволяется только тѣмъ, которые вполнѣ поставятъ провіантъ въ казенные магазины, или кто заплатитъ за каждый казанъ по 50 четвертей ржаной муки. По указу войсковой канцеляріи, переписывали въ Малороссіи дворы, въ дворахъ хаты, а въ хатахъ семьи, чтобъ обыватели съ мѣста на мѣсто не переходили, а наипаче за рубежъ не бѣжали. Все это причиняло необычайную тягость народу, и въ церквахъ читали указы, чтобъ никто нынѣшнихъ тягостей въ тяжесть не ставилъ, ибо за все не только заплата будетъ произведена, но по окончаніи войны инымъ образомъ высокое Е. В. призрѣніе явлено будетъ (Марк. II, 51). Подрядчиковъ, обязанныхъ поставить въ 1739 году въ Великороссію до 540,000 вёдръ вина, не явилось, и было донесено, что безнадежно, чтобы за вышеозначеннымъ запрещеніемъ 1738 г. на такую сумму могли сыскаться подрядчики, а хотя и сыщутся, да не много, и тѣ будутъ возвышать цѣны, отъ чего въ подрядѣ можетъ произойти неудача. Такъ доносилъ коллегіи бунчуковый товарищъ Григорій Покорскій, и при этомъ просилъ «о позволеніи ему въ куреніи вина для домашняго расхода, ибо за непокормленіемъ скотина его пришла въ худобу, а другая и пала.» Вышло разрѣшеніе: «запрещеніе куренія вина отставить, если въ пропитаніи арміи никакой нужды не будетъ» (П. С. З. 7664). Въ 1740 году сенатъ разрѣшилъ живущимъ въ Кіевѣ козакамъ въ домахъ своихъ шинковать пивомъ, медомъ и брагою, а виномъ шинковать запретилъ, какъ это и прежде было опредѣлено коллегіей иностранныхъ дѣлъ въ 1733 г. Но генеральная войсковая канцелярія ходатай-

ствовала и о шинкованіи виномъ, ссылаясь на указъ 1721 г. *о шинкованіи казакамъ всякими питьями*. Сенатъ отвѣчалъ, что оный (указъ) слѣдуетъ точно на малороссійскихъ козаковъ, но не кіевскихъ (П. С. З. 8096).

Не смотря на то, что люди, въ родѣ Тепловыхъ, разсказывали, что будто бы всякій козачій дворъ—шинокъ, что козаки пропиваются, и обращаются въ мужиковъ (Зап. о Юж. Рус. II, 193; Максим. О. Записк. о Юж. Рус. 61—78); но Елисавета все-таки сочла нужнымъ дать молороссійскому народу нѣкоторыя облегченія. Съ окончаніемъ въ 1741 г. бироновщины, вышли указы, чтобъ «никто изъ великороссовъ никого изъ малороссійскаго народа ни подъ какимъ видомъ не крѣпилъ себѣ въ вѣчное ходатайство»; во всѣхъ свободныхъ имѣніяхъ въ Малороссіи запрещено допускать постороннихъ шинкарей (Марк. Зап. II, 166, 169, 175, 170); наконецъ, для того, чтобъ тягость и облегченія всѣ равно чувствовали, разрѣшено впредь на два года курить вино на половину казак(н)овъ, какъ духовенству, шляхетству, старшинамъ козаковъ и ихъ подсусѣдникамъ, такъ и мѣщанству и посполитому народу (Марк. Ист. Малор. IV. 143; П. С. З. 8582, 8809, 8823). Были прекращены всѣ внутреннія таможенныя пошлины, какія бы они ни были, и по городамъ народъ стекался въ церковь служить молебны (П. С. З. 10386. Марк. Зап. II, 331). Такъ навсегда погибла *тамга*, но кабацкіе откупы не погибли.... По городамъ, съ согласія гетьмановъ, появились откупщики. Жители Кролевца жаловались въ 1764 г. гетьману Разумовскому, что, съ его гетьманскаго согласія, майоръ Яковъ Скоропадскій и бунчуковый товарищъ Долинскій взяли на откупъ право «продавать собственные ихъ напитки въ имѣющихся въ Малой Россіи свободныхъ войсковыхъ мѣстностяхъ, мѣстечкахъ и деревняхъ,» съ платою вдвое больше получавшагося прежде, и поэтому просили: «освободить ихъ бѣдныхъ отъ откупу Скоропадскаго

и Долинскаго» (Зап. о юж. Росс. II, 353). Подобные паны-откупщики были теперь нерѣдкостью въ Малороссіи.... Въ 1741 году ведро горѣлки простой полувыгорной стоило 37 к. Въ мартѣ 1742 г., въ Ромнахъ продажная цѣна горѣлки лучшей, смотря по величинѣ бочки, отъ 18 до 20 руб. за кухву, а полувыгорной отъ 14 до 18 р. за кухву; но давали за лучщую по 16 руб., а за подлѣйшую въ гуртъ по 10 р. 50 к. за кухву. Въ 1745 г. въ Нѣжинѣ горѣлку отдавали на вѣру до Покрова 4 кухвы по 20 руб., а ведерко по рублю безъ пятака, кварту *) по 5 коп., а даютъ (на наличныя деньги) ведерко по 4 золотыхъ съ пятакомъ, а кварту по 4 к. За оковитую большую кухву даютъ 25 р., а на ведерко по 2 талера и по 3 копы (Марк. II, 294). Въ 1754 г. въ Кіевѣ отъ магистрата покупали горѣлку по 30 к. ведро, а въ монастырь Михайловскій давали кухву по 14 р., а послѣ торговали *въ кабаки* по 4 коп. ведро. Въ томъ же году въ Кіевѣ за горѣлку, въ томъ числѣ и оковитую, платили по 23 рубля, а за простую по 16 руб. 20 коп. за кухву. Въ 1756 году въ Кіевѣ горѣлку продавали огуломъ, кухву по 17 руб. 20 коп.; въ Стародубѣ кварту вина волошскаго по 16 коп., а крымскаго по 12 коп. Въ 1751 г. въ Кіевѣ продали въ монастырь Никольскій горѣлки по 35 к. ведро, 6 кухвъ на ведро монастырское, а всѣхъ ведеръ на ведро монастырское 310 (ib. 324, 325, 339, 346).

Въ 1764 г. Екатерина задумала коммиссію о сочиненіи новаго уложенія, и въ эту коммисію малороссійская коллегія избрала депутатомъ коллежскаго совѣтника Наталина, не преминувъ сообщить ему для руководства приличное наставленіе. Осьмой пунктъ этого наставленія касался вопроса о винномъ промыслѣ въ Малороссіи. Въ немъ было сказано: «по прежнимъ гетманскимъ статьямъ реестровымъ казакамъ дозволено

*) Въ ведрѣ государевомъ квартъ 28³/₄. Марков. II, 225.

продавать вино на аренды бочкою, а квартами подъ казнью запрещено; граматою же 1721 г. велѣно шинковать всякому, имѣющему въ томъ промыслѣ свободность; полковникамъ и старшинамъ продавать въ собственныхъ своихъ маетностяхъ и дворахъ, а козакамъ въ домахъ, заплатя покуховное, *слѣдовательно, не генерально старшинамъ и козакамъ, но имѣющимъ въ томъ свободность;* а нынѣ сей промыслъ учинился генеральнымъ и безпредѣльнымъ, такъ что въ одномъ городѣ Глуховѣ, не весьма великомъ, 160 шинковъ находится, и къ предосужденію святости, едва не всѣ церкви подъ именемъ своимъ шинки имѣютъ. Въ правахъ же малороссійскихъ, (розд. 14., арт. 33), *заугольные шинки* искоренить, по причинѣ происходящихъ въ нихъ своевольствъ, и только при большихъ и проѣзжихъ дорогахъ корчмы имѣть, *держа въ нихъ притомъ и съѣстные припасы*, предписано. Таковое заключеніе въ предѣлахъ сего промысла весьма основано было на благоразуміи, ибо черезъ то отнимался способъ къ *безпримѣрному пьянству;* въ немъ обращаясь, здѣшній простой народъ не токмо теряетъ *охоту къ трудолюбію* (?), но часто и жизни безвременно лишается, умалчивая, что множество пьяныхъ во снѣ и въ бѣшенствѣ по дорогамъ, въ городахъ и поселеніяхъ, *къ омерзенію* (!) всегда видѣть можно. Итакъ, къ отвращенію вышеизображенныхъ вредительныхъ слѣдствій, надлежитъ сей промыслъ ограничить такимъ образомъ, чтобъ тотъ, который не имѣетъ тридцать четвертей ржи сѣву и лѣсу въ своемъ владѣніи, отнюдь вино не курилъ; продажѣ же вина быть въ городахъ, какъ въ Кіевѣ и во владѣльческихъ маетностяхъ и хуторахъ, на дорогахъ выстроенныхъ корчмахъ, *впрочемъ же всѣмъ, противу права и во вредъ собственной и общенародной шинкующимъ продажу запретить.*»

«Столь благодушная повидимому заботливость объ удержаніи украинскаго народа отъ пьянства *и о пріученіи его къ трудолюбію*, нисколько не помѣшала депутату Гр. Поле-

тикѣ указать на настоящее значеніе виннаго промысла въ въ юго-западной Руси, хотя Полетика и смотрѣлъ на дѣло со стороны чисто-шляхтескихъ интересовъ. «Промыслъ виномъ и прочими напитками — говорилъ онъ — есть одна изъ важнѣйшихъ малороссійскому шляхетству и козакамъ дозволенныхъ привиллегій. Шляхетство имѣетъ на оный право по общему статутскому праву, подтвержденному въ розд. III, арт. 2, и розд. XIV, арт. 33-мъ, что же самый промыслъ дозволенъ былъ козакамъ издревле, во время бытности ихъ подъ Польшею, то доказываетъ конституція 1659 года, въ которой между прочимъ сіи точно упоминаются слова: «сверхъ сего всякіе напитки, такожъ звѣриныя и рыбныя ловли и прочія козачія пользы, по силѣ древнихъ обыкновеній, при козакахъ оставаться имѣютъ.» Правда, что статьями гетмана Юрья Хмельницкаго ограниченъ былъ сей промыслъ тѣмъ, что разведены были аренды, т. е. откупы шинковъ, на которые велѣно козакамъ продавать вино бочкою, а квартою запрещено; при гетманахъ же Самойловичѣ и Мазепѣ еще болѣе стѣсненъ былъ размноженіемъ арендъ; но что оныя аренды введены были въ противность прежнихъ обыкновеній и вольностей, и ради собственнаго гетмановъ обогащенія, что доказывается граматою Петра Великаго, октября 31, 1708 г., за собственноручнымъ Е. И. В. подписомъ, во всѣхъ малороссійскихъ городахъ обнародованною, которою повелѣвается какъ тѣ аренды и прочіе поборы отставить. Граматою же 1721 г. уже точно и ясно сей промыслъ дозволенъ и утвержденъ всѣмъ вообще, какъ старшинамъ, такъ и козакамъ, имѣющимъ въ томъ свободность. Что жъ коллегія, вступивъ въ изъясненіе, говоритъ, что сей промыслъ не генерально старшинамъ и козакамъ, но имѣющимъ въ томъ свободность дозволенъ, то я не знаю, какое оная слову свободность толкованіе и разумъ дать хочетъ, а я чрезъ слово «свободность» тоже разумѣю, что и право, которое въ винномъ промыслѣ

малороссійское шляхетство и козаки всегда имѣли, и которые имъ напослѣдокъ подтверждено и отъ Е. И. В., нашей всемилостивѣйшей государыни, указомъ отъ 6 октября 1762 г., почему неудивительно, что промыслъ сей размножился и безпредѣльнымъ сдѣлался въ такой землѣ, гдѣ многіе на оный имѣютъ право, и отъ онаго получаютъ себѣ пропитаніе, и службу безъ жалованья отправляютъ, и гдѣ, уважая это, владѣющіе государи не заблагоразсудили полагать сему промыслу какіе либо предѣлы, ибо Малая Россія, не имѣя почти средствъ производить сей промыслъ хлѣбомъ, употребляетъ оный на винную сидку, и тѣмъ хотя малый получаетъ прибытокъ и награждаетъ свои труды. Для такой же точно причины и въ Россіи Петръ Великій указомъ отъ 3 декабря 1723 г. дозволилъ вино курить въ такихъ мѣстахъ, отколь хлѣбъ водою никуда нейдетъ. Итакъ представляемое отъ малороссійской коллегіи ограниченіе куренію и продажѣ вина, не токмо противно правамъ и привиллегіямъ Малой Россіи, но вредно и заразительно какъ для шляхетства, такъ и для козаковъ, ибо премногіе сыщутся, какъ изъ тѣхъ, такъ и изъ другихъ, которые не только тридцати, но ни десяти четвертей въ засѣвѣ ржи имѣть не могутъ, а напротивъ того имѣютъ довольно лѣса, какъ-то: въ стародубскомъ, черниговскомъ и кіевскомъ полкахъ, но хлѣбъ тотъ дешевою цѣною получить могутъ изъ россійскихъ, украинскихъ, изъ полевыхъ малороссійскихъ мѣстъ и изъ Польши.—Итакъ я не вижу, для чего бы винокуреніе ограничивать тѣмъ людямъ, которые на то способъ и право имѣютъ, а неимѣющіе способовъ и безъ ограниченія курить не будутъ. Продажу вина, если ограничить такъ, какъ коллегія представляетъ, то есть, чтобъ по городамъ производить оную, какъ въ Кіевѣ, а во владѣльческихъ маетностяхъ и хуторахъ по корчмамъ, то слѣдуетъ козаковъ вовсе лишить сего промысла, ибо въ Кіевѣ продажу вина производитъ одинъ магистратъ, по исключительнымъ при-

виллегіямъ, а козакамъ продавать оное не дозволено; другіе же города таковыхъ привиллегій, что козакамъ не продавать вина, не имѣютъ; напротивъ того, имѣютъ привиллегію, чтобъ торговать онымъ вездѣ въ своихъ домахъ, а по мнѣнію колежскому, уже имъ не въ городахъ, не въ селахъ симъ промысломъ пользоваться не будетъ средства. Чтожъ коллегія приводитъ права изъ книги статута, которымъ повелѣвается заугольные шинки истреблять, то оное право установлено *на мужиковъ государевыхъ и помѣщичьихъ, яко никакого права (?) по сему промыслу неимѣющихъ*, а не на такихъ людей, которые къ тому неоспоримое право и утвержденіе имѣютъ, какъ то козаки и ихъ старшины. Я опять и въ семъ съ малороссійскою коллегіею не согласенъ, чтобъ оное ограниченіе положить для того, чтобъ отвратить отъ пьянства, въ которомъ, по ея усмотрѣнію, малороссійскій простой народъ обращается, ибо не токмо въ Малой Россіи, но и во всѣхъ земляхъ, гдѣ только есть такіе напитки, *простой народъ тѣмъ самымъ жеупражняется (?)*, и еще больше тамъ, гдѣ больше ограничена продажа оныхъ. Таковые пороки истребляются не ограниченіемъ и принужденіемъ, но просвѣщеніемъ и вольностью народовъ, съ которыми приходитъ къ нимъ и благонравіе. Осталось еще сказать, что хотя коллегія и говоритъ, что въ Малой Россіи, къ предосужденію святости, едва не всѣ церкви подъ своимъ именемъ шинки имѣютъ, но я такихъ шинковъ не знаю, а знаю только то, что такъ называемые церковные шинки принадлежатъ не къ церквамъ или церковнымъ причетникамъ, но братству или прихожанамъ тѣхъ церквей, имѣющихъ на то право, которые, получаемые изъ оныхъ прибыли, употребляютъ на всякія церковныя нужды и благолѣпіе (Чт. 1858, III, стр. 87). Но жалобы на пьянство украинскаго народа продолжали доходить до Петербурга, и Разумовскій обнародовалъ универсалъ, въ которомъ говорилъ, что малороссы, *пренебрегая земледѣліемъ и скотоводствомъ*, вдаются въ

непомѣрное винокуреніе и истребляютъ лѣса для винныхъ заводовъ, почему винокуреніе было всѣмъ запрещено, исключая, безъ сомнѣнія, шляхты (Марк. Ист. Малор. II, 647). Но въ самомъ дѣлѣ, свобода винокуренія никогда не доводила украинскій народъ до того несчастнаго и подчасъ дикаго пьянства, какое мы встрѣчаемъ на сѣверо-востокѣ, гдѣ народъ даже и память потерялъ, что у него нѣкогда тоже было свободное винокуреніе. «Простой народъ, писалъ Шафонскій въ 1787 г., употребляетъ вино съ малолѣтства; но въ винѣ предполагается образъ дружескаго ихъ обхожденія и угощенія, а не единственно непомѣрнаго пьянства. Половину праздничнаго дня просидятъ пятеро человѣкъ, пьючи между тѣмъ полосьмухи вина; они пьютъ медленно и малыми мѣрами, и больше разговариваютъ, — однако и тогда, какъ до-пьяна напиваются, буянскаго шума и вздорнаго шума мало между ними случается, а до брани въ то время мало доходитъ» (Шаф. Опис. Харьк. Намѣстн. 93 и сл.). То же впослѣдствіи подтверждалъ и покойный Пассекъ: «Рѣдкіе изъ малороссіянъ предаются пьянству, хотя пьютъ всѣ безъ исключенія,—мужчины, женщины, дѣвушки и дѣти» (Пасс. Оч. Харьк. губ. 73).

Пока шли всѣ эти разговоры о непомѣрномъ пьянствѣ южно-русскаго народа, а шляхта опять завела свои *корчмы*, и распивая «пива та меди ситни,» ругалась надъ народомъ, соединившимся съ Москвою. Украина, домученная до конца, рѣшилась навсегда расплатиться съ Ляхами, и 20 іюня 1768 года отпраздновала *уманьскую бѣду*. Вотъ, на украинской почвѣ, говоритъ Кулишъ, столько разъ облитой кровью, опять одинъ въ виду другаго жизненные элементы: народности польская и русская. Съ нѣкотораго времени открытый грабежъ сталъ въ Украйнѣ явленіемъ обыкновеннымъ,— онъ совершался въ смыслѣ нѣкоторой какъ бы праведной мести убогаго надъ богатымъ, козака надъ Ляхомъ (Зап. о южн.

Руси I, 90—3), который теперь, не сдержанный болѣе Рѣчью Посполитою, дѣлалъ, что хотѣлъ. Скальковскій, указывая на памятники, свидѣтельствуетъ, что съ 1733 г., т. е. со времени присоединенія Запорожья къ Московскому царству, не проходило ни одного года, чтобъ поляки не повѣсили, или не изрубили одного или многихъ запорожцевъ (Скальск. Наѣзды Гайд. 50). Они собирались для этого въ гайдамацкія партіи и, набѣгая на Украйну, совершали грабежъ и казни. Тѣмъ же отвѣчали и козаки. Между тѣмъ, въ 1767 г. въ Польшѣ — сеймъ, составляются *конфедераціи* съ знаменемъ Wolność i Wiara, и конфедераты отправляются рѣзать народъ.... Вся Украйна опять въ послѣдній разъ возстала. Получивъ благословеніе священниковъ и освятивъ ножи, народъ сталъ вырѣзать Ляховъ и жидовъ. Ляхи хорошо знали, гдѣ имъ можно спастись,—спастись на время,—и обратились за защитой къ русскому правительству, распуская между тѣмъ слухи, что оно само возбудило эту рѣзню. Усердный Кречетниковъ является къ козакамъ, какъ другъ Гонты и Желѣзняка, и выдаетъ ихъ головою Полякамъ. Съ козаковъ съ живыхъ сдирали кожу, ходило преданіе, что игумена, благословлявшаго ножи, посадили на колъ, совершились тысячи чудовищныхъ казней, и рейментарь украинской партіи, указывая на людей, замученныхъ въ пыткахъ, повторялъ: «дивитися, люде! хто ся тільки збунтовавъ, то всімъ тее буде!» Графъ Румянцовъ-Задунайскій, въ іюлѣ 1768 г., писалъ полковнику Протасову: оныя (манифесты) въ самой скорости обнародуйте во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ въ Польшѣ, куда только своими сообщеніями достигнуть можете, и паче гдѣ своевольные гайдамаки произвели уже свои грабленія и насилія, и гдѣ не престаютъ *сами польскіе обыватели* отъ возмутительныхъ свирѣпыхъ наглостей противъ своихъ господъ.— Вы уже мнѣ объявили, что отъ *польскихъ шляхтичей* были къ вамъ прозьбы о усмиреніи взбунтовавшихся крестьянъ, то... (Чт.

1865, I, 31). И съ тѣхъ-то поръ русскій народъ ужь больше не бунтовалъ противъ Ляха: Ляхъ теперь сталъ бунтовать противъ русскаго правительства......

Умеръ послѣдній (по имени) изъ гетьмановъ, Кирила Разумовскій; въ Украйнѣ въ 1765 г. введено генералъ-губернаторское правленіе, а спустя десять лѣтъ уничтожена и Запорожская Сѣчь. *Братства*, служившія доселѣ опорою народности, исчезали окончательно; старинные меды смѣнялись питьемъ горилки. Оставался еще медъ, называемый *воронкомъ*, но и онъ въ 1807 г. найденъ *сильнымъ, какъ и самое горячее вино*, и запрещенъ повсемѣстно (П. С. З. 22088). Свобода винокуренія становилась теперь правомъ одного лишь ополяченнаго дворянства, для котораго, по его собственнымъ словамъ, винокуреніе было *единственнымъ продовольствіемъ*, служило имъ *единственно для удовлетворенія необходимыхъ* потребностей жизни (Чтен. 1864, II, стр. 76). Помѣщики, и прежде падкіе на откупа, теперь откупали цѣлые города.... Въ 1801 году, въ запискѣ депутатамъ, благодарившимъ Александра I за утвержденіе во всей силѣ дворянской граматы, украинскіе дворяне снова повторяли, что, на основаніи такихъ-то параграфовъ статута, «малоросійское дворянство *почти единственный* для содержанія своего на службѣ и государственныя надобности (?) доходъ имѣетъ отъ винокуренія и продажи вина,» и поэтому просили уничтожить сдѣланное въ прошедшемъ году распоряженіе сената, «чтобы горячаго вина продажи не чинить русскимъ людямъ на 150 верстъ отъ границъ, прикосновенныхъ губерній,» угрожая противъ дворянъ, что допускающихъ таковую будутъ судить, яко корчемниковъ и ослушниковъ. Указомъ 1763 г. велѣно было продажу вина по городамъ обратить въ пользу магистратовъ; но въ городахъ и около нихъ находилось много помѣщичьихъ имѣній, и вотъ дворяне жалуются теперь, что городскія думы, «имѣвъ препорученность взять въ свое распоряженіе винную про-

дажу, въ пользу городовъ предоставленную, заключенными съ откупщиками контрактами, безъ изъятія помѣщиковъ и имъ принадлежащихъ имѣній, отъѣмлютъ всю свободу и *вольность* живущимъ въ оныхъ пользоваться въ полной мѣрѣ собственностью своею» (Чт. 1865, I, см. 197). Тоже заискиванье въ пользу своей шляхетской вольности повторилось, какъ мы увидимъ, въ 1863 году, при уничтоженіи откуповъ....

Въ Бѣлоруссіи, указами 1772 и 1782 гг., сидка вина, а также производство пива и меда предоставлены однимъ помѣщикамъ; всѣ корчмы, принадлежащія дворянамъ, оставлены на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ находились; новыя же корчмы позволено заводить съ разрѣшенія губернаторовъ, *наблюдая при этомъ, чтобъ онѣ были при большихъ дорогахъ и при церквахъ* (?!); въ городахъ введены откупа, и откупная система была распредѣлена такъ, чтобы *съ каждой головы*, внесенной въ поголовный списокъ, казна получала не менѣе 1 р. 50 к., и затѣмъ уже магистраты назначали сами, за сколько и какъ дозволить продажу (П. С. З. 13849). Указомъ 1783 г. право продажи вина въ селеніяхъ казенныхъ предоставлено казнѣ, а въ частныхъ—помѣщикамъ. Во всей юго-западной Руси за польско-русскими помѣщиками утверждено *право пропинаціи*, продолжавшееся до нашихъ дней и уничтоженное волею царствующаго Государя.

Бывшая Слободская губернія пользовалась свободою винокуренія до 1805 г. Въ 1805 г. въ Кіевѣ винные сборы отданы на откупъ, а на слѣдующій годъ откупъ распространенъ былъ и на сосѣднія губерніи. Манифестомъ 1810 г. потверждаются всѣ помѣщичьи привиллегіи на свободное винокуреніе, и юго-западныя губерніи поэтому получаютъ названіе *привиллегированныхъ* (Черниговская, Полтавская, Харьковская, Ковенская, Гродненская, Виленская, Минская, Могилевская, Витебская, Волынская, Подольская, Кіевская, Екате-

ринославская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская область). Въ городахъ и селахъ заведены откупа. Одна, относящаяся къ этому времени, записка говоритъ, что тюрьмы городовъ пограничныхъ съ Финляндіей, съ Остзейскими и отъ Польши возвращенными губерніями, переполнены были корчемниками: «ихъ дерзость доходила до того, что они сотнями съ огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ вступали въ драку не только съ откупщиками, но и съ воинскими командами» (Чт. 1866, I, см. 111). Наконецъ въ 1815 г. всѣ *Черкасы.* оставлены во владѣніи тѣхъ помѣщиковъ, за кѣмъ они были записаны по ревизіи 1782 г. (П. С. З. 25947, п. 2). Въ Украинѣ появилось *крепацтво*, т. е., крѣпостное право, тѣмъ болѣе страшное, что рядомъ съ рабовладѣльцами изъ поляковъ были и жиды и іезуиты....... Въ одной Гродненской губерніи 46 жидовъ имѣли въ своемъ владѣніи 19438 душъ обоего пола, называвшихся теперь *крестьянами*.... Іезуиты владѣли въ Бѣлоруссіи имѣніями съ населеніемъ въ 13500 душъ. Польско-русскіе помѣщики пустились въ откупа, настроили себѣ винокурень: народъ въ пользу помѣщика пропивалъ все, что имѣлъ, а помѣщики пропивали все, что получали отъ народа. Еще Марковичъ въ своихъ запискахъ (1696—1770), аккуратно отмѣчалъ всѣ подробности этого разгула, обхватившаго всю юго-западную Русь, и въ своихъ запискахъ отмѣчалъ ежедневно: «*подпіяхомъ, гораздо подпіяхомъ, зѣло подпіяхомъ, праздновали съ шумомъ пьянственнымъ, лики со тимпаномъ были—насилу ушолъ, разъ охотившись—подпіяхомъ, подпіяхомъ до утра, подпіяхомъ съ дамами, подпили больше прежняго, куликали, были подпили, куликовали, подпіяхомъ отчасти, водковали зѣло, подпіяхомъ жестоко зѣло.*» и пр. и пр. Такъ текла помѣщичья жизнь съ конца XVII в. и до нашихъ дней. Чужбинскій разсказывалъ слѣдующее о жизни полтавскихъ помѣщиковъ въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія. Они составили общество пьянства, подъ названіемъ

общество мочемордій. Члены, смотря по степени заслугъ въ пьянствѣ, носили титулы мочемордія, высокомочемордія, пьянѣйшества и высокопьянѣйшества. Наградами были у нихъ: сиволдай въ петлицу, бокалъ на шею и большой штофъ черезъ плечо. Всѣ горячіе напитки считались достойными питья, но существовало условіе, что чистый мочеморда, для поддержанія чести общества, никакъ не долженъ употреблять простой водки, а непремѣнно хоть какую-нибудь настойку. Старшиной въ одно время былъ В. А. З—ій, носившій титулъ высокопьянѣйшества и имѣвшій большой штофъ черезъ плечо (Русск. Слово, 1861, V, I). Изъ свѣдѣній, объявленныхъ Правительствующимъ Сенатомъ на откупныхъ торгахъ 1858 года видно, что во всѣхъ привиллегированныхъ губерніяхъ, въ 1852 году оплачено акцизомъ вина 18.376.876 ведръ, спирту 453.279 ведръ; доходу получалось ежегодно отъ акцизнаго откупа 10.271.674 р., отъ чарочнаго 5.363.326 р., всего 15.635.000 р.......

Какъ бы то ни было, а Украина отстояла свою стародавнюю корчму (въ гетманщинѣ—*шинокъ*, за Днѣпромъ—*корчма*, Гр. Квитка. Пов. I, 251), а между тѣмъ на сѣверо-востокѣ кабаки распространялись все дальше и дальше.

XX.

Московскому государству, лишенному народной опоры, идти было некуда, и оно *расшатывалось*, какъ выражаются современные памятники. Это замѣтилъ еще Иванъ Грозный. Уничтоживъ вольныя общины Новагорода и Пскова, онъ думаетъ возстановить падшія давно общины великорусскія, велитъ въ городахъ и волостяхъ опредѣлить старостъ, соцкихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, и полагаетъ заповѣдь страшнаго и грознаго запрещенія, чтобъ имъ выборнымъ, судить разбой, воровство и всякія дѣла, а бояръ и вельможъ и всѣхъ воиновъ устроиваетъ кормленіемъ и уроками праведными. Но ни земскія учрежденія Ивана Грознаго, ни даже его позволеніе *откупаться* отъ властей, ни что не пошло, ни что не подняло упавшій духъ русской земли. Дѣла шли хуже и хуже. Начало царствованія Петра (1702—1719) также ознаменовано было обращеніемъ къ выборному началу, въ первый разъ, въ 1699 г. въ порученіи всего земскаго управленія *земскимъ бурмистрамъ*, и потомъ—въ опредѣленіи *дворянъ* въ приказныя избы по выборамъ для рѣшенія всякихъ дѣлъ вмѣстѣ съ воеводой; народъ между тѣмъ продолжалъ нести жестокое крѣпостное право, завѣщанное московскимъ царствомъ. Петръ въ 1722 г. укорялъ мелкое шляхетство, что оно продаетъ людей

врознь, *какъ скотовъ*. Народъ обращенъ былъ въ скотовъ еще въ Москвѣ.... Описывая московскую жизнь, московскіе люди замѣчали между прочимъ и о ругательствѣ надъ народомъ: «всякъ лѣнится учиться, вси щапятъ торгованія, вси бѣгаютъ рукодѣлія, *вси поношаютъ земледѣлателямъ* (Опис. слав. рук. № 238, л. 321). Эти поносители учили прямо, что *рѣчь народная безчеститъ рѣчь книжную* (ib. отд. 2., 325). Древнеславянскій *мужъ* получаетъ въ Москвѣ бранное имя *мужика*, которое переходитъ въ это время и въ Малороссію (Марк. Зап. II, 3), и брань: *подлинной ты мужикъ*, повторяясь чаще и чаще, сокращается въ новое, модное въ XVIII в. слово—*подлый*, прилагаемое ко всему народному: народъ—*подлые люди*, рѣчь народа—*подляя рѣчь*. «Пьянство—писалъ Болтинъ—вовсе истребишася въ обществѣ людей благородныхъ, а *подлые люди* и понынѣ пьяныхъ напитковъ употребляютъ.» (Прим. на Лек. II, 243). Имя *человѣкъ*, высокое по понятію народа (малор. *чоловікъ*—домохозяинъ), спускается до названія холопа, лакея: общественное названіе лакеевъ: *человѣкъ*, *люди*. Вообще слово *люди*, служившее нѣкогда названіемъ всего народа, получило съ этого времени какое-то злое значеніе: «*людъ! экой людъ!*»

Общество, отвернувшееся отъ народа и покинутое имъ, раздѣляется на нѣсколько группъ. Одна, скинувъ съ себя татарскія *ферязи* и *кафтаны*, сначала ополячивается (шляхетство), потомъ французится; другая измышляетъ себѣ новую антихристову вѣру, говоритъ, что мощеная улица—антихристовъ путь, и что Петръ и митрополитъ—антихристы и что внѣ двуперстія нѣтъ никому спасенія.... Подъ этими вліяніями слагается на Руси такъ называемый XVIII вѣкъ.

Осьмнадцатый вѣкъ и въ дѣлѣ кабаковъ открывается подражаніемъ польскому: черезъ Польшу переходятъ *бурмистры*, управлявшіе кабаками, и *фартины* (отъ кварта)—питейные дома. *Харчевни*, замѣнившія *корчмы*, были отданы на откупъ.

Теперь дѣло дошло до *постоялыхъ дворовъ*. Въ 1704 г. велѣно было описать въ Москвѣ постоялые дворы; но въ томъ же году вышелъ новый указъ: «*постоялые дворы всѣ отписать на великаго государя*, и оцѣня» отдавать на откупъ, а хозяевамъ деньги за тѣ дворы дать... по оцѣнкѣ. Какъ видно, при исполненіи этого указа встрѣтились затрудненія, и въ слѣдующемъ году велѣно было «постоялымъ дворамъ быть по прежнему за хозяевами, а имать съ нихъ съ постоя четвертую долю» (Ж. М. В. Д. 1851, 2, 765). Въ этомъ же году въ Москвѣ и во всемъ государствѣ, въ городахъ и пригородахъ, на торжкахъ и ярмаркахъ, отданы были на откупъ всякаго чина охочимъ людямъ *сусленые, квасные и уксусные промыслы*. Этотъ новый откупъ доставлялъ казнѣ самую ничтожную прибыль. Такъ въ Новгородской губерніи, съ 1727 по 1731 годъ, квасные, сусленные и уксусные промыслы были на откупу за 194 р.; въ 1735 г. въ Новгородѣ за 74 р., а въ Вологодской провинціи за 75 р. ³/₄ коп. Откупщики, не находя прибыли, отказались отъ откупа, и новгородская губернская канцелярія велѣла сбирать оные сборы *вѣрнымъ сборщикамъ*; но новгородское купечество подало жалобу, что за отлучками-де къ тѣмъ сборамъ въ дальнія мѣста, купцы отъ домовъ и отъ торговъ отстали, и пришли во всеконечное разореніе, и что во всемъ россійскомъ государствѣ, кромѣ Новгорода, квасу и суслу вездѣ имѣется вольная продажа, отъ чего купечество, а паче скудные и малотяглые получаютъ себѣ прокормленіе. Получивъ эту жалобу, стали справляться съ законами и нашли, что 30-го апрѣля 1654 г. всякіе съѣстные и харчевные промыслы, и въ томъ числѣ сусло и квасъ на откупъ отдавать не велѣно, а потому сборъ съ сусла и кваса уничтожили, и запрещено было продавать одни *квасы пьяныя*. (П. С. З. 2084, 6824, 9920, 12448). Не смотря на это ограниченіе, квасной сборъ продолжался. Въ 1741 г. въ Нижнемъ–Новгородѣ и въ ниже-

городскомъ уѣздѣ квасныхъ и уксусныхъ сборовъ, собираемыхъ вѣрными сборщиками отъ купечества, было 506 руб. 43½ к. Въ 1741 г. эти сборы велѣно было отдать на откупъ (Максим. Указат. Закон. VI, 228)....

Въ 1700 г. всѣмъ питейнымъ дѣломъ завѣдываютъ *бурмистры*, которымъ приказываютъ, чтобъ частные винокуренные заводы были описаны, и у тѣхъ, кто куритъ вино безъ указовъ, отписывать винокурни въ казну. Бурмистры, не смотря на то, что выбирались цѣлымъ городомъ и считались земскими,— въ отпискахъ своихъ къ государю называли себя не иначе, какъ *холопами*, и вотъ имъ посланъ былъ указъ: «какъ смѣете вы писаться холопами, тогда какъ напредь сего писались *сиротами*, и кто послѣ этого будетъ писаться холопомъ,того *будемъ бить нещадно*» (П. С. З. 1816, 1819). Бурмистры въ тоже время знатно воровали казенную прибыль. Извѣстный Курбатовъ, самъ воровавшій не меньше другихъ, въ октябрѣ 1706 г., писалъ государю: «за градскими бурмистры премногое воровство чрезъ мое бѣдное усердіе сыскано: въ одномъ Ярославлѣ украдено съ 40,000 руб., а на псковичей Никифора Ямскаго и Михаила Сарпунова доносятъ, что во время шведской войны украдено ими пошлинъ и питейной прибыли съ 90,000 рублевъ и больше» (Сол. XVI, 8). Другой фискалъ Нестеровъ тоже доносилъ, въ 1712 г., что отъ бурмистровъ и ларечныхъ съ прочими служителями явилось многое воровство и кража казны и взятки (ib. 236). Между тѣмъ строгости были немалыя, доходившія до того, что по кабакамъ заведены были *дестевыя тетради*, и въ тѣ тетради велѣно было записывать поденно и понедѣльно винныя браги, и сколько въ какую брагу какого хлѣба и иныхъ припасовъ изойдетъ, и сколько ведръ вина выйдетъ, и по*чему въ ведра и въ полуведра и въ четверти, также въ кружки и чарки продано будетъ*. Приближавшемуся всеобщему откупу въ 1705 г. на вино предшествовали откупа на рыбные

промыслы, на соль, на табакъ. Въ 1708 г. уничтожены частные винокуренные заводы въ московскомъ уѣздѣ; въ 1807 году по всему Поморью, у приходскихъ церквей и у церковныхъ прикащиковъ и у всякихъ людей велѣно отписывать винокуренную посуду, кубы, котлы, казаны, вообще приказано было уничтожить частное винокуреніе *со всякою жесточью*, чтобъ сторонними воровскими тайными продажами не было государю помѣхи и убытка. И въ самомъ дѣлѣ, цѣловальники доносили, что, съ отборомъ посуды, въ важенскихъ и устьянскихъ волостяхъ питейной казнѣ учинилось немалое пополненіе (П. С. З. 2204). Питейный откупъ открывалъ свое дѣйствіе съ селъ и деревень. Въ 1705—1708 годахъ въ волостяхъ и селахъ питейные сборы, гдѣ ихъ было отъ 100 до. 1000 руб., отданы на откупъ купеческаго чина людямъ, съ платою въ казну и въ ратушу, за таможенный ящичный сборъ противъ большихъ сборовъ вдвое, за питейный сборъ *новоуравнительныя*, и съ винной продажи поведерныя пошлины, и иные сборы, противъ большихъ же сборовъ, съ торгу и съ наддачи на годъ и на два и на три года, *а въ откупъ давать торгъ на Москвѣ;* вино, пиво и медъ продавать по указнымъ цѣнамъ, а въ новозаведенныхъ торжкахъ, гдѣ доселѣ вино въ ведра не продавали, и теперь не продавать, *для того, чтобъ отъ той ведерной продажи въ настоящихъ городахъ на отдаточныхъ дворахъ умаленія не было*. Откупщики, которые также назывались бурмистрами, лишались права заподряжать вино, а должны были покупать его изъ казны. Когда распоряженіе это получило всеобщую извѣстность, то дворцовые, монастырскіе и архіерейскіе крестьяне (господскіе не имѣли уже никакого значенія) били челомъ, объ отдачѣ имъ на откупъ питейныхъ сборовъ. Челобитье крестьянъ не было принято, и велѣно было отдавать сборъ съ торгу *знатнымъ и правдивымъ и зажиточнымъ людямъ* (ib. 2165). Приходитъ роковое время завести откупа во всемъ

государствѣ, и для этого, въ указѣ 1712 г. предлагають способъ ввести ихъ постепенно, мало по малу.... «Какъ вино, говорить указъ, такъ *и прочія вещи*, надлежитъ отдавать на откупъ, однако жъ сіе главное дѣло надлежитъ дѣлать по малу, дабы не потерять сборовъ, такимъ образомъ, что сперва одинъ или два города, которымъ отдать на подрядъ, т. е., что сбирается *съ кабаковъ и таможенъ*, чтобъ тѣ сборы онѣ платили и вѣдали сами и продавали, и на откупъ давали (во вторыя руки), какъ они знаютъ. И когда такъ въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ *оснуются*, то и въ прочихъ по сему поступать, а между тѣмъ вѣдѣніе со всего государства» (П. С. З. 2467)..... Въ декабрѣ того же года, по случаю свейской войны, въ московской губерніи, во всѣхъ городахъ, селахъ и волостяхъ, питейные сборы отданы на откупъ *знатнымъ московскимъ московской губерніи купеческаго чина людямъ* (ib. 2610). Но въ 1714 г. по случаю тягостныхъ военныхъ нуждъ, велѣно было сенату: «кабацкіе и оброчные сборы положить въ каждомъ городѣ на купечество *по большому окладу*, а откупы и счеты отставить, и отъ двороваго и съ крестьянъ и съ купечества сбору отличить и сбирать особо». Фискалъ Нестеровъ предлагалъ въ это время произвести уравнительный наборъ въ слѣдующемъ видѣ: «собравъ въ одно мѣсто списки наличныхъ людей всѣхъ губерній, выложа отъ нихъ особо таможенные, кабацкіе и другіе оброчные, *всегда кромѣ народа* (?!) *надежные сборы*, остаточный положенный по табелямъ окладъ росписать, почему изъ того оклада достанется по расположенію во всякой губерніи на всякаго человѣка» (Сол. XVI, 242). Въ 1715 г. еще разъ многія частныя винокурни обращены въ казенныя, и тѣ, которыя остались въ рукахъ владѣльцевъ, подверглись подробной описи (ib. 2792); но на слѣдующій годъ снова дозволено было свободное винокуреніе. Въ концѣ 1717 г. учреждена Петромъ камеръ-коллегія, или казенныхъ сборовъ; президентомъ ея назначенъ былъ

кіевскій губернаторъ, кн. Дмитрій Михайловичь Голицынъ. Въ вѣдомство камеръ-коллегіи поступило питейное дѣло. Въ это время жилъ еще знаменитый крестьянинъ подмосковнаго села Покровскаго, Посошковъ, (род. 1670), занимавшійся питейнымъ дѣломъ и писавшій политико-экономическія сочиненія «о нужныхъ нуждахъ Россіи.» Въ 1719 г. онъ подалъ просьбу князю Голицыну о позволеніи построить винокуренные заводы, и взять водку на подрядъ; но ему отказали, да еще посадили его въ тюрьму. Потомъ онъ занимался водочнымъ дѣломъ въ Москвѣ на каменномъ мосту, но здѣсь надѣлалъ долговъ, и опять сталъ просить позволенія *дѣлать водки* въ С. Петербургѣ и Ингерманландіи. На докладѣ объ этомъ ландрихтера Корсакова, 21 марта 1708 г., Менщиковъ написалъ, что Посошковъ «причинился въ Ратушѣ въ воровствѣ.» Клевета ли это была Менщикова, который и самъ былъ нечистъ на руку, или отчасти правда, какъ можно было бъ догадываться изъ предсмертныхъ распоряженій Посошкова, во всякомъ случаѣ это не помѣшало ему въ 1710 г. сдѣлаться въ Новгородѣ *водочнымъ мастеромъ изъ жалованья.* Жизнь его кончилась тѣмъ, что, просидѣвъ долгое время въ Петропавловской крѣпости, онъ тамъ и умеръ 1 февраля 1726 г., и, по распоряженію тайной канцеляріи, погребенъ у церкви *Симеона Страннопріимца.* Главное управленіе питейными сборами перешло изъ вѣдомства *полицейской канцеляріи въ камеръ-коллегію* въ Петербургѣ съ 1719 г., а въ Москвѣ съ 1722 г. «Камеръ-коллегія, писалъ, въ 1776 — 1777 г. кн. Щербатовъ, находится въ Москвѣ, и имѣетъ свою контору въ Петербургѣ. Должность сей коллегіи состоитъ въ сборѣ съ винныхъ откуповъ. Сія коллегія учреждена Петромъ Великимъ, и никогда на хорошую ногу поставлена не была, да сіе и неудивительно, ибо большая часть ея президентовъ болѣе старались показать государю пріумноженіе доходу, и тѣмъ выслужится, а притомъ и себѣ прибыли отъ откупщиковъ по-

лучить, мало прилагали попеченія о приведеніи ея въ добрый порядокъ» (Стат. въ разсуж. Росс. Чт. 1859, III). Въ 1719 г. было объявлено, что кто захочетъ въ 1720 г. въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ, и въ губерніяхъ, и въ городахъ ставить на кабаки подрядомъ вино двойное и простое, и водку безъ усышки и безъ утечки, медъ, солодъ и хмѣль, и оные бы являлись и подрядныя свои цѣны объявляли въ С. Петербургѣ въ камеръ-коллегіи, а въ губерніяхъ-губернаторамъ, воеводамъ и камерирамъ (ib. 3407). Губернаторамъ позволено отдавать таможни и кабаки на откупъ на четыре года, суммою до 3,000 р. (Хавск. Собр. Зак. XVII, стр. XIII). 13 апрѣля 1722 г. вышелъ указъ о бытіи цѣловальникамъ изъ *бородачей* (Хав. Соб. Узак. XVII, стр. XVIII)..... Питейный доходъ въ 1722 г. представлялся въ слѣдующемъ видѣ: съ кубовъ 11512 руб. отъ винной регаліи 956970 р., и съ кабацкихъ и таможенныхъ сборовъ, отдаваемыхъ откупщикамъ, 226468 рублей (ib. 2247). Въ 1722 г. кабаки отданы на откупъ на четыре года. Брать откупъ позволено только знатнымъ людямъ купеческаго чину, помѣщикамъ и иностранцамъ (грекамъ), а крестьянамъ запрещено, на томъ основаніи, что изъ нихъ набираются драгуны, солдаты и рекруты, и кромѣ того они нужны для построенія Петербурга. Крестьяне были уволены даже и отъ выборовъ въ кабацкія должности, и замѣнены драгунами и дворянами..... До 1726 г. въ бѣлозерскомъ уѣздѣ было 34 стойки, на которыхъ сбирали деньги выборные крестьяне, а такъ какъ велѣно было замѣнить ихъ драгунами и солдатами, а эти еще не явились туда, то сдѣлано распоряженіе, чтобы пока къ кабацкимъ сборамъ, какъ въ городахъ, такъ и уѣздахъ, на кабаки и на стойки, *гдѣ отставныхъ офицеровъ, солдатъ и дворянъ не опредѣлено*, опредѣлять изъ купеческихъ людей, и только въ крайней нуждѣ выбирать дворцовыхъ, черносошныхъ и монастырскихъ крестьянъ (ib. 4950). Ис-

ключеніе было сдѣлано для крестьянъ въ Поморьи, гдѣ въ 1738 г. за умаленіемъ въ Олонцѣ и Архангельскѣ купечества, обязаннаго заниматься питейными сборами, нѣкому было собирать питейную прибыль (ib. 7689). Въ 1731 г. еще разъ подтверждали, чтобы крестьянъ ни въ откупы, ни въ подряды, никуда не допускать, «кромѣ найму подводъ и судовъ и какихъ либо работъ» (П. С. З. VII, стр. 490).... Только въ 1770—1771 г. сдѣлано было исключеніе, что крѣпостные могутъ вступать въ откупа по поручительству своихъ владѣльцевъ (ib. 14123). Еще при Петрѣ (1716), потомъ при Аннѣ Іоанновнѣ (1731), при Елизаветѣ (1755), и наконецъ при Екатеринѣ постоянно подтверждали, что право винокуренія принадлежитъ однимъ помѣщикамъ, великорусскимъ и малорусскимъ, русскимъ и полякамъ. Помѣщики занимались въ деревняхъ приготовленіемъ *наливокъ*, и продавали ихъ; въ 1765 г. это имъ было запрещено, и потомъ опять дозволено (П. С. З. 12448, IV, ст. 5; 15231, ст. 60), но съ 1767 г. право дѣлать наливки окончательно перешло къ откупщикамъ, и было подтверждено цѣлымъ рядомъ указовъ и постановленій (ib. 12818, ст. 7; 13505, ст. 8; 13549, ст. 8; 14172, ст. 9; 17281, 17389, ст. 18; 19902, ст. 18, 22028, ст. 21, 38, 46, 58, 107, 109; 22009). До сихъ поръ, и у господъ и у крестьянъ, наливки были необходимою потребностью жизни. Откупа, стѣсняя пивовареніе медовареніе, ввели въ употребленіе водку (пѣнникъ), которую пили, настоявъ ее ягодами и травами, и отсюда возникли *травники*, *настойки и наливки*. Употребленіе *травниковъ* было общеизвѣстно на сѣверѣ и на югѣ. Съ 1726 г. сдѣлался извѣстнымъ травникъ *ерофеичъ*, названный такъ по имени цирюльника Ерофѣя, который вылечилъ этимъ травникомъ гр. Орлова. Марковичъ упоминаетъ (въ 1726), что онъ составлялъ рецептъ *на декоктъ посполитый* (Зап. Марков., I, 221), и во время похода въ 1737 г. онъ

замѣтилъ, «елексиръ секретный на разныя болѣзни съ ингредіенціей составилъ, наливши можжевеловою водкою (II, 35). Подобнымъ образомъ лекарь Трофимовскій, жившій въ Полтавской губ., на правомъ берегу Псела, оставилъ народу въ память о себѣ цѣлебную настойку изъ травъ, названную по имени его *трофимовкой*. Наконецъ, еще недавно пользовались извѣстностью: въ Лубнахъ — настойка *августиновка*, составленная медикомъ *Августиновичемъ;* въ Ромнахъ—настойка помѣщика Новицкаго, въ Нѣжинѣ — помѣщика Гжемайла. Но съ 40-хъ годовъ текущаго столѣтія исчезаютъ и послѣдніе слѣды домашняго приготовленія травниковъ, наливокъ и настоекъ, смѣнившихся такъ называемой *очищенной*...... Винокуреніе иногда совершенно прекращалось, какъ напримѣръ въ Воронежѣ въ 1736 г. и въ Малороссіи въ 1738 г. Въ 1750 г. вовсе запрещено было курить вино въ губерніяхъ Московской, Смоленской, Новгородской, въ которыхъ въ тотъ годъ мало родилось хлѣба, но вскорѣ опять было разрѣшено, съ условіемъ привозить хлѣбъ для винокуренія изъ другихъ хлѣбородныхъ губерній (П. С. З. 9709, 9718). Подобное распоряженіе сдѣлано было въ губерніяхъ Могилевской и Полоцкой (ib. 9572). Для иностранцевъ, распоряжавшихся тогда русскимъ народомъ, доходъ съ вина составлялъ нѣчто въ родѣ награды, или милости. Знаменитый Минихъ въ своихъ *кондиціяхъ* 1727 г. на которыхъ онъ рѣшался служить Россіи, униженно просилъ императрицу, чтобы ему данъ былъ знатный чинъ фельдехмейстера и, чтобъ за работы по ладожскому каналу, ему даны были *прибытки съ вина, съ табаку и кабаковъ*, и т. д. (Русс. Арх. 1867, 3).

Развитіе откуповъ, стѣсненіе пиво — и медоваренія вызывало по прежнему увеличеніе корчемства. Курбатовъ, донося въ 1705 г. сколько кѣмъ украдено казенныхъ денегъ, прибавлялъ: «моимъ бѣднаго усердіемъ въ нынѣшнемъ году въ Москвѣ одной надъ всѣ годы отъ новопостроенныхъ

аптекъ, *и что истреблены корчмы многія*, со 100,000 рублевъ питейныя прибыли будетъ». Онъ вынулъ корчемное вино у перваго разряднаго подъячаго Топильскаго, который находился у боярской книги: подъячій торговалъ вмѣстѣ съ женою въ ведра и скляницы, продалъ до 400 ведръ, и много еще успѣли запечатать. Вино это онъ добывалъ отъ дворянъ, вмѣсто взятокъ за разныя обдѣланныя имъ дѣла, и такимъ образомъ въ два года получилъ съ нихъ до 1500 ведръ вина. (Сол. XVI, 8). При камеръ-коллегіи учреждена была *корчемная команда*, перешедшая потомъ въ вѣдомство полицейской канцеляріи. Около Петербурга и на Ладожскомъ озерѣ, для искорененія корчемства, учреждены были заставы, охраняемыя воинскими командами. Съ этой же цѣлью Москву окружили *надолбами*, но ихъ скоро растаскали, и въ 1740 г. предложено было камеръ-коллегіи окопать городъ валомъ. Валъ сдѣлали, назвали его камеръ-коллежскимъ, и, съ наступленіемъ слѣдующаго откупа, откупщики, называвшіяся съ 1732 г. *компанейцами*, принявъ валъ въ свое завѣдываніе, прозвали его *компанейскимъ*, и по всему протяженію его разставили солдатъ (П. С. З. 3549, 14; 14172, 75; 14,728, 15; для Мат. стат. Москвы, 170). Наши дѣды и даже отцы помнили хорошо, какъ бывало всякаго, кто бы ни перешелъ черезъ камеръ-коллежскій валъ, тутъ же раскладывали и пороли плетьми. Даже на нашихъ глазахъ, когда этотъ валъ не имѣлъ уже большаго значенія въ откупныхъ интересахъ, казаки все-таки продолжали ловить всякаго, кто только черезъ него переѣдетъ, и драли его нагайками, или же брали съ него контрибуцію. Въ 1176 г. камеръ-коллежскій валъ развалился, и откупщики *Бородинъ*, *Семеновъ* и *Устиновъ* обратились къ правительству съ просьбою о починкѣ вала, обязавшись вносить для этого по тысячѣ рублей. Валъ починили, а съ откупщиковъ взяли подписку о взносѣ этихъ денегъ и на будущее время, и съ тѣхъ поръ московскіе от-

купщики, съ каждымъ новымъ откупомъ, должны были вносить губернатору по тысячѣ рублей *на поправку* вала........

Верховный Тайный Совѣтъ, учрежденный въ 1726 г. составлялъ нѣчто въ родѣ старой боярской думы, вмѣшивался въ питейное дѣло, и такимъ образомъ, отнимая власть у Сената, вносилъ въ коллегіальное управленіе новую путаницу, и камеръ-коллегія, имѣвшая прежде обширное значеніе, теперь должна была сократить свою дѣятельность и сдѣлалась только сборнымъ пунктомъ доходовъ. Указомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта 24 февраля 1727 года велѣно было кабацкіе сборы отдать на магистраты, чтобъ они извѣстный окладъ съ откуповъ платили по третямъ года, безо всякой доимки, и къ тѣмъ сборамъ опредѣлять имъ, кого знаютъ, а если опредѣленной суммы не выберутъ, то взыскивать ее на магистратахъ и бургомистрахъ; лишнее же, что выберутъ сверхъ оклада, оставлять имъ на общую пользу городовую; магистраты же по прежнему подчинить губернаторамъ и воеводамъ. Но одинъ магистратъ доносилъ, что кстати поручить бы воеводамъ и питейные дома, или же передать ихъ въ камеръ-коллегію. Было рѣшено тѣмъ, что въ Петербургѣ питья и прочіе припасы подряжать камеръ-коллегіи, а въ провинціяхъ магистратамъ и бургомистрамъ, подъ *смотрѣніемъ губернаторовъ* и *воеводъ;* и которые кабаки на откупахъ, и ежели тѣ кабаки пожелаютъ взять другіе откупщики, и то оставлять на волю магистратовъ. (П. С. З. 5153). Въ Москву на 1728 г. требовалось вина 250,000 ведръ, и сенатской конторѣ предписано было, чтобъ при подрядѣ она смотрѣла за камеръ-коллегіей и акцизною камерою. (ib. 5211). Въ октябрѣ 1728 г. велѣно было въ Москвѣ *пивную и медовую продажи* въ тѣхъ кабакахъ, гдѣ до того производилась казенная продажа, отдать на откупъ или на ратушу, и чтобъ для продажи вина откупщики и ратуша опредѣлили въ каждой улицѣ извѣстное число домовъ (всего 300 домовъ), «дабы излиш-

нихъ сверхъ довольства не было». Въ Петербургѣ, при торгахъ на откупа на 1731 г., питейные сборы, какъ и въ Москвѣ, велѣно было возложить на ратушу и купечество, и чтобъ устроить это дѣло какъ можно ловчѣе, вызванъ былъ въ камеръ-контору нѣкто Медовщиковъ, бывшій въ 1728 г. бургомистромъ. Этотъ Медовщиковъ, когда послѣ его бургомистерства въ 1729 и 1730 г., были недоборы, доносилъ на новыхъ откупщиковъ *въ упущеніи питейнаго сбора и въ помѣшательствахъ*. Теперь призвали его, чтобы «тамъ въ собраніи къ тому сбору купечества показать свое прилежное стараніе, ища Е. И. В. прибыли, какъ онъ уже въ помянутомъ годѣ въ питейномъ сборѣ не малый приходъ учинилъ». (Ib. 5468). Въ 1732 г. питейные сборы отданы *въ компанію* охочимъ людямъ, и откупщики стали называться *компанейцами*. (ib. 5913). Московскіе *компанейщики* обязаны были «за водочный, винный и пивной сборы отдавать противъ оклада 1723 г. по 249175 р. въ годъ, а кромѣ того что приберутъ, въ казну половину, а другую взять себѣ за трудъ и смотрѣніе». Продолжалъ еще существовать *отдаточный дворъ*, зависѣвшій отъ камеръ-конторы и получавшій вино отъ подрядчиковъ; но вина въ немъ было немного. Въ 1740 г., за малымъ имѣніемъ здѣсь на отдаточномъ дворѣ въ наличности вина, велѣно было отпустить для дворцовой конторы, вмѣсто 2000 ведръ, только 500. Управителемъ на петербургскомъ отдаточномъ дворѣ былъ *подпоручикъ Болкошинъ*, при которомъ со двора тайно вино провозили, яко бы взятое изъ казны для продажи на кабаки; вино показывалось въ усышкѣ и въ утечкѣ, словомъ велось корчемство (Макс. Указ. Зак. VI, 107, 30, 32). Такимъ образомъ казна собирала питейную прибыль сама, посредствомъ выборныхъ, сидѣвшихъ въ ратушѣ, и посредствомъ откупщиковъ; послѣдніе для казны были выгодны, и скоро должны были сдѣлаться полными господами питейнаго дѣла. Всеобщее негодованіе, возбуждае-

мое откупщиками, сказалось въ замѣчательномъ доносѣ, поданномъ Аннѣ Іоановнѣ *на откупщиковъ и компанейщиковъ, расхищающихъ казну, и спаивающихъ народъ.* «Петръ Первый, дядя вашъ — говорилъ доносъ — по примѣру другихъ государствъ завелъ, чтобы таможенные и питейные сборы отдавать охочимъ людямъ на откупы, и то-де весьма не усмотрѣно, но паче же утрачены великіе интересы, по силѣ россійскихъ таможенныхъ уставовъ, понеже внутрь россійскаго великаго государства наполняются таможенные сборы и питейныя продажи своими природными россійскими народы, а не яко въ примѣръ тѣхъ государствъ малыхъ владѣльцевъ, или во указательство отъ нихъ великому россійскому таможенному уставу, понеже въ тѣхъ нѣмецкихъ земляхъ наполняются таможенные сборы и питейныя продажи иностранными народы, которые, проѣзжая, обогащаютъ откупа, безъ вреда народу, и въ тѣхъ государствахъ своему природному народу никакого разоренія и обиды не бываетъ, а тѣ таможенные сборы и питейныя продажи всегда собираются въ вольности. — А нынѣ великаго россійскаго государства, между откупщиками и вѣрными присяжными людьми, учинилось въ сборахъ великое помѣшательство и трата великая интересу; неусмотрѣніемъ высокаго сената *продано все землядѣльчество и купечество* безъ положенныя цѣны, первое на расхищеніе великаго интересу Вашего Императорскаго Величества, второе *на разореніе и великое разграбленіе всего народу* откупщикамъ и компанейщикамъ; похищаютъ явно великій интересъ Вашего Императорскаго Величества злодѣйственными своими и воровскими умыслы, напосятъ на оные городы великіе сборы, вражествомъ своимъ приводятъ народъ къ душевредству и великому непостоянству, отчего имѣется въ купечествѣ великая безторжица. — И оные откупщики и компанейщики являются своимъ промысломъ, яко бы великіе доброхоты и исполнители интересу В. И. В., а они злодѣйствомъ своимъ и

великимъ пронырствомъ дѣлаютъ великіе ущербы В. И. В., вникнули въ народъ, яко ядовитые зміи, пресыщающіе лестію, гоняще народъ къ великой нищетѣ и вѣчной погибели такими виды; какъ въ Москвѣ, такъ и во многихъ городѣхъ, разширяютъ и умножаютъ множество *кабаковъ*, такъ въ селѣхъ и въ деревнѣхъ, для своихъ плутовскихъ и великихъ прибытковъ. Первая язва отъ того, — пьянство: облѣнилися множество народу, вступили въ блудъ, во всякую нечистоту, въ тяжбы, въ убивство, въ великіе разбои, и ослѣпоста пребезконечно, начаша творити блудъ содомской, не знающе ни воскреснаго дня, ни господскихъ праздниковъ, и отъ того уродися и умножися сѣмя нечестивое, отъ того многія тысячи дѣльныхъ и годныхъ людей на всякія службы смертію кажнены, а другихъ множество народа бьютъ кнутомъ и посылаютъ на вѣчную работу; иныхъ множество простаго народу въ пьянствѣ умираетъ безвременно; *простаго народу и всякихъ чиновъ люди въ компаніяхъ великихъ пьянствахъ невѣжествы своими поздравляютъ В. И. В-ву, наливаютъ покалы великіе и пьютъ, смертно, а другихъ, которые не пьютъ, тѣхъ заставляютъ сильно*, (патріоты) и многіи въ пьянствѣ своемъ проговариваются, и къ тѣмъ празднымъ словамъ приметываются приказные и прочіе чины, и отъ того становятся великіе изъяны...... — Стало между всѣми городами въ сборахъ великое помѣшательство: гдѣ откупы — тутъ необычные приборы; гдѣ вѣрные городы, тутъ великіе недоборы, и отъ того всему купечеству великая вреда и крайняя нищета, и со оными откупщиками и компанейщиками во всякихъ службахъ В. И. В. великое несогласіе». Затѣмъ доносъ ссылался на царскую грамату 1654 г., апрѣля 30 объ уничтоженія кабацкихъ откуповъ, *положенную въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богоматери подъ престоломъ Господнимъ*, которая таковыхъ откупщиковъ и компанейщиковъ, воровъ и злодѣевъ, хищниковъ и миру досадителей, проклинаетъ. Поэтому

доносчикъ просилъ государыню *ввести старинную продажу вина на вѣрь* (Чт. 1866. I, см. 8—13). То было запоздалымъ требованіемъ: сборы на вѣрѣ, вмѣстѣ со всей старой жизнію, выходили изъ обычая; отъ нихъ оставалось одно лишь теплое преданіе народа о граматѣ 1654 г., положенной подъ престолъ храма Успенія Богородицы.... Погибшее на вѣкъ право сбирать *на вѣрь* смѣнилось теперь повсемѣстнымъ откупомъ насамыхъ выгодныхъ кондиціяхъ...... Въ Клину и уѣздѣ питейный окладъ былъ 599 р. 72½ коп. Въ 1715 — 18 г. клинскіе откупщики платили таможенныхъ и кабацкихъ денегъ по 1659 р. 56 к.; въ 1718—1721 г. — по 1876 р. 62½ коп.; въ 1725 — 1729 г. за одни кабацкіе сборы платили уже 1506 р. 29 коп.; съ 1729 по 1739 кабацкіе сборы находились въ вѣдѣнія вѣрныхъ сборщиковъ, и у нихъ явился недоборъ, *даже противъ оклада*, и въ 1739 г. московскіе купцы Иванъ Алексѣевъ, Степанъ Яцкій и Аѳанасій Колесниковъ взяли клинскіе кабацкіе сборы за 892 руб. 85½ коп. (П. С. З., 7781). Для исправленія Ладожскаго канала, съ 1727 г. отданы на откупъ ладожскіе кабацкіе сборы, и по всему каналу, на всякую сторону считая по одной верстѣ, велѣно быть *кабакамъ* и состоять въ вѣдомствѣ канальной канцеляріи. Пиво, медъ и буза отдавались на откупъ отдѣльно отъ водки. Въ 1742 г. Долговъ взялъ въ Ладогѣ и въ Шлюссельбургѣ по каналу винную питейную продажу въ откупъ на четыре года по 1457 р. въ годъ, наддавъ противъ бывшаго откупа 50 руб., а противъ оклада по окладной въ камеръ-коллегіи книгѣ 1633 р. 48¾ к. въ годъ. Но товарищъ Долгова, купецъ Раковъ, отъ откупу отказался и откупъ былъ оставленъ за прежнимъ откупщикомъ Пановымъ съ товарищами, купцами Истоминымъ и Солодовниковымъ (Максим. Указ. Зак. VI, 243, 259). Изъ дѣлъ доимочной коммисіи оказалось, что чиновники распоряжались откупами, какъ хотѣли, что суды, секретари и прочіе канцелярскіе служители откупы противу указовъ чинили, откупщикамъ изъ казны деньги по

контрактамъ и векселямъ неосторожно выдавали, и на чиновникахъ поэтому оказались большія недоимки; но они сложены по всемилостивѣйшему указу 15 декабря 1741 г. Въ ноябрѣ 1741 малолѣтній Иванъ VI (Антоновичъ) свергнутъ съ престола, и Елисавета была провозглашена императрицею. Она застала откупъ въ полномъ ходу и довершила его развитіе. Откупами занимались даже церковно-служители. (П. С. З. 8817). Казенные откупа, отданные ратушамъ и отъ нихъ уже переданные откупщикамъ, были освобождены отъ вмѣшательства губернаторовъ и воеводъ, судей и приказныхъ (ib. 7201, I; 7218). Петербургскіе питейные сборы отданы на откупъ на семь лѣтъ. Питейный доходъ въ 1749 г., при различной въ разныхъ мѣстахъ цѣнѣ на вино, доходилъ до 1,786,955 р., а съ 1750 г., при одинаковой цѣнѣ въ 1 р. 88½ к. сер. за ведро дошелъ до 2.666.909 руб. Опять стали замѣчать, что слово *кабакъ* производитъ омерзеніе, и, 18 ноября 1746 г., велѣно на выставленныхъ при кабакахъ доскахъ надписывать: *Питейный домъ*, именуя его *казеннымъ* (Спасск. собр. Узак. XVII, стр. XXI). Если откупъ могъ дѣйствовать съ такой свободой въ центрѣ государства, то что же дѣлалось гдѣ-нибудь въ Сибири? Откупа въ Сибири состояли въ вѣденіи *сибирской губернской канцеляріи*, которая объявляла торги, заключала условія, и завѣдывала выборными цѣловальниками, которые оставались еще по городамъ. Въ 1745 г. въ Сузгунскомъ и Кундушскомъ заводахъ вино простое и двойное курили ларешные Лапинъ и Мухинъ; въ Березовѣ въ 1744 г. винная продажа отдана на три года въ откупъ Михайлѣ Корнильеву, съ платою каждый годъ по 1536 р. 89 коп. (Чт. 1867, I, 166).

Корчемство продолжалось, и вотъ послѣ угрозъ конфискаціями и ссылкой, объявленныхъ въ 1749 г., пробуютъ дѣйствовать милостію. Въ 1751 г. велятъ корчемникамъ *вины отпустить*, разрѣшаютъ всякаго званія людямъ варить у себя въ домахъ

пиво и браги для домашняго употребленія, «хотя бы и нѣсколько человѣкъ сложились хлѣбомъ въ одинъ котелъ» (П. С. З. 9920, 12448). Въ это время, Елисавета, для того, чтобъ окончательно уничтожить корчемство и соединенныя съ нимъ многочисленныя слѣдственныя дѣла, а также, чтобъ доставить дворянству, *какъ сословію, преимущественно имѣвшему право участвовать въ откупахъ*,—вводитъ въ государствѣ одинъ всеобщій откупъ, существовавшій съ тѣхъ поръ въ теченіи 120 лѣтъ (ib. 10446). Указомъ 1756 г. дозволено было дворянамъ курить вино для домашняго употребленія, но по чинамъ: чинамъ 1-го класса по 1000 ведеръ въ годъ (?!), втораго — 800, 3-го — 600, и т. д. до 14-го, которымъ позволялось курить по 30 ведеръ. Такимъ образомъ подъячій, получившій классный чинъ, въ экономическомъ отношеніи имѣлъ больше правъ, чѣмъ любой городской житель или крестьянинъ! Питейный доходъ простирался до 3.450.043 руб. Въ Москвѣ откупщиками были Михайла Гусятниковъ и Сава Яковлевъ съ товарищами. Ради уничтоженія корчемства, съ 1751 по 1758 г. позволялось помѣщикамъ и крестьянамъ варить пиво для домашняго употребленія, безъ платежа пошлинъ; но потомъ снова возстановлена была пошлина, и въ 1770 г. отдана на откупъ. Указомъ 7 іюля 1758 г. дозволено гофмейстеринѣ, статсъ-дамамъ и фрейлинамъ доколѣ они будутъ при дворѣ, выкуривать *на свои домовые расходы* по 1000 ведеръ вина въ годъ (Хавск. Собр. Узак. XVII, стр. XXIII). Правительству сдѣлалось извѣстнымъ, что откупа приносятъ государству вредъ, и Екатерина въ 1764 г. учредила, подъ предсѣдательствомъ гр. Фермора, особую коммисію, съ цѣлью пріискать способы *къ улучшенію питейныхъ сборовъ*; но коммисія сочла за нужное, по обстоятельствамъ времени, продолжить откупное содержаніе,—съ тѣмъ только измѣненіемъ, что подрядъ на поставку вина будетъ принадлежать самому правительству. За-

тѣмъ въ предварительномъ указѣ 1 августа 1765 г. о предстоящихъ откупахъ во всей Имперіи, исключая Сибири, *курить вино дозволялось только дворянамъ, а больше никому*; всѣмъ же остальнымъ позволено было покупать вино *съ питейныхъ домовъ*, и запрещено торговать пивомъ, медомъ, пьяной брагой и квасомъ. Приглашаютъ въ откупщики охочихъ людей изъ купечества, обѣщаютъ имъ монаршее покровительство, даютъ имъ шпаги и государственный гербъ и полную свободу «столько кабаковъ имѣть, сколько сами захотятъ,» а *кабаки* велятъ называть *питейными* домами, потому что *отъ происшедшихъ злоупотребленій, названіе кабака сдѣлалось подло и безчестно*...... Въ видахъ уничтоженія корчемства, въ томъ же году изданъ новый указъ о винокуреніи (П. С. З. 12444, 12448). Не смотря на значительное увеличеніе цѣнъ на напитки, потребленіе ихъ по кабакамъ увеличивалось годъ отъ году: въ 1765 г. доходъ отъ питейной продажи былъ 4,294,610 р. въ 1766 г.— 5,767.067 руб., въ 1767 г.—5.085.064 р., 1766 г. былъ ознаменованъ однимъ необыкновеннымъ событіемъ. 13 дек. 1766 г. вышелъ наказъ Екатерины, сзывавшій всѣхъ на соборъ для сочиненія новаго уложенія «дабы, какъ говорила Екатерина— потомки узнать могли, *къ какому великому дѣлу* они участниками были.» Но изданіе наказа нисколько не измѣнило судебъ русскаго народа. На слѣдующій же годъ введенъ былъ въ Сибири откупъ на правилахъ великороссійскихъ губерній. Устроены были казенные заводы на 400.000 ведеръ, и кромѣ того въ этомъ же году (1766) сто семьдесятъ четыре поставщика поставили 1,853,456 ведеръ. Спустя нѣкоторое время, количество производимаго казною вина оказалось не достаточнымъ, почему винокуреніе было увеличено еще на 200,000 ведеръ, а въ 1789 г. на 1,500.000 ведеръ (ib. 12882, 16742). Питейный доходъ въ 1771—1775 годахъ простирается до 6,643,760 руб. въ годъ; съ 1775—1779 г. до 6,887,350 руб. Откупщикомъ въ Москвѣ, въ 1765 г., надворный совѣт-

вѣтникъ Роговиковъ. Въ 1775 г. уничтожены коллегіи и введено новое учрежденіе о губерніяхъ. Питейное дѣло перешло въ вѣдѣніе *казенныхъ палатъ*, гдѣ и оставалось въ теченіе послѣдующихъ осьмидесяти осьми лѣтъ. Сенатъ сталъ совершать контракты на подряды и откупа, а высшій надзоръ за питейнымъ дѣломъ сосредоточился — въ областяхъ въ рукахъ царскихъ намѣстниковъ, а въ Петербургѣ — въ вѣдомствѣ генералъ-прокурора. Въ 1787 г. учреждены *винные пристава* изъ *магазинныхъ сержантовъ*, а въ тобольской губ. — изъ купцовъ и мѣщанъ; *приказныхъ служителей и сторожей* въ пристава опредѣлять не велѣно. Откупъ обхватывалъ Сибирь съ ея инородцами, Бѣлоруссію и весь Новороссійскій край. Въ Тобольскѣ и Тарѣ съ уѣздами питейные сборы съ 1730 г. содержатъ магистраты; въ Тобольскѣ кабачные сборы идутъ за 15,000 р. Но въ 1750 г. являются въ сибирскій приказъ тобольскій купецъ Павловскій и тарскій купецъ Шильниковъ, и просятъ объ отдачѣ имъ въ Тобольскѣ и Тарѣ съ уѣздами всѣхъ кабацкихъ, таможенныхъ и канцелярскихъ сборовъ *въ вѣчное содержаніе*; а откупщики, тобольскіе купцы Корнильевъ съ товарищами просятъ эти сборы на откупъ на четыре года. Приказъ отдаетъ Тобольскъ и Тару Павловскому и Шильникову, первый городъ за 25,207 руб. 95 к. въ годъ, а второй за 1895 р. 11 к. *въ вѣчное содержаніе* (П. С. З. 9768). Кабакъ по прежнему кололъ глаза, и въ 1779 г. еще разъ велѣно было «по кондиціямъ съ содержателями питейныхъ сборовъ вмѣсто кабаковъ именовать ихъ питейными домами (Хавск. Указ. Зак. XVII, стр. XXVIII). Съ 1779 г. по 1783 годъ откупъ въ Петербургѣ и Москвѣ съ «подсудственными мѣстами,» кромѣ Ладожскаго уѣзда, отданъ за 2,320,000 руб. Откупщиками въ Москвѣ были Голиковы. Питейный доходъ составляетъ 9,258,275 р. Въ уставѣ о винѣ 1781 г. поручаютъ казеннымъ палатамъ произвести во всѣхъ намѣстничествахъ торги на 1783 г. Вино

должны заподрядить казенныя палаты на казенныхъ и частныхъ винокуренныхъ заводахъ и продавать его изъ винныхъ магазиновъ; розничную питейную продажу производить изъ казенныхъ питейныхъ домовъ за узаконенную цѣну; *казенные питейные дома* заводятся въ государственныхъ имѣніяхъ съ разрѣшенія директора экономіи, а въ помѣщичьихъ и владѣльческихъ съ согласія помѣщика и съ дозволенія казенной палаты; продажа въ питейныхъ домахъ на вѣрѣ и на откупу; и въ первыхъ торгуютъ водкой, пивомъ и медомъ *казенные сидѣльцы;* на откупъ отдается или одинъ питейный домъ или нѣсколько; откупщики обязаны продавать питья за узаконенную цѣну (П. С. З. 15231). Но откупщики не довольны были этимъ уставомъ и просили о постройкѣ вновь питейныхъ домовъ, объ отдачѣ имъ подвижныхъ продажъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ прежде не бывало, объ отпускѣ имъ, сверхъ договорнаго добавочнаго вина, и проч. Сенатъ призналъ эти требованія несправедливыми, и замѣтилъ, что откупщики, осмѣлясь предложить столь несообразныя ни съ чѣмъ требованія, обнаружили симъ желаніе недозволеннаго обогащенія (ib. 15325). Питейный доходъ съ 1783 по 1786 г. увеличился отъ семи до десяти милліоновъ. Съ 1787 по 1791 питейные сборы въ Москвѣ съ уѣздомъ на вѣрѣ, а во всѣхъ другихъ городахъ на откупу. Казна отпускаетъ откупщикамъ одно вино по три рубля за ведро, а пиво и медъ, приготовляемые нанятыми по договору пивоварами, продаетъ изъ казенныхъ питейныхъ домовъ. Съ 1795 года окончательно утверждена одна откупная система для всей Имперіи, устроенная по проэкту купца Кандалинцова, представленному Екатеринѣ, по которому откупщики, кромѣ выручки отъ продажи питей, брали въ свою пользу и выручку отъ продажи въ питейныхъ домахъ харчевыхъ припасовъ. Дворянамъ дозволено выкуривать для собственнаго потребленія по 90 ведръ въ годъ. Въ четырехлѣтіе отъ 1765 до 1769 г. питейный доходъ съ вели-

коросійскихъ и сибирскихъ губер. простирался до 16,899,917 рублей въ годъ. Таково было положеніе откуповъ въ царствованіе Екатерины. Откупщикъ этого времени пользовался неограниченнымъ правомъ дѣлалъ все, что угодно. Въ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ до сихъ поръ еще по старинѣ пробавлялись пивомъ и брагой, а теперь была одна водка, вдругъ появилось страшное пьянство, и въ мірѣ народныхъ повѣрій возникъ и сложился образъ Ярилы, бога водки, великороссійскаго Бахуса...... Дѣйствительно, праздникъ Ярилы, почти неизвѣстный до половины XVIII вѣка теперь разомъ появляется въ губерніяхъ: тверской, костромской, владимірской, нижегородской, рязанской, тамбовской и воронежской. 30 мая 1765 года, въ понедѣльникъ Петрова поста и въ послѣдній день празднованія Ярилѣ, въ Воронежѣ на площади стояли бочки съ виномъ, валялись пьяныя; въ это время является на площади епископъ воронежскій Тихонъ, начинаетъ кротко поучать любимый имъ народъ,—народъ его слушаетъ, потомъ разбиваетъ бочки съ виномъ, и съ тѣхъ поръ праздникъ Ярилы навсегда прекращается въ Воронежѣ. Но преосвященному Тихону подвигъ этотъ даромъ не прошелъ. Откупщики донесли, что онъ смущаетъ народъ, учитъ его не пить водки и тѣмъ подрываетъ казенный интересъ, а вслѣдствіе этого доноса, въ половинѣ 1767 г., Тихонъ долженъ былъ отправиться на покой.... Народъ, благодарный за доброе слово, проводилъ своего епископа со слезами, и впослѣдствіи времени, св. Тихонъ является однимъ изъ угодниковъ, наиболѣе близкихъ народному сердцу (Евгеній, Опис. жизни пр. Тихона, изд. 2-е, 27—37). Вообще тогда было правиломъ, что, при нарушеніи по какому-нибудь случаю питейнаго интереса, не принимались никакія оправданія, и слѣдовали кары. Въ 1776 г. архангельскій магистратъ былъ отданъ *въ неволю военной командѣ* за казенные на архангело-городскомъ посадѣ долги питейнаго сбора и за штраф-

ныя деньги за непричащеніе святыхъ тайнъ (Врем. 25: Магистр. опис. 66). Вся земля была усѣяна *корчемными конторами* для преслѣдованія корчемниковъ; пытать корчемниковъ было запрещено. Въ 1751 г. было поймано въ корчемствѣ много нижнихъ чиновъ, они были приговорены къ наказанію кнутомъ, но сенатъ велѣлъ остановить исполненіе приговоровъ и сослать ихъ въ Оренбургъ. Корчемниковъ то миловали, освобождая ихъ отъ пытокъ и приказывая чиновникамъ изыскивать истину «слѣдствіемъ чрезъ сыски, доказательства и обыски», то жестоко преслѣдовали, приказывая «чинить корчемникамъ пристрастныя допросы и наказывать ихъ плетьми и палками, если они противу сдѣланныхъ на нихъ показаній станутъ запираться». Корчемнымъ сыщикамъ давали подробнѣйшія инструкціи, учреждали въ разныхъ мѣстахъ корчемныя заставы, въ томъ числѣ между Украйной и Великороссіей, но корчемство не прекращалось: корчемствовали въ каждомъ городѣ и селѣ, въ каждомъ домѣ, въ помѣщичьихъ и казенныхъ селеніяхъ, въ трактирныхъ заведеніяхъ и ренскихъ погребахъ. Екатерина въ секретномъ наставленіи Вяземскому признавалась, что въ корчемствѣ столько виновныхъ есть, что и наказывать ихъ почти невозможно, *понеже цѣлыя провинціи себя оному подвергли*. Поэтому преслѣдованіе корчемниковъ обращалось въ настоящую войну: полковые и съѣзжіе дворы получали предписанія чинить вспоможенія откупщикамъ для поимки корчемниковъ (П. С. З. 5822); при выемкахъ совершались смертоубійства и раны (ib. 15231). Общество XVIII вѣка, повидимому столь просвѣщенное и либеральное, обходило все это молчаніемъ, и, мало того, нѣкоторые передовые люди того времени подсмѣивались еще надъ простыми людьми, которые съ самаго начала враждебно взглянули на откупа. Одинъ Щербатовъ съ прискорбіемъ заявлялъ, что винные сборы въ Петербургѣ и Москвѣ, простиравшіеся при Елисаветѣ до 700,000 р. въ

годъ, при Екатеринѣ возросли уже до 10 милліоновъ (Моск. Вѣд. 1859, 142). Знали объ этомъ и враги государства, и, напримѣръ, Беніовскій, въ 1771 г. въ объявленіи, посланномъ въ сенатъ, указывалъ, что «служащій къ общему пропитанію народному промыселъ виномъ и солью отданы на откупъ не многимъ лицамъ». (Ковал. Гр. Блудовъ, 197). Наступило царствованіе Александра 1-го, получившее въ наслѣдство 259,958 неоконченныхъ дѣлъ камеръ-коллегіи по питейнымъ сборамъ (Хавск. собр. узак. XVII, пред. 1). Въ 1810 г. были учреждены министерства, и въ министерство внутреннихъ дѣлъ перешло завѣдываніе казенными палатами, и вообще предметами государственнаго хозяйства. Откупщики поручены были особому покровительству губернаторовъ, и, кромѣ старыхъ льготъ, имъ предоставлено было право надзора за винокуренными заводами, полная свобода открывать вновь кабаки, и даже *кабаки негласные*, по произволу переносить ихъ на болѣе выгодныя мѣста, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволено учреждать при питейныхъ домахъ въ особыхъ покояхъ *харчевную продажу*, а чтобъ не было ей подрыва, герберги низкихъ разрядовъ уничтожить. Вслѣдствіе этого кабаки плодились неимовѣрно, и даже помѣщики стали жаловаться, что откупщики ставятъ кабаки «чуть не противъ барскаго дома». По настоянію департамента удѣловъ, въ 1803 г., были закрыты всѣ питейныя заведенія въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Дошли слухи о «непомѣрномъ» размноженіи кабаковъ и пьянствѣ, и для разсмотрѣнія дѣла былъ составленъ комитетъ, который нашелъ, что «при допущенномъ размноженіи кабаковъ, *соблазнъ и развращеніе* происходятъ въ нихъ главнѣйше отъ заведенія въ особыхъ этажахъ или комнатахъ подъ именемъ харчевенъ настоящихъ трактировъ», и потому было положено *для обращенія питейныхъ домовъ къ первоначальному ихъ назначенію* (?), содержать ихъ не иначе, какъ въ нижнихъ этажахъ; и для того, чтобъ откупщики *могли* на-

блюдать другъ за другомъ, сдѣлать два откупа, пивной и винный. Продажа того или другаго напитка, говорилъ уставъ, долженствуетъ быть въ одномъ питейномъ домѣ, въ разныхъ токмо покояхъ, такимъ образомъ, чтобъ входъ въ оные былъ одинъ. Харчевная продажа должна производиться въ самомъ питейномъ домѣ, а не въ особыхъ этажахъ или отдѣленіяхъ. Число питейныхъ домовъ ограничивалось тѣмъ количествомъ, какое было въ 1803 г. при послѣдней отдачѣ откуповъ въ четырехлѣтнее содержаніе, и за тѣмъ всѣ прочіе, съ того времени вновь заведенные питейные дома и выставки, какого бы рода они ни были, уничтожались. Вслѣдствіе этого стали искать списки кабаковъ 1803 г. *но ихъ не оказалось въ наличности*.... Съ 1807 г., съ котораго начинался новый откупъ, запрещалось не только въ казенныхъ, но и въ удѣльныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ, *даже по добровольнымъ съ помѣщиками условіямъ*, заводить вновь питейные дома и выставки. Крестьянамъ позволено было для ихъ обихода самимъ варить пиво, медъ и брагу, а солдатамъ запрещено было ходить въ кабаки и торговать водкой въ казармахъ. Но съ другой стороны не упустили изъ виду и интересы откупщиковъ. Откупщикамъ въ каждой губерніи велѣно состоять въ особомъ покровительствѣ у губернаторовъ, и во всѣхъ своихъ по дѣламъ откупа нуждахъ, не уклоняясь впрочемъ отъ установленнаго порядка, относиться прямо къ губернатору, который, при каждомъ таковомъ случаѣ, *по долгу званія*, обязанъ былъ подавать откупщику руку помощи и доставлять справедливость (П. С. З. 22028). Состоялись откупа съ 1807 по 1811, и цѣны на торгахъ поднялись: винный откупъ отданъ былъ за 27,913,555 р., пивной за 1,273,172 р., портерныя лавки за 149.118 р., все же за 29,336,145 руб. Въ мартѣ 1809 года, по представленію государственнаго канцлера Голубцова, учрежденъ новый комитетъ для раскрытія злоупотребленій откупщиковъ, который и нашелъ, что «откупъ пор-

терныхъ лавокъ, за исключеніемъ столицъ, давалъ только 20,000 руб., а между тѣмъ подрывалъ главный пивной откупъ, производя незаконный торгъ простымъ кабацкимъ пивомъ».... Въ 1809 г. объявляя откупъ на 1811—1815 срокъ, оставляли по прежнему два откупа, пивной и винный, и откупщики по прежнему получали особыя права. «Мы совершенно удостовѣрены, говорилъ указъ, что дворянство и купечество, имѣющіе, по изданнымъ отъ насъ и предковъ нашихъ узаконеніямъ, право вступать въ содержаніе винныхъ откуповъ, первое же и поставлять въ казну и откупщикамъ вино, на заводахъ и въ помѣстьяхъ онаго выкуриваемое, принявъ новымъ опытомъ наши благоволенія, даруемыя нынѣ отъ насъ обѣимъ симъ состояніямъ, столь знатныя въ промышлености сей выгоды, по представленію залоговъ и по огражденію прочихъ ихъ имуществъ и самой личности ихъ отъ разнаго рода стѣсненій, обратятъ, при наступающихъ на винные откупа торгахъ, общія усилія къ умноженію пользъ государственныхъ» (ib. 23,995. На торгахъ откупная цѣна возросла съ 29 до 53 милліоновъ). Въ это четырехлѣтіе во многихъ губерніяхъ питейные сборы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и томскіе и тобольскіе винокуренные заводы содержалъ откупщикъ Евреиновъ, на которомъ къ 1818 г. накопилось недоимки до 4 милліоновъ. По дѣлу оказалось, что онъ виновенъ въ умышленномъ накопленіи недоимокъ; но что имѣнія у него никакого не оказывается, кромѣ показываемаго имъ, которое или ограблено, или сожжено, или въ спорѣ находится (Спасск. Собр. Зак. XVII, стр. 85). Всего къ 1818 г. накопилось недоимокъ 18,400,000 р. (Хав. Собр. зак. XVII, стр. 85). На торгахъ 1815—1819, хотя и оставлено было старое число питейныхъ заведеній, но откупщикамъ дозволено было, изъ существовавшихъ тогда въ окладѣ выставокъ, обратить третью часть въ питейные дома, буде откупщики пожелаютъ (П. С. З. 25,635). Однимъ изъ первыхъ послѣдствій этой мѣры былъ упадокъ пиво и медоваренія. Пивоварни, которыя возникли

уже по учрежденіи откуповъ, тѣснимыя откупщиками прекращали свои дѣйствія, и держались однѣ лишь нѣмецкія пивоварни, явившіяся въ началѣ этого столѣтія, — Даніельсона, Казалета, Крона, Пелевана (ib. 26051). По откупнымъ дѣламъ возникали безчисленныя жалобы и споры, слѣдствія и разбирательства, и откупщики продолжали позволять себѣ всевозможныя злоупотребленія. По свѣдѣніямъ, находящимся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, откупщики Калужской и Орловской губерній, взимая при отпускѣ вина лишнія деньги, продавали вино съ обмѣромъ, примѣсью воды, въ сосудахъ меньшей мѣры; издавна заведено было, что въ вино подмѣшивали *дурманъ* и другія ядовитыя примѣси (Хавск. Указ. Зак. XVII, стр. XXIV), и вотъ теперь въ Пермской губ. найдена въ винѣ вредная примѣсь *изъ мыла, мѣди и мѣдной окиси.* (Дѣло № 611, въ Арх. Деп. Пол. Исп.)...... Дѣло о безпорядкахъ по калужскому откупу восходило до сената (Ист. М. В. Д. 1819, стр. 224). Графъ Гурьевъ возсталъ противъ откуповъ, и, по его настоянію, манифестомъ 1817 г., откупа были уничтожены, и введена *казенная продажа вина.* Въ кабакахъ установлено продавать: *вино* не ниже полугара, по установленной продажной цѣнѣ, *ерофѣичъ* и *наливки*, безъ вредной примѣси, съ надбавкою на каждое ведро по 2 рубля; *водки, пиво* и *медъ* — по вольнымъ цѣнамъ; распивочная продажа въ ренсковыхъ погребахъ запрещена. (Уст. о пит. сборѣ. М. 1817). Указомъ 9 мая 1819 г., по представленію министра, увеличено число питейныхъ домовъ и выставокъ: въ московской губ. положено питейныхъ домовъ 408, выставокъ 366, въ новгородской — питейныхъ домовъ 511, выставокъ 92, въ смоленской — питейныхъ домовъ 482, выставокъ 226. Въ курской губ. при торгахъ на откупа съ 1811 г. было назначено питейныхъ домовъ 1174, выставокъ 300, и теперь Курская казенная палата предлагала увеличить число ихъ; но министръ рѣшилъ оставить 1174 кабака и 298 выставокъ. На Владимір-

скую губ. казенная палата назначила питейныхъ домовъ 351, выставокъ 1000, но министръ уменьшилъ ихъ до 500. *Размѣщеніе питейныхъ домовъ возложено было на казенныя палаты.* (Хавск. Собр. Узак. XVII, стр. 87). Кабакамъ давали просторъ, а рестораціи и харчевни стѣсняли (указъ 1821). Съ содержателя харчевни, занявшаго въ ней болѣе того числа покоевъ, какое назначено, за каждый излишній покой (комнату), *хотя бы оная занята была хозяиномъ харчевни,* взыскивалось 100 руб. (Хавск. Собр. Узакон. XVII, 230). Въ Москвѣ, съ продажи въ питейныхъ домахъ закусокъ велѣно было, въ 1823 г., взимать сборъ, подобный установленному въ Петербургѣ, т. е. вполовину акциза съ харчевень, а именно: въ Бѣломъ городѣ 375 руб., въ Земляномъ 250 р., за Землянымъ городомъ 200 р. (Положеніе о дох. г. Москвы 1823, стр. 21). Не смотря на увеличеніе числа кабаковъ, продажа водки упала, потому что пивовареніе, освобожденное отъ гнета откупщиковъ, распространилось и считалось уже 877 пивоваренныхъ заводовъ; въ два года по введеніи казенной продажи вина открыто было 736 портерныхъ лавокъ, вмѣсто 70, бывшихъ при откупахъ.

Но выборныхъ на вѣрѣ, чтобъ вести казенную продажу вина, давно уже не было въ поминѣ, и отставленные откупщики смѣнились теперь приказными и чиновниками. Чиновники стали заводить особые подвалы для корчемнаго вина и торговали имъ, а сами преслѣдовали корчемство. Въ 1825 г. во всѣ земскіе суды прибавлено было по одному корчемному засѣдателю (Ж. М. Вн. Д. 1825. 9). Годъ назадъ снова сдѣлано было распоряженіе, чтобъ воинскія начальства оказывали пособія въ поимкѣ корчемниковъ (Спас. Собр. Уз. XVII, 339). Питейные чиновники черезъ подставныхъ лицъ брали себѣ лучшіе питейные дома, раздачу кабаковъ обратили въ торговлю, и сидѣльцы по кабакамъ, обремененные поборами, совершенно замѣнили собою откупщиковъ. Народъ

пьянствовалъ по прежнему. Карамзинъ, посѣтивъ въ это время деревню, припоминалъ, что еще недавно жизнь народа текла болѣе или менѣе по прежнему, а новомоднаго пьянства этого еще не было. «Живо помня лѣта своего дѣтства — писалъ онъ въ 1824 г. — помню и то, что прежде въ одни большіе годовые праздники крестьяне веселились и гуляли, угощая другъ друга домашнимъ пивомъ и виномъ, купленнымъ въ городѣ. Нынѣ будни сдѣлались для нихъ праздникомъ, и люди услужливые, подъ вывѣскою орла, вездѣ предлагаютъ имъ средство избавляться отъ денегъ, ума и здоровья: въ рѣдкой деревнѣ нѣтъ питейнаго дома (?). Къ чести нѣкоторыхъ дворянъ, сосѣдей моихъ, скажу, что они отвергаютъ выгоды, предлагаемые имъ откупщиками, и не дозволяютъ заводить у себя питейныхъ домовъ; но другіе не такъ думаютъ — особливо тѣ, *которые сами въ откупахъ участвуютъ*. Смѣю думать, что сей легкой и модной способъ умножать свои доходы не согласенъ съ достоинствомъ благороднаго и великодушнаго патріота: ибо вижу многихъ почтенныхъ людей, которые прибѣгаютъ къ нему безъ зазрѣнія совѣсти и хвалятся искусствомъ въ семъ важномъ промыслѣ.» (Собр. Образц. соч. VI, 6).

Грабежъ казны и народа, производимый *чиновниками*, и уменьшеніе питейныхъ доходовъ обратили на себя вниманіе. Членъ государственнаго совѣта, князь Куракинъ, говорилъ, что желательно было бы уничтоженіе казеннаго управленія питейными сборами, *столь сильно разстроившаго нравственность чиновниковъ питейнаго сбора, кои, вопреки званію своему, участвовали неприличнымъ для нихъ (?) занятіемъ*, по которому могли быть полезны въ отечествѣ настоящей государственной службѣ, *и занимать приличныя по чинамъ и званію мѣста* (Чт. 1861. II, см. 1432)...... Мордвиновъ, также недовольный казенной продажей вина, предлагалъ, въ 1826 г., завести вольную продажу вина, и «вывесть изъ употребленія слово *кабакъ*, или питейный домъ, и замѣнить оные *лавкою про-*

дажнаго вина. Съ уничтоженіемъ кабаковъ, говорилъ онъ,— мѣстъ сборныхъ для развратныхъ людей (?), и съ воспрещеніемъ чарочной продажи, гнусный порокъ пьянства въ значительной степени уменьшится, безъ уменьшенія вѣроятно казеннаго дохода, и тогда вино сдѣлается важною для продажи потребностью и отраслью для иностраннаго торга, а не упоеніемъ до безчувствованія и соединеніемъ пьяницъ въ скопища» (Чт. 1860, I, см. 13—16). Авторъ сочиненія «мечты о благѣ отечества», представленнаго Государю, писалъ въ 1828 г. «казенная палата старается усилить продажу горячительныхъ напитковъ, и чѣмъ болѣе распоитъ вина и водки, или чѣмъ болѣе (народа) сидитъ въ кабакахъ, тѣмъ ей болѣе чести и славы, тѣмъ щедрѣе посыплются награды на винныхъ чиновниковъ» (ib. 1862. IV, см. 89). Итакъ въ 1827 г. снова были возстановлены откупа. Гр. Канкринъ писалъ: «хотя при казенномъ управленіи доходъ казны и усилился (съ 52 до 67 милліоновъ), но казенное управленіе показало то важное неудобство, что всѣ злоупотребленія по этой части обращались непосредственно въ упрекъ правительству, и *сословіе чиновниковъ развращалось*...... На торгахъ 1827 г. откупная сумма дошла до 72 милліоновъ; откупщики получили привиллегію выдѣлывать водки и пиво низшихъ сортовъ безакцизно и имѣть свою стражу, и вслѣдъ затѣмъ на заставахъ явились знакомые намъ солдаты съ желѣзными щупами. Въ Великороссіи стража охраняла только границы откупной мѣстности; но въ Малороссіи, Новороссіи и западной Россіи стража нужна была для каждаго города и селенія. Въ Украйнѣ, въ 1835—1839 годахъ, откупщики получили право *провожать каждаго проѣзжающаго черезъ городъ отъ одной заставы до другой, на двухъ верстную дистанцію за заставой; а если проѣзжающіе останавливаются на обѣдъ, или ночлегъ, то имѣть за ними наружный надзоръ.* По отчетамъ М. Вн. Д. за 1855 г. видно, что съ 1843 г. на гра-

ницахъ привиллегированныхъ губерній усилилось корчемство, сопровождавшееся буйствомъ и даже убійствами, почему въ 1850 г. учреждена особая корчемная стража изъ 450 человѣкъ, содержаніе которой, 90.000 руб. въ годъ, отнесено было *на счетъ земства*. Корчемство ослабло, и въ 1854 г. стража была уменьшена на 100 человѣкъ, а въ 1855 г. совершенно упразднена и только до времени оставлена въ Смоленской губ. въ числѣ 75 чел., упраздненныхъ окончательно въ 1856 г. Здѣсь встрѣтился только одинъ случай корчемства, сопряженнаго съ буйствомъ, именно за два ведра корчемнаго вина, провезеннаго въ Смоленскую губернію. Все содержаніе корчемной стражи, говоритъ отчетъ М. Вн. Д. за 1856 г., установленной для огражденія частныхъ выгодъ откупщиковъ, обошлось, въ продолженіи семи лѣтъ почти въ полмилліона, взятыхъ изъ земскихъ сборовъ. Между тѣмъ, въ остальныхъ частяхъ государства корчемство не прекращалось, и сотни тысячъ людей, признанныхъ за корчемниковъ, наполняли тюрьмы, или шли въ Сибирь, ибо, по словамъ Аверина, не было достаточной безопасности отъ поклепа корчемствомъ (Чт. 1858, IV). Въ откупныхъ условіяхъ на 1835—1839 г. откупщикамъ предоставлено взимать акцизъ съ пива и меда (80 к. съ ведра пива, и 60 к. съ ведра меда). Такой же акцизъ положенъ на *брагу*, *сусло и медовый квасъ*. Съ портерныхъ лавокъ установленъ акцизъ отъ 300 до 1000 р. съ каждой. Число питейныхъ заведеній увеличено. Въ это время откупщики снова подняли головы, стали жаловаться *на подрывъ, который дѣлаютъ имъ трактиры,* и просили о допущеніи различныхъ *удобствъ* въ питейныхъ домахъ, съ цѣлію, какъ говорили они, *отвратить народъ отъ трактировъ и гостинницъ*, гдѣ онъ *привыкалъ къ роскоши*, *къ чаю*, *къ винограднымъ винамъ*, во вредъ нравственности и въ разореніе семействъ.... На торгахъ 1835—1839 г. откупная сумма достигла 91,936.000 руб.

Положеніе народа было неудовлетворительно...... Киселевъ, заступаясь за государственныхъ крестьянъ, указывалъ на повсемѣстное пьянство, обѣднѣніе, развратъ, которые развивались по милости откупщиковъ, стѣснившихъ пивной промыслъ и получившихъ разрѣшеніе обратить штофныя лавочки въ кабаки. Но самое пагубное вліяніе, говорилъ онъ, приносятъ кабаки въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находятся сельское или волостное управленіе. Кабаки обыкновенно помѣщаются возлѣ волостныхъ управленій, и мірская сходка по необходимости собирается передъ кабакомъ. Часто эти сходки собираются не для дѣлъ, а по проискамъ цѣловальника, и ни одна сходка не обходится безъ пьянства, и такое пьянство тѣмъ вреднѣе, что тутъ пьянствуетъ не частный человѣкъ, а *административное собраніе, облеченное властію (!).* Муравьевъ доносилъ изъ Восточной Сибири о распространеніи пьянства и злоупотребленіяхъ откупщиковъ......

Обнищалый, замученный польскими панами, опутанный сѣтью жидовскихъ шинковъ, Бѣлоруссъ въ грустныхъ пѣсняхъ высказывалъ утрату своего благосостоянія «у новой корчомцѣ:»

Сини салавѣйко, чѣмъ ты не спѣваешь,
Чы ты салавѣйко голосу не маешь?
Патраціу я голосъ на зеліономъ гаю,
Па зеліономъ гаю, на цихомъ Дунаю.
Чѣму ты малады, чѣму нѣ гуляешь,
Чы ты малады щастя—доли не маешь?
Патраціу я долю, нѣ разъ свою волю,
У новой корчомцѣ на горькой горелце,
Цѣперъ же мнѣ нѣкуды павернуц-це,
Усіо маѣ сѣло у Баруха на водце.
Тутъ маѣ коники, тутъ маѣ волики,
Тутъ мая адзѣнка, тутъ маи грошыки.....

Сиви голубочку сѣдзи на дубочку,
Выкликала матка сына съ корчмы до домочку.
Ой хадзи, мой сынку, съ корчмы до домочку,
Забираюць арендары усю твою худобу!
— Я самъ того бачу, што худобу трачу,
За дробными сліозунками я свѣта нѣ бачу. ....

18*

Гордый украинецъ восклицалъ съ лирическимъ смѣхомъ:

Гей корчмо, корчмо княгине!
Чомъ то въ тобі казацького добра багато гине!....

На русской Украйнѣ, тощій и не веселый конь стоялъ и оплакивалъ пьянство донскаго казака:

Не тяжело мнѣ сѣдельце черкесское,
Не тяжелъ ты и самъ на мнѣ,
А тяжолъ-то мнѣ твой царевъ кабакъ.
Какъ и часто ты зелена вина напиваешься,
Да садишься, на меня, на добра коня,
На обои боки мои ты вихляешься,
Мною, добрымъ конемъ, выхваляешься,
Оттого-то я худъ и не веселъ стою....

(Донск. пѣсни, 25).

Великорусскій мужикъ не плакалъ и не восклицалъ, а только пилъ:

Какъ на горкѣ на горѣ,
На высокой на крутой,
Стоитъ новый кабачокъ,
Сосновинькій чердачокъ,
Какъ въ этомъ чердачкѣ,
Пьетъ голинькой мужичокъ.....

(Самарс. пѣсни, 71).

У великорусскаго народа мало-по-малу сложилось новое правило жизни, что *не пить — такъ и на свѣтѣ не жить*. Но, испивая да испивая, не могли не замѣтить, что подъ часъ и водка не помогаетъ, и, ухмыляясь на свою судьбу, прибавляли: *пьемъ какъ люди, а за что Богъ не милуетъ — не знаемъ*. Иные шли еще дальше, и сознавались открыто: *пьемъ — людей бьемъ, чѣмъ не живемъ!* И какъ всѣ они ни бились, а въ концѣ концовъ убѣждались, что все спасеніе *въ аптекѣ, гдѣ излечиваются всѣ болѣзни*, и шли туда гурьбами *хлебнуть сиротской слезы, завить горе ремешкомъ*. Испивая, да запивая, человѣкъ начиналъ пить *горькую, непробудную чашу, запивалъ на вѣкъ*, до самой могилы, про-

носился по селу отчаянный вой жены: *чоловікъ пье!* и вставалъ на ноги страшный, чудовищный, нигдѣ въ Божьемъ мірѣ неслыханный, *запой*, и шелъ онъ по всей Русской землѣ, поднимая всеобщее пьянство, то тихое, разбитое и понурое, то лихое и дикое! Кабаки вызывали пьянство, пьянство вызывало запой, а отъ запоя лечили.....

Изъ инородцевъ одни по прежнему пили *кумышку*, *бузу*, и *кумысъ*, а другіе начинали ужъ сживаться съ русскими обычаями, варили пиво, заводили братчины.... Зыряне, убравши съ полей хлѣбъ, пировали на братчинахъ, распивая молодое пиво, и при этомъ условливались о будущихъ промыслахъ (Ж. М. В. Д. 1817, Май 179). Здѣсь было начало новой культурной жизни инородческихъ племенъ. Вотяки съ 1770 г. пользовались правомъ варить кумышку; право это было подтверждено имъ въ 1802 и 1806 годахъ. Въ уставѣ о питейныхъ сборахъ на 1807 г. сибирскимъ инородцамъ позволено было дѣлать кумысъ и кумысное вино, а вотякамъ вятской губерніи курить кумышку, съ условіемъ, чтобъ подъ видомъ кумышки не курили вина, *за чѣмъ, сверхъ полицейскаго надзора, могутъ откупщики и сами имѣть надзоръ на установленномъ о томъ порядкѣ.* (П. С. З. 22028). Но въ 1818 г., по предложенію князя Лобанова-Ростовскаго, у вотяковъ отнято было право курить кумышку, *съ предоставленіемъ имъ другаго права* — пользоваться, наравнѣ съ казенными крестьянами, вареніемъ обыкновеннаго пива и браги. Сдѣлано же это было на томъ основаніи, что Вотяки сіе дозволеніе курить кумышку обратили въ выдѣлку настоящаго хлѣбнаго вина, и если, при введеніи съ 1819 г. въ дѣйствіе устава о питейномъ сборѣ, оставить вотякамъ курить кумышку, тогда они, *освободясь отъ предпріимчиваго и на корысти основаннаго преслѣдованія откупщиковъ*, безъ сомнѣнія усилятъ свое корчемство, половина многолюднѣйшей губерніи будетъ какъ бы на особомъ правѣ, а большая часть питей-

наго сбора сдѣлается жертвою *мнимаго обычая* вотяковъ (П. С. З. 27,533). Кумышка была строго запрещена, и за этимъ должны были наблюдать: вся земская полиція, корчемный засѣдатель, окружныя и волостныя правленія, и одинадцать кордоновъ, каждый изъ повѣреннаго и трехъ стражниковъ. Запрещеніе объявлялось слѣдующимъ образомъ. Наѣзжалъ судъ и давалъ правила, какихъ градусовъ должна быть кумышка, какія должно имѣть для нея кадки, какъ надо ее пить и пр. Вотяки рѣшительно ничего не понимали. Новыя правила о томъ, чтобъ не курить кумышку—водку, съ перспективой ссылки на каторгу, для нихъ равносильны были полному запрещенію приготовлять какую ни на есть кумышку, и вотяки съ горя стали вѣшаться.... (Русс. Бѣс. 1858, I, 108). Почти тоже было и съ пермяками, когда ихъ лишили права варить брагу. (Перм. Сб. II, 2, 19). Тѣхъ же, которые и послѣ этого рѣшались варить кумышку ссылали въ Сибирь, если только они не успѣвали вступить въ сдѣлку съ откупщикомъ. Откупщики обязывали вотяковъ въ теченіе года выбрать извѣстную пропорцію вина, и тогда ужь не стѣсняли ихъ въ вареніи кумышки. Вездѣ, гдѣ только жили инородцы, были заведены кабаки, и инородцы спивались. Кастренъ, путешествуя въ 1838 — 1844 г. по сѣверной полосѣ Россіи, пріѣхалъ на Мезень и сталъ отыскивать себѣ учителя самоѣдскому языку, но не могъ найти. «На все селеніе, пишетъ онъ, напала страсть къ пьянству. Я выбралъ трезвѣйшаго изъ всѣхъ, но и онъ оказался рѣшительнымъ пьянюшкой; попробовалъ взять самоѣдку, но и она не выдержала дня. Вызвавъ изъ кабака всѣхъ бывшихъ тамъ самоѣдовъ, я объяснилъ имъ содержаніе моихъ бумагъ и требовалъ, чтобъ мнѣ представили въ учителя самаго трезваго человѣка. Его привели ко мнѣ, но выведенный имъ изъ терпенія, я вытолкалъ его за двери, и вскорѣ затѣмъ я увидалъ его близъ кабака лежащимъ на снѣгу, въ безчувственно

пьяномъ положеніи».... — «Онъ лежалъ здѣсь не одинъ: все снѣжное поле вокругъ бахусова храма было усѣяно павшими героями и героинями. Всѣ они лежали ничью, полузанесенные снѣгомъ. Здѣсь царствовала тишина могильная, тогда какъ въ кабакѣ раздавались неистовые крики, но отнюдь не брани и не драки, напротивъ, всѣ находившіеся тамъ были въ самомъ веселомъ и дружелюбномъ расположеніи. По временамъ изъ кабака выходили полупьяные мущины съ кофейникомъ въ рукахъ, съ величайшей осторожностью бродили по снѣгу, боясь пролить драгоцѣнный напитокъ, и внимательно осматривали каждаго изъ спавшихъ товарищей, очевидно отыскивая мать, жену, невѣсту, или кого либо изъ дорогихъ сердцу. Отыскавъ желанную особу, они ставили кофейникъ на снѣгъ, повертывали лежавшаго навзничъ, всовывали рыльце кофейника въ ротъ своего любимца, и выливали упоительную влагу въ его горло. За тѣмъ они снова обращали его внизъ лицомъ и тщательно укрывали сіе послѣднее, чтобъ обезопасить его отъ мороза.» — «Когда мы пріѣхали на свадьбу, продолжаетъ Кастренъ, всѣ уже были угощены порядочно. Многіе лежали на открытомъ воздухѣ безъ чувствъ, съ открытою головою, уткнутою въ снѣгъ, и вѣтеръ обсыпалъ ихъ снѣгомъ. Здѣсь нѣжный супругъ ходитъ отъ одного лежащаго къ другому, ищетъ свою супругу, находитъ, беретъ ее за голову, оборачиваетъ ее спиной къ вѣтру, и ложится рядомъ съ нею, носомъ къ носу. Тамъ другой ходитъ съ кофейникомъ въ рукахъ, ищетъ свою возлюбленную, и найдя, вливаетъ ей въ горло нѣсколько водки; третій наталкивается на своего недруга, даетъ ему нѣсколько тузовъ и бѣжитъ. Далѣе бѣднаго опьянѣвшаго кладутъ на сани, привязываютъ его къ нимъ, а его оленя къ задку своихъ саней, и уѣзжаютъ. Между тѣмъ, въ чумѣ, среди совершенно опьянѣвшихъ, лежалъ и женихъ, и была ужь немного пьяна и сама невѣста, ребенокъ лѣтъ тринадцати. Спустя 12 лѣтъ, проѣз-

жалъ по этимъ же мѣстамъ другой путешественникъ, Максимовъ, и нашелъ тоже самое. «Въ жалкихъ и печальныхъ городахъ Поморья, говоритъ онъ, первое мѣсто принадлежитъ разбитнымъ усатымъ господамъ, съ размашистыми лошадиными манерами, съ волосами стрижеными въ кружокъ по русски. Это винные управляющіе и ревизоры! Въ спаиваніи инородцевъ имъ помогаетъ *русское населеніе*, съ нечеловѣческими и съ нехристіанскими чувствами (Годъ на Сѣв. 7, 219, 20)..... Максимовъ разсказываетъ со всѣми подробностями, какъ зырянинъ спаиваетъ самоѣда (ib. 445), и потому, куда бы онъ ни пріѣхалъ, вездѣ находилъ одну лишь вопіющую бѣдность и повсюду слышалъ одно и тоже:

Гдѣ вашъ отецъ?
— На кабакъ пошла.
(ib. 380, 456).

Переѣхалъ Кастренъ въ Сибирь и у сибирскихъ самоѣдовъ нашелъ тоже самое страшное пьянство. 5 марта 1846 г. онъ писалъ изъ Томска: «масляницу я провелъ въ деревнѣ Молчановой, гдѣ меня помѣстили въ верхнемъ этажѣ обыкновеннаго кабака. Здѣсь, въ продолженіе всей разгульной недѣли, я ни днемъ, ни ночью не имѣлъ покоя отъ шумливыхъ пьяницъ. Молчанова — небольшая деревня, окрестная страна бѣдна и рѣдко заселена самоѣдами, но, не смотря на то, продажа вина производилась въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что кабакъ въ одинъ день выручалъ почти 1,800 руб. Поэтому можно составить себѣ понятіе о пьянствѣ въ Сибири» (Флол. Маг. Землев. VI, 118, 141—144, 286). Новымъ положеніемъ 1863 г. кумышка вотякамъ была разрѣшена, съ условіемъ, чтобы они перегоняли ее только разъ, и чтобъ посуда для перегонки оставалась старая, безъ всякихъ улучшеній. Вотяки были совершенно счастливы. «Неужели, говорили они, кордонный больше не пріѣдетъ!»—

«Кордонный ушелъ, что это такое!» Но винокуренные заводчики не приминули сдѣлать доносъ, что-де отъ этого позволенія курить кумышку казна должна лишиться по крайней мѣрѣ 150,000 руб., ибо еслибъ вотяки Вятской губерніи не варили кумышку, то они должны были бы покупать ежегодно по ведру водки, а у вотяковъ кромѣ того пьютъ и женщины.... (Бирж. Вѣд. 1863, 48).

XXI.

По всему государству слышались жалобы на откупа, которыя наконецъ приняты были въ соображеніе, и въ Петербургѣ была наряжена *слѣдственная коммисія;* но на торгахъ 1850—1859 годахъ откупныя цѣны поднялись съ 52 до 160 милліоновъ. По отчетамъ Министерства Юстиціи, число подсудимыхъ по нарушенію устава о питейномъ сборѣ только по дѣламъ, *бывшимъ на розсмотрѣніи уголовныхъ палатъ* и равныхъ имъ мѣстъ, въ десятилѣтіе отъ 1840 по 1858 г., простиралось до 60480 человѣкъ, т. е., по 6048 человѣкъ ежегодно. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Смоленской, Орловской, Курской) число виновныхъ противъ питейнаго устава составляло около трети числа всѣхъ подсудимыхъ. Въ Вятской губ., въ 1853—8158 годахъ число подсудимыхъ по питейнымъ дѣламъ доходило до 13420 чел., т. е., по 2237 человѣкъ ежегодно. По отчетамъ М. Вн. Д. въ 1858 году, изъ арестантовъ, содержащихся въ тюрьмахъ, только 226 человѣкъ (?) были виновны въ корчемствѣ; но изъ книги «Свѣденія о питейныхъ сборахъ,» видно, что въ 1858 году общее число подсудимыхъ по питейнымъ дѣламъ простиралось до 110,976 чел., и собственно но нарушенію устава о питейныхъ сборахъ и акцизахъ — 5421 чел. (Свѣд. III, 66—

70). Сообразно этому увеличенію числа корчемниковъ и нарушителей питейнаго устава, а вмѣстѣ съ тѣмъ пьяницъ и бѣдняковъ, увеличивалось и общее число арестантовъ. По отчетамъ М. Вн. Д., въ 1845 году арестантовъ считалось 176,239; а въ 1855 г. уже 324,391 человѣкъ. Въ комитетѣ министровъ Киселевъ подалъ мнѣніе объ откупахъ, и въ слѣдствіе этого приняты были слѣдующія мѣры: такъ какъ пивовареніе у крестьянъ производится въ размѣрѣ нѣсколько большемъ только въ храмовые праздники, и во время полевыхъ уборокъ, *то на сей разъ ограничиться дозволеніемъ варить пиво въ котлахъ только на эти случаи;* запрещено держать въ питейныхъ домахъ по уѣздамъ кушанья, кромѣ холодныхъ закусокъ; предоставлено мѣстному начальству не дозволять казеннымъ крестьянамъ входъ въ питейные дома въ неуказанное время, и имѣть наблюденіе за исполненіемъ со стороны откупщиковъ правилъ о продажѣ питей, и т. д. (Свѣд. I, 103). Въ 1841 г., для разсмотрѣнія откупныхъ дѣлъ, былъ учрежденъ новый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Менщикова, а въ 1844 еще другой секретный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Орлова, а между тѣмъ, откупщики продолжали дѣлать свое дѣло. Хлѣбное вино продавалось во всѣхъ лавкахъ: — въ мелочныхъ, портерныхъ и сбитенныхъ, и даже въ баняхъ, что «сильно содѣйствовало къ порчѣ нравовъ и къ умноженію преступленій» (Ист. М. Вн. Д. 1842, стр. 710). Въ іюлѣ 1844 г. купеческій сынъ Кокоревъ, управлявшій однимъ изъ откуповъ, составилъ проэктъ, которымъ доказывалъ, что откупа *идутъ невыгодно* отъ дурнаго устройства ихъ хозяйствъ, и поэтому же *часть денегъ остается не выбранною изъ капитала, изобильно обращающагося въ народѣ,* и предлагалъ новую систему сборовъ. Система его, какъ изложена она въ книгѣ «Свѣденія о питейныхъ сборахъ,» состояла въ томъ, чтобы, 1) продать болѣе разлитыхъ питей, и въ особенности водокъ, какъ про-

дукта болѣе многоцѣннаго; 2) замѣнить всѣхъ сидѣльцевъ и повѣренныхъ такими людьми, которые «трудятся изъ насущнаго лишь хлѣба,» а доходы ихъ обратить въ откупъ; 3) вообще «дать дѣлу утонченно — торговый видъ и уничтожить соперничество, встрѣчаемое откупами отъ нѣкоторыхъ торговлей (Св. I, 132). Положено было испытать эту систему купеческаго сына Кокорева на практикѣ, и для производства опыта отданъ былъ Кокореву городъ Орелъ, и затѣмъ уже по многимъ губерніямъ введено Кокоревское акцизно-откупное коммисіонерство. Но, говоритъ книга «Свѣденія о питейныхъ сборахъ», изъ донесеній нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальниковъ видно было, что коммисіонеры, при управленіи своемъ, явно нарушали установленія откупныхъ правилъ. Орловскій губернаторъ, кн. Трубецкой, извѣщалъ, что неправильныя дѣйствія Кокорева вынуждаютъ ропотъ и жалобы, что цѣны на продаваемые напитки возвышены, такъ что травной ностой вина по пяти рублей сер., а чарочная продажа вина, отпускаемаго съ большимъ недогаромъ, производится по 4 р. сер. за ведро; что хотя такія дѣйствія, въ огражденіе жителей отъ излишняго налога, требовали бы преслѣдованія законнымъ порядкомъ, но Кокоревъ словесно объяснилъ ему, губернатору, въ кабинетѣ, что, при отправленіи его на должность управляющаго, предоставлена будто бы ему отъ высшаго правительства власть не стѣсняться въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствовать по его усмотрѣнію къ выгодамъ откупа; почему кн. Трубецкой, въ отклоненіе отъ себя могущей быть отвѣтственности, представилъ о томъ министру финансовъ, который на сіе увѣдомилъ губернатора, что «управляющему откупомъ внушено принять *зависящія мѣры* къ устраненію продажи вина по возвышенной цѣнѣ, *если таковая дѣйствительно существуетъ*». Подобныя жалобы шли и отъ калужскаго губернатора, который въ свою очередь получалъ ихъ отъ помѣщиковъ, предводителей дворянства, исправ-

никовъ, городничихъ и отъ палаты государственныхъ имуществъ (Свѣд. 134—5). Въ Курской, Смоленской и Орловской губерніяхъ появились цѣлыя шайки корчемниковъ, иногда болѣе 100 человѣкъ, нападали на корчемную стражу и воинскіе отряды, а откупщики и стража ихъ пользовались этимъ, *обвиняя невинныхъ въ корчемствѣ* и въ тоже время приготовляя оправданіе на случай неисправнаго платежа откупной суммы (Ист. Минист. Внутр. дѣлъ 1844 стр. 145). Въ 1847 г. на границахъ Могилевской и Смоленской губерній, партія корчемниковъ изъ 200 человѣкъ, на 115 подводахъ, напала на корчемную стражу, съ оружіемъ въ рукахъ, а другія партіи, изъ 35 и 30 человѣкъ схватились со стражею, но всѣ были отбиты и удалились. Корчемство особенно усилилось на границахъ привиллегированныхъ губерній, министерство послало туда своего чиновника, и онъ доносилъ, что корчемство страшное, что «въ 277 деревняхъ Краснинскаго, Рославльскаго, Ельнинскаго и Порѣчьскаго уѣздовъ Смоленской губерніи, почти всѣ жители безъ исключенія участвовали въ корчемствѣ, провозили вино, большею частію многочисленными партіями, вооруженные кольями и ружьями, въ сопровожденіи бѣглыхъ и бродягъ, и не только силою сопротивлялись дѣйствіямъ корчемной стражи и военной команды, но нерѣдко входили съ ними въ перестрѣлку, и сами на нихъ нападали. Страсть к корчемству имѣла *гибельное вліяніе* и на самыхъ блюстителей порядка: потворство мѣстныхъ полицій становилось во многихъ случаяхъ очевиднымъ» (Ист. М. Вн. Д. 1848, стр. 346). Но откупщики ждали себѣ еще большихъ выгодъ, напримѣръ, отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ, отъ освобожденія крестьянъ, отъ передвиженія войскъ, отъ войны, холеры, отъ праздниствъ, отъ обѣднѣнія цѣлыхъ уѣздовъ, увеличенія нищенства, и, согласно оффиціальнымъ извѣстіямъ, *довели до крайнихъ предѣловъ злоупотребленія при продажѣ питей, въ ущербъ общественной нравственности и народнаго благосостоянія*» (Приб. къ

Барж. Вѣд. 1864, 9). Подошли торги 1859 — 1862 г. и откупная сумма возрасла до 127,769,488 р. 32 к. что составляло 40% въ общей суммѣ государственнаго дохода, тогда какъ, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ главный питейный доходъ составляется изъ громадной подати на солодъ, и тамъ онъ не превышаетъ 23,5% общей цыфры государственныхъ доходовъ. По исчисленію Киттары, питейный доходъ казны, въ 140 лѣтъ существованія откуповъ увеличился *въ триста тридцать пять разъ* (Китт. Лекц. о винокур. 1). Сколько же при этомъ наживали откупщики — этого опредѣлить невозможно. По приблизительному исчисленію Бабста, ежегодный доходъ откупщиковъ простирался до 600 милліоновъ, и въ одной Великороссіи отъ 182 до 202 милліоновъ. По Илишу, отъ 500 до 600 милліоновъ, а по Закревскому до 781,250,000 руб. с. ежегодно. Сюда не входятъ громадныя суммы, украденныя откупщиками. Такъ Гарфунгель, бывши откупщикомъ, *задолжалъ* казнѣ 1,125,000 р. сер., бѣжалъ за границу, и сдѣлался французскимъ подданнымъ.

Всѣхъ откупщиковъ, завѣдывавшихъ питейнымъ дѣломъ среди 70-ти милліоннаго населенія, въ 1859—1863 г. насчитывалося *двѣсти шестьнадцать* человѣкъ (въ Великор. 147, въ привилл. губ. 29, чарочныхъ 37, по Сибири 3). Тутъ были, греки, русскіе купцы и господа. *) Взявъ откупъ, откупщикъ прежде всего старался задобрить *чиновниковъ*, и однихъ угощалъ пирами, другимъ, въ видѣ *жалованья*, въ извѣстное время высылалъ деньги и водку. Изъ подлиннаго откупнаго учета въ одномъ изъ небогатыхъ городовъ съ уѣздомъ въ Новгородской губ. оказывается, по свидѣтельству Киттары, что въ этомъ откупѣ въ 1856 году было роздано *чиновникамъ* натурой 836 ведеръ (Китт. Лекц. о винок. 1). Кромѣ того откупщики платили жалованье чуть ли не всей по-

*) Жизнеописанія знаменитыхъ откупщиковъ авторъ постарается приложить ко второму тому *Исторіи Кабаковъ*.

лиціи. Въ *свѣденіяхъ* по питейному дѣлу, изданныхъ министерствомъ финансовъ, находится слѣдующій реестръ экстраординарныхъ расходовъ откупщика:

	По губ. отк.		по уѣзд.
Губернатору на улучшеніе города или дѣтскихъ пріютовъ	3000 р.		—
На канцелярію его	1200 »		—
Полиціймейстеру	1200 »		—
Городничему	— »		420 »
Секретарю полиціи	300 »		200 »
Частнымъ приставамъ (тремъ)	720 »		240 »
Квартальнымъ надзирателямъ (шести)	360 »	(двумъ)	120 »
Исправнику	600 »	—	420 »
Окружному	500 »	—	420 »
Становымъ (тремъ)	720 »	(тремъ)	540 »
Непремѣнному засѣдателю	300 »		240 »
Секретарю земскаго суда	300 »		240 »
Предсѣдателю казенной палаты	2000 »		500 » (вмѣстѣ на три)
Совѣтнику питейнаго отдѣленія	600 »		
Столонач. и на столъ	500 »		
Винному приставу	600 »		420 »
Итого	13,000 р.		3,700 р.

Еще 30—40 лѣтъ назадъ, всякій мало-мальски зажиточный человѣкъ и представить не могъ себѣ, что такое *очищенная* и находилъ возможность покупать хорошій пѣнникъ; но теперь водку смѣнила мутная жижа, получившая названіе по цвѣту своему, *сивухи*, *сиволдая*, а по своему характеру: сильвупле, французская 14 класа, царская мадера, чѣмъ тебя я огорчила, пожиже воды, пользительная дурь, дешевая, продажный разумъ, *сиротскія слезы*, *подвздошная*, *крякунъ*, *горемычная, прильпе языкъ,* чистоты не спрашивай, а былъ бы пьянъ, водка—вину тетка: ротъ деретъ, а хмѣль не беретъ и т. д. (См. Посл. Даля). Цѣна сивухи доходила до 8—10 р. за ведро, и народъ, жившій по близости столицъ, сталъ вмѣсто водки покупать ромъ.

— До какой цѣны можетъ дойти водка? спрашивали у откупщика.

— Да до цѣны шампанскаго, отвѣчалъ онъ, потирая руки (М. Вѣд. 1858, 106). Бѣшеная азартная игра, ознаменовавшая послѣднія откупа 1859—1862 г. началась еще въ 1858 г. Старые откупщики рѣшились *залить* новый откупъ, и спустили вино до 3-хъ и 2-хъ р. за ведро. Нижегородскій откупъ, смежный съ ардатовскимъ, выставляетъ на границѣ кордонъ, который начинаетъ хватать всякаго встрѣчнаго, и, схвативъ человѣка, если можно съ него взять что-нибудь, то обираютъ его,—иначе начинаютъ надъ нимъ ругаться. Ѣдутъ сани повѣреннаго, нарысяхъ пары лошадей; за санями же рысью бѣжитъ на веревкѣ мужикъ, пойманный съ водкой, а на плечахъ у мужика, какъ въ чехардѣ, самъ повѣренный (М. Вѣд. 1859, 34). Словомъ, откупщики дѣлали, что хотѣли, и начальникъ Самарской губ. прямо объявлялъ, что чиновники смотрятъ на распоряженія, касающіяся откупа, *какъ на одну лишь формальность, не требующую дѣйствительнаго исполненія* (Сам. Губ. Вѣд. 1859, 24). Изъ Харьковской губерніи сообщали, что предводитель ватаги кордонщиковъ, дюжій трехъ-аршинный мужикъ *Москальцевъ*, поступалъ такъ: въ мѣшокъ, наполненный овсомъ, клалъ онъ большую стклянку корчемной водки и бросалъ его поодаль отъ кордона, на проселочной дорогѣ. Ѣдитъ на базаръ мужикъ, видитъ, что валяется мѣшокъ съ хлѣбомъ, поднимаетъ его, и, остановленный стражею, долженъ платиться своими животами. Не такъ счастливо прошла этому Москальцеву другая штука. Была въ селѣ свадьба, и бѣднякъ-крестьянинъ, пользуясь суматохой, пробрался на гумно, чтобъ набрать тамъ намолоченнаго зерна. Слышитъ онъ, что нѣсколько человѣкъ остановилось возлѣ хлѣбнаго скирда, и одинъ изъ нихъ говоритъ: «ну, братцы, зароемъ этотъ боченокъ въ скирдѣ, а завтра въ обѣдъ дадимъ знать расправѣ.» Бѣднякъ, спрятавшійся въ клунѣ, пошелъ и разсказалъ все хозяину, который рѣшилъ: спрятанную водку распить, а обыщиковъ, если при-

дутъ, ни подъ какимъ предлогомъ не пускать, развѣ согласятся заплатить 500 рублей, когда водка не будетъ найдена. Явились питейные чиновники, хозяинъ имъ и говоритъ: «не дамося ни за що, хиба заплатите 500 рубливъ, якъ не найдете водки; найдете, мы вамъ заплатимо.» Кончилось тѣмъ, что деньги съ той и другой стороны отданы были нарочно избраннымъ для того посредникамъ; хозяинъ дома получилъ деньги, *Москальцевъ* былъ отданъ подъ судъ; чѣмъ кончился судъ, никому неизвѣстно (Русс. Днев. 1859, 58). Такое дѣло нисколько не было случайнымъ, какъ это можно видѣть и изъ заявленія М. Вн. Д. въ 1844 году *о подбрасываніи откупщиками вина въ домъ зажиточныхъ поселянъ* (Ист. М. Вн. Д. 1844, стр. 145). Въ отчетахъ М. Вн. Д. постоянно печатались подобныя указанія на злоупотребленія откупщиковъ. Изъ отчета за 1857 годъ видно, что въ привиллегированныхъ губерніяхъ, послѣ того, какъ въ 1851 году тамъ былъ введенъ акцизный откупъ, сами откупщики стали заниматься *корчемствомъ*; между откупными и помѣщичьими питейными заведеніями явилось соперничество, *дворяне стали жаловаться*,—а потому корчмы въ казенныхъ имѣніяхъ отданы были съ торговъ въ содержаніе *самому дворянству*.— Отчетъ за 1860 годъ свидѣтельствовалъ, что въ 1859 году происходили въ разныхъ мѣстностяхъ волненія и безпорядки, въ слѣдствіе злоупотребленія *откупщиковъ*, *отпускавшихъ вмѣсто вина грязную разведенную разными примѣсями жидкость* и продававшихъ ее, подъ именемъ полугара, по цѣнѣ отъ 12 до 20 р. с. за ведро.

Судя уже по одному этому заявленію самого министра внутреннихъ дѣлъ, можно судить, до чего дошло положеніе народа къ началу 1859 года. Въ это-то время проносится по всей землѣ мысль о воздержаніи и трезвости (См. Соч. Н. Доброл. IV. 65—108). Когда откупъ достигъ крайняго своего предѣла, когда для того, чтобъ споить народъ, были

употреблены всевозможныя изобрѣтательныя средства, и слухи, что по цѣлковому съ ведра пойдетъ на выкупъ земли (М. Вѣдом. 1859. 1) и на уплату недоимокъ (Русс. Вѣстн. 1859, 4), а цѣна вину все возрастала, народъ сталъ требовать водки по указной цѣнѣ. Еще въ 1858 году, въ литовскомъ краѣ устроилось общество трезвости (Эк. Указ. 1859, 2), и еще прежде, тамъ же, цехи сапожный и столярный сдѣлали между собою добровольное условіе, чтобы перестать пьянствоватъ. Къ этому обществу въ концѣ года пристала почти вся Ковенская губернія; черезъ три мѣсяца къ ней присоедились $^3/_4$ Виленской губ., а въ февралѣ 1859 года вся гродненская. И въ то время, когда въ ковенской губ. образовывалось общество трезвости, подобное же общество возникло въ Сердобскомъ уѣздѣ Саратовской губ., на разстояніи слишкомъ 9500 верстъ отъ Ковно.... Въ половинѣ января, 1859 года, слышно сдѣлалось о зарокѣ пить вино въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губ., а 7 января — въ Никополѣ, Екатеринославской губ., гдѣ *священникъ* (протоіерей) *Іоаннъ Королевъ*, публично говорилъ о воздержаніеи. Въ Нижнемъ, на крещенскомъ торгу, гдѣ собирается до десяти тысячъ народа, — народъ не пилъ вина, предлагая пить его самимъ цѣловальникамъ, и тоже самое дѣлалось въ сосѣднихъ губерніяхъ. Главной причиной отказа пить была дороговизна вина. Пробовали заставить откупщиковъ понизить цѣну, но оказалось, что тягаться съ откупомъ опасно (М. Вѣд. 135, 150, и др.). И вотъ безъ всякихъ уговоровъ, безъ всякой стачки безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, народъ самъ собою перестаетъ пить вино. Жалобы на недоборъ слышатся даже и тамъ, гдѣ о трезвости совсѣмъ и не думали, но скоро и здѣсь начинаютъ появляться общества трезвости. Въ половинѣ января было извѣстно о попыткѣ образовать общество въ Курской губ., а къ концу мѣсяца дошли подобные слухи изъ Саратова, въ половинѣ февраля изъ Тулы,

а въ концѣ мѣсяца общества уже существовали во Владимірской, Пензенской, Екатеринославской, Тверской и т. д., *и все это — должно теперь признаться — дѣлалось по одной лишь инициативѣ* народа. Газеты то и дѣло сообщали мірскіе приговоры, которыми за всякое излишнее употребленіе вина налагался штрафъ и тѣлесное наказаніе (до 25 ударовъ). Половина штрафа шла въ мірскую сумму, половина въ приходскую церковь. Для надзора за трезвостью въ каждомъ селеніи выбирали старшину. Въ другихъ мѣстахъ не составлялось никакихъ обществъ, а просто народъ собирался на сходки, толковалъ между собою и клалъ зарокъ *не пить*. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда безъ вина нельзя было обойтись, покупали виноградное вино. *) Меньше всего было трезвости вблизи столицъ, больше всего вдали отъ нихъ. Послѣдствія этого были самыя благодатныя: пили только тогда, когда нужно, пьяныхъ не было, цѣна жизненнымъ припасамъ понижалась, повинности уплачивались исправно (М. Вѣд. 42). Сначала всѣ утѣшали себя тѣмъ, что трезвость долго не продержится: «опять запьютъ!» говорили благодѣтели. Но какъ на зло, обѣты соблюдались строго. Въ мѣстечкѣ Лукникахъ Шавельскаго уѣзда, одинъ государственный крестьянинъ, не смотря на данный имъ обѣтъ, напился пьянъ, и крестьяне, узнавъ объ этомъ, схватили его, приклеили ему на спину вывѣску: *пьяница*, и съ барабаномъ обвели его два раза вокругъ села. Въ Виленской губ. стали продавать вино по 8 грошей за кварту, вмѣсто прежнихъ 14-ти; потомъ вино подешевело въ шесть разъ, наконецъ стали выставлять передъ корчмами даровое вино, — и никто не пилъ. Въ Воронежѣ выставили даровую водку. Вышли шалуны ребята, выпили водки, поблагодарили за угощеніе и объявили, что они все-таки покупать водки не будутъ. Въ Серпуховскомъ уѣздѣ

*) Мы видѣли выше, что подмосковскіе крестьяне давно ужъ вмѣсто водки пили ромъ.

Московской губ. крестьяне отказались пить водку; откупщикъ заплатилъ за нихъ недоимки 85 р., чтобъ только пили, но все-таки никто не пилъ. Недовольство разросталось, а откупщикамъ только того и нужно было, только того они и ждали; и вотъ они начали поджигать волненіе. Въ Пензенской губ. и въ Спасскомъ уѣздѣ Тамбовской губ. разнесся слухъ, что въ кабакахъ будутъ продавать вино по 15 коп. за $^1/_{20}$ часть ведра. Крестьяне этимъ были довольны, пошли въ кабакъ, но имъ по этой цѣнѣ вина не отпустили. Тутъ явились подстрекатели, толпа снова нахлынула въ кабакъ и, получивъ отказъ, начала бить посуду, ломать избу. Дали знать полиціи, и на мѣсто поѣхали земскій судъ и жандармскіе штабъ-офицеры. Дошли извѣстія до Петербурга, что дурное вино, продаваемое по дорогой цѣнѣ, возбуждаетъ всеобщее неудовольствіе, и, по предложенію министра, какъ извѣщали объ этомъ въ 135 номерѣ Московскихъ Вѣдомостей, крестьянамъ прочитанъ былъ публично циркуляръ, что они имѣютъ право требовать во всѣхъ кабакахъ простаго полугарнаго вина надлежащей крѣпости по 3 р. сер. за ведро. Начальникъ Самарской губ., рядомъ циркуляровъ, вмѣнялъ въ обязанность полиціи, чтобы «улучшенное полугарное вино отпускалось покупателямъ по цѣнѣ, опредѣленной откупными условіями.» (Самар. Г. Вѣд. 24). И вотъ, 31 мая, крестьяне, пріѣхавшіе на большую ярмарку въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ, требуютъ такого полугара, а имъ подаютъ въ незапечатанной посудѣ какую-то сѣрую жидкость. Они просятъ дать имъ водки въ запечатанной посудѣ, чтобъ представить ее, куда слѣдуетъ, а имъ отвѣчаютъ, что въ запечатанной посудѣ продается одна *спеціальная*. Начинается ропотъ, повѣренный прибѣгаетъ къ силѣ, въ окна полетѣли камни, прибыла полиція и крестьянъ связали и взяли; а управляющій, забравъ деньги, поспѣшилъ убраться поскорѣе во-свояси. Во многихъ селахъ не запрещали пить водку, но только требовали, чтобъ пили ее

дома, а не въ кабакѣ. Въ другихъ мѣстахъ не зарекались, чтобъ никогда не пить водки, а только на извѣстное время, напримѣръ, на годъ. Сдѣлавъ запись, говорили въ ней: «всѣ эти положенія хранить намъ свято и ненарушимо въ продолженіе года, по истеченіи котораго снова собрать сходку и съ общаго согласія устроить новый порядокъ, на годовомъ опытѣ основанный; одни дѣлали зарокъ словесный, другіе составляли письменныя обязательства и подписывались цѣлыми деревнями, цѣлыми селеніями, цѣлыми волостями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для этого приходили во храмъ Божій, служили молебенъ, цѣловали крестъ и писали обязательство. Тамъ же, гдѣ не было никакихъ обязательствъ, дѣлалось такъ: придутъ мужики въ кабакъ, прицѣнятся къ водкѣ, и вонъ. Въ селѣ Карамышевѣ, Медынскаго уѣзда, принадлежавшемъ князю Меньшикову, считалось 1880 душъ, и водки у нихъ продавалось въ годъ на 40,000 р. Вдругъ мужики перестаютъ пить; откупщикъ въ отчаяніи, ѣдетъ лично въ село и предлагаетъ вино по 3 сер. за ведро, но ему отвѣчаютъ единодушно, что будутъ пить въ такомъ только случаѣ, если будутъ продавать вино по 1 р. 50 к. При такомъ положеніи дѣлъ, откупщики стали задабривать народъ благочестіемъ, стали жертвовать на храмы, и т. д., но должны были убѣдиться, что съ народомъ ничего не сдѣлаешь. Откупщики обратились къ доносу. Прежде всего они шли *поклониться* исправнику. Исправникъ пріѣзжалъ и начиналъ прицѣпляться, нѣтъ ли безпаспортныхъ, всѣ ли внесены повинности, отчего дурна дорога, и потомъ мало по малу дѣло шло дальше. Вотъ мужики не пьютъ вина, а масляная приближается. Откупщикъ ѣдетъ опять объясниться съ исправникомъ. Исправникъ, не желая дѣйствовать прямо въ пользу откупа, передаетъ дѣло во *временное отдѣленіе*, снабдивъ его надлежащими совѣтами. Временное отдѣленіе, прибывъ въ имѣніе одного графа, начинаетъ убѣждать мужиковъ, чтобъ они пили водку. Начальство собираетъ крестьянъ, при

управляющемъ питейными сборами, и спрашиваетъ, почему это они не пьютъ вина. — Такъ, не желаемъ,—отвѣчаютъ крестьяне. — Отчегожь не желаете? — Очуствовались,—отвѣчаютъ крестьяне; это вино одинъ раззоръ хозяйству! шутка сказать: восемь рублей ведро! — Притомъ же, замѣчаетъ другой, вино-то больно плохо, хуже нашей хоперской воды. — Какъ плохо, восклицаетъ управляющій, подступивъ къ крестьянину? — Да такъ плохо, какъ бываетъ плохо: животъ больно пучитъ. — Какъ смѣешь это говорить,—кричитъ управляющій, и бацъ мужика; мужикъ тѣмъ же, и произошло смятеніе. Послѣ уже управляющій предлагалъ деньги мужикамъ, чтобы все было шито и крыто, но денегъ у него не взяли; убѣдили управляющаго выставить даровую бочку вина, онъ выставилъ, но никто до нея не дотронулся,—такъ назадъ и потащили (Моск. Вѣд. 62). Въ апрѣлѣ 1859 года виленскій акцизный откупщикъ ходатайствовалъ у министра внутреннихъ дѣлъ, чтобъ обязать ксендзовъ объявить публично, что данные народомъ обѣты относятся только къ пьянству, а умѣренное употребленіе вина необходимо; но министръ нашелъ такое требованіе неумѣстнымъ. Въ іюлѣ того же года откупщики жаловались министру внутреннихъ дѣлъ и на православныхъ священниковъ, удерживающихъ народъ отъ пьянства. Министръ на этотъ разъ сообщилъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сvнода, который и отвѣчалъ, что «онъ благословляетъ священнослужителей ревностно содѣйствовать возникновенію въ нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ благой рѣшимости воздержанія отъ употребленія вина.» Но откупщики не унялись, и снова просили *отмѣнить указъ Святѣйшаго Сvнода, ибо, при содѣйствіи его, общества трезвости разведутся повсемѣстно*, и министръ финансовъ сообщилъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сvнода, «что совершенное запрещеніе горячаго вина посредствомъ сильно-дѣйствующихъ на умы простаго народа религіозныхъ угрозъ и клятвенныхъ

обѣщаній не должно быть допускаемо, какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе (Свѣд. о пит. сбор. II, 236—240). Затѣмъ уже министръ финансовъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить, и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходокъ для сей цѣли нигдѣ не допускать (Свѣд. I, 202—207; II, 218—242). Чтобъ указать теперь, какъ именно и гдѣ развивалась трезвость, пройдемъ день за днемъ всю исторію обществъ трезвости. Прежде всего въ разныхъ мѣстахъ начались волненія. Въ 1850 году въ Архангельскѣ, на масляницѣ, въ нѣкоторыхъ казенныхъ селеніяхъ Холмогорскаго и Онѣжскаго уѣздовъ разбивали и грабили кабаки (Свѣд. I, 171). То же было и въ Пензинской губ.; но потомъ народъ *одумался* и принялся за трезвость. Общества трезвости начались въ Ковенской губ., гдѣ народъ особенно былъ стѣсненъ польскими панами. Тамъ зимою 1858 года, изъ 278 винокурень закрыто было 88; свидѣтельствъ на питейныя заведенія въ 1857 году было взято 2207, въ 1858 году 2797, а въ 1859 только 1899. Общества распространяются по губерніямъ *Гродненской и Виленской*. Одновременно съ этимъ обнаруживается движеніе въ Поволжьѣ и въ центральныхъ замосковскихъ губерніяхъ. За *Рязанью*, гдѣ образовалось одно изъ первыхъ обществъ въ Великороссіи (въ уѣздахъ: Зарайскомъ, потомъ Данковскомъ, городъ Чернь со слободами; Ряжскомъ, Сапожковскомъ и др.), идутъ: *Тула* (уѣзды: Каширскій, чернскіе ямщики, Ефремовъ и ефремовскіе ямщики, уѣзды: Крапивинскій, Новосильскій), *Владиміръ* (Гороховскій уѣздъ), *уѣзды Московской губерніи* (Московскій, Звенигородскій, Подольскій, Серпуховскій), *Орелъ* (Болховской, Мценскій, Елецкій, Карачевскій) и *Калуга* (Тарусскій, Калужскій, Медынскій, Масальскій, Лихвинскій, Перемышльскій, всего въ

52 помѣщичьихъ и 21 казенныхъ селахъ). Съ другой же стороны въ Поволжьѣ, изъ *Саратова* (уѣзды: Балашовскій, балашовскіе мѣщане, рабочіе на баркахъ, уѣзды: Сердобскій, Аткарскій) трезвость распространяется по губ. *Самарской* (Николаевскій, Бузулукскій), *Казанской*, *Пензинской* (Чембарскій, Нижнеломовскій), *Нижегородской*, *Костромской* (Чухломскій, Галицкій, Солигацкій), *Ярославской* (Мологскій) и *Тверской* (Старицкій и Корчевскій), и—нѣсколько позднѣе—въ *Екатеринославской* (Александровскій), *Харьковской* (Старо-Бѣльскій), *Курской* (Щигровскій), *Тамбовской* (Кирсановскій) и *Воронежской* (Коротоякскій, Острогожскій, Бирючевскій). Тогда же на западномъ краѣ движеніе обнаруживается въ губерніяхъ: *Подольской*, *Смоленской*, *Новгородской*, близъ *Петербурга*, въ самомъ Петербургѣ, гдѣ плотничьи артели отказываются отъ вина, и наконецъ были извѣстія изъ *Перми* и *Сибири*. Таковы газетныя извѣстія о распространеніи трезвости, въ которыхъ не сообщено и четвертой доли всего, что происходило въ народѣ, по всему пространству русской земли, случайно вызванной къ жизни. Многіе откупщики оказались несостоятельными, и нужно было послать чиновниковъ для сбора акциза хозяйственнымъ образомъ. Дѣло было трудное. Управляющій акцизными сборами въ Гродненской губ., коллежскій ассесоръ Макаровъ, за особую заботливость и усердіе, оказанныя имъ въ возвышеніи питейнаго дохода, во время хозяйственнаго управленія питейными сборами, получилъ награду 5000 р. сер.

Между тѣмъ подошло *19-го февраля*, и откупщики вполнѣ были увѣрены, что народъ, получивъ волю, совсѣмъ сопьется (М. Вѣд. 1858, № 77). Народъ, отпущенный на волю, обманулъ всѣхъ и не спился, ибо всѣ цѣли его, всѣ его помышленія были направлены на устройство его новаго быта. То была великая минута, которую когда-либо исторія предлагала русскому народу!... Одинъ хуторянинъ писалъ тогда

изъ Украйны: «зъ того часу, якъ померзла злюща пані неволя, той паскудна нахлібница горілка богато поваги сбулася. Частують и куштують іі такъ для закону, а вже пьянимъ бути на честнимъ весіллі не годитця, пьють іі по прежнему— нахільцемъ хиба тілки де яки ледачи городянске міщане, та сердяги ремесницькі робітники.» (Осн. 1851, XI, XII).

XXII.

Уничтоженіе откупа составляетъ лучшую страницу настоящаго царствованія. Еще въ 1858 году стали ходить слухи объ уничтоженіи откуповъ, но откупщики утверждали, что все это не правда, и дѣйствительно, въ 1859 году откупа продолжены были еще на четыре года. Сдѣлалось извѣстнымъ мнѣніе Государственнаго Совѣта, утвержденное 26 октября 1860 г. о введеніи акцизной системы; но откупщики твердили по прежнему, что откупа останутся. Явилось окончательно утвержденное положеніе 4 іюня 1861 года и все еще не было вѣры, что откупа когда-нибудь прекратятся. Стали уже ходитъ слухи, что правительство склоняется на сторону откупщиковъ, и начали поговаривать о составленіи *компаніи для застрахованія акциза съ питей* (Акціон. 1892, 20). Компанія не удалась, откупа ускользали изъ рукъ, и откупщики, стращая государство банкротствомъ, явились съ новымъ предложеніемъ *проэкта агентства по питейному сбору и товарищества желѣзныхъ дорогъ*,—проэкта, какъ оказалось, имѣвшаго цѣлію подорвать послѣднія силы государства, а себѣ нажить милліоны. «Для сохраненія питейнаго сбора въ цѣлости—говорилъ проэктъ—предлагается агентство на продажу вина, срокомъ на 11 лѣтъ. Агентство отвѣчаетъ

за поступленіе питейнаго дохода (свыше ста милліоновъ), только при помощи развитія въ народѣ капиталовъ, а поэтому принимаетъ на себя обязанность построить 2800 верстъ желѣзныхъ дорогъ.» Говорили, будто смыслъ этого проэкта былъ таковъ, что агентство, истративъ на дороги 221 милліона, надѣялось получить на нихъ въ 50 лѣтъ 1,100 милліоновъ, т. е. слишкомъ милліардъ рублей серебромъ. Все это дѣло ужъ больно было некрасиво, и имена создателей проэкта были распубликованы по повелѣнію Государя. Все это были преимущественно купцы—откупщики, и затѣмъ промышленники, собравшіеся съ цѣлаго міра. Въ числѣ ихъ главными руководителями были *Бенардаки*, отставной поручикъ, *В. Кокоревъ*, коммерціи совѣтникъ; *Капгеръ*, с.-петербургскій 1 гильдіи купецъ; *Исаакъ Утинъ*, коммерціи совѣтникъ, и *Каншинъ*, колежскій регистраторъ. Затѣмъ шли, во 1-хъ, евреи: *Раихъ*, *Евзель Гинцбургъ*, *Зискиндъ Гинцбургъ*, *Герцель*, *Горвицъ*, *Лохвицкій;* во 2-хъ греки: *П. Скараманга*, *К. Комнино*, *Варваци*, *С. Карали*, *Кондоянаки*, *Маразли;* и въ 3-хъ, русскіе: *Громовъ*, *Сазиковъ*, *И. Асташевъ*, *П. Ненюковъ*, *Н. Тарасовъ*, *Н. Акатьевъ*, *И. В. Лихачевъ* (полковникъ), *А. Кокоревъ*, *А. Башкировъ*, *Д. Нечаевъ*, *А. Милюковъ*, *Д. Корнѣевъ*, *В. Рукавишниковъ*, *А. Мясниковъ* (поручикъ), *М. Горбовъ*, *М. Мамонтовъ*, *И. Иконниковъ*, *В. Пыговъ*, *А. Клипинъ*, *И. Кононовъ*, *И. Первушинъ*, *И. Мамонтовъ*, *Г. Медынцевъ*, *И. И. Барыковъ* (статскій совѣтникъ), *А. Воронинъ*, *В. Каншинъ*, *Н. Рюминъ* (дѣйствительный статскій совѣтникъ), *Ѳ. Рюминъ*, *И. Протасьевъ* (поручикъ), *Власовъ* (стат. сов.), *П. Молчановъ*, *М. Якунчиковъ*, *Быковъ*, *Д. Кузнецовъ*, *И. Кононовъ*, *Д. Карповичъ*, *А. Пастуховъ*, и нѣкоторые другіе, подписавшіеся впослѣдствіи. Агентство не удалось, и откупщики рѣшились воспользоваться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что у нихъ пока было въ рукахъ. Откупъ пришелъ въ неистовство. Вмѣсто водки, стали продавать по дешевой цѣнѣ мутную воду, и

водку отпускали только тѣмъ, кто возьметъ закуски на двѣ копѣйки. Въ Херсонѣ толпа пьяныхъ солдатъ и мужиковъ, въ количествѣ 10 человѣкъ, предводимыхъ питейными повѣренными *Гершкою Штейманомъ*, *Захаріемъ Варвинскимъ* и однимъ изъ полицейскихъ, ворвались въ домъ г. Иванченко, разсыпались по комнатамъ, стали переворачивать мебель, мять и рвать платье, бить посуду, и, все переломавъ и не найдя водки, толпа ушла. Было принесено въ жертву все, даже цѣловальники. Мѣсяца за два до конца откупа, тамбовскій откупщикъ вывѣсилъ объявленіе: «гуляющіе сидѣльцы получатъ жалованье наравнѣ со служащими.» Подписано: управляющій откупомъ А. Нѣмцевъ. Сидѣльцы начали гулять, съ ними гуляли другіе, вина выпита цѣлая бездна, но пришло время разсчетовъ, и гулявшіе сидѣльцы жалованья не получили ни гроша (Бирж. Вѣд. 1863, 122). Буйствуя такимъ образомъ, откупъ отходилъ на покой и оставлялъ государству недоимку слишкомъ въ 50 милліоновъ. Народъ соблюдалъ глубокое молчаніе.

Исторія перехода откуповъ къ смѣнившему ихъ новому порядку начинается Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 26 октября 1861 года. По мнѣнію Государственнаго Совѣта, акцизу должны были подлежать, между прочимъ, «портеръ, пиво, полпиво всѣхъ сортовъ, медъ, брага и сусло.» На это министръ государственныхъ имуществъ замѣтилъ: «слово *сусло* исключить изъ § 5 и 174.» Министръ финансовъ написалъ объявленіе: «слово *сусло* внесено въ проэктъ на основаніи существующихъ постановленій, впрочемъ къ исключенію его изъ проэкта препятствій не имѣется» (Труды Ком., изд. 2, стр. 102). Отъ акциза были освобождены уксусъ и медовый квасъ. Право винокуренія оставлено только за тѣми сословіями, которымъ оно принадлежитъ нынѣ. Но коммиссія предполагала предоставить право винокуренія не только дворянамъ, но и *чиновникамъ*, и ду-

мала, что можно было бы распространить это право на всѣ сословія и званія. Въ Сибири право винокуренія предоставлено лицамъ всѣхъ сословій (Труды, 153). Учрежденіе *пиво- и медоваренныхъ заводовъ* дозволено лицамъ, записаннымъ въ торговые разряды, и помѣщикамъ въ ихъ имѣніяхъ. Продажу вина производить *распивочно и на выносъ* (теперешняя вывѣска на кабакахъ) изъ *питейныхъ домовъ, выставокъ и шинковъ*, не назначая для нихъ *ни числа, ни мѣста*. Министръ государственныхъ имуществъ предлагалъ исключить изъ проэкта слово «безъ ограниченія числа оныхъ,» на что министръ финансовъ отвѣчалъ: «слова сіи внесены въ проэктъ на основаніи положенія государственнаго совѣта о томъ, что число заведеній для продажи питей не ограничивается; это же правило принято и въ новомъ положеніи о трактирныхъ заведеніяхъ» (Труды, 115). Къ заведеніямъ для продажи питей только *на выносъ* отнесены мелочныя, съѣстныя и т. под. лавки. Коммисія признала нужнымъ исключить изъ этого разряда *съѣстныя лавки*, такъ какъ назначеніе ихъ состоитъ въ продажѣ дешевой пищи для простаго народа, а если дозволить въ нихъ продажу напитковъ, то онѣ будутъ имѣть *большее преимущество, нежели питейные дома*, въ которыхъ предположено воспретить продавать даже *холодныя закуски* (Труды, 54).

Изъ исторіи стариннаго корчемнаго быта мы видѣли, что въ первоначальныхъ *корчмахъ* продавались кушанья и питья, и когда потомъ на сѣверо-востокѣ *корчмы* смѣнились *кабаками*, которые въ одно и тоже время были мѣстомъ оптовой и розничной продажи вина, то, безъ сомнѣнія, при кабакахъ продавали и закуски, потому что *не возможно же пить водку, не закусывая*. Когда же потомъ откупщики завели при кабакахъ соленыя закуски, возбуждавшія жажду, они были запрещены. Съ новымъ акцизно-откупнымъ положеніемъ закуски тоже отмѣнены были, и для

народа не оставалось уже ни одного мѣста, гдѣ можно было бы ѣсть и пить, ибо въ *трактиры* мужикамъ входъ былъ запрещенъ, а въ *черныхъ харчевняхъ* была запрещена водка. Обставлено было такъ, что народъ никакъ не могъ обойти *кабака*. Коммисія, соединивъ всѣ разнообразныя трактирныя заведенія и *харчевни* подъ однимъ общимъ названіемъ *трактира*, не могла не прибавить, что «независимо отъ заведеній собственно *трактирныхъ*, необходимо допустить такой родъ заведеній, который удовлетворялъ бы первѣйшимъ потребностямъ простаго народа, въ отношеніи пріюта и продовольствія,» и потому допустила въ городахъ, вмѣсто *харчевень*, съ которыми народъ свыкся уже,—*постоялые дворы и съѣстныя лавочки*, а въ уѣздахъ одни *постоялые дворы* (Труды, 310). Такимъ образомъ, не смотря на уничтоженіе откуповъ, народу опять негдѣ было ѣсть, ибо въ городахъ, какъ извѣстно *постоялые дворы* только по окраинамъ города, а въ такъ называемыхъ *съѣстныхъ лавочкахъ* ни стать—ни сѣсть, и прибѣжищемъ народа опять остается одинъ кабакъ, а не *харчевня*, могущая удовлетворить *первѣйшимъ потребностямъ народа*.

Питейными заведеніями, по словамъ проэкта положенія о питейныхъ сборахъ, называются «всѣ торговыя заведенія, которыя занимаются исключительно продажею питей, *и притомъ непремѣнно распивочно*, подъ какимъ бы наименованіемъ такія заведенія открыты ни были. Поэтому *кабакъ*, *питейный домъ*, *корчма*, *шинокъ*, *ренсковой погребъ*, *выставка*, *портерная лавка, постоялые дворы* одинаково подошли подъ названіе *питейныхъ домовъ*, не смотря на то, что каждое изъ нихъ имѣетъ свою исторію и свое общественное значеніе; напримѣръ, никто и никогда не возставалъ противъ юго-западной *корчмы;* слово корчма не заключало въ себѣ ничего браннаго, не имѣла въ себѣ ничего зловреднаго; тогда какъ само правительство не разъ старалось искоренить названіе *кабака*; народъ всегда

былъ радъ случаю разбить *кабакъ* (или *питейный домъ*), потому что *кабакъ* былъ мѣстомъ пропинаціи, а *корчма*, или назовите ее, какъ хотите, харчевней или кабакомъ, служила мѣстомъ народныхъ собраній, была и кофейной, и клубомъ народа. Подобное отличіе кабака отъ корчмы (или харчевни) не безъизвѣстно было и коммисіи. Въ ея трудахъ сказано: «сколько извѣстно, въ привиллегированныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ корчмы *далеко неимѣютъ того безнравственнаго и не пристойнаго характера*, какой собственно принадлежитъ *питейнымъ домамъ* въ Великороссіи. И такъ корчма есть заведеніе болѣе нравственное и приличное, чѣмъ кабакъ; но что это за заведеніе, какое его назначеніе—этого изъ трудовъ коммисіи ясно не видно. На одной страницѣ «Трудовъ» говорится, что подъ именемъ *корчмы* разумѣется *постоялый дворъ (?)*, а на другой сказано, что «по мѣстнымъ обычаямъ привиллегированныхъ губерній корчмы совершенно (?) замѣняютъ *питейные дома* (Труды 59, 189). Но какъ бы то ни было, а *корчма* отдѣлена отъ *кабака* или *питейнаго дома*, и не смотря на то, оставлена въ значеніи питейнаго заведенія. Что же такое *кабакъ*, или *питейный домъ?* О немъ въ трудахъ коммисіи мы можемъ найти совершенно ясное и положительное представленіе. Мы уже видѣли сейчасъ, что, по словамъ «Трудовъ,» питейныя заведенія Великороссіи *отличаются безнравственнымъ и неприличнымъ характеромъ*. —Ренсковые погреба, продолжаютъ Труды, суть мѣста, посѣщаемые *лицами*, которые считаютъ для себя неприличнымъ входить въ питейный домъ» (Труды, 53).—Питейные дома—это притоны *безчинства и разврата*. — «Нынѣ питейные дома, какъ уже дознано на опытѣ, нисколько не соотвѣтствуютъ стремленіямъ правительства предовратить вредное вліяніе питейной продажи на общественную нравственность» (ib. 14-5). Но не одна коммисія такъ дурно думала о кабакахъ. Напримѣръ, циркуляромъ тобольскаго губернатора объявлялось, что «въ питей-

ныхъ заведеніяхъ находятся цѣлыя семьи съ малолѣтними дѣтьми, которыхъ нравственность должна не мало страдать отъ всматриванія на тѣ картины *моральнаго зла (!?)*, которыя неизбѣжны въ подобнаго рода заведеніяхъ.» Для изслѣдованія *степени* безнравственнаго вліянія кабаковъ, наряжена была при тобольскомъ губернаторѣ цѣлая коммисія, которая пришла къ заключенію, что «допущеніе въ питейныя зеведенія многочисленныхъ семействъ обоего пола, съ малолѣтними дѣтьми, должно влечь развратъ (?!) со всѣми его грустными (!) послѣдствіями» (Бирж. Вѣд. 1865, 100).

Въ «Трудахъ» говорится, что кабаки обязаны своей дурной репутаціей *дѣйствіямъ нынѣшнихъ откуповъ* (Труды, 64), и между тѣмъ они оставлены въ томъ же видѣ, въ какомъ были при откупахъ. Какъ и прежде, въ кабакахъ запрещены закуски и мебель, — въ кабакахъ оставлена одна водка; запретили открывать ихъ возлѣ богоугодныхъ заведеній, христіанскихъ храмовъ, монастырей, кладбищъ. Отъ ихъ сосѣдства велѣно было охранять даже учебныя заведенія, казармы, тюрьмы, золотые пріиски въ Сибири, соленыя озера Перекопскія и Геническія, госпитали, желѣзныя дороги; запрещено было открывать возлѣ кабаковъ волостные суды, а должностнымъ лицамъ сельскихъ управленій содержать кабаки; не велѣно пускать въ кабаки нижнихъ чиновъ арміи и флота, — словомъ, отъ кабака приказано охранять все и всѣхъ. Мы видѣли уже, что кабакъ, какъ и прежде, получилъ преимущество передъ *съѣстными лавками* (Труды, 58). Мнѣніе Государственнаго Совѣта было таково, чтобъ *ренсковымъ погребамъ* дозволена была продажа водки только *на выносъ*; но коммисія ходатайствовала, чтобъ имъ продавать и *распивочно*. На основаніи циркуляра министра финансовъ, 1 марта 1865 г., питейные дома въ селахъ открывались съ разрѣшенія помѣщика; но съ 13 мая того же года, они стали открываться «безъ согласія на то

мірскаго схода и безъ разрѣшенія помѣщика,» и, по справедливому замѣчанію органа министерства финансовъ, штофныя лавочки сдѣлались мѣстами даровой выпивки членовъ сельской полиціи (Бирж. Вѣд. 1862, 162). Вслѣдствіе всего этого число кабаковъ должно было увеличиться, а пивовареніе упасть.

Было нѣкогда время, когда *во всякомъ домѣ было пиво*— пиво на сѣверо-востокѣ, а *медъ* — на юго-западѣ; когда около пива или меда собиралась всякая народная бесѣда, — было время, когда народъ по возможности могъ еще обходиться и безъ водки, было, наконецъ, время — когда баба, сваривъ пивца, шла съ нимъ на рынокъ и продавала его, кому угодно, и отъ этого времени, какъ диковинка, дошелъ до насъ единственный случай, что женщины съ мотовихинскаго завода въ Перми еще недавно каждый день являлись въ городъ съ молокомъ, зеленью *и съ пивомъ* (Мельн. От. Зап. XI, отд. VII, 42). Въ теченіе долгаго времени пиво доступно было народу и въ кабакахъ. Цѣна кабацкому пиву и меду назначалась, примѣняясь къ запаснымъ цѣнамъ. Въ 1674 году пиво въ варивѣ стоило 7 денегъ ведро, и въ продажѣ два алтына ведро. Пудъ меду покупали по рублю, изъ пуда выходило 7 ведеръ меду, ведро продавалось по 6 алтынъ по 4 деньги. Въ 1696 г. пиво по 4 алт., медъ по 8 алт., медъ вареный тоже по 8 алтынъ ведро. Въ 1696 году медъ красный 12 алт., бѣлый 8 алт., пиво 4 алт. ведро. Въ1701—1702 году въ Шуѣ пиво обходилось казнѣ по 9 денегъ, продавалось 3 алтына; медъ обходился по 4 алт. по 3 деньги, продавался по 9 алтынъ. Къ началу XVIII в. пивовареніе упадаетъ, и Петръ выписываетъ изъ Англіи пивоваровъ. Въ 1719 году, по торговому уставу, медъ вареный уже 36 коп., медъ бѣлый 24 коп., пиво 12 коп. ведро. Въ 1755 году, въ контрактахъ, цѣна пиву въ С.-Петербургѣ 20 коп., въ Москвѣ — 24 коп. медъ въ обѣихъ столицахъ по 40 коп. ведро. Въ 1751—1758 г.

дозволено было крестьянамъ варить пиво и браги для домашняго употребленія; но потомъ въ городахъ на пиво налагается пошлина въ 20 к. съ ведра. Въ Москвѣ откупщикъ Роговиковъ продаетъ пиво по 33 коп., медъ по 53 коп. ведро. Пиво, какъ мы сказали, было еще въ каждомъ домѣ, и въ 60-хъ годахъ этого столѣтія послѣ *помочи*, столь обычной у народа, въ кабакъ еще не ходили, а выставляли на дворѣ кадки съ пивомъ, въ кадкахъ были попущены ковши. (Лепех. Днев. Зап. I, 129). Въ 1770 году пошлины съ пива отдаются на откупъ, но въ слѣдующемъ году уничтожаются, за то съ 1795 года пивовареніе окончательно переходитъ во власть откупщиковъ и начинаетъ падать. Были уничтожены откупа, пивовареніе вдругъ поднялось, продажа водки упала; но съ возстановленіемъ откуповъ пиво и медъ, вмѣстѣ съ брагой и сусломъ платятъ акцизъ по 80 к. съ ведра, а медовый квасъ по 60 коп. Портерныя лавки платятъ откупщикамъ по 1000 р. въ годъ; съ крестьянъ же, за вариво пива, откупщики сбираютъ по 10 к. съ души. Въ 1807 году цѣна пиву и портеру по 19 коп., полпиву по 10 к. *за бутылку*, (въ ведрѣ $13^1/_2$ бутылокъ указной мѣры). Въ 1815—19 г. штофъ кабацкаго пива $22^1/_2$ к.; штофъ меда $37^1/_2$ коп., полпива узкая бутылка 15 коп. ассигнаціями. Въ 1844 году откупщики просятъ возвысить акцизъ на пиво, потому что продажа водки подрывается еще оставшимися пивоварами, которымъ они, откупщики, должны были платить большія суммы за то только, чтобъ пивоваренные заводы оставались безъ дѣйствія. Одинъ изъ откупщиковъ предлагаетъ увеличить число питейныхъ заведеній до одного на 490 жителей и наложить акцизъ на *дрожжи въ деревняхъ*. По проэкту Кокорева, утвержденному въ 1855 г., кромѣ возвышеннаго акциза, откупщикъ бралъ еще себѣ за право пивоваренія *по 5 рублей съ каждаго крестьянскаго дома*, и пивныя лавочки дозволены были только въ столицахъ. Въ

Москвѣ, въ два года, въ 1847 и 1848, закрылось 10 пивоваренныхъ заводовъ и 55 портерныхъ лавокъ, и въ 1848 году 19 губерній не знали другаго напитка, кромѣ сивухи. Въ 1835 году оплачивалось акцизомъ пива 2,081,053 ведра, а черезъ 20 лѣтъ только 927,525 ведеръ: 4% пошли на сивуху. Въ 1787 году, не смотря на откупъ пошлинъ съ пива, въ одной Москвѣ было 236 пивоварень. Въ 1821 г., въ великороссійскихъ губ. считалось 877 пивоваренныхъ заводовъ, и открыто было (во время казеннаго управленія) 876 портерныхъ лавокъ, вмѣсто 70, бывшихъ во время откупа. *По положенію* 1823 года о доходахъ и расходахъ Москвы, велѣно было думѣ «взимать по прежнему съ каждаго котла по 500 р. съ тѣмъ, чтобы дума не входила ни въ какіе учеты пивоваренію. Управленію питейными сборами вмѣнялось въ обязанность, чтобъ оно отнюдь не дозволяло пивоварамъ начинать варку пива, пока они не предъявятъ свидѣтельства, что слѣдующія съ нихъ за число котловъ деньги заплачены (Полож. М. 1823, ст. 19). Въ 30-хъ годахъ требовалось для Москвы пива до 2 милліоновъ ведръ; въ 1855 году, при высокомъ откупномъ акцизѣ, 484,600 ведръ пива, и 26,160 ведръ меда, а въ 1858 году только 300,000 ведръ пива. Заводовъ пивоваренныхъ въ 1859 г. въ Великороссіи было 248, въ западныхъ губерніяхъ, въ Малороссіи и Новороссіи—1092; но въ Сибири ужъ не было ни одного завода. Въ 1840 году пивоваренныхъ заводовъ въ Москвѣ—24, а въ 1863 году (при новой акцизной системѣ) 14 (емкостью посуды въ 6,517 ведръ), и въ 1865 г. — 10 заводовъ (емкостью въ 8,256 ведръ). Это окончательное паденіе пивоваренія совершилось по случаю высокаго акциза, наложеннаго на пиво; но кромѣ казеннаго акциза, въ столицахъ наложенъ былъ новый акцизъ со стороны городскихъ думъ. При концѣ откуповъ, число портерныхъ лавокъ въ Петербургѣ доходило до 400, а питейныхъ домовъ было

триста; со введеніемъ новой системы число портерныхъ лавокъ упало до 300, а число кабаковъ увеличилось неизмѣримо. Число пивоваренныхъ заводовъ уменьшилось по всей имперіи; въ Перми, еще недавно богатой пивовареніемъ, въ 1864 году не было *ни одного* пивоваренная завода, и тамошнее акцизное управленіе вызывало къ себѣ пивоваренныхъ заводчиковъ (Приб. къ Бирж. Вѣд. 1864 г., 13). Ошибку, къ счастію, скоро замѣтили, и акцизъ пониженъ былъ до 20 к. съ ведра; но пивовареніе все-таки не могло подняться. Петербургскіе заводчики 21 января 1864 года явились съ предложеніемъ сдѣлать торговлю пивомъ свободною, какъ въ Германіи, и говорили, что ничтожное пожертвованіе 20,000 патентнаго сбора въ Петербургѣ принесетъ всѣмъ сословіямъ большія выгоды и благодарность народа (Сѣв. Пчела, 1864, 50). Въ тоже время въ Твери собрались на съѣздъ акцизные чиновники и пивовары и постановили рѣшеніе, что для распространенія пива, *этого полезнаго для крестьянъ напитка*, нужно поощрить заводчиковъ (?), особенно мелкихъ помѣщиковъ, и *уничтожить* поэтому *право безъ-акцизнаго варенія пива въ деревняхъ, для домашняго употребленія*! (Приб. къ Бирж. Вѣд. 1864, 72). Высокій акцизъ на пиво принесъ казнѣ самую ничтожную прибыль, и вся сумма питейнаго сбора составилась, какъ и при откупахъ, отъ продажи одной лишь водки. При введеніи положенія о питейныхъ сборахъ предполагалось выбрать съ народа до 100,000,100 р., и въ томъ числѣ на долю акциза съ пива приходилось только 1,250,000 руб. Позволимъ здѣсь, какъ и въ началѣ нашего изслѣдованія, прибѣгнуть къ сравненію. Въ Англіи, въ 1863—64 г. подать съ солода составляла болѣе 38% всего питейнаго дохода; у насъ же доходъ съ пива составлялъ только 1% всего питейнаго сбора.... Пиво, издавна извѣстное всему индо-европейскому племени, въ текущемъ столѣтіи сдѣлалось господствующимъ народнымъ напиткомъ въ большей части европейскихъ

государствъ, и особенно тамъ, гдѣ не растетъ виноградъ, или гдѣ виноградныя вина дороги, и въ послѣднее время употребленіе его распространилось до того, что крѣпкіе спиртовые напитки, а мѣстами даже и виноградныя вина, болѣе и болѣе вытѣсняются пивомъ. «Въ тѣхъ странахъ, говоритъ Ваттъ, гдѣ народъ привыкъ къ пиву, какъ въ сѣверной, средней и невинодѣльной части южной Германіи, въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Голландіи, Бельгіи, сѣверной Франціи, Даніи, Норвегіи, Швеціи, и т. д., потребленіе пива значительно увеличилось и продолжаетъ постоянно возрастать. Между владѣльцами пивоваренныхъ заводовъ, продолжаетъ Ваттъ, я встрѣчалъ членовъ палатъ, депутатовъ, членовъ государственныхъ совѣтовъ, докторовъ философіи, ученыхъ, писателей и т. д. (Обзоръ разл. отр. промышл. т. II. Пивовареніе. А. Корсака). Перейдемъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Весь народъ, населяющій Штаты, пьетъ преимущественно *пиво*, и если выпьютъ водки, то сейчасъ же запиваютъ ее водою. Ни одинъ изъ гражданъ не знаетъ, что такое значитъ напиться водкою до пьяна, и только негры, да нищіе ирландцы упиваются водкой. Совершенно обратное происходитъ въ Россіи. Въ 1858 году въ таможенномъ германскомъ союзѣ потреблялось пива 3,42, въ Австріи 2,17, въ царствѣ Польскомъ 1,55, а во всей Россіи только 0,15 ведра, а теперь еще меньше,— а кабаки плодятся.... Около 1552 года, во всемъ московскомъ царствѣ, во всей русской землѣ, былъ только *одинъ кабакъ*, стоявшій въ Москвѣ, на Балчугѣ; въ концѣ XVII в., въ каждомъ городѣ было по одному *кружечному двору*; въ XIX столѣтіи кабаки распространяются по селамъ и деревнямъ. Въ 1852 году кабаковъ — 77,838; въ 1859 году — 87,388, и, наконецъ, послѣ 1863 года число ихъ, увеличившись, какъ мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ, примѣрно въ *шесть разъ*, перешло, за полмилліо-

она. *) — Такъ было на сѣверс-востокѣ. Переходимъ на югъ. Въ губерніяхъ привиллегированныхъ, въ число которыхъ входили и остзейскія, при акцизѣ 1 р. 15 к., пивовареніе освобождено было отъ налоговъ, и потому употребленіе пива было весьма распространено, и, какъ говорили, *вошло уже въ народныя привычки* (Труды ком., 421). Это важное обстоятельство было въ виду коммисіи и въ привиллегированныхъ губерніяхъ пивовареніе по прежнему осталось свободнымъ, а поэтому въ мѣстностяхъ, окружающихъ эти губерніи, осталось корчемство, и установлена даже была корчемная пошлина въ 20 к. съ ведра. (Приб. къ Бирж. Вѣд. 1864, 14). Вмѣстѣ съ этимъ въ юго-западныхъ губерніяхъ наложенъ былъ акцизъ на медъ, и медовареніе, какъ мы это видѣли, столь важное въ быту украинскаго народа, должно было прекратиться. Къ 1863 г. въ Могилевѣ остался только одинъ медоваренный заводъ, да и тотъ послѣ двухъ варовъ закрылся (Бирж. Вѣд. 1864, 43). Доселѣ въ Украйнѣ медъ былъ двухъ сортовъ, красный и бѣлый. Красный медъ приготовлялся домашнимъ порядкомъ, а не на заводахъ, и былъ однимъ изъ любимыхъ напитковъ народа, преимущественно женщинъ, и продавался по 25 коп. за ведро; бѣлый медъ варился исключительно въ городахъ и стоилъ отъ 60 к. до 1 р. сер. за ведро. Назначили акцизъ по 60 коп съ ведра, и производство меда прекратилось; сократили срокъ медоваренія, но пользы не было; уменьшили акцизъ до 50 к. съ ведра — тоже самое. Такимъ образомъ, съ одной стороны, казна не получила никакого дохода, а съ другой народъ лишился возможности пользоваться *медомъ*, *варенухой*, *воронкомъ*. Вмѣстѣ съ этимъ питейный налогъ въ Малороссіи и Новороссіи въ 1863 г. возвысился вдвое и втрое. Въ 1859 году этотъ на-

---

*) Бытъ и распространеніе кабаковъ должны были войти во II-й томъ *Исторіи Кабаковъ*.

логъ среднимъ числомъ составлялъ: въ Херсонской губ. 5 р. 1 коп.; въ Таврической 8 р. 33 к., въ Екатеринославской 3 р, 72 к., въ Кіевской 2 р. 16 к., въ Харьковской 2 р. 32 к., Черниговской 1 р. 75 к., Бесарабской 2 р. 3 к., Полтавской 1 р. 63 к. Подольской 1 р. 73 к., Волынской 1 р 64 к., Минской 1 р. 52 к., Гродненской 2 р. 41 к., Могилевской 1 р. 43 к., Витебской 1 р. 59 к., Виленской 1 р. 79 к., Ковенской 1 р. 12 к. Но въ 1863 году налогъ былъ вездѣ 4 р. 20 к., и все таки казна понесла потерю. Потребленіе спирта уменьшилось противъ 1862 года на 14%. — Мы уже знаемъ, что съ XVIII в. поляки сдѣлались настоящими владѣльцами крестьянъ и городовъ. Въ Польшѣ до послѣдняго времени сохранялись феодальные обычаи, и изъ 452 городовъ 238 принадлежали частнымъ лицамъ. Кромѣ разныхъ доходовъ съ имѣній, владѣтели ихъ пользовались еще правомъ *пропинаціи* (См. Голосъ 1866, 305). Это право поляки перенесли и въ Малороссію. Рядомъ узаконеній съ 1783 по 1846 годъ за помѣщиками привиллегированныхъ губерній было утверждено *пропинаціонное право*, т. е. право, однимъ имъ курить и продавать питья. Едва лишь приступлено было къ составленію новаго положенія объ акцизѣ, какъ тотчасъ же явились и ходатаи о сохраненіи за помѣщиками права пропинаціи. Отставной полковникъ *Злотницкій*, въ докладной запискѣ 8 марта 1861 года, ссылаясь на постановленія королей литовскихъ и польскихъ и государей: Екатерины, Павла, Александра, Николая, говорилъ: «въ западномъ краѣ находятся помѣстья, а особенно *мѣстечки*, какъ напримѣръ въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ: Бердичевъ, Бѣлая церковь, Тульчинъ, Немировъ, Острогъ, Дубно, и др., которыя по расположенію на большихъ дорогахъ, по́ средоточію большихъ оборотовъ, по населенію въ нихъ по большей части промышленниковъ, мастеровыхъ и разночинцевъ, и по отсутствію тѣмъ самымъ преобладанія хлѣбопашества, доставляютъ главную и, можно сказать, непосредствен-

ную отрасль дохода *изъ пропинаціи*, и не менѣе, какъ отъ 25 до 1,000,000 руб. ежегодно». «Это—продолжалъ онъ—*фактъ, неподлежащій никакому сомнѣнію*. Лишить собственниковъ подобныхъ помѣстій такого дохода, основаннаго на правахъ *родной наслѣдственной собственности*, значитъ убить ихъ матеріальное существованіе» (Труды. 615). О томъ же хлопотали *эксперты* (?) изъ привиллегированныхъ губерній и *предводители дворянства* губерній Виленской, Минской и Кіевской. Такими *экспертами* были: *Антонъ Злотницкій, графъ Эдуардъ Чапскій, Доминикъ Лаппа*. Не переставая доказывать, что казна и дворянство въ привиллегированныхъ губерніяхъ съ давнихъ временъ (мы видѣли, какіе это *давнія времена!*) пользуются пропинаціею, и просили дать имъ денегъ за уничтоженіе этого права. (Труды, 276—283). И вотъ, со введеніемъ новаго питейнаго устава, пропинація осталась по прежнему, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ желала бы польско-русская шляхта. Новый уставъ говорилъ: «въ губерніяхъ западныхъ (Кіевской, Подольской, Волынской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской, Могилевской) и въ Бесарабской области, въ тѣхъ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ право продажи питей принадлежало доселѣ исключительно ихъ владѣльцамъ, право сіе сохраняется за ними.» (Труды, стр. 281.) Въ слѣдствіе этого помѣщики начали вступать въ договоры съ крестьянами о сохраненіи за собою права пропинаціи на 11, 12, на 24, на 25, и даже на *сорокъ девять* лѣтъ (Приб. къ Бирж. Вѣд. 1864, 5). Около городовъ снова появилась стража, вооруженная желѣзными остроконечными палками, и начала дѣлать осмотры (ibi. 14). Но все это продолжалось не долго, и сначала у шляхты отнята была пропинація, а потомъ и столь дорогія имъ *мѣстечки*.

Мы видѣли выше, что жиды въ Украйнѣ, захвативъ въ свои руки всѣ корчмы, легли тяжелымъ камнемъ на народонаселеніе.

Когда Бѣлоруссія и Украйна присоединены были къ Московскому государству, Москва къ себѣ жидовъ не пускала (Ук. 1676), но въ Бѣлоруссіи и Украйнѣ позволяли имъ торговать и жить. По указу 1725 г. кабаки Смоленской губ. отданы были на откупъ жидамъ Борху и Лейбову, хотя черезъ два года велѣно было сдѣлать съ ними разсчетъ и выслать ихъ изъ Россіи. Въ 1727 г. запрещено отдавать жидамъ кабакціе сборы; въ 1739 г. послѣдовало общее по всей Малороссіи запрещеніе отдавать имъ корчмы. Запрещеніе это повторявшееся нѣсколько разъ, вошло и въ новое акцизное положеніе 1863 г., но потомъ было уничтожено. Мѣра очень почтенная; но интересны два обстоятельства, которыя открылись по этому поводу. Это во-первыхъ то, что украинскій народъ ни за что не рѣшается *торговать въ шинкахъ*, и во-вторыхъ, что дворянство отъ закрытія *шинковъ несетъ убытки.* По поводу запрещенія 1863 г., за жидовъ возстала все польско-русское дворянство Малороссіи (Бирж. Вѣд. 1863, 208, и др.). Чернскій предводитель дворянства, указывая на важное значеніе жидовъ для благосостояніи губерніи, ходатайствовалъ о допущеніи ихъ торговать въ шинкахъ, тѣмъ болѣе потому, говорилъ онъ, что *украинскій народъ отказывается брать въ аренду шинки*, и представлялъ на видъ, что *съ освобожденіемъ крестьянъ нѣкому будетъ содержать шинки* кромѣ жидовъ, а съ воспрещеніемъ этимъ послѣднимъ шинковать, шинки должны будутъ закрыться, и *тогда дворянство понесетъ убытки* (Бирж. Вѣд. 1863). Предложеніе это было принято, и жидамъ дозволено въ мѣстахъ ихъ осѣдлости заниматься питейной продажей повсемѣстно, на общемъ основаніи. Число шинковъ—говоритъ черниговское земское собраніе — возрасло въ страшной пропорціи, и конкуренція ихъ стало выражаться разбавленіемъ водки и примѣсью къ ней всякихъ вредныхъ вещей для крѣпости. *Малороссійскій*

сельскій шинокъ сдѣлался кабакомъ чарочныхъ откуповъ (Вѣстн. Евр. 1867, II, хрон. 30).

Значеніе новой системы уяснилось скоро. Когда приступали ко введенію ея, то въ бюджетѣ на 1863 г. валовой доходъ съ акциза опредѣленъ былъ въ 98 милліоновъ, вмѣсто 104 милліоновъ, которые давали откупа въ 1852 — 1862 г., т. е. новая система должна была, повидимому, оставить въ карманѣ народа до 6,000,000 руб. Уменьшеніе на 6 милліоновъ было предположено въ видахъ недобора казнѣ. Но въ дѣйствительности же оказалось, что требованія на вино превзошли ожиданія, и общій воловой итогъ собственно на 1863 годъ дошелъ до 113,577,066 руб., что превышало откупную сумму на 9 милліоновъ, а бюджетъ 1863 г. — на 15 милл. Чистаго дохода было получено 106,453,194 р. т. е. болѣе откупнаго на 2,321,477 р. или на 2,2%; и противъ бюджета больше чѣмъ на 1 милл., т. е. слишкомъ на 7%. Имѣя въ виду эти цифры, г. Корсакъ сталъ вычислять, сколько *въ карманѣ народа* осталось прибыли за первый годъ новой системы, и пришелъ къ слѣдующему результату: «у этого (т. е. у русскаго) народа — говорилъ онъ — сохранилось 16 милл. руб. сер., а можетъ быть и нѣсколько милліоновъ болѣе.» Но надъ этой политико-экономической игрой въ цифры подсмѣялась сама судьба, и, вмѣсто 6 милліоновъ, по ошибкѣ наборщика, было поставлено 66 милл.» (Приб. къ Бирж. Вѣд. 1864, 19). Составляя нашу лѣтопись, мы внесемъ въ нее и подлинныя слова г Корсака, который писалъ: «какъ бы ни усилилось потребленіе вина, но оно все-таки не могло усилиться въ такой степени, въ какой понизилась на вино. Это обстоятельство въ тоже время имѣетъ весьма важное *нравственное (!)* и экономическое значеніе: у народа сохранилось 66 милл. которые прежде шли на вино.» Г. Корсаку отвѣчали тоже на основаніи цифръ, что *народомъ издержано въ 1863 году болѣе чѣмъ на триста милліоновъ про-*

тивъ 1862 года (Библ. для чт. 1864, 10—10). Въ Тамбовской губ., сравнительно съ 1862 годомъ, въ 1863 году. выпито водки на 215% болѣе; въ Пензенской на 281%, въ Пермской на 171%, Саратовской 108%, Иркутской 151%, Орловской 150%, Якутской 151%, Ярославской 150%, Воронежской 127%, Рязанской и Тобольской на 119%, Тамбовской 116%, Казанской 115%, Московской и Вятской 111%, Симбирской 105%, Архангельской 90%, Нижегородской 98%, Петербургской 93%; въ пяти губерніяхъ на 72—79% въ четырехъ на 61—72%, въ Новгородской на 55%, въ Екатеринославской и Псковской на 49%, Олонецкой на 15%, и Тавряческой на 5%. Въ губерніяхъ великороссійскихъ въ 1862 г. выпито 7,218,191 ведро безводнаго алкоголя (или 191,54,450 ведръ полугара), а въ 1863 году 14,681,714 ведеръ алкоголя (или 39,636,089 ведръ полугара), т.е. на 101% болѣе. Въ 1863 г. вся Сибирь выпила 1,170,000 ведеръ алкоголя, вмѣсто 500,000 ведеръ, випитыхъ въ 1864 году, т. е. на 134% болѣе. Всеобщее пьянство обратило на себя вниманіе правительства, и 18 сентября 1864 года Высочайше утверждено было мнѣніе государственнаго совѣта о возвышеніи патентнаго сбора. Въ 1865 году была учреждена *коммисія для пересмотра правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками,* съ цѣлью ограниченія пьянства народа. Членъ этой коммисіи, кн. Васильчиковъ, по его собственнымъ словамъ, вынесъ изъ нея слѣдующее впечатлѣніе: «впечатлѣніе то, что коммисія эта была не серьезная: она открыла свои дѣйствія заявленіями и чтеніями записокъ, составленныхъ чиновниками питейно-акцизнаго управленія, въ коихъ оспаривался, отвергался самый фактъ распространенія пьянства, и всѣ жалобы на это печальное явленіе приписывались партіи прежнихъ откупщиковъ, и чиновники утверждали, что народъ пьетъ не болѣе, какъ и прежде» (Вѣстн. Евр. 1867, II, хроника 22). Коммисія эта пришла къ слѣ-

дующимъ мѣрамъ: 1) оптовая продажа питей допускается повсемѣстно *безъ всякаго разрѣшенія*. 2) Всѣ мѣста раздробительной продажи, въ томъ числѣ и на выносъ, *съ небольшими исключеніями*, въ городахъ могутъ быть открываемы не иначе, какъ съ разрѣшенія общества, владѣльцевъ земель (?), городскихъ учрежденій и другихъ вѣдомствъ. 3) Должно быть обращено *строгое вниманіе* на личность виноторговцевъ, отъ которыхъ требуется *полная благонадежность (?)*. 4) Патенты на питейную продажу выдавать только годовые, съ возвышеніемъ цѣны оныхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ коммисіи. 5) Увеличить установленное разстояніе питейныхъ заведеній отъ сельскихъ церквей, и ввести въ законодательство *нѣкоторыя другія учрежденія*, близь которыхъ не можетъ быть терпима продажа. 6) Опредѣлить ближе внѣшнее устройство питейныхъ заведеній, не допуская въ оныхъ никакой мебели, кромѣ половъ и стойки, и 7) Допустить въ питейныхъ заведеніяхъ продажу *извѣстнаго качества холодныхъ закусокъ* (Спб. Вѣд. 1865, 180)*). Наконецъ, однѣми изъ послѣднихъ мѣръ противъ пьянства были, во 1) Рѣшенія городскихъ думъ обложить питейныя заведенія новымъ акцизомъ въ пользу города, а с.-петербургская дума даже учредила особый *комитетъ для наблюденія* за кабаками. Во 2) мѣры, принятыя земскими собраніями многихъ губерній, но о результатахъ ихъ мѣропріятій мы ничего не знаемъ, исключая того, что они, подобно думамъ, хотѣли еще разъ обложить налогомъ патенты, *для увеличенія земскихъ сборовъ*. Правительство совершенно основательно сочло такое обложеніе излишнею роскошью, а земскія учрежденія на это отвѣчали, что «мѣра эта будетъ имѣть слѣдствіемъ то, что приходъ (земскихъ учрежденій) не

---

*) Въ московскихъ кабакахъ до сихъ поръ нѣтъ другихъ закусокъ, кромѣ маленькаго кусочка хлѣбца величиною въ семитку. Въ винныхъ погребахъ—вездѣ закуска.

покроетъ предположеннаго расхода, и земскія учрежденія принуждены будутъ *отказывать* правительству въ удовлетвореніи той или другой потребности (Вѣстн. Евр. II, VI, 18)......

Въ то же время мѣры противъ пьянства принималъ и самъ народъ. Еще въ 1864 году, на заводахъ нижнетагильскихъ, сѣверскомъ, верхнеисетскомъ, и ревнинскомъ, восемь сельскихъ обществъ открыли у себя *общественныя городскія питейныя заведенія,* въ которыхъ продажа должна была производиться на капиталъ общества и въ пользу его (Голосъ 1864, 10). Въ 1866 г., въ уфимскомъ уѣздѣ, на желѣзномъ заводѣ Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ также состоялся приговоръ не давать никому разрѣшенія на продажу напитковъ, и если не будетъ препятствія отъ акцизнаго управленія, то открыть три питейныя заведенія отъ имени общества. Устройство дѣла возложено было на собраніе выборныхъ (Голосъ 1866, 83). Такимъ образомъ сама жизнь пыталася еще разъ выработать себѣ *общественныя питейные дома*, въ которыхъ, нѣсколько вѣковъ назадъ, зародилась культура русскаго народа.

Раннимъ утромъ перваго января 1863 года открыла свои дѣйствія новая акцизная система, и дешевая водка, оставшаяся отъ откупа, окрещена была именемъ *дешевки*. Народъ былъ счастливъ, что дешева водка, столь для него необходимая, и собравшись предъ домомъ одного откупщика, пропѣлъ ему анаѳему, а своему государю возгласилъ *многолѣтіе* (Биржев. Вѣд. 1866, 13). Въ Шуѣ, на святкахъ кто-то ходилъ по трактирамъ, замаскировавшись *въ надгробдный памятникъ откупу*. Ходячій памятникъ представлялъ большой четырех-гранный столбъ, широкій снизу, узкій кверху, посторонамъ его были написаны приличныя эпитафіи, оплакивающія откупъ.—На все, что дѣлалось теперь передъ глазами народа, онъ отвѣчалъ своими лубочными картинами: *похороны откупа, или славный былъ покойникъ!— Дешевка забираетъ ловкоцо!—Пить до дна не видать добра*, и т. д. А общество

между тѣмъ кричало, что народъ спился, что непремѣнно сопьется.... Но и теперь, какъ и всегда прежде, далеко не весь народъ пьянствовалъ, а потому хлѣбъ сѣялся по прежнему, портной и сапожникъ по прежнему шили платье, и весь міръ шелъ своимъ порядкомъ.... Но дѣло въ томъ, что съ годами въ народѣ накопилась достаточная сумма надломленныхъ силъ, что у многихъ изъ народа появилось денегъ больше, чѣмъ прежде, а *дѣвать ихъ некуда*, какъ только пропить, и, съ другой стороны, оказалось много людей, или готовыхъ выпить, или убѣдившихся, *что легчи напиться, чѣмъ наѣсться*, и вотъ къ кабакамъ потянулась цѣлая вереница разнаго люда....

Да, шумно и пьяно!
Кабакъ — безъ изъяна!

Придутъ они въ кабакъ, выпьютъ, а закусить нечѣмъ, и закусятъ или ржавой селедкой, которая продается тутъ же, у самаго входа въ кабакъ, или, вмѣсто закуски, выпьютъ еще разъ, во всякомъ случаѣ выпьютъ довольно. А въ такой странѣ, гдѣ ни въ одномъ простомъ трактирѣ не найдешъ другаго чаю, кромѣ *подкрашеннаго*, водка не хороша; по воскресеньямъ и праздникамъ еще хуже, такъ что сдѣлалось правиломъ *по воскресеньямъ водки въ кабакахъ не покупать*. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ намъ хорошо извѣстно, водка попадалась съ дурманомъ. Даже биржевыя вѣдомости заявляли, что «нѣкоторыя личности разносятъ по кабакамъ какія-то разнообразныя примѣси... (Биржж. В. 1865, 55). Между тѣмъ, по случаю земскихъ и другихъ учрежденій, вновь вводимыхъ, то и дѣло сзывали народъ на сходки, а сходки около кабаковъ: соберется народъ, потолкуютъ и выпьютъ а когда нѣтъ денегъ, то придумаютъ штрафъ какой-нибудь, съ мужика или съ бабы. Послѣдствіемъ всего этого было увеличеніе числа умершихъ *отъ употребленія вина и опившихся до смерти*. Въ 1842 г. умерло отъ употребленія напитковъ, или, по вы-

раженію одного отчета, *захлѣбнулось виномъ*, 939 человѣкъ; больше всего въ Москвѣ, и ни одного въ Астрахани (Приб. къ Моск. Губ. Вѣд. 1842, 412). По исчисленію Заблоцкаго, опившихся въ 1842—1852 годахъ считалось въ 55 губерніяхъ 7,562 челевѣка, больше всего въ Москвѣ, и *меньше всего въ Малороссіи*, гдѣ водка была лучше, и дешевле, и не было кабака. По свѣденіямъ за позднѣйшіе года оказывается, что умершихъ отъ пьянства въ 1855 году было 1423 человѣкъ (по отч. М. Вн. Д. гораздо больше), въ 1856 году 1535 человѣкъ, въ 1857 г. 1713 человѣкъ, въ 1858 году 1774 человѣка, въ 1859 году 1713 человѣкъ (Бирж. Вѣд. 1863, 25). Опившихся въ 1863 году и счесть трудно. Въ Костромѣ, на пространствѣ 1842—53 годовъ, опившихся было больше всего въ 1850 году, именно 37 человѣкъ. Затѣмъ были года, какъ напримѣръ 1852, когда опившихся было только семь, въ 1853 г. восемь; но въ 1863 году число ихъ дошло до *ста семидесяти девяти* (Костр. Г.Вѣд. 1864). По отчетамъ самарскаго статистическаго комитета, опившихся въ Самарѣ въ 1862 году было 48 человѣкъ, а въ 1863 г. *сто девяносто два* человѣка. Въ Тверской губ. опившихся въ 1860 году 35 человѣкъ, въ 1862 г. 48 человѣкъ, а въ 1863 году *сто двадцать пять* человѣкъ, въ 1864 г. *сто тридцать два* человѣка; мертвыхъ тѣлъ найдено въ 1863 г. *сто пятдесятъ восемь*, въ 1869 г. *двѣсти четыре* (Самар. Губ. Вѣд. 1865). Опившихся въ Вяткѣ въ 1863 году мужчинъ *двѣсти пять*, женщинъ *двадцать*, всего *двѣсти восемьдесятъ пять* человѣкъ. Изъ нихъ государственныхъ крестьянъ 216, женщинъ 5, удѣльныхъ мущинъ 11, женщ. 1, временно-обязанныхъ, мущ. 7, солдатъ и солдатокъ муж. 12, женщ. 3; мѣщанъ—мужчинъ 9, женщинъ 2, заводскихъ рабочихъ, мужч. 4, чиновниковъ 3, духовнаго званія 3. Въ Рязанской губ. число умиравшихъ отъ пьянства въ 1854 г. 17 чел. въ 1855 году 24 человѣка, въ 1856 году 26 человѣкъ,

въ 1857 году 28 человѣка, въ 1858 году 32 человѣка, въ 1859 году 23 человѣка, въ 1863 году 29 человѣкъ, въ 1861 году 45 человѣкъ, въ 1862 году 48 человѣкъ, въ 1863 году *девяносто восемь*, и въ 1864 года *сто семнадцать*, т. е. въ послѣдній годъ умерло столько же сколько въ первые пять лѣтъ (Вѣст. Евр. 1867, II, хрон. 29). По свѣдѣніямъ Сѣверной почты о происшествіяхъ только за первую половину 1863 года, число жертвъ преждевременной смерти было 7155 чел. и въ томъ числѣ отъ пьянства ежедневно умирало *семь человѣкъ*. Въ Курляндіи (гдѣ свободное пивовареніе) и въ Украйнѣ (въ губ. Полтавской, Екатеринославской, и въ Бессарабской области) *умершихъ отъ пьянства не было*. Въ Москвѣ, по отчету оберъ-полиціймейстера за 1842 г., взято за пьянство мужчинъ 6405, женщинъ 1319, всего 7224 человѣкъ, по отчету же за 1863 годъ: мужчинъ 10,000, женщинъ 2128, всего 21,794 чел. Сколько изъ нихъ и изъ массы тѣхъ, слухъ о которыхъ не достигъ до полиціи, умерло отъ пьянства,—не извѣстно; но, судя по ежедневнымъ извѣстіямъ въ московскихъ полицейскихъ вѣдомостяхъ о людяхъ, явно умершихъ отъ пьянства,—число ихъ страшно велико.

КОНЕЦЪ.

CANCELLED
WIDENER
BOOK DUE
JUL 3 - 1986
JUN 11 1986
WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
JUL 8 - 1986
WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
WIDENER
MAY 27 1993
BOOK DUE
FEB 09 1999
BOOK DUE